

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1969

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. В. Виноградов (Москва). О новых исследованиях по истории русского литературного языка	3
С. т. Стойков (София). Состояние и задачи болгарской диалектологии	19

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. Н. Чекман (Минск). К развитию особенностей белорусского консонантизма	29
А. И. Домашнев (Ленинград). О некоторых чертах национального варианта литературного языка	38
М. М. Копыленко (Алма-Ата). Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа <i>дать совет</i> в славянских языках	46
Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец (Самарканд). Совмещенная омонимия в сфере фразеологии	54
А. Л. Жовтис (Алма-Ата). О способах рифмования в русской поэзии	64

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Виноградов, А. С. Черниченко (Москва). Фоно-морфология именных классов в ганда (луганда)	76
Е. А. Крейнович (Ленинград). Об изучении языка смыских кетов	84

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

А. Мартине (Париж). Нейтрализация и синкретизм	96
--	----

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. В. Гладкий (Новосибирск). К определению понятий падежа и рода существительного	110
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

А. М. Рот (Ужгород). Этимологические исследования венгерского языка	124
К. Е. Майтинская (Москва). Два исследования по истории лексики венгерского языка	139
Ю. Д. Дешериев (Москва), Г. Гамбашидзе (Тбилиси). Толковый словарь грузинского языка и его научное и практическое значение	135
К. Ничева (София). «Фразеологический словарь русского языка»	143
Л. И. Ройзензон, К. М. Гюлумянц (Самарканд). <i>St. Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego</i>	148
С. В. Хушенова (Душанбе). «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)»	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Ц. Пюрбеев (Москва). Развитие языкознания в Калмыкии	157
Хроникальные заметки	161

РЕ Д К О Л Л Е Г И Я:

О. С. Азманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
 В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), Э. А. Макаев, М. В. Панов,
 В. З. Панфулов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский, А. А. Серебrenников,
 Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции) О. Н. Трубачев

Адрес редакции, Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

В. В. ВИНОГРАДОВ

О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. По мере распространения русского языка в современном мире растет и интерес к его истории. Среди исторических исследований в области русского языкознания особенно большое внимание уделяется вопросу о роли древнеславянского или церковнославянского языка в истории русского литературного языка. Истоки этого церковнославянского или древнеславянского языка восходят к «классическому» старославянскому языку, который в IX—XI вв. был общим литературно-письменным языком всего славянства, т. е. всех славянских народов — южных, восточных и западных. Речевая культура западославянских народов обособилась от церковнославянской языковой традиции, однако эта традиция продолжала развиваться у южных и восточных славян на их народной почве в разных странах со специфическими особенностями вплоть до нового времени. Это позволяет изучать древнеславянский язык как «общий литературный язык южных и восточных славян» (работы Р. Пиккио, Н. И. Толстого, А. Достала, Й. Курца и др.)¹.

Особенно велико значение церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. Несмотря на то, что этому вопросу были посвящены труды таких замечательных русских славистов, как А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский и др., он еще очень далек от окончательного решения.

На VI Международном съезде славистов этому вопросу были посвящены доклады проф. Б. О. Унбегауна и проф. Г. Хюттль-Ворт.

Б. О. Унбегаун в своих последних статьях «Кирилло-Методиевское наследие в России»² и «Русского ли происхождения русский литературный язык?», а также в докладе на VI Международном съезде славистов в Праге «Язык русской литературы и проблемы его развития» стремится обосновать «непрерывное развитие, без какого бы то ни было разрыва, русского литературного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося»³. С первого взгляда может показаться, что здесь нет никаких расхождений со взглядами А. А. Шахматова на происхождение и развитие русского литературного языка (особенно ясно и детально изложенными им в «Очерке современного русского литературного языка», литогр. изд., Спб., 1911—1912 и во «Введении в курс истории русского языка», Пг., 1916). Но у А. А. Шахматова в

¹ См.: Н. И. Толстой, К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян, ВЯ, 1961, 1.

² B. O. U n b e g a u n, L'héritage cyrillo-méthodien en Russie, «Cyrillo-Methodiana: zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 863 — 1963», Köln — Graz, 1964; е г о ж е, Le russe littéraire, est-il d'origine russe?, RESL, 44, 1965.

³ «VI-e Congrès international des slavistes. Communications de la délégation française et de la délégation suisse», Paris, 1968, стр. 129 (далее стр. доклада указываются в тексте).

его суждениях о роли церковнославянского языка в истории древнерусской письменности и литературы были некоторые колебания. Они отчасти были связаны с неопределенностью самого термина «литературный язык» по отношению к культуре древней Руси.

В первой обобщающей статье А. А. Шахматова по истории русского языка признается наличие в древней Руси двух письменных языков. «... родоначальником письменного русского языка следует признать церковнославянский, который, вместе с духовенством и священными книгами, был перенесен к нам из Болгарии. Но под инославянской оболочкой рано начал пробиваться живой язык народа... В скором времени русский язык получил доступ и в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли письменность: летописи, исторические сказания и юридические акты пишутся языком, близким к живой речи и только в подборе слов и синтаксических оборотов обличающим свою зависимость от церковной письменности»⁴.

Позднее А. А. Шахматов уже утверждает, что «... самый язык образованных классов древней Руси был по происхождению своему языком церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот:—русского живого речь, подвергнувшись церковному влиянию»⁵.

А. А. Шахматов теперь склонен думать, что и государственно-деловая древнерусская письменность, восходящая к началу X в., «как видно из Олегова договора 911 года, ... велась на древнеболгарском языке»⁶. Но уже в XI в. происходило «преобразование древнеболгарского языка, ... превращение его в русский литературный язык»⁷. Таким образом, у Шахматова термины «письменный язык» и «литературный язык» по отношению к XI—XIII вв. употребляются без точного и глубокого различия. Современный русский литературный язык рассматривается Шахматовым как «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье»⁸. Правда, в конце XIV в. усилились волны церковнославянизмов в древнерусском литературном языке, в который до этого периода, периода так называемого «второго южнославянского влияния», была открыта «широкая дверь для живых народных элементов». В XV—XVI вв. архаизируется грамматический строй, распространяются сербизмы и болгаризмы; расширяется и изменяется церковнославянская лексика. «Церковный пуризм должен чувствовать себя удовлетворенным: над народной стихией и над светским литературным языком одержана великая победа; церковный язык не смешался с языком подъячего съезжей избы, пишущего грамоты, совершающего сделки на простонародном грубом языке»⁹. Любопытно, что здесь по отношению к эпохе с конца XIV в. А. А. Шахматов применяет термин «светский литературный язык», не определяя точно его содержание. В последующее время, со второй половины XVII в., по Шахматову, «основное движение русского литературно-

⁴ А. [А.] Шахматов, Русский язык, «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, XXVIII, СПб., 1899, стр. 579—580.

⁵ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, 2-е [литограф.] изд., СПб., 1910—1911, стр. 199—200.

⁶ А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пг., 1916, стр. 81.

⁷ А. А. Шахматов, Русский язык, его особенности..., в кн.: «Очерк современного русского литературного языка», 4-е изд., М., 1941, стр. 236.

⁸ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 60, 62. Ср.: его же, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. XXXIX; его же, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 206.

⁹ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 206.

языкового развития сводилось к все большему и больше расширению и углублению народных потоков и стихий» в составе национально-литературной речи, хотя Шахматов не отрицал и важности иностранных заимствований (особенно из западноевропейских языков) в связи с европеизацией быта, техники и культуры, с успехами научной и политической мысли.

«Таким образом, в истории русского литературного языка, согласно общей Шахматовской несколько прямолинейной схеме его развития, наиболее глубоко и разносторонне выступали две основные жизненные силы: болгарская книжная основа и ее прогрессивно развивающаяся и преобразующая могучая русская народно-речевая стихия»¹⁰. Что касается современного русского языка, то он, по убеждению Шахматова, «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи»¹¹. В «Очерке современного русского литературного языка» А. А. Шахматов высказывает ту же мысль, касаясь лишь словарного состава современного русского языка: «... в словарном своем составе он по крайней мере наполовину, если не больше, остался церковнославянским»¹².

Подробное изложение взглядов А. А. Шахматова на роль церковнославянского языка в истории языка русской письменности и литературы необходимо здесь потому, что Б. О. Унбегаун, опираясь только на шахматовский «Очерк современного русского литературного языка» (Л., 1925), не только упрощает, но и изменяет идеи Шахматова.

В этой связи целесообразно отметить еще некоторые противоречия и осложнения в системе Шахматова, относящиеся к функциям церковнославянского языка в русской литературной традиции.

По Шахматову, договоры с греками в X в. переводились на древнеболгарский (древнемакедонский) язык, но в «Русской правде» отразился живой язык дописьменной государственно-деловой традиции, язык обычного права, лишь закрепленный кодификацией на письме. Владимир Мономах писал свое Поучение на церковнославянском языке, но в летописях, особенно новгородских, слышится живая устная речь: «... в XIII в. имеем ряд грамот, где с трудом отыскивается редкий болгаризм, где речь совершенно народная...»¹³. С одной стороны, развивается двуязычие и дифференциация между письменностью светской и духовной¹⁴, а с другой стороны, уже в XI в. русские люди обращаются с церковнославянским языком как со своим достоянием, как с «собственностью всенародной»¹⁵.

В «Курсе истории русского языка» А. А. Шахматов говорит даже о раздвоении жизненного пути самого церковнославянского языка, в зависимости от его церковно-учительного или светского гражданского употребления, уже с XI в. «Конечно, оба жизненные пути, открывшиеся для церковного языка, разойдутся в разные стороны не скоро; они в начале связаны между собой теснейшим образом, их связывают и общие деятели — в светской письменности работают все те же монахи, попы и дьяки, как в письменности церковной, и общее направление: светский памятник не может еще отказаться от церковного учительства: не только язык, но и мысли его отражают тот круг, где постоянным чтением служит священное

¹⁰ В. В. Виноградов, История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, «Филологический преглед», 3—4, 1964.

¹¹ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. XXXIX.

¹² А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 90.

¹³ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. I, стр. 201.

¹⁴ Там же, стр. 194—195.

¹⁵ Там же, стр. 198.

писание и труды учителей церкви, где ум не может отрешиться от заполнившей его религиозной идеи. Лишь спустя долгое время наступает заметная и отчетливая дифференциация между письменностью церковной и гражданской, светской и духовной»¹⁶.

Б. О. Унбегаун, очевидно, счел излишним обращение ко всей совокупности работ Шахматова по истории русского языка и по истории соотношений и взаимодействий русского и церковнославянского языков в разные периоды этой истории. Отсюда и такое глубоко ошибочное его заявление: «Шахматов не пошел дальше провозглашения принципа происхождения русского литературного языка из церковнославянского» (стр. 130). И дальше, ограничиваясь своим единственным источником для изучения шахматовской концепции, а именно «Очерком современного русского литературного языка», Б. О. Унбегаун пишет: «В дальнейшем, в той же книге он (Шахматов. — В. В.) уже не говорит о церковнославянской основе, а лишь о церковнославянских элементах литературного языка, как если бы эти элементы наслаивались на какую-то другую, по-видимому, русскую основу литературного языка. Впечатление наслоенности и неорганичности церковнославянской стихии в литературном языке усиливается у Шахматова еще тем, что он рассматривает лишь явные церковнославянские слова, т. е. такие, которые отличаются от соответствующих им русских слов характерными фонетическими и морфологическими признаками. Он совершенно не касается вопроса об огромном слое словаря, состоящем из слов общих русскому и церковнославянскому языкам, тех „словенороссийских речений“, которым Ломоносов придавал решающее значение в структуре словаря русского литературного языка» (там же). Но в этих полемических выпадах почти все основано на недоразумении. О словаре и его частях — как народно-русских, так и церковнославянских, Шахматов не писал в этом «Очерке», так как в нем излагались вслед за общим историческим введением лишь фонетика и морфология современного русского языка. Самый термин «церковнославянские элементы» по отношению к описательному очерку фонетики и морфологии современного русского языка (включая сюда некоторые указания на словообразование) не мог никого шокировать и вызвать такое истолкование, которое предложено ему Б. О. Унбегауном. Дело в том, что еще в 1893 г. вышло в свет исследование С. К. Булича «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (ч. I, СПб., 1893). А. И. Соболевский в рецензии на этот труд писал: «Судьбы церковнославянского языка в России и церковнославянские элементы в современном русском языке заслуживают внимания ученого исследователя в разных отношениях»¹⁷. Тут различаются, с одной стороны, «судьбы церковнославянского языка в России» и, с другой, «церковнославянские элементы в современном русском языке».

Б. О. Унбегаун не отрицает «постепенной русификации» церковнославянского языка, протекавшей неравномерно в разных частях языка. По его мнению, меньше всего эта русификация затронула синтаксис, подвергшийся в XVIII в. другим, не русским влияниям (польскому, латинскому, немецкому, французскому). «Словарный состав русифицировался очень медленно и, что самое главное, лишь частично». И далее в формулировке Б. О. Унбегауна возникает оригинальное отклонение от шахматовской концепции. «В своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославянского словообразования. Такие новые слова как

¹⁶ Там же, стр. 194—195.

¹⁷ ЖМНП, ч. 293, 1894, май, стр. 215.

здравоохранение, соцсореснование, истребитель, хладотелника и многие другие, не являются, как принято думать, заимствованными в русском литературном языке из чуждой ему церковнославянской стихии, а просто доказывают, что церковнославянский по происхождению русский литературный язык продолжает существовать и развиваться как каждый живой язык, по своим собственным законам» (стр. 129).

Нельзя не видеть элементов механицизма и антиисторизма в этом рассуждении. Церковнославянский словарь, оторванный от национальной или интернациональной жизни и от народной русской стихии, которая охватывает его со всех сторон — и семантической, и словообразовательной, и грамматической, по мнению Б. О. Унбегауна, продолжает в современной русской речи (так же как в XVII—XVIII и XIX—XX вв.) сохранять свои внутренние законы развития, подавляя проявления народно-русского речевого творчества.

Б. О. Унбегаун полагает, что в русском языке всякое образование, характеризуемое церковнославянским суффиксом, какова бы ни была база, к которой присоединен этот суффикс, должно рассматриваться как церковнославянизм; церковнославянским здесь является самый процесс словопроизводства (так же, как и словосложения). Получается, что в современном русском языке создано несметное число церковнославянизмов, и среди них, например, технические специальные термины (типа *хладотелника, вратарь*)¹⁸.

Близко к этой точке зрения подходил Г. О. Винокур, относивший к славянизмам современного русского языка причастия *телефонирующий* и *транслирующий*¹⁹. Это, конечно, антиисторично и противоречит семантическим фактам языка.

По мнению Б. О. Унбегауна, «если принять тезис о непрерывном развитии русского литературного языка, скажем от „Сказания о Борисе и Глебе“ до автобиографии Паустовского, то слова этого общего „словенороссийского“ слоя (общие русскому и церковнославянскому языку. — В. В.) придется неизбежно признать по существу церковнославянскими, но также и русскими, а не русскими, но также и церковнославянскими, как это, по-видимому, молчаливо принимается в наше время». Б. О. Унбегаун осуждает русских исследователей за то, что их «интерес сосредоточивается почти исключительно на словах явно церковнославянских и явно русских. Между тем именно этот общий слой и сделал возможным конечное торжество церковнославянского как литературного языка России» (стр. 130).

Б. О. Унбегаун оставил без внимания тот факт, что у нас велась и ведется исследования разных соотношений и взаимодействий славянизмов и русизмов в области литературной лексики (ср. работы Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др.). Это в первую очередь процессы скрещения омонимических славянизмов и русизмов с последующей дифференциацией значений, противопоставления и омонимического отталкивания славянизмов и русизмов и т. п.

Процессы взаимодействия церковнославянской и народно-русской лексики в разных жанрах древнерусской литературы были разнонаправленными и не всегда сводились к проникновению русских слов в исконно церковнославянский язык — иногда, наоборот, они вели к расширению применения церковнославянизмов в памятниках русского типа. Достаточно сослаться на язык разных видов сатирических произведений XVII в., изданных В. П. Адриановой-Перетц. Кроме того, взаимодействие церковнославянизмов и русизмов двигалось по разным направле-

¹⁸ В. О. U n b e g a u n, Le russe littéraire, est-il d'origine russe?, стр. 24.

¹⁹ Г. О. В и н о к у р, О славянизмах в современном русском литературном языке, «Избр. работы по русскому языку». М., 1959, стр. 443.

ниям в донациональный период, когда преобладало воздействие церковнославянизмов, и в период формирования нации, когда волны разноречивой народной русской речи хлынули в язык литературы. Поэтому необходимо в этом смысле видоизменить и дополнить выдвинутое Б. О. Унбегауном предложение: «вопрос о проникновении русских слов в исконно церковнославянский литературный язык должен стать насущным вопросом истории словарного состава литературного языка. Надо сказать, что изучение этого вопроса практически еще не начиналось» (стр. 131). Но по отношению к таким, например, памятникам, как I Новгородская летопись, вопрос повертывается в другую сторону, если иметь в виду, что было два языка или два типа литературного языка в древней Руси.

Из других вопросов, выдвинутых Б. О. Унбегауном и своеобразно, хотя и несколько прямолинейно и схематически решаемых им, остановимся на вопросе о разговорном языке и его истории. По мнению Б. О. Унбегауна, «приблизительно до середины XVIII в. он полностью продолжал традицию Московской Руси. Это был в основе своей крестьянский язык с заметными географическими, но очень незначительными социальными различиями. Из него в литературу хлынули слова скорее диалектного типа, которые так характерны для русской литературы первой половины XVIII в., особенно 30-х и 40-х годов. Большое количество этих диалектных слов было впоследствии вытеснено церковнославянской традицией литературного языка». «... этот традиционный разговорный язык часто использовался авторами как язык персонажей комедии, и, следовательно, мог иметь жанровые функции» (стр. 131—132).

«Отношение разговорной речи и литературного языка постоянно менялось в XVIII в. ... Старый, до-петровский разговорный язык употреблялся почти в полной мере до середины XVIII в. Но во второй половине века область его применения начинает суживаться. Действительно, этот примитивный и в значительной степени диалектный язык не мог больше удовлетворять верхний слой образованного общества, способного уже ценить выработанный и изощренный литературный язык, выросший на церковнославянской основе».

«Перед верхним слоем столичного общества стоял, по-видимому, выбор между традиционным разговорным языком и языком французским. ... выбор пал на французский язык... Совершенно естественно, что в такой комбинации исторически нейтральный, традиционный разговорный язык приобрел печать просторечья» (стр. 132).

В этих схематических рассуждениях много неясного. Процесс превращения старинного «крестьянского» языка в просторечие неясен и непонятен.

«Во второй половине XVIII в. наметилась новая тенденция в разговорном языке образованного общества... К концу XVIII в. русское образованное общество начало пользоваться литературным языком как языком разговорным» (стр. 132—133). Ведь французский разговорный язык не мог укрепиться во всех слоях этого общества. «Это была новая победа церковнославянской стихии, не менее важная для дела дальнейшего развития литературного языка, чем сохранение этим последним церковнославянских традиций в Петровскую эпоху» (стр. 133).

Традиционный разговорный язык был отнесен на культурную периферию. «Тем самым было в большой степени стерто различие между просторечием и диалектами. Это лишило диалекты всякого непосредственного влияния на литературный язык; такое влияние, чтобы укрепиться в литературном языке, должно было сначала пройти сквозь его разговорный, но все же церковнославянский, вариант» (стр. 133). Таким образом, по схеме Б. О. Унбегауна, церковнославянским языком, вытеснившим

родную русскую речь из литературно-книжного и из разговорного общественного обихода, всюду были расставлены рогаки для борьбы с народным русским языком на пути его движения в литературный язык. «Попытки некоторых русских писателей, начиная с Даля и кончая Солженицыным, обогатить литературный язык за счет диалектов не могли не кончиться неудачей. Отдельные немногочисленные заимствования не идут в счет» (стр. 133).

Б. О. Унбегаун считает, что такой путь развития русского литературного языка способствовал его процветанию. «Литературное происхождение разговорного языка значительно облегчило ему заимствования из культурных языков Запада, в первую очередь из того самого французского, бывшего его предшественником в разговорной практике русского общества» (стр. 133). По мнению Б. О. Унбегауна, культурные термины западноевропейских языков, при своей абстрактности, «лучше и естественнее укладывались в словарную структуру церковнославянского языка, чем в структуру русского» (там же). Но это решительное и ничем не обоснованное заявление противоречит тому бурному процессу движения исконно русской народной лексики — медицинской, естественно-научной, сельскохозяйственной и другой — в научную терминологию, который наблюдается у нас еще с XVIII в.

«Литературное (т. е. по Б. О. Унбегауну, церковнославянское. — В. В.) происхождение русского разговорного языка спасло русскую литературу от бесплодных конфликтов между языком письменным и языком разговорным, конфликтов, столь тормозящих, например, литературное развитие в Сербии, Болгарии и особенно Греции. Спасло оно русскую литературу и от множественности „литературных диалектов“, столь характерных, например, для немецкой (Literaturdialekte) и, в еще большей степени, для сербо-хорватской языковой области. Это единственное в своем роде развитие дает русскому литературному языку завидную монолитность по сравнению с другими славянскими и многими неславянскими языками (стр. 133—134).

Итак, «завидная монолитность» русского литературного языка, по предположению и предложению Б. О. Унбегауна, обусловлена тем, что он свободен от глубоких связей с русской народно-речевой почвой и всеми «сокровищами родного слова» обязан языку церковнославянскому.

По докладу Б. О. Унбегауна в целом можно сказать следующее (эти замечания были высказаны мною на Пражском съезде славистов).

Предлагаемая Б. О. Унбегауном концепция истории русского литературного языка не соответствует реальным историческим процессам развития русского литературного языка. Во-первых, непонятно, почему старославянский язык, бывший в IX—XI вв. международным литературным языком всего славянства, только в России остался на все время существования и развития русского государства и превратился в национальный литературный язык русского народа. Во-вторых, еще более странно отрицание участия народной русской речи с ее диалектными разветвлениями в формировании языка русской нации (вопреки свидетельствам истории русской культуры и величайших русских писателей и создателей русской художественной речи: Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Л. Толстого, Тургенева, Достоевского и мн. др.) В-третьих, возникновение древнерусского литературного языка в X—XI вв. нельзя представлять как процесс заполнения пустого места чужим церковнославянским языком. Процесс формирования, складывания древнерусского литературного языка определялся взаимодействием и синтезированием четырех (правда, неравноправных) элементов: 1) старославянского (или церковнославянского) языка; 2) деловой, государственно-правовой и дипломатической речи,

развивавшейся еще в дописьменную эпоху; 3) языка фольклора и 4) народно-диалектных элементов. Роль конденсатора и грамматико-семантического регулятора сначала принадлежала церковнославянскому языку. Реальный состав сплава или смешения всех этих элементов зависел от жарга письменности и литературы. Изучение дальнейшего развития русского литературного языка должно быть направлено в сторону открытия закономерностей и правил взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания русизмов и церковнославянизмов со все более и более усиливающимся влиянием народных русских элементов.

2. К работам Б. О. Унбегауна по русско-церковнославянским языковым связям и отношениям частично тематически примыкает доклад профессора калифорнийского университета Г. Хюттль-Ворт «Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. К историческому анализу и классификации славянизмов»²⁰. Доклад начинается словами: «Мы находимся в начале нового этапа исследования истории русского литературного языка, а следовательно, и рассмотрения основной ее проблемы — вековых отношений церковнославянского и русского языков. В ближайшие годы — самое позднее, в ближайшие десять — двадцать лет — мы будем располагать не выданной до сих пор массой конкретной информации о словарном запасе русского и церковнославянского языков разных эпох. Этот фактический материал разными путями собирается и подвергается разностороннему анализу как на Востоке, так и на Западе» (стр. 1). Напоминая, что в разных славянских странах подготавливаются большие исторические словари (особенно в Праге — «Словарь старославянского языка»; в Загребе идут завершительные работы над расписываемым глаголических памятников; существует проект сводного словаря всех церковнославянских редакций²¹), Г. Хюттль-Ворт пишет: «Вследствие этого, теоретические рассуждения о лексическом расщеплении церковнославянского, равно как и русского языков смогут быть заменены конкретной исследовательской работой, ведущей к выделению лексических слоев также в хронологическом плане» (стр. 2). На этой базе, полагает Г. Хюттль-Ворт, могут быть собраны надежные материалы для разрешения двух центральных проблем истории русского литературного языка: 1) о его происхождении и 2) о количестве и роли церковнославянских элементов в русском языке разных эпох²². Для исторического исследования окажется полезным и морфемный словарь русского языка, составляемый под руководством проф. Д. С. Ворта в Калифорнии и содержащий 110 000 слов²³.

«Первой предпосылкой дальнейшей плодотворной работы над вопросом соотношения русского и церковнославянского языков является выяснение и разграничение употребляемых понятий и терминов», — пишет Г. Хюттль-Ворт (стр. 3). Особенно труден и запутан вопрос о новообразованиях русского языка, содержащих морфемы церковнославянского происхождения (типа *будущность, современность, общественность* и т. п.).

²⁰ «American contributions to the VI International congress of slavists», The Hague, 1968 (указания на стр. доклада даются в тексте).

²¹ См.: «Slovník jazyka staroslověnského», I, Praha, 1968; А. Назор, О словаре хорватско-глаголической редакции общеславянского литературного (церковнославянского) языка, ВЯ, 1966, 5; В. Ф. Мареш, Проект подготовки словаря церковнославянского языка, там же.

²² О подготовительных работах по словарю древнерусского языка см.: В. В. Виноградов, Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры, ВЯ, 1968, 1.

²³ D. S. Worth, A. C. Kozak, D. B. Johnson, Materials for the study of Russian morphology.

Отвергая взгляд на русские новообразования типа *вратарь* и т. п. как на церковнославянизмы (этот взгляд был высказан Б. О. Унбегауном и отчасти разделялся Г. О. Винокуром), поскольку в нем «не учитываются исторические и семантические факты языка» (стр. 4), Г. Хюттль-Ворт призывает славистов присоединиться к моему выводу: «Как уже предлагалось В. В. Виноградовым, при исследовании церковнославянских элементов в русском языке следует исходить из морфемы, а не из лексической единицы. В. В. Виноградов занимает, таким образом, прямо противоположную позицию по сравнению с Б. О. Унбегауном, считая, что русские новообразования из церковнославянских морфем вообще не нужно считать церковнославянизмами» (стр. 4—5)²⁴.

После этого Г. Хюттль-Ворт пишет: «Далее В. В. Виноградов намечает следующую важную проблему: церковнославянизм *община* — „то, что принадлежит многим“ получил в XIX веке новое значение из французского *commune*, потому это слово нельзя считать церковнославянским во всех его значениях... Подобным семантическим изменениям подверглось в продолжении XVIII—XIX веков не обследованное до сих пор количество церковнославянизмов» (стр. 5). Г. Хюттль-Ворт жалеет, что все эти случаи не получили у меня специального наименования; еще более строгий упрек она направляет по адресу работ Ю. С. Сорокина и В. Д. Левина²⁵. Г. Хюттль-Ворт считает, что в них полностью отсутствует «систематическое преподнесение церковнославянских с генетической точки зрения морфем, продуктивных в словообразовании XIX века, а также описание процесса их слияния с западноевропейскими и исконно русскими элементами» (стр. 5—6).

Между тем, по мнению Г. Хюттль-Ворт, «такой разницей, не дающий возможности успешно исследовать не разрешенные до сих пор проблемы, является — как нам кажется — результатом не столько расхождений во взглядах или фактических ошибок, сколько следствием недостатка четкого разграничения понятий и устойчивой терминологии» (стр. 6). Ведь типология церковнославянизмов в составе русской литературной лексики — одна из важнейших задач истории русского литературного языка. За каждым типом славянизмов следует закрепить особый термин. Сама Г. Хюттль-Ворт не берет на себя решение этой задачи в целом. Ее призвание — облегчить в будущем конкретное и полное описание церковнославянских элементов русского языка. В ее докладе не устанавливаются ни принципы классификации церковнославянизмов в составе русского литературного языка, ни критерии для широкого разграничения лексических пластов в целях дальнейшего разделения церковнославянизмов по их генетическим и хронологическим признакам, ни принципы связей и взаимодействий их с русизмами по формам и значениям и т. п.

Некоторые из уже существующих разновидностей церковнославянизмов намеренно не рассматриваются Г. Хюттль-Ворт; это, например, «стилистические» славянизмы, которые отличаются в современном языке фонетическими и морфологическими особенностями²⁶, «функциональные» славянизмы — в противоположность генетическим²⁷, «синтаксические» церковнославянизмы, «фразеологические» церковнославянизмы и некот. др.

²⁴ В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, «Русская речь». Новая серия, I, Л., 1927, стр. 101.

²⁵ Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965; В. Д. Левин, Очерк стилистики русского литературного языка XVIII — начала XIX в. (Лексика), М., 1964.

²⁶ Ср.: A. V. I s a č e n k o, Die russische Sprache der Gegenwart, I — Formenlehre, Halle (Saale), 1962, стр. 33—35.

²⁷ A. S a c h m a t o v, G. S h e v e l o v, Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache, Wiesbaden, 1960.

Таким образом, Г. Хюттль-Ворт считает преждевременным наметать какую-нибудь целесообразно расчлененную классификацию церковнославянизмов в русском языке. При этом она предлагает предварительно пользоваться некоторой хронологической схемой, например: церковнославянский язык русской редакции в период первого южнославянского влияния (начиная с крещения Руси до конца XIV в.), церковнославянский язык русской редакции в период второго южнославянского влияния (конец XIV—XVI вв.), поздняя украинская редакция церковнославянского языка, оказывавшая влияние с конца XVI в. до Петровской эпохи на церковнославянский язык поздней русской редакции. Заимствования из церковнославянского, начиная с послепетровской эпохи, не учитываются.

В моих более поздних работах для обозначения таких типов русских лексических образований, в которых церковнославянские морфемы являются живыми элементами современного русского словообразования, употребляется термин «славянорусизм». Но, естественно, если учитывать все многообразие типов славянорусского словообразования, одного этого термина оказывается недостаточно (ср. например, такие славянорусские образования, как *обворожительный, очаровательный, обаяние, событие, просишествие, посредственность, деятель* — 30—40-е годы, и т. п.).

Предлагаемая Г. Хюттль-Ворт система терминологии по отношению к церковнославянизмам в составе русского литературного языка и схема их предварительного изучения таковы. «В качестве самого общего термина для всех слов, отличающихся какой-либо церковнославянской чертой, предлагается термин „славянизм“» (стр. 6). В основу классификации положен принцип «четкого отделения церковнославянизмов, т. е. слов, заимствованных из старославянского и из его разных редакций, от слов, которые являются новообразованиями уже на почве русского языка и содержат церковнославянские морфемы (= неославянизмы)» (стр. 6). Итак, предлагается в составе русского языка различать два основных типа слов: церковнославянизмы и неославянизмы. Эта классификация представляется неисторичной и малопродуктивной. Выикнем в нее.

К церковнославянизмам «относятся целые лексические единицы (слова), засвидетельствованные в церковнославянском и заимствованные русским языком» (стр. 6). Не очень ясно выражение — «целые лексические единицы (слова)». Ведь и «неославянизмы» — «целые лексические единицы», хотя и составленные из разных морфем. Почему же структурные типы церковнославянизмов до XVII в. не дифференцируются? О морфологическом составе церковнославянизмов ничего не говорится. А ведь в церковнославянском языке русской редакции формировались из церковнославянских морфем или из церковнославянских и византийских новые слова (например, *одиночество* в Хронике Георгия Амартола).

О церковнославянизмах говорится, что «это общее понятие охватывает слова различного происхождения (из классического старославянского языка, эллинизмы, моравизмы, латинизмы, слова церковнославянского языка разных редакций и некоторые другие немногочисленные группы, как, например, гебраизмы)» (стр. 6—7). Действительно, в возникновении и развитии русских церковнославянизмов возможен полигенезис (они могли быть сербского, болгарского, русского и т. д. происхождения). Вместе с тем все эти церковнославянизмы — заимствования. Очень сложные причины, способы и формы их семантических изменений. По мнению Г. Хюттль-Ворт, ими почти никто не занимался²⁸; лексикографические труды неполны и несовершенны (ср. хотя бы реальную историю слова

²⁸ Опыты такого рода имеются. См.: В. В. Виноградов, *Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка*, «Научный бюллетень [ЛГУ]», 6, 1946.

гражданский и ее отражение в словарях). Между тем нужно прежде всего «проследить семантическое развитие сотен церковнославянизмов с момента их заимствования русским языком в продолжение всех исторических этапов вплоть до современности» (стр. 9).

Вследствие недостатка предварительных работ конкретно-исторического характера Г. Хюттль-Ворт предлагает пока разделить церковнославянизмы на три группы: 1) слова, заимствованные без семантических изменений и сохраняющие свое исконное значение до настоящего времени (или до того, как они вышли из употребления) — ср. *жажда* «сильное желание пить» и перен. «страстное желание». О необходимости изучать и для этих церковнославянизмов изменения контекстов, особенности их употребления и возможные образования фразеологизмов не упоминается; 2) церковнославянизмы «секуляризованные», т. е. несколько изменившие свое значение вследствие разрыва с религиозной средой, например, *торжество* «праздник», *сюзъ* «союз» и т. п. Особенно содержательны, по оценке Г. Хюттль-Ворт, имеющиеся исследования в области общественно-политической и юридической терминологии. Например, можно констатировать, что «сдвиг значения *закон* „божественный закон, вера“ в сторону значения „закон вообще“ произошел в начале XVIII в.» (стр. 12)²⁹.

В связи с вопросом о секуляризации следует указать на процесс модернизации церковнославянизмов: «Многочисленные церковнославянизмы, как, напр., *астрономия* или *врач*, отражают в своей семантике вековое развитие цивилизации» (стр. 12). С этими процессами связываются также внутренние изменения значений слов — от праславянского языка к древнерусскому, например, *огнь* — к «адскому пламени», *путь* от «дороги» к «образу жизни».

Давняя работа Ф. И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» (М., 1848) Г. Хюттль-Ворт осталась незамеченной. Можно было отметить среди последующих работ и исследования польского ученого Е. Клиха.

Третью группу (3) составляют церковнославянизмы с измененным значением. Четкое ограничение многих слов второй группы (как *закон*, *согражданин* первоначально «спутник святых или ангелов») от следующей группы, «по-видимому, практически почти не осуществимо, — как пишет Г. Хюттль-Ворт, — так как классификация на основании семантических критериев затруднительна (как по внутренним причинам, так и вследствие несовершенства словарей), однако, по крайней мере, теоретически следует указать на то, что многие церковнославянизмы подверглись значительно более сложным семантическим процессам. Здесь можно установить два подвида: а) слова, в которых исконное значение было совершенно вытеснено (по-видимому, без внешнего влияния), как например, *учреждение* „угощение, пир“, — совр. „общественная или государственная организация“... б) слова с измененным значением или с дополнительными значениями, возникшие вследствие семантических наслоений под последовательным влиянием других языков» (стр. 13). Например: *общество* (ср. в XIX в.: *душа общества*, *сливки общества*, *общественник*, *общественность* и т. п.); *просвещение* (в XVIII—XIX вв. *эпоха просвещения*); *влияние*, *образование*, *развитие*, *среда*, *чувство*, *чувствие*, *чувственный*, *чувственность*, *чувствительный* и т. п. В этих церковнославянизмах новые значения сложились в русском литературном языке в XVIII и XIX вв. Сюда же относится ряд слов и выражений, в которых пейоративные значения частично или полностью вытеснены положительными. Например: *преlestь*, *пре-*

²⁹ См.: В. О. Unbegaun, *Russe et slavons dans la terminologie juridique*, RESt, 34, fasc. 1—4, 1957, стр. 131—134.

лестный, пленить, пленительный, обаяние, обаятельный; упоение, упоительный и т. п. «Граница между второй и третьей группой подвижна, что практически означает наличие переходных случаев. Исследование третьей группы самое трудное, так как семантическое содержание таких слов является суммой разнородных факторов» (стр. 16).

Таким образом Г. Хюттль-Ворт, в сущности, не предлагает никакой классификации церковнославянизмов. Выделяются церковнославянизмы с неизменной внутренней семантикой и есть церковнославянизмы с изменяющимся кругом значений, среди них группа подвергнувшихся секуляризации, т. е. вышедших за пределы религиозной сферы понятий. Никакого другого членения — ни словообразовательного, ни историко-семантического — не предлагается. А между тем имеются примеры иного типа. Например, до XIV в. в древнерусском языке слова *участие* и *участок* были синонимами, с XIV—XV вв. значения этих слов расходятся приблизительно по тем направлениям, по которым их семантика движется в настоящее время.

От церковнославянских заимствований в русском языке Г. Хюттль-Ворт предлагает «четко ограничивать новообразования, составленные из церковнославянских морфем в самом русском языке», которые она называет «неославянизмами» (стр. 17). Между неославянизмами и древними церковнославянизмами есть существенные различия. Эти различия сводятся к следующему: «а) различия генетические: церковнославянизмы являются заимствованиями из другого, хотя и близкородственного языка, тогда как неославянизмы возникли на почве самого русского языка; б) различия хронологические: подавляющее большинство церковнославянизмов несомненно старше (в большинстве случаев на целые столетия) неославянизмов, которые по большей части создавались и создаются начиная с XVIII в. до наших дней (очевидно, только эта группа продуктивна, т. е. ее число постоянно возрастает); в) семантические различия: в отличие от церковнославянизмов, неославянизмы возникли полностью за пределами религиозной сферы, в разных стилях и профессиональных диалектах русского языка, в особенности в научно-технической речи; 2) формальные различия: в противоположность церковнославянизмам большинство неославянизмов представляет собой разного типа амальгамы из гетерогенных элементов — церковнославянского, русского и иноязычного происхождения» (стр. 17). Здесь следует заметить, что для церковнославянских производных слов трудно определить в большом количестве случаев, когда они составлены в самом церковнославянском языке разных редакций и когда они появились в русском литературном языке.

Г. Хюттль-Ворт пытается вкратце показать, каким образом можно было бы провести диахроническую классификацию неославянизмов. Эта классификация должна представлять собою деление на подтипы на основе «маркированного» компонента в слове, т. е. по типу морфемы (или морфем) церковнославянского происхождения. Последние противопоставляются немаркированным, нецерковнославянским морфемам (т. е. русского или иноязычного происхождения). Но бывают и «чистые неославянизмы» — это слова, которые были созданы в русском языке исключительно из церковнославянских морфем (например, *времяпрепровождение*, *времяисчисление*). Все другие неологизмы — смешанные образования, гибриды. Особенно частый тип представляют собой сочетания немаркированных лексических морфем с церковнославянскими аффиксами. Продуктивны разные типы суффиксальных, префиксальных и аффиксальных неославянизмов. Таковы, например, формы причастий (*реферирующий*), производные формы существительных и прилагательных с суффиксами *-тель*, *-тельный* (например, *получатель*, *чувствительный*), приставочные неославянизмы

типа *пּרֶחֶרֶשֶׁנְּךָ*, *предпарламент*, аффиксальные неославянизмы типа *най-холодн-ейший* и т. п.

Сама Г. Хюттль-Ворт непосредственно чувствует, что проблема расчленения слов на отдельные морфемы легка лишь в синхронном плане и только по отношению к современной живой речи, а при историческом изучении неославянизмов следует «как можно больше опираться на действительный процесс словообразования, ... на историческую реальность» (стр. 19). По мнению Г. Хюттль-Ворт, надо «проводить членение только на деривационные основы (или в сложных словах — на составные части) и аффиксы, а не расчленение определенного слова или формы на каждую морфему в отдельности» (стр. 19). Достаточно привести один-два примера, чтобы было ясно, что проблема морфологического анализа слов или рядов слов гораздо сложнее, чем она здесь представлена. В глаголе *обуять* (например, у Горького: «тяжелая дума обуяла его»; у Пушкина: «кто обуял твой дивный ум?» и т. п.) слилось два омонима: 1) *об-у-ять* «охватить, объять» — переносно о душевном состоянии: «тоска его обуяла» (ср. в древнерусских памятниках, например, в Житии Андрея Юродивого: «Объимъ, лобза его»; в Палее XIV в.: «азъ обуять пьянствомъ» и т. п.)³⁰ и 2) *о-буити, обуяти* «лишить смысла, обезумить и обезуметь» (ср. в старославянском языке *буи* — глупый; в народных заклинаниях, собранных Н. И. Барсовым: «О раб божий, имярек... Где тут быти, где гуляти, где буйти?»³¹).

Ср. у Державина:

Коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный...
(Вельм. 623)
Европа злобой обуянна
(Флот, 691)³²

у Пушкина:

Гордыней обуянный,
Обманывал я бога и людей
(«Борис Годунов»)
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнул он, злобно задрожав
(«Медный всадник»)

Непродуктивность задуманной Г. Хюттль-Ворт классификации так называемых «неославянизмов» видна из такой ее ошибки. Она смешала два разных глагола — церковнославянский *износити* — *изнести* («вынести») и народно-русский *износить* — *изнашивать* («делать ветхим в результате носки»). Ср. *изити* — *исходити* — *исход* и *исходить* — *исхаживать*. Отсюда недоумение: «Как же рассматривать эту новую видовую пару с исторической точки зрения? Считать ли русское слово *износить* с генетической точки зрения церковнославянизмом с изменением значения или новообразованием на почве русского языка?» (стр. 20). Наивность вопроса позволяет оставить его без ответа. Но есть вопросы и более сложные, например: куда относить по классификации Г. Хюттль-Ворт такие слова, как *охрана* (слово, созданное О. И. Сенковским на основе польского *ochrona*) и *охранка* (ср. *ochronka, ochroniciel*; *поелику*; *потребность* (польск. *potrzebność*), *крестьянин* (из *христианин*) и множество других?³³ Как

³⁰ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, II, СПб., 1902, стр. 558, 564.

³¹ Н. И. Барсов, К литературе об историческом значении русских народных заклинаний, «Русская старина», 77, 1893, январь — февраль — март, стр. 214—215.

³² Я. К. Грот, Словарь к стихотворениям Державина.

³³ П. Б. Струве считал, что *крестьянин* возникло в связи с древнерусским церковным землевладением в XIV—XV вв. (см., например: «Slavia», IX, seš. 1, 1930, стр. 213).

понять словообразовательные связи с церковнославянизмами, если такие связи имеются (а это сомнительно), у народно-диалектных слов вроде *богатимый* (= *богатеиший*, оренбургск.) или *страшимый* (= *очень страшный*, о волнах в бурю на Камском разливе) и т. д.? ³⁴.

Сама Г. Хюттль-Ворт оптимистически смотрит на эти «тяжело преодолимые затруднения». «В словообразовании часто не хватает соединяющих звеньев, что мешает провести четкую классификацию» (стр. 20). Но главные затруднения при применении предлагаемого метода изучения и распределения церковнославянизмов создаются близким родством церковнославянского и русского языков: «большая часть существующих в обоих языках лексических единиц, корней и аффиксов идентична, имеет одно и то же значение и засвидетельствована как в старославянском-церковнославянском языке русской редакции, так и в исконно древнерусских текстах. При настоящем состоянии исследования невозможно выделить среди них церковнославянизмы» (стр. 20). И здесь как будто бы успокоительное решение предлагает Б. О. Унбегаун: «По Б. О. Унбегауну эти элементы также не играют большой роли в русском словообразовании, в противоположность специфически русским или церковнославянским» (там же).

Однако трудно так решительно говорить о том, что нам неизвестно: по мнению самой Г. Хюттль-Ворт, наши знания исторического словопроизводства очень невелики. Г. Хюттль-Ворт справедливо замечает, что «при обсуждении неославянизмов принималась до сих пор во внимание только формальная сторона их возникновения, а разные виды слияний из гетерогенных элементов подавались в наброске» (стр. 20—21). Совершенно верно то, что историческая семантика новообразований в русском литературном языке XVII—XIX вв. очень мало исследована. У нас еще не создана историческая лексикология русского литературного языка с глубоким исследованием всех сфер литературной лексики в их взаимодействии и историческом развитии. А ведь только на таком широком историческом фоне могут быть определены законы и правила взаимодействий русизмов со славянизмами, без применения темного понятия «неославянизма». Тем более, что «неославянизмы почти без исключения созданы по немецким и французским образцам, а, как известно, в церковном языке кальки были переводом с греческого языка» (стр. 21).

Однако, чувствуя себя пионером в области диахронического анализа и классификации неославянизмов и надеясь своим методом преодолеть продолжительный застой в исследовании, Г. Хюттль-Ворт продолжает: «Примененный метод рассмотрения поднимает целый ряд вопросов. Каково отношение между исконно русскими и генетически церковнославянскими элементами? Являются ли чистые неославянизмы сильно преобладающим типом? Изменяют ли церковнославянские основы почти всегда свое значение, перед тем как возникают неославянизмы при помощи этих основ? Каждый из приведенных вопросов следовало бы ставить в отдельности по крайней мере для XVIII, XIX вв., для настоящего времени» (стр. 22). Конечно, и эти и другие вопросы полезно ставить, хотя и понятие «неославянизмов», и предложенная классификация их возникли не независимо от ответов на эти вопросы. Тем более представляется странным заявление Г. Хюттль-Ворт о самой важной и «основной проблеме, которая ждет еще своего решения: какие же морфемы русского языка происходят действительно из церковнославянского языка? Если отказаться от неоспоримых фонетических критериев, мы сразу очутимся на зыбкой почве»

³⁴ С. К. Булич, Материалы для русского словаря, ИОРЯС, 1, кн. 2, 1896, стр. 296 и 327.

(стр. 22). Но такую же зыбкую почву мы ощутим, если при выделении «церковнославянизмов» (а не «неославянизмов») будем руководствоваться показаниями «церковного произношения» и фонетическими приметамы высокого стиля (например, в звучании рифм поэзии XVIII и нач. XIX в.).

По утверждению Г. Хюттль-Ворт, «меньше всего выяснено происхождение данных словообразовательных морфем» ... до сих пор мы не располагаем данными, чтобы хоть приблизительно охватить количество церковнославянских элементов в русском языке» (стр. 22). При этом Г. Хюттль-Ворт ссылается на историю суффикса *-ость*, изучавшуюся Н. М. Шанским³⁵.

По формулировке Н. М. Шанского, суффикс *-ость* (*глупость, радость, преклонность* и т. п.) «продуктивностью своей в русском литературном языке... обязан литературному языку Юго-Западной Руси»³⁶, хотя он засвидетельствован не только в старославянском и церковнославянском языке русской редакции, но и в древнерусских текстах. Правда, «нельзя исключить и ту возможность, что распространение суффикса *-ость* началось уже в период второго южнославянского влияния» (стр. 23), однако этот вопрос не исследован. Прочно установленным фактом можно считать пока лишь широкое распространение этого суффикса с XVII в. Г. Хюттль-Ворт видит в этом факте «влияние церковнославянского языка поздней украинской редакции»³⁷. Но этот украинский вариант позднего церковнославянского языка, который «был пересажен» украинскими учеными в Москву и кодифицирован грамматикой Мелетия Смотрицкого и словарем Памвы Берныды, исследован пока еще очень недостаточно³⁸. Поэтому дальнейшие конкретные замечания Г. Хюттль-Ворт о суффиксе *-ость* в русском литературном языке конца XVII в.—XVIII в., о суффиксах прилагательных *-тельн-* (ср. новообразования Ломоносова *живительный, унижительный*) представляют интерес для изучения истории литературного языка, но связь их распространения в русском литературном языке с воздействием литературного языка Юго-Западной Руси и позднего церковнославянского языка украинской редакции нуждается в более глубоком и разностороннем исследовании (ср. также интересные указания на историю слов на *-мость* типа *движимость*).

Таким образом, в работе Г. Хюттль-Ворт «Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка» имеется немало интересных конкретных замечаний по русскому историческому словообразованию и по истории значений отдельных славянизмов. Однако разграничение понятий «церковнославянизм» и «неославянизм» применительно к истории русского литературного языка следует признать неясным и исторически необоснованным. Общая концепция развития русского литературного языка, которой придерживается Г. Хюттль-Ворт, не отличается четкостью и определенностью. Выделение отдельных церковнославянских и неославянских слов и их групп и «рядов» слов из общего исторического движения русской литературной лексики (включая сюда и народные русские «элементы») не содействует их анализу в исторической взаимосвязи

³⁵ См.: Н. М. Ш а н с к и й, Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. диссерт., М., 1948.

³⁶ Е г о ж е, О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, «Вопросы истории русского языка», [М.], 1959, стр. 131.

³⁷ См.: Г. Х ю т т л ь - В о р т, Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений, «American contributions to the V International congress of slavists», The Hague, 1963.

³⁸ См. указание на его воздействие на русский литературный язык с XVII в. в работах: Н. С. Т р у б е ц к о й, К проблеме русского самосознания, Париж, 1928; В. В. В и н о г р а д о в, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2-е, перераб. и доп., М., 1938; G. Y. S h e v e l o v, Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache, стр. 18.

и системности. Вопросы об омонимии церковнославянизмов и русизмов, об их параллельных синонимических рядах, о вариантах образования слов (ср., например, *председатель*, *председетель* и *председальник*) и т. п. даже не ставятся. Ковкретный пример из истории одного «неославянизма» может ярче всего показать, как иногда далеки теоретические построения Г. Хюттль-Ворт от живой истории отдельных русских слов.

Слово *предприниматель* (от глагола *предпринимать*) в русском языке появилось позднее, чем слово *предприятие*. Слово *предприниматель*, сохраняющее налет книжности, в современном русском языке выражает два значения: 1) капиталист — владелец промышленного или торгового предприятия, 2) аферист, ловкий организатор выгодных дел, предприятий. Это слово возникло в книжном русском языке не ранее 40—50-х годов XIX в. Оно образовано под сильным влиянием франц. *antrepreneur*.

Слова *предприниматель* нет в Академическом словаре 1847 г. Но оно уже помещено в «Толковом словаре» Даля, хотя истолковано здесь чисто морфологически: «предпринявший что-либо». В журнально-публицистическом языке 50-х годов XIX в. это слово звучало как неологизм. Например, В. Безобразов писал: «Нам уже не раз случалось употребить выражение *хозяин предприятия* вместо французского *антрепренер*. Иначе мы не умеем перевести это слово: и едва ли возможно передать ближе на русском языке понятие, соединяемое с французским названием. Хотя и употребляется у нас слово *антрепренер*, — но в нем есть что-то не только чуждое языку, но и чуждое экономическим условиям народной промышленности... Название *антрепренер* в понятиях нашего народа название как-то не серьезное, не соответствующее его насущным потребностям; до сих пор употребляют слово *антрепренер*, когда говорят о какой-нибудь заморской затее для общественного увеселения, о театре, о кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чем-то непостоянном, случайном. Но *антрепренер* и не мог у нас получить того народного значения, какое соответствует этому слову на Западе. У нас есть название: *подрядчик, барышник, хозяин*. Все эти слова заключают в себе многие экономические понятия, связанные со словом *антрепренер*: но подрядом нельзя назвать всякое промышленное предприятие, барышничество — представляет одну только сторону деятельности антрепренера и притом с некоторою примесью не совсем честного, по крайней мере, правильного труда; название *хозяин*, близко соответствуя значению *антрепренера*, имеет за собою действительное его употребление на народном экономическом языке, — хотя до сих пор скорее в менее важных промышленных делах. Наконец производное — *предприниматель* кажется нам слишком искусственным, слишком книжным, а книжные экономические названия, не подходящие ни под действительные экономические факты страны, ни под народные понятия, всегда кажутся чем-то чуждым, враждебным науке, которой лучше, в настоящее время, начало, лучшее убеждение — это необходимость исследования только действительных фактов жизни»³⁹.

В заключение необходимо призвать, что, несмотря на некоторую односторонность и теоретическую разноплановость, работы Б. О. Унбегауна и Г. Хюттль-Ворт⁴⁰ пробуждают много мыслей и побуждают к более глубокому и многостороннему изучению процессов развития русского литературного языка и роли церковнославянизмов в его истории.

³⁹ В. Безобразов, О промышленных предприятиях, «Русский вестник», II, кн. 2, 1856, стр. 314—315.

⁴⁰ См. также их работы, появившиеся в самое последнее время: В. О. Unbegaun, Selected papers on Russian and Slavonic philology, Oxford, 1969; см. также: G. H. Worth, Church Slavonic elements in Russian, «Oxford Slavonic papers», I, 1968.

Ст. СТОЙКОВ

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

1. Общй подъем и быстрое всестороннее развитие болгарской культуры и науки в период социалистического строительства в последние два десятилетия в высшей степени благоприятно отразились и на болгарской диалектологии — одной из основных дисциплин болгарского языкознания.

Разработка проблем болгарской диалектологии по сравнению с разработкой диалектологических проблем у других славянских народов началась довольно поздно — лишь в последние десятилетия XIX в., вместе с первыми исследованиями по болгарскому языку. Позже интерес к диалектологии усилился, и надо подчеркнуть, что все крупные болгарские лингвисты — такие, как Л. Милетич, Б. Цонев, А. Теодоров-Балан, Ст. Младенов, Ст. Романски, К. Мирчев, Цв. Тодоров, а также некоторые их ученики — Хр. Кодов, Кр. Стойчев, Г. Попиванов и др., занимались диалектологией и имеют большие заслуги в этой области. Среди многочисленных публикаций этого периода, охватывающего около 60 лет, можно указать на такие капитальные труды, как «За източнoбългарския вокализъм» Б. Цонева («Сборник за народни умотворения», III, 1890; IV, 1891), «Das Ostbulgarische» (Wien, 1903) и «Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache» (Wien, 1912) Л. Милетича, «Северозападните български говори» Цв. Тодорова («Сборник за народни умотворения», XLI, 1936), «Неврокопският говор» К. Мирчева («Годишник на Софийският университет, Историко-фил. факултет», XXXII, 1936), «Тетевенският говор» Кр. Стойчева («Сборник за народни умотворения», XXXI, 1915), «Орханййският говор» Г. Попиванова (там же, XXXVIII, 1930) и др. Однако в период буржуазной власти болгарская диалектология развивалась неорганизованно и бессистемно; лишь отдельные ученые занимались диалектологией наряду с другими проблемами; не было центра, который бы организовывал и направлял диалектологическую работу. Только в славянском семинаре историко-филологического факультета Софийского университета имени Климента Охридского несколько студентов выполняли дипломные работы по болгарской диалектологии, и в «Известиях семинара» («Известия на Семинара по славянска филология», I—IX, 1905—1948) под редакцией Л. Милетича и Ст. Романско-го было опубликовано несколько удачных описаний отдельных говоров¹.

После установления народной власти в Болгарии в сентябре 1944 г. разработка вопросов болгарской диалектологии постепенно переводится на новые основы и в последние два десятилетия достигает больших успе-

¹ Подробнее о начальном периоде развития болгарской диалектологии см.: М. М а ж д р а к о в а, Библиографичен преглед на обнародваните материали и изследвания по българската диалектология, «Известия на Семинара по славянска филология», I, 1905; Х р. Г е р ч е в, Поглед върху развоја на българската диалектология, там же, кн. III, 1911; Ст. С т о й к о в, Българска диалектология, 2-е изд., София, 1968. Полные библиографические данные можно найти также в «Известия на Семинара по славянска филология», III, 1911; IV, 1921; VII, 1931; VIII—IX, 1948.

хов. Этому в значительной мере способствовали некоторые организационные меры, усилившие интерес к болгарским говорам, во много раз увеличившие кадры хорошо подготовленных специалистов-диалектологов и давшие возможность приступить к осуществлению таких крупных задач, как создание болгарского диалектологического атласа и болгарского диалектного словаря. Речь идет о следующих мероприятиях: 1) введение курса болгарской диалектологии в программу курса историко-филологического факультета (ныне факультет славянской филологии) Софийского университета, 2) создание Института болгарского языка при Болгарской академии наук в Софии со специальным сектором болгарской диалектологии и 3) организация специальных изданий по болгарской диалектологии.

С самого основания Софийского университета в 1889 г. и до 1947 г. на историко-филологическом факультете болгарский язык изучался довольно ограниченно, причем в общих рамках славянской филологии. Хотя факультет готовил почти исключительно учителей гимназии по болгарскому языку и литературе, болгаристике и особенно современному состоянию языка уделялось недостаточное внимание. В 1947 г. была введена новая специальность — болгарская филология; наряду с другими в ней был предусмотрен специальный курс по болгарской диалектологии, сначала в рамках курса истории болгарского языка, а затем как самостоятельный предмет. С тех пор студенты-болгаристы изучают основные теоретические положения диалектологии, знакомятся с особенностями болгарских территориальных и социальных диалектов, приобщаются к диалектологическим исследованиям. В помощь изучающим болгарскую диалектологию Ст. Стойковым был издан учебник «Българска диалектология», сначала как литографическое (1-е изд. — 1949, 2-е изд. — 1954, 3-е изд. — 1956), а затем как печатное издание (1-е изд. — 1962 г., 2-е изд. — 1968). Этот учебник впервые дает систематический обзор всех важнейших проблем, связанных с диалектным членением болгарского языка, и основные сведения по болгарским диалектам. Кроме того, была издана «Христоматия по български диалектология» того же автора (1-е изд. — 1950, 2-е изд. в печати), где приводятся специально записанные тексты всех наиболее характерных болгарских диалектов. В связи с преподаванием курса болгарской диалектологии Ст. Стойковым были составлены два специальных вопросника: «Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските местни говори» (1-е изд. — 1947, 2-е изд. — 1950, 3-е изд. — 1954) и «Въпросник за проучване на българските занаятчийски говори» (1948), которые заполняются в ходе семинарских занятий студентов-болгаристов. В настоящее время имеется уже более тысячи ответов по территориальным диалектам и более двухсот — по профессиональным. Дипломных работ, связанных с диалектологической проблематикой, насчитывается уже более 160. В 1949 г. при кафедре болгарского языка был организован студенческий научный кружок по болгарской диалектологии. Членами кружка было проведено несколько экспедиций по изучению говоров в окрестностях городов Первомай, Самоков, Стара Загора, Нова Загора и др. В результате этих экспедиций возник коллективный труд «Говорът на с. Говедарци, Самоковско» («Известия на Института за български език», IV, 1956), а материалы по диалектам в районе Первомай опубликованы в сообщении «Отчет за опитните диалектоложки поучвания в Първомайско през 1950 год.» (там же, I, 1952).

Созданный в 1947 г. при Болгарской академии наук Институт болгарского языка в 1951 г. был реорганизован, и наряду с другими секторами в нем учрежден специальный сектор болгарской диалектологии и лингвистического атласа по главе со Ст. Стойковым. Сейчас сектор насчитывает восемь сотрудников. К работе были привлечены преподаватели универси-

тета и учителя болгарского языка гимназий. Так сложился большой хорошо подготовленный коллектив исследователей в области болгарской диалектологии. В 1960 г. при секторе была создана фонетическая лаборатория с диалектной фонотекой, в которой сейчас работают три сотрудника. Лаборатория проводит изучение фонетической системы болгарских диалектов и записывает образцы диалектной речи на всей болгарской языковой территории.

В пятидесятых годах работы по диалектологии печатались главным образом в «Известиях Института болгарского языка» в Софии и в издании Института славяноведения в Москве «Статьи и материалы по болгарской диалектологии». В шестидесятые годы начинают выходить два новых специальных издания Института болгарского языка в Софии: сборник «Българска диалектология. Проучвания и материали» (уже вышло четыре выпуска в 1962—1968 гг.) и серия «Трудове по българска диалектология» (также вышло четыре книги в 1965—1968 гг.).

2. Перед сектором болгарской диалектологии Института болгарского языка уже при его создании в 1951 г. были поставлены две главные задачи, решение которых требует больших средств, сложной организации и, безусловно, не под силу одному ученому. Это создание болгарского диалектологического (лингвистического) атласа и составление болгарского диалектного словаря.

Нужда в диалектологическом атласе болгарского языка ощущалась уже давно. Еще в 1929 г. был создан специальный комитет во главе с Л. Милетичем, но из-за отсутствия средств он не мог начать работу. Не была даже составлена программа сбора материалов. В 1955 г. Институт болгарского языка Болгарской академии наук и Институт славяноведения АН СССР приняли решение о совместной работе по составлению болгарского диалектологического атласа под руководством Ст. Стойкова с болгарской стороны и С. Б. Бернштейна — с советской. По плану атлас должен состоять из пяти томов, причем каждый из первых четырех томов должен охватывать четверть болгарской языковой территории (соответственно — юго-восточная Болгария, северо-восточная Болгария, юго-западная Болгария и северо-западная Болгария), а пятый том должен быть обобщающим по всей территории.

В 1955 г. Ст. Стойков составил специальную программу («Програма за събиране на материали за български диалектен атлас», 1-е изд. — 1959, 2-е изд. — 1962, 3-е изд. в «Българския диалектен атлас», I, 1964), которая содержит всего 210 вопросов, относящихся к 320 явлениям: из них 106 фонетических, 107 морфологических, 6 синтаксических и 101 лексическое. Краткость вопроса объясняется, во-первых, большим числом пунктов, подлежащих обследованию, и, во-вторых, самой методикой сбора диалектного материала, не допускающей прямых вопросов и требующей непринужденной беседы с несколькими различными информантами. И все же программа отражает все основные диалектные черты, распространенные на большей части болгарской языковой территории, которые, по предварительным данным, должны давать изоглоссы.

Сбор материалов для атласа начался летом 1956 г.; в течение пяти лет (1956—1960) совместные советско-болгарские экспедиции обследовали всю территорию первого тома атласа, т. е. говоры юго-восточной Болгарии. Экспедиции побывали более чем в 1400 селах, из которых в сетку атласа было включено только 400, признанных наиболее удовлетворительными с точки зрения исконности и языковой однородности населения. В Софии и в Москве были обработаны собранные материалы и составлен первый том атласа, вышедший в свет в 1964 г. По материалам, собранным для первого тома, было составлено 588 карт, хотя опубликовано по техниче-

ским причинам менее половины — всего 277 карт, из них 89 фонетических (43 собственно фонетических и 46, связанных с ограниченным лексическим распространением фонетических явлений или даже отражающих фонетический облик отдельных слов), 39 акцентологических, 50 морфологических, 69 лексических, 11 словообразовательных, 11 семантических и 3 синтаксические.

Материалы второго тома атласа, посвященного говорам северо-восточной Болгарии, были собраны коллективом болгарских диалектологов за четыре года (1960—1963). На этой территории было обследовано более 1200 сел, из которых лишь 265 были включены в атлас. Второй том атласа вышел в свет в 1966 г. По материалам второго тома было составлено 611 карт, но опубликовано менее половины — 290; из них 125 фонетических (59 собственно фонетических и 66, связанных с ограниченной лексикой), 26 акцентологических, 42 морфологических, 75 лексических, 8 словообразовательных, 8 семантических и 4 синтаксические. Большая часть карт второго тома соответствует картам первого тома. Однако 126 карт второго тома не имеют соответствий в первом томе, поскольку они отражают явления, специфические для говоров северо-восточной Болгарии. Поэтому каждый из вышедших томов Болгарского диалектологического атласа имеет относительную самостоятельность, и эта особенность структуры атласа будет сохранена и в следующих томах.

Материалы для третьего тома, охватывающего говоры юго-западной Болгарии, собирались болгарскими диалектологами в течение пяти лет (1964—1968) и сейчас обрабатываются. Третий том должен выйти в 1971 г. В ближайшие пять лет (1969—1973) будут собраны материалы для четвертого тома, посвященного говорам северо-западной Болгарии. Обработка материалов и издание этого тома должны быть завершены в 1975 г. После этого будет начата работа над пятым томом. Таким образом, в течение двадцати лет будет полностью осуществлена работа по подготовке и изданию Болгарского диалектологического атласа, одного из самых крупных начинаний в области болгаристики.

На кафедре болгарского языка Софийского университета на основе материалов, собранных в последние 15 лет анкетным методом по вопроснику «Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските местни говори», создается атлас, сетка которого насчитывает всего 600 пунктов, но покрывает всю болгарскую территорию. В нем картографируется около 300 явлений, представленных в отдельных словах — лексических единицах, записанных от одного информатора, типичного носителя говора соответствующего села. Интересно отметить, что изоглоссы этого малого атласа полностью совпадают с изоглоссами большого атласа. Этот факт заслуживает внимания в том отношении, что он свидетельствует о надежности материалов, собранных анкетным методом лицами со специальной подготовкой, и о безусловной полезности этого метода для предварительного установления диалектного членения данной территории.

Болгарский диалектный словарь должен отразить все лексическое богатство болгарского народного языка. Материал для словаря будет собираться в два этапа. На первом этапе, который в настоящее время уже близится к концу, должны быть расписаны все печатные и рукописные источники диалектной лексики. К настоящему времени создана богатая картотека, насчитывающая около 400 тысяч карточек, которые широко используются для справочных целей. Из нее черпают материалы и составители Болгарского этимологического словаря, подготовляемого в Институте болгарского языка под руководством Вл. Георгиева. На втором этапе работы, к которому сейчас приступают, будет систематически исследована лексика определенного числа пунктов по всей болгарской языко-

вой территории. Чтобы обеспечить единообразие подхода и полноту охвата лексики каждого обследуемого пункта, Ст. Стойков и М. С. Младенов составили в помощь эксплораторам инструкцию «Упътване за лексикално проучване на българските говори», по которой уже проводятся пробные обследования.

Болгарский диалектный словарь будет построен по дифференциальному признаку, т. е. он будет включать слова, которые по форме или по значению отличаются от слов болгарского литературного языка и не относятся к общенародной лексике.

На кафедре болгарского языка Софийского университета под руководством Ст. Стойкова и М. С. Младенова составляется «Идеографски речник на българските говори». Этот словарь берет в качестве исходной лексику болгарского литературного языка и для каждой лексемы литературного языка приводит ее диалектные соответствия, обозначая районы, где они представлены. Словарь опирается в основном на неопубликованные материалы, собранные студентами-болгаристами и образующие картотеку объемом около 200 тысяч карточек. Работа над словарем должна быть завершена в 1971 г.

Параллельно с работой над созданием атласа и составлением диалектного словаря продолжается и монографическое изучение отдельных диалектов. Опубликованы обширные монографии Ив. Умленского («Кюстендилският говор», 1965), М. С. Младенова («Ихтиманският говор», 1966) и описания говоров отдельных сел, такие как «Един старинен български говор, тихомирският говор» (1963) и «Говорът на с. Момчиловци, Смолянско» Ст. Кабасанова («Известия на Института за български език», IV, 1956), «Говорът на с. Габаре, Белослатинско» К. Попова (там же), «Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско» Г. Христова (там же), «Странджанският говор» Г. Горова («Българска диалектология», I, 1962), «Говорът на с. Доброславци, Софийско» Л. Гылыбова (там же, II, 1965), «Говорът на с. Смолско, Цирдопско» Ив. Кынчева (там же, IV, 1968), «Гроянският говор» Ст. Ковачева (там же) и др.

3. В последние годы болгарская диалектология значительно расширила рамки своей проблематики и методологии. Наряду с традиционными описаниями отдельных говоров, появилось немало статей и монографий, в которых на широкой теоретической базе и большом фактическом материале рассматриваются различные черты болгарских диалектов.

В области фонетики следует назвать статьи «Ятовият преглас в български език» Ст. Стойкова (БЕ, XIII, 1963), «Застъпници на меката ерова гласна в българския език» Ив. Кочева («Статьи и материалы по болгарской диалектологии», 9, М., 1956), «Дълги гласни в български език» М. С. Младенова («Език и литература», XIII, 1963), «Die langen palatalen Konsonanten einer bulgarischen Mundart» Ст. Стойкова («Die Welt der Slaven», VI, 1961) и др.²

В области морфологии и представляют интерес такие статьи, как «Nominale Kasusformen in der bulgarischen Sprache» Ст. Стойкова («Die Welt der Slaven», XIII, 1968), «Морфология западноболгарского глагола по данным говора Горно поле» («Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XXIII, 1962) Н. В. Котовой, «Миналите времена в брезнишкия говор» («Статьи и материалы по болгарской диалектологии», 9) Ц. Младенова и др.³

В области синтаксиса следует упомянуть статьи «Синтактичните диалектизми в български език» Ст. Стойкова (БЕ, XVIII, 1968), «Някои

² Полную библиографию см.: Ст. Стойков, Българска диалектология, стр. 130—145.

³ Полную библиографию см. там же, стр. 150—170.

синтактични особености на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско» Т. Бояджиева («Език и литература», XIX, 1964), «Употреба на съчинителните съюзи в българските диалекти» М. Лилова («Известия на Института за български език», XII, 1965), «Обособяване в българските народни говори» Р. Ницоловой («Език и литература», XXII, 1967), «Предлог *от* в българските диалекти» Т. Костовой («Известия на Института за български език», XII), «Предлог *на* в българските диалекти» Хр. Топаловой-Симеоновой (там же) и др.⁴.

В области диалектного словообразования также появился ряд интересных статей: «Словообразовательные диалектизмы в болгарском языке» Ст. Стойкова («Славистични изследвания», 1968), «Диалектни наставки за образуване на съществителни имена от мъжки род в българските говори» и «Диалектни наставки за образуване на деятелни имена от женски род» Хр. Холдичева («Известия на Института за български език», XII, 1965; VIII, 1962) и др.⁵.

В связи с собиранем материала для болгарского диалектного словаря интересы болгарских диалектологов в последние годы были в значительной степени направлены на диалектную лексику. Уже появился ряд лексикологических разысканий, опубликованных прежде всего в сборнике «Българска диалектология», которые отличаются полнотой материала и применением современных лексикографических методов. Среди них следует особенно выделить «Лексиката на ихтиманския говор» М. С. Младенова («Българска диалектология», III, 1967), «Родопски речник» Т. Стойчева (там же, II, 1965), «Речник на самоковския градски говор» И. К. Шапкарева и Л. Близнава (там же, III, 1967), «Към ботевградската лексика» Ст. Илчева (там же, I, 1962) и др.⁶.

В последние годы в болгарской диалектологии стали особенно широко применяться методы лингвистической географии, которая, давая географическую проекцию явлений, позволяет представить их в более полном виде, в их сложных связях и взаимоотношениях. Методы ареальной лингвистики применяются во многих работах Ст. Стойкова, например, «Глагольного окончания *-ме* в болгарском книжном языке» («Сборник в честь на академик А. Теодоров-Балан», 1955), «Образуване на бъдеще време (футурум) в съвременния български език» («Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски», 1960), «Названията на картофите в български език» («Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов», 1957), «Названията на тъкачния стан в български език» («Известия на Етнографския институт и музей», VI, 1963), и др. К этой проблеме относятся и статьи «Диалектни названия на някои части на облеклото» («Език и литература», XXII, 1967) Т. Бояджиева, «Един случай на табу в българския език (названия на невестулката)» («Известия на Института за български език», XVI, 1968) М. С. Младенова и др.⁷.

В последние два десятилетия внимание ученых привлекали и болгарские говоры за пределами Болгарии. В Институте славяноведения АН СССР в Москве С. Б. Бернштейном была подготовлена большая группа специалистов-болгаристов, которые изучили болгарские говоры на территории Советского Союза. Под непосредственным руководством С. Б. Бернштейна в течение трех лет (1948—1951) был собран материал для атласа этих

⁴ Полную библиографию см. там же, стр. 185.

⁵ Полную библиографию см. там же, стр. 199.

⁶ Полную библиографию см. там же, стр. 201—221.

⁷ О применении принципов лингвистической географии при изучении болгарских диалектов см.: M. S. I. M l a d e n o v, *Geografia lingvistică în Bulgaria*, «Romanoslavica», X, 1964, стр. 491—494.

говоров. Материал был затем обработан С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной. «Атлас болгарских говоров в СССР», вышедший в свет в 1958 г., был первым болгарским диалектологическим атласом. Кроме того, были осуществлены полностью или частично монографические описания отдельных говоров, опубликованные главным образом в специальном издании «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР» (вып. 2—10, 1952—1962). Среди них следует упомянуть статьи С. Б. Бернштейна «Болгарские говоры южного Буджака» (вып. 2), И. К. Буниной «Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар» (вып. 4), «Заметки по морфологии глагола ольшанского говора» (вып. 7), «Лексический состав говора ольшанских болгар» (вып. 3) и «Словарь говора ольшанских болгар» (вып. 5), В. К. Журавлева «Говор села Криничное (Чешма Варуита)» (вып. 7) и мн. др.⁸

Объектом диалектологического изучения стали и болгарские говоры на территории Румынии. Болгарский говор в области Банат, оторванный от основного болгарского диалектного массива более двух с половиной веков, был подробно описан Ст. Стойковым в двух книгах: «Банатский говор» (1967) и «Лексиката на банатския говор» (1968). Болгарские говоры в районе Бухареста исследуются румынскими болгаристами, причем уже опубликовано несколько интересных работ: «Българският говор в с. Попеш-Леорден (Букурешка област)» (БЕ, XIII, 1963) и «Бележки върху граматичния строй и лексиката на българския говор в с. Попеш-Леорден (Букурешка област)» Э. Петровича и Э. Врабие (там же, XV, 1965); «În legătură cu sistemul fonetic al graiului bulgar din comuna Chiajna, Regiunea București» З. Юуфу («Romanoslavica», VII, 1963); «Болгарский говор села Чопля, I. Замечания о системе гласных» О. Гуцу («Revue roumaine de linguistique», X, 1965); «Cu privire la corelația de sonoritate în graiul bulgar din comuna Brănești» («Studii și cercetări lingvistice», IX, 1958) и «Observații asupra grupurilor consonantice în graiul bulgar din comuna Brănești» («Fonetica și dialectologie», II, 1960) Г. Болокана и др.⁹

В последние два десятилетия в круг диалектологических проблем было включено и изучение социальных диалектов. Ст. Стойков в своих статьях «Българските социални говори». («Език и литература», 1947, 1) и «Социальные диалекты» (ВЯ, 1957, 1) указывает на характерные особенности и структуру этих диалектов, а в монографии «Софийский ученический говор» («Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, XLII, 1946) специально рассматривает один из типичных социальных диалектов — школьный жаргон. Отдельным социальным говорам или их особенностям посвящены следующие статьи: «Гаен зидарски език от с. Смолско, Пирдопско» Ив. Кынчева («Известия на Института за български език», IV, 1956), «Цигански елементи в българските тайни говори» (там же) и «Италиански думи в професионалния говор на българските обуцари» (БЕ, III, 1953) и др. К. Костова, «Чужди думи в професионалния говор на българските шивачи» Н. Намеранова («Българска диалектология», I, 1962), «Някои наблюдения над българския (войнишки говор)» (БЕ, XVI, 1966) Т. Коружева и др.¹⁰

4. Несмотря на значительные успехи, достигнутые болгарской диалектологией в последние два десятилетия, пока еще рано говорить о ее полном и всестороннем развитии; перед ней стоят важные нерешенные задачи.

⁸ Полную библиографию см.: Ст. Стойков, Българска диалектология, стр. 122.

⁹ Полную библиографию см. там же, стр. 126—127.

¹⁰ Полную библиографию см. там же, стр. 231—243.

Одна из предстоящих задач болгарской диалектологии — организация планомерного монографического изучения по возможности большего числа территориальных говоров, сведения о которых неполны или ненадежны. До сих пор отсутствуют монографии по отдельным восточным говорам — балканским, мизийским и родопским, поскольку прежде объектом изучения служили главным образом западные говоры.

Новые монографические описания говоров должны отличаться от прежних не только новыми объектами. В них должны быть преодолены некоторые методологические недостатки, свойственные традиционным описаниям, должна быть расширена и углублена их проблематика и пересмотрены некоторые основные методологические положения.

Наиболее существенный недостаток большинства имеющихся у нас диалектологических работ — это ограниченность их проблематики. Внимание исследователей было сосредоточено главным образом или почти исключительно на фонетике и морфологии, в то время как такие важные стороны языковой структуры, как синтаксис или лексика, разрабатывались недостаточно или даже вообще игнорировались. Например, в фундаментальных работах по болгарской диалектологии «Das Ostbulgarische» и «Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache» Л. Милетича и «Северозападните български говори» Цв. Тодорова синтаксический и лексикологический разделы отсутствуют вовсе. Другие диалектологи частично касались лексики, но ограничивались составлением большего или меньшего по объему словаря специфически диалектных слов, т. е. слов, не употребительных в литературном языке, — такие словари публиковались обычно в виде приложений к соответствующим описаниям. Так поступало большинство авторов монографических описаний говоров, как например, Кр. Стойчев в монографии «Тетевенският говор», Г. Попиванов в «Орханийският говор» и «Софийският говор» и др.

Как самостоятельные разделы синтаксис и лексикология представлены в работах Ст. Младенова «Принос към изучаване на българските говори в Източна и Западна Тракия» («Тракийски сборник», VI, 1936), К. Мирчева «Неврокопският говор» («Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, XXXVII, 1936), Ст. Кабасанова «Един старинен български говор, тихомирският говор» (1963) и др. Эти авторы рассматривают лишь некоторые синтаксические особенности, касающиеся преимущественно порядка слов, и дают самую общую, довольно ограниченную и одностороннюю, характеристику словаря, разбирая главным образом его отношение к общebolгарскому лексическому фонду и указывая на чуждые элементы, в первую очередь на иноязычные влияния.

Лишь в самое последнее время в ряде монографий из серии «Трудове по българска диалектология» синтаксис и лексикология заняли должное место среди других разделов. В монографиях М. С. Младенова «Ихтиманският говор» (1966) и Ст. Стойкова «Банатският говор» (1967) разделы синтаксиса и лексикологии по объему и по содержанию не уступают разделам, посвященным фонетике и морфологии.

Известное невнимание к синтаксису, характерное для предшествующих работ по болгарской диалектологии, прямо связано с другой их особенностью, а именно с тем, что их авторы отмечают прежде всего то, что специфично для говоров, то, чем они отличаются от литературного языка. Но если фонетические и морфологические отличия достаточно многочисленны и относительно легко выявляются, то синтаксических особенностей не только меньше, но их и значительно труднее заметить. Кроме того, до сих пор еще не разработана удовлетворительная методика сбора материала по диалектному синтаксису. Широкое использование магнитофона в последнее время позволяет записывать крупные отрезки связного текста

со всеми характерными чертами структуры предложения, интонации и пр., и это поможет установлению синтаксических особенностей диалектной речи.

Лексикологические описания в большинстве случаев также отсутствовали в традиционных трудах по болгарской диалектологии. Только после советской дискуссии по языкознанию в 1950 г. интерес к словарному составу языка у нас возрос, и лексикология стала разрабатываться как самостоятельная дисциплина. Однако внимание исследователей было привлечено главным образом к лексике литературного языка. До сих пор остаются не вполне ясными принципы изучения диалектной лексики.

При изучении диалектной лексики необходимо обращать внимание на особенности семантической структуры слова и отмечать его переносные значения, явления полисемии, омонимии, фразеологические связи, а также активную и пассивную лексику, наличие стилистической дифференциации и т. д. Необходимо учитывать также отношение диалектной лексики к лексике литературного языка, выделяя два лексических пласта — общенародную и собственно диалектную лексику. В последней представлены различные типы диалектизмов, показывающие сложную связь между общенародным словарем и словарем данного диалекта. И, наконец, лексикология должна устанавливать различные влияния и очерчивать иноязычные пласты в лексике, чтобы показать обогащение словаря путем заимствований, а отсюда сделать выводы о связях носителей диалекта с соседними говорами, с литературным языком и языками соседних народов, о культурных влияниях, которые они испытали.

Существенный недостаток наших диалектологических исследований — нечеткое разграничение современного состояния и исторического развития, т. е. синхронии и диахронии. При описании диалекта необходимо иметь ясное представление о его нынешнем состоянии, причем он должен рассматриваться и как самостоятельная система, и как часть общей системы языка. Когда диалект рассматривается как самостоятельная языковая система, т. е. изнутри, все его элементы представляются структурно связанными. Если же диалект рассматривается извне, с точки зрения другой системы, как правило, с точки зрения литературного языка, то в нем могут быть отмечены диалектные особенности, т. е. черты, чуждые литературному языку.

Нередко диалект рассматривается статично, как единая система, лишенная движения; не фиксируются явления новые и устаревшие, отмирающие. Это создает ложное представление о том, что диалект есть абсолютно гомогенная система, в которой, в отличие от литературного языка, отсутствуют варианты (дублетные формы). В действительности во всяком диалекте и на всех его уровнях сосуществуют несколько вариантов, возникших либо в результате самостоятельного внутреннего развития, либо под влиянием других диалектов или литературного языка. Такие варианты могут встречаться как в речи лиц, принадлежащих к разным поколениям, так и в речи лиц одного поколения. При этом варианты не только не препятствуют полноценному функционированию диалекта как средства общения определенного коллектива, но они даже не замечаются носителями диалекта.

Одна из основных и самых важных проблем болгарской диалектологии в прошлом и в настоящее время — это классификация болгарских диалектов, установление их генетических связей и взаимоотношений. В болгарском языкознании с самого его зарождения в середине XIX в. в качестве основной особенности болгарских диалектов признавалось их разделение на две группы — восточную и западную. В основе этого членения лежит так называемая ятевая изоглосса, т. е. особенность, определяемая

рефлексом древнеболгарского *ѣ* в ударном положении. В восточных диалектах, занимающих примерно две трети всей болгарской языковой территории, представлено три рефлекса: гласные [a], [ê] и [e], распределение которых зависит от исторического развития гласного и от характера следующего слога: б'а̀л — б̂ели, б'а̀л — б'ềли, б̂ел — б̂ели, б'а̀л — б'а̀ли. В западных диалектах, занимающих около трети болгарской языковой территории, представлен только один рефлекс — гласный [e]: б̂ел — б̂ели. В своей книге «Das Ostbulgarische» (1903, стр. 31—42) Л. Милетич указывает еще 11 особенностей, присущих только восточным говорам. Однако Б. Цонев в обширной рецензии «Диалектни студии, поправки и допълнения към Милетичевата книга „Das Ostbulgarische“» («Сборник за народни умотворения», XX, 1904), разбирая эти особенности, подчеркивает, что они не только не совпадают с ятевой границей, но и не являются достоянием исключительно восточных говоров. Л. Милетич в ответе своему рецензенту отвел эти возражения, и таким образом вопрос остался открытым. Позднее Ст. Младенов в статье «Zur Grenze zwischen dem Ost- und Westbulgarischen» (AfsIPh, 39, 1925) занял компромиссную позицию, заявив, что оба лингвиста правы, поскольку названные Л. Милетичем черты действительно присущи восточным говорам, но не исключительно, а преимущественно.

Несколько лет тому назад Ст. Стойков в статье «Основното диалектно деление на български език» («Славянска филология», III, 1963), пользуясь методом лингвистической географии и исходя из фонетических, морфологических и лексических изоглосс, предложил новую классификацию болгарских диалектов, разбив их на две группы: центральные говоры северо-восточной и средневосточной Болгарии и латеральные (периферийные) говоры северо-западной, юго-западной и юго-восточной Болгарии. Есть основания предполагать, что эта классификация отражает древнее членение, связанное с расселением болгарских славян по Балканскому полуострову. Завершение издания болгарского диалектологического атласа покажет основательность этой классификации. Интересно отметить, что в последние годы Ст. Стойков, М. С. Младенов, Т. Костова и другие исследователи собрали много новых фактов, которые в целом подтверждают предложенную классификацию.

Перед болгарской диалектологией стоят и другие важные задачи, связанные с всесторонним изучением болгарских территориальных и социальных диалектов. Путь, пройденный ею в последние два десятилетия, дает основания считать, что после осуществления главных ее предпринятых, т. е. создания диалектологического атласа и составления диалектного словаря, изучение всех языковых явлений, выходящих за пределы стандартного (литературного) болгарского языка, станет еще более обширным и плодотворным.

Перевела с болгарского С. М. Толстая

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. Н. ЧЕКМАН

К РАЗВИТИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Характерные черты консонантизма белорусских говоров — цеканье — дзеканье, «шепелявые» $c'', z'' < c', z'$, а также отсутствие мягкого p — называют нередко «ляшскими», имея в виду не столько их действительную природу, сколько гипотезу А. А. Шахматова, согласно которой эти явления возникли как результат действия ляшского (прапольского) субстрата¹. Очевидно, что с установлением факта сравнительно позднего, во всяком случае, не доисторического развития «ляшских» черт [т. е. перехода $t', d', s', z', n', r' > \acute{c}, \acute{d}\acute{z}, \acute{s}, \acute{z}, \acute{n}, \acute{r}$ ($> \acute{z}, \acute{s}$)²] в собственно польских говорах гипотеза А. А. Шахматова потеряла свою убедительность. Большой вес в связи с этим приобрело мнение об автохтонном характере указанных явлений белорусской фонетики, однако авторы, придерживающиеся этого мнения³, не указывают внутренних причин их развития, без чего предположение об автохтонности не может считаться обоснованным. По крайней мере предварительное решение этого вопроса представляется в настоящее время не только необходимым, но и, учитывая успехи белорусской диалектологии, вполне возможным.

Рассмотрим прежде всего фонетическую сущность изменений $[t', d'] > \acute{c}, \acute{d}\acute{z}$, $[c', z'] > c'', z''$ и $[r'] > r$.

Исследователи неоднократно указывали на особую мягкость белорусских $\acute{c}, \acute{d}\acute{z}$ $> m', \acute{d}'$ по сравнению с палатализованными типа русских m', \acute{d}' ⁴. Очевидно также, что белорусские $\acute{c}, \acute{d}\acute{z}$ отличаются от палатализованных зубных аффрикат типа укр. \acute{c} (например, в слове *палець*) или литов. $\acute{c}, \acute{d}\acute{z}$ (в словах *cypti, dziubsėti*)⁵. Как тонко заметил И. Волк-Левонич, большую степень палатализованности белорусским $\acute{c}, \acute{d}\acute{z}$ обеспечивает активное участие в их образовании средней части спинки языка⁶. На этом основании белорусские звуки \acute{c} и $\acute{d}\acute{z}$ по способу образования можно считать с р е д н е я з ы ч н ы м и (в отличие от переднеязычных русск. m', \acute{d}' , укр. \acute{c} , литов. $\acute{c}, \acute{d}\acute{z}$). И. Волк-Левонич под-

¹ См., например, А. А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, СПб., 1899, стр. 8—10; его же, Древнейшие судьбы русского племени, СПб., 1919, стр. 37—39, и др. его работы.

² Z. Stieber, Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego, Warszawa, 1966, стр. 62—64.

³ Е. Ф. Карский, Белорусы, I, Варшава, 1903, стр. 167. П. А. Расторгуев, К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике, «Труды комиссии по диалектологии русского языка», 9, 1927, стр. 40.

⁴ П. А. Расторгуев, указ. соч., стр. 40.

⁵ Е. Ф. Карский, Обзор звуков и форм белорусской речи, М., 1885, стр. 25.

⁶ И. Волк-Левонич, Еще к вопросу о «ляшских» чертах в белорусской фонетике, «Slavia», IX, 3, 1930, стр. 506.

черкивал также, что «укладка языка при цеканьи-дзеканьи более передняя, чем при обыкновенном произношении мягких *д* и *т*»⁷. Действительно, при артикуляции белорусских *ц'*, *дз'* весь язык смещается вперед — вверх таким образом, что средняя спинка языка образует смычку с передней частью среднего неба, захватывая альвеолы верхних зубов; кончик языка при этом расслаблен и направлен книзу. Следовательно, белорусские *ц'*, *дз'* являются передне-средне-небными по месту образования (в отличие от зубных русск. *т'*, *д'*). Вслед за Брокром назовем их краепалатальными⁸ (*ц''*, *дз''*), подчеркивая этим отличие *ц''*, *дз''* от палатальных (среднеязычно-средне-небных) типа польск. *ć*, *dź*.

Краепалатальный характер *ц''*, *дз''* подтверждается их «склонностью» к шепелявому звучанию. Так, П. Бузук наблюдал произношение *дз^{дзэ}-якуй*, *дз^{дзэ}-жверы*, *хоц^ц'ь*, *вiц^ц'енскi* фактически во всех восточных белорусских говорах⁹; С. Некрашевич произношение *дз^{дзэ}-же*, *казац^ц'ь*, *бац^ц'ькавы* и под. считал характерной особенностью паричских говоров (теперь Паричского р-на Могилевской области)¹⁰; аналогичное звучание *ц''*, *дз''* О. Брок отметил в говоре с. Козаковщина (теперь Вороновского р-на Гродненской области)¹¹. Наблюдения такого тонкого фонетиста, как О. Брок, особенно интересны: отождествляя белорусские *ц''*, *дз''* с польскими звуками *ć*, *dź*, он в то же время сомневался в правильности своего решения, транскрибируя, например, белорусское *быць* как *być* или как *buc'*. По нашим наблюдениям, «склонность» к шепелявому звучанию белорусских *ц''*, *дз''* является характерной чертой всех цекающих-дзекающих говоров¹².

В некоторых южнобелорусских (полесских) говорах нами отмечено особое произношение мягких *т*, *д* как *т''*, *д''*. По звучанию эти *т''*, *д''* напоминают западноукраинские *к*, *з*, в словах, например, *кiсто* < *кiсто*, *зiйка* < *дiвка*, но *к*, *з*-призвук у белорусских *т''*, *д''* несколько слабей. По месту и способу образования *т''* и *д''* аналогичны *ц''* и *дз''*, но, в отличие от последних, они артикулируются без участия кончика языка, который покоится при этом у основания нижних зубов. Мы наблюдали *т''*, *д''* в говоре сел Речки и Рудня Ивацевичского р-на Брестской области в положении перед [ѐ], гласными заднего ряда и в конце слов, например, *д''ѣйка*, *од''ѣйса*, *т''ѣло*, *т''ѣсто*, *д''ат''ол*, *мат''* и др., и в с. Н. Рудня Ельского р-на Гомельской области: *стоiт''*, *д''ѣйка*, *д''ѣд*, *т''бiчка* и пр. Можно думать, что дальнейшие исследования позволят обнаружить *т''* и *д''* также в других полесских говорах и более глубоко обосновать гипотезу об их происхождении. В настоящее время кажется несомненным, что они появились, наряду с *ц''*, *дз''*, вследствие реализации тенденции к сдвигу места образования палатализованных *т'*, *д'* в краепалатальную зону.

О «шепелявом» звучании мягких *с'*, *з'* (как *с''*, *з''*) в белорусских говорах, обычно с указанием на редкость и пережиточность этого явления,

⁷ Там же.

⁸ О. Брок, Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 26—27, 31—32, 40, 42, 44.

⁹ П. Бузук, Спроба лiнгвiстычнай геаграфii Беларусi, ч. 1, вып. 1, Мiнск, 1928, стр. 58—59. Здесь и в дальнейшем примеры даются в транскрипции источника.

¹⁰ С. Некрашевич, Да характарыстыкi беларускiх гаворак Парыцкага раёна, «Запiскi адд. гум. навук», Праца класа фiлалогii, т. II, Мiнск, 1929, стр. 190.

¹¹ О. Вгосх, Über einen weißrussischen Dialekt aus der Gegend südlich von Wilna, ZfslPh, 26, 1, 1957, стр. 5.

¹² Границы этих говоров см. по картам №№ 56—57 «Дыялекталагiчнага атласа беларускай мовы» (ДАБМ), Мiнск, 1963.

упоминал в своих работах Е. Ф. Карский¹³. Однако уже П. Бузук отметил произношение *yc^{ue}*, *c^{ue}вiтка*, *c^{ue}м*, *c^{ue}яло*, *шэц^{ue}...*, *памiyc^{ue}я*, *c^{ue}лета*, *з^{ue}ма* на значительной территории — в Смилевичском, Койдановском р-нах и Велижском повете Минской, в Осиповичском и Свислочском р-нах Бобруйской областей, на Случчине, Мозырщине, в северной Черниговщине и некоторых других районах восточной Белоруссии¹⁴, считая его, как и Карский, спорадическим. Характерным явлением для *с^{ue}* носителей паричских говоров признал *с^{ue}*, *з^{ue}* С. Некрашевич¹⁵. З. Штибер зафиксировал *с^{ue}* и *з^{ue}* во *с^{ue}* белорусских говорах между Гродно и Слонимом¹⁶. «Склонность к шепелявому произношению всех зубных свистящих (мягких.— В. Ч.)... наблюдается спорадически, в большей или меньшей степени, на всей территории Белоруссии», — вынужден был констатировать И. Водк-Левонич¹⁷; считать *с^{ue}*, *з^{ue}* спорадическим явлением его вынуждала, видимо, развиваемая им гипотеза о происхождении «ляшских» черт¹⁸.

В диалектологических исследованиях послевоенного времени о *с^{ue}*, *з^{ue}* или не упоминается вовсе, или прямо отрицается их существование. Не картографировалось это явление и в ДАБМ: *с^{ue}*, *з^{ue}* диалектологи заметили только в 10 пунктах из 1027 обследованных¹⁹; характерно, что ни один из них не расположен в районах, перечисленных П. Бузуком. О распространении *с^{ue}*, *з^{ue}* в восточнобелорусских говорах косвенно свидетельствует наличие их в пограничных русских говорах²⁰.

В 1966—1967 гг. мы обследовали 152 пункта, расположенных более или менее равномерно по всей Белоруссии (исключая юго-западный угол Брестской области)²¹, с целью выяснить особенности произношения мягких свистящих сибилантов. Результаты наших наблюдений подтвердили справедливость мнения о широком распространении *с^{ue}*, *з^{ue}* в белорусских говорах, так как оно было отмечено в каждом из 152 пунктов. В то же время не удалось обнаружить ни одного говора, где бы нормой было *с^{ue}*, *з^{ue}*-произношение; во всех обследованных говорах *с^{ue}* и *з^{ue}* являются орфоэпической нормой для всех говорящих на данном диалекте. На этом основании мы считаем, что звуки *с^{ue}* и *з^{ue}* представляют собой одну из наиболее ярких черт консонантизма *с^{ue}* белорусских говоров.

При артикуляции *с^{ue}*, *з^{ue}* кончик языка свободно покоится у основания нижних зубов; передне-средняя часть языка артикулирует к передне-средней части неба, так что и по месту, и по способу образования *с^{ue}*, *з^{ue}* аналогичны *ц^{ue}*, *дз^{ue}*, т. е. являются краепалатальными звуками (в отличие от зубных палатализованных русских *с^{ue}*, *з^{ue}* и польских среднеязычно-среднебных *ś*, *ź*). Белорусские *с^{ue}*, *з^{ue}* только напоминают «польское звучание подобных звуков»²²; показательны в этом отношении

¹³ Е. Ф. Карский, Обзор звуков и форм белорусской речи, стр. 24; только в этой работе шепелявые *с^{ue}*, *з^{ue}* он считал, видимо, особенностью речи всех белоруссов. Его же, Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. Пг., 1918, стр. 30; его же, Белорусы, вып. I, М., 1955, стр. 43.

¹⁴ П. Бузук, Спроба лiнгвiстычнай геаграфii Беларусi, стр. 58—59.

¹⁵ С. Некрашевич, указ. соч., стр. 190.

¹⁶ Z. Stieber, Sposoby powstania s³owiañskich gwar przejñciowych, «Prace Komisji Językowej AU w Krakowie», 27, 1938, стр. 23.

¹⁷ И. Водк-Левонич, указ. соч., стр. 511.

¹⁸ Я. Водк-Левонич, Лекцыi па гiсторыi беларускай мовы, Мiнск, 1927, стр. 253, 258—259 (ротантриг).

¹⁹ Пункты №№ 28, 125, 128, 129, 186, 311, 322, 357, 358, 542 по ДАБМ.

²⁰ В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959, стр. 22.

²¹ Карта и список обследованных пунктов приложена к нашей статье «Да пытання аб «шапелявых» *с^{ue}* и *з^{ue}* у беларускiх гаворках», «Весцi АН БССР», Серыя грамадскiх навук, 3, стр. 83—89.

²² С. Некрашевич, указ. соч. стр. 190.

колебания О. Брока, транскрибировавшего белорусские c' , z' или как s' , z' , или как ξ , ξ' (=польск. ξ , ξ' ²³). Таким образом, учитывая артикуляционно-акустические характеристики белорусских мягких свистящих сибилантов, заключаем, что фонетическая сущность изменений m' , ∂' , c' , z' > u'' , $dз''$ (или m'' , ∂''), c'' , z'' состоит в замене зубных палатализованных краепалатальными звуками.

Проницательности К. Аппеля, предполагавшего возможность существования внутренней связи между возникновением цеканья-дзеканья и отвердением p' в белорусских говорах²⁴, отечественная лингвистическая традиция обязана тем, что названные явления всегда рассматривались вместе. Гипотезу К. Аппеля обосновал И. Недешев, по мнению которого p' могло отвердеть тогда, «когда мягкое p' сделалось затруднительным для произношения. С этого пункта должно было начаться переходное смягчение p , но белорусские говоры остались верны восточному типу звуков. И в этом именно отвердении белорусского p заключается связь с переходом $дь$, $ть$ в $дз$, $ц$, так как твердое p ближе к переходно-смягченным звукам, чем p мягкое»²⁵. Для последующего поколения лингвистов, однако, $p' > p$ было просто одной из «ляшских» черт, хотя сама по себе возможность перехода $p' > p$ под ляшским или польским влиянием вызвала глубокие сомнения.

Между тем, на наш взгляд, гипотеза И. Недешева выдержала проверку временем.

По данным современных исследований, «палатализованные p' являются переднеязычными особого образования; их артикуляционный фокус расположен чуть глубже основания верхних резцов. Смыкается с участком твердого неба (альвеолами и частью верхней десны, к ним прилегающей) не только верхняя поверхность кончика языка, но передний участок спинки»²⁶. Очевидно, что продвижение места артикуляции в (крае)палатальную зону приведет к увеличению «дрожащей» части языка и затруднит осуществление вибрации, ср. звучание современного чешского \check{r} и изменение $\check{r} > \check{z}$, \check{s} в истории польского языка. Другими словами, «дрожащая» и палатальная артикуляция плохо совмещаются; и победа одной из них приводит к ослаблению и ликвидации другой. Именно в этом смысле следует понимать замечание И. Недешева о большей близости к «переходно-смягченным» (читай: краепалатальным) p твердого, чем p' мягкого палатализованного. Следовательно, переход $p' > p$ представляет собой реализацию одного из возможных путей эволюции мягкого p' в связи с тенденцией к замене его краепалатальным звуком; то, что результатом было отвердение p' , а не превращение его в шипящий звук, как в польском, с очевидностью свидетельствует об автохтонном характере $p' > p$ в белорусских говорах.

Можно предполагать, учитывая изложенное, что белорусские мягкие l' и n' тоже изменялись подобно другим зубным палатализованным. К сожалению, у нас имеются лишь косвенные свидетельства того, что место их образования сдвинуто в краепалатальную зону. На это, возможно, указывают отдельные случаи $l' > \tilde{l}$ и $\tilde{l} > l'$ в некоторых словах, например, *карабелыцкы* и *карабейцкы*, *йустэрка* < *л'устэрка*, *Гомель* <

²³ O. B r o c h, Über einen weißrussischen Dialekt..., стр. 20 и сл.: *prašitsa*, *staršiče*, *ražb'ita*, *v'ernýšča*, *v'ěšč'i* и *v'ernýš'a*, *paras'á*, *ko²s'c'* и др.

²⁴ К. А п п е л ь, О белорусском наречии, РФВ, 3, 1—2, 1880, стр. 212.

²⁵ И. Н е д е ш е в, Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров, РФВ, XII, 3—4, 1884, стр. 31.

²⁶ Л. Г. С к а л о з у б, Палатограммы и рентенограммы согласных фонем русского литературного языка, Киев, 1963, стр. 48.

⟨ Гомей, дальбо < дайбог²⁷ (известное по всей Белоруссии), также муравельнік < муравейнік²⁸, Марыля < Марья, лошка < ейушка²⁹.

По нашим наблюдениям, в языках, где имеются палатальные согласные, нет сочетаний «палатальный согласный + йот», что вполне понятно; отсутствуют в них, как правило, и геминированные мягкие согласные. Палатализованные согласные с йотом сочетаются, ср. русск. *зелье, уменье* и пр. Логично предположить, что одним из показателей сдвига места образования палатализованных в краепалатальную зону может быть возникновение мягких геминат из сочетаний «палатализованный + йот», поскольку краепалатальные по месту образования ближе к йоту, чем палатализованные. Наличие в белорусских говорах мягких \bar{r} и \bar{n} (наряду с \bar{r}' , \bar{z}' , \bar{d}' , \bar{s}') и местами \bar{r} , очевидно, из \bar{r}' ³⁰ было бы тогда одним из свидетельств такого сдвига у l' , n' .

Итак, «ляшские» черты белорусской фонетики возникли в результате сдвига места образования зубных палатализованных в краепалатальную зону — палатации³¹; анализ причин их появления должен касаться, следовательно, выяснения фонологических условий, в которых этот сдвиг осуществляется.

Белорусский язык — не единственный из славянских, где произошла палатация палатализованных; она известна польскому [t', d', s', z', n', r' > č, dź, ś, ź, ń, ř (> ž, š)], верхне-лужицкому [t', d' > č, dź], нижне-лужицкому [t', d' > ś, ź], чешскому [t', d', n' > ř, ř, ň] и западным говорам болгарского языка [m', d', l', n' > ř, ř, l', ń]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что палатация осуществилась в тех языках и говорах, где разрушилась позиция нейтрализации, общая для всех противопоставлений по твердости — мягкости, образующих тембровую корреляцию (палатализованные — непалатализованные согласные). В польском, например, это произошло после $\bar{r} > e$, $\bar{z} > e$ и $\bar{s} > 'e$ (в определенных позициях)³²; в чешском — после $\bar{r}, \bar{z}, \bar{s} > e$ и $\bar{s} > 'e$ ³³; в словацком — после $\bar{r} > e$, $\bar{z} > e$ (в части говоров), контрактации, вследствие которой твердые согласные появились перед \bar{e} и \bar{i} ³⁴; разнообразны комбинации изменений, разрушивших ее, в западноболгарских говорах³⁵.

Связь между разрушением позиции нейтрализации, общей для всех противопоставлений тембровой корреляции, и палатацией не случайная. Тембровая корреляция твердых и мягких согласных, в отличие от противопоставлений палатальных — непалатальных, представляет собой ф у н к ц и о н а л ь н о е единство: ее образуют палатализованные фонемы, соотносящиеся с представителями по крайней мере двух локальных

²⁷ Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. I, стр. 303, 322.

²⁸ М. В. Бірыла, Гаворкі Чырвонаслабодскага раёна Мінскай вобласці, «Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР», IV, 1957, стр. 139.

²⁹ М. И. Каспирович, Віцебскі краёвы слоўнік, Віцебск, 1926.

³⁰ См. карту № 64 ДАБМ.

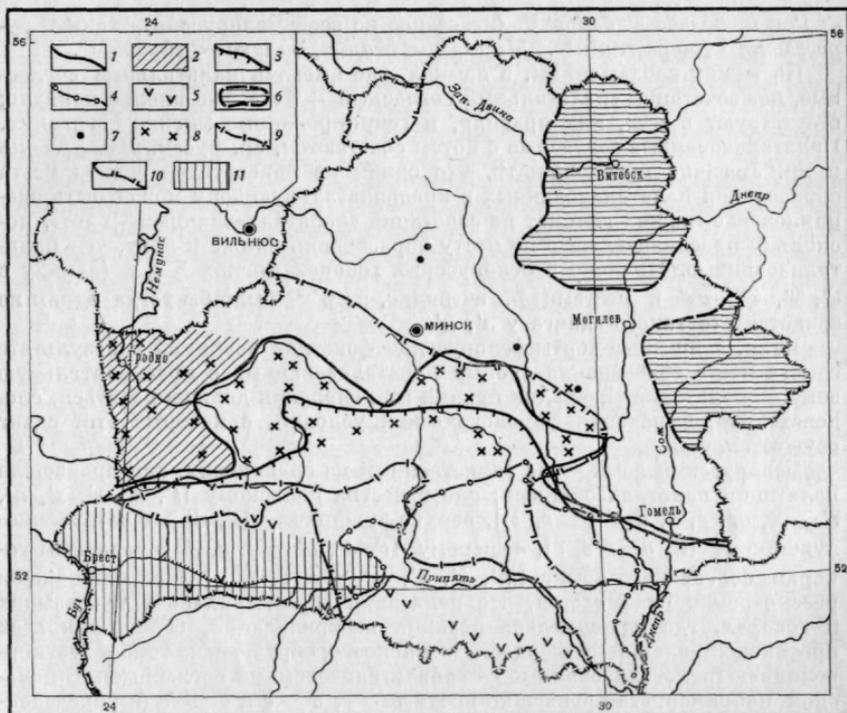
³¹ Термин «палатация» (нем. die Palatalisation) для обозначения процесса образования палатальных согласных, в отличие от «палатализация» (нем. die Palatalisierung), т. е. процесса образования палатализованных, предложен Б. Каллеманом в работе «Zu den Haupttendenzen der urslawischen und altrussischen Lautentwicklung», Uppsala, 1950, стр. 50.

³² Z. Stieber, Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego, стр. 12, 16—17.

³³ T. Lehrs-Pławiński, Z. Stieber, Gramatyka historyczna języka czeskiego, cz. 1, Warszawa, 1957, стр. 60—64.

³⁴ Е. Раулину, Fonologický vývin slovenčiny Bratislava, 1963, стр. 77—78, 93, 102—109.

³⁵ См., например: Л. Гълъбов, Говорът на с. Доброславци, Софийско, «Българска диалектология», кн. II, 1965, стр. 15—18; М. Младенов, Ихтиманският говор, София, 1966, стр. 47—52.

Карта № 1: 1 — северная граница распространения /ɛ/ (по карте № 34 ДАБМ); 2 — говоры, где /ɛ/ отмечено в отдельных пунктах; 3 — северная граница «расщепления» мягких губных перед гласным заднего ряда (по картам № 50, 51 ДАБМ); 4 — говоры с $y > u$ после губных (по карте № 39 ДАБМ); 5 — говоры с $y > i$ после губных (по карте № 39 ДАБМ); 6 — зоны сплошного распространения «э — несмягчающего» в формантах прилагательных (по картам №№ 110, 119—122, 125—127 ДАБМ); 7 — то же в отдельных пунктах; 8 — мн. число существительных с твердой основой типа *дубэ*, *баранэ* (по карте № 95 ДАБМ); 9 — северная граница форм прилагательных ср. рода типа *молодэ* /*йа*/, *нбэ* /*йа*/ с «э несмягчающим» (по картам №№ 114, 115 ДАБМ); 10 — зоны отсутствия мягких гминат (по карте № 64 ДАБМ и карте № 8 «Нарысаў на беларускай дыялекталогіі», стр. 143); 11 — говоры, данные которых не рассматривались в статье

рядов (например, губного и зубного, зубного и заднеязычного)³⁶. Наличие общей позиции нейтрализации удерживает палатализованные согласные разных рядов в рамках этого единства. После ее разрушения принадлежность палатализованного к тому или иному локальному ряду является основным фактором, определяющим его эволюцию, которая становится неизбежной вследствие ослабления функциональных связей между представителями разных рядов. Палатализованные губные, как правило, или отвердевают после этого, или «расщепляются» на «твердый губной + йот»; часть палатализованных зубных отвердевает, часть переживает палатацию, давая начало палатальному ряду, как это произошло, например, в

³⁶ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 144, 146—148, 150—153; R. Jakobson, Über die phonologischen Sprachbünde, TCLP, IV, 1931, стр. 236. G. L. Trager, La systématique des phonèmes du polonais, AL, I, 1939, стр. 180—181; E. Stanekiewicz, The phonemic patterns of Polish dialects, «For Roman Jakobson», Hague, 1956, стр. 522.

истории чешского языка или в западноболгарских говорах. И палатацию, и собственно депалатализацию, таким образом, следует считать депалатализационными процессами в широком смысле этого слова, т. е. процессами, приводящими к разрушению тембровой корреляции твердых и мягких согласных³⁷.

Если наши рассуждения верны, то палатация белорусских палатализованных зубных должна была осуществляться после разрушения позиций нейтрализации, общих для всех противопоставлений по твердости — мягкости. Известно, что в современном белорусском литературном языке в положении перед [e] возможны как мягкие, так и твердые согласные³⁸, и уже на основании этого можно утверждать, что оно не является здесь, в отличие от русского, позицией нейтрализации для твердых и мягких³⁹. Твердые согласные перед [e] встречаются в белорусском, однако только в корнях слов, например, *стэп, мястэчка, сэрца, вуздэчка, лустэрка, вэдгаць, дэсань, задлік* и под., и поэтому согласные, принадлежащие к одной и той же морфеме, в положении перед [e] не чередуются по твердости — мягкости. В то же время при словоизменении и словообразовании твердые согласные регулярно чередуются с мягкими, когда первые попадают в положение перед [e], ср. *стол — на столе, шво — на шве, матыцу — у матыце, неба — на небе, вярба — на вярбе, лампа — у лампе, сотня — соцень, глыб — глыбей, гну — гнеш, вязу — вязаць, даўбу — даўбеш, вазьму — возьмеш* и под. Эти чередования отражают существование в прошлом позиции нейтрализации для твердых и мягких в положении перед [e]; благодаря своей регулярности они способствуют в настоящее время поддержанию связей между мягкими губными и зубными фонемами, т. е. выполняют в какой-то мере роль общей позиции нейтрализации, предохраняя тембровую корреляцию от полного распада.

Сказанное полностью относится ко всем белорусским говорам, в которых нет фонемы [é]⁴⁰. В части из них, однако, в положении перед [e] могут находиться твердые и мягкие фонемы, принадлежащие одной и той же морфеме, что связано с распространением в этих говорах формантов прилагательных, содержащих «э-несмягчающее»: *маладэй хлбнец* (им. падеж ед. числа муж. рода, карта № 110 ДАБМ), *маладэй дзэйкі* (род., дат. падежи ед. числа жен. рода, карты №№ 119, 121 ДАБМ), *з маладэй дзэйкай* (тв. падеж ед. числа жен. рода, карта № 125 ДАБМ), *маладэя хлбцы, дзэйкі* (им. падеж мн. числа, карта № 127 ДАБМ, ср. *маладэй — малодзенкі, маладзёйшы* и под. В этих же говорах встречаются и неударные *-эй*, см. карты №№ 120, 122, 126 ДАБМ. Можно предполагать, что *-эй* в окончаниях прилагательных с твердой основой некогда было распространено на значительно большей территории. Так, оно отмечено в отдельных говорах, лежащих значительно западней основного массива распространения *-эй* в настоящее время (пункты №№ 210, 509, 555, см. карту № 110 ДАБМ). Далее, фактически на всей территории к северу от

³⁷ В. Н. Ч е к м а н, О двух формах депалатализации в славянских языках, «Тыпалогія і гісторыя славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літаратур (тэзісы дакладаў і наведвальняў)», Мінск, 1967, стр. 149—150. Следует заметить, что существование позиций нейтрализации только для парных по твердости — мягкости губных или зубных (например, в конце слова для губных и перед мягкими согласными для зубных и пр.) при отсутствии общей позиции нейтрализации способствует процессу их обособления (т. е. депалатализации губных и палатации зубных).

³⁸ А. И. П а д л у ж и ы, Фоналогическая система современной белорусской лексики. Канд. диссерт., Мінск, 1966, стр. 146—148.

³⁹ Л. Э. К а л ы н ы ь, Категоризация твердых — мягких согласных фонем в белорусском языке, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XVII, 1959, стр. 75.

⁴⁰ По классификации, принятой в белорусской диалектологии, это северо-восточные говоры; см. «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», Мінск, 1964, стр. 21—24, 386—389.

линии, образуемой течением Днепра — Березины — Свислочи и далее на север к Воложину и Ошмянам, известны формы местоимений *тэй* (им. падеж ед. числа муж. рода) и *тэйэ* (род. падеж ед. числа жен. рода, см. карты №№ 134—135 ДАБМ), *к тэй* (дат. падеж ед. числа жен. рода, карта № 136 ДАБМ), *за тэй* (тв. падеж ед. числа жен. рода, карта № 137 ДАБМ) и *тэя* (*тэе*), *тэй* (им. падеж мн. числа, карта № 138 ДАБМ), в которых *-эй*, возможно, одного происхождения с *-эй* прилагательных⁴¹.

Так как «э — несмягчающее» в перечисленных формах и категориях древнего происхождения — его появление датируется XII—XIII вв., до перехода *гы, кы, хы* > *ги, ки, хи*⁴² — то, по крайней мере, начиная с XIV в. в белорусских говорах, составивших основу современных северо-восточных, противопоставления по твердости — мягкости не нейтрализуются в положении перед [e]. К этому времени [ê] окончательно сливается на этой территории с [e]⁴³, и противопоставления твердых и мягких лишаются последней позиции нейтрализации, общей для всех оппозиций. В этих условиях, как уже говорилось, обычно осуществляется палатация (части или всех) палатализованных; произошла она также и в северо-восточных говорах, результатом чего было возникновение «ляшских» черт белорусской фонетики, описанных выше. Тембровая корреляция в этих говорах сохранилась, поскольку парными по твердости-мягкости по-прежнему остались *п — п', б — б', в — в', м — м', т — т', д — д', с — с', з — з', л — л', н — н'*, т. е. члены двух локальных рядов, но она оказалась ослабленной тем, что палатализованные фонемы [т'], [д'], [с'], [з'], и, возможно, [л'], [н'] представлены в ней краепалатальными звуками.

По-иному развивалась система консонантизма в юго-западных белорусских говорах. Почти что для всех из них характерно отверждение мягких губных перед гласными заднего ряда (их «расщепление» на сочетания «твердый губной + йот») ⁴⁴. По твердости — мягкости губные противопоставляются здесь только перед [i], ср. *быць — біць, выць — віць* и др. На юге этой зоны, вследствие переходов *ы* > *у* (карта № 39 ДАБМ) или *ы* > *і* (карта та же) после губных (например, *бук, кобула* или *бік, кобіла*), губные вообще перестали противопоставляться по твердости — мягкости и парными по этому признаку остались зубные *т — т', д — д', с — с', з — з', л — л', н — н', р — р'*. Перечисленные противопоставления следует считать противопоставлениями по месту образования (палатальные — непалатальные), а не по тембру, так как мягкие соотносятся в данном случае с представителями одного ряда. Тембровая корреляция палатализованных — непалатализованных согласных, следовательно, разрушилась. Палатализованные звуки, ставшие представителями палатальных фонем, должны были пережить палатацию, которая и проявилась в виде изменений *т', д' > ч'', дз''* (или *т'', д''*); *с', з' > с'', з''* и *р' > р'' > р*. В некоторых говорах с разрушенной тембровой корреляцией мы наблюдали также палатальные *л* и *й*. Например, в упоминавшемся уже говоре сел

⁴¹ Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. I, стр. 154—158; вып. II—III, М., 1956, стр. 194—199.

⁴² См., например, А. А. Шахматов, Исследования о двинских грамотах XV в., СПб., 1903, стр. 93. Вообще история окончаний *-эй* изучена недостаточно, см. Г. Ильинский, Аб канчатку *-эй* наз. скл. адз. л. мужч. роду прым. і займ. у ўсход. слав. мовах наогул і у белар. наасобку, «Працы класа філалагіі», т. II, стр. 260—281.

⁴³ Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. I, стр. 202—207.

⁴⁴ М. В. Бірыла, Этымалагічна мяккія губныя зычэння ў беларускіх народных гаворках, «Працы Ін-та мовознаўства АН БССР», 3, 1957, стр. 83 и сл. См. также карты № 50, 51 ДАБМ. Указанная депалатализация мягких губных, известная также украинским говорам, связана, видимо, с процессами «переразложения» твердости — мягкости в слоге, происходившими в славянских языках после падения редуцированных. В данной статье рассматривать этот вопрос, однако, не представляется возможным.

Речки и Рудня Брестской области произносят *снѣх*, на *вснѣ*, *тѣмѣна*, *вѣмѣна* и пр.; л мягкое сохраняет палатализованность (л'). В говоре с. Н. Рудня Гомельской области палатальными являются оба сонанта: *хлѣб*, *лѣто*, *стоѣ*, *коѣ*, *с' в' іна* и пр.⁴⁵

Необъясненным остается наличие «ляшских» черт в говорах, где все противопоставления по твердости — мягкости нейтрализуются перед [ѣ]. Они образуют неширокую полосу между северо-восточными говорами и говорами юга с разрушенной тембровой корреляцией. «Ляшские» черты в них возникли или в следствие неизвестных нам причин (и тогда следует признать, что разрушение позиции нейтрализации, общей для всех противопоставлений по твердости — мягкости, еще недостаточно для осуществления палатации), или же, как можно полагать, их появление на этой территории является результатом междиалектного взаимодействия⁴⁶.

Данные памятников древнебелорусской письменности хорошо подтверждают относительную хронологию рассмотренных изменений. Так, палатация в северо-восточных говорах могла начаться после слияния [ѣ] и [е]; единичные случаи неразличения этих звуков на письме зафиксированы начиная с XIII в., но только в XV в. оно стало обычным явлением⁴⁷. Окончание *-эй*, благодаря распространению которого появились сочетания «твердый согласный + э», в то время было широко представлено в говорах (см. выше).

Свидетельством сдвига места образования палатализованных в краепалатальную зону служит переход $p' > p$; случаи необозначения мягкости исконно мягких p' относятся к концу XIV — началу XV в.⁴⁸. Бесспорные случаи отражения палатации c' , z' , m' , а именно написания ш, ж, ч вместо с, з, т мягких, относятся к XVI в.⁴⁹. «Расщепление» мягких губных, сыгравшее важную роль в судьбах тембровой корреляции в юго-западных белорусских говорах, спорадически отражены в древней письменности, начиная с XV в.⁵⁰

Основываясь только на показаниях древнебелорусских памятников, Е. Ф. Карский относил возникновение «ляшских» черт в белорусской фонетике к XIV—XV вв.⁵¹ Условия для их зарождения, т. е. согласно развиваемой нами гипотезе, для палатации палатализованных, в белорусских говорах к этому времени действительно сложились и, следовательно, датировку Е. Ф. Карского можно считать приемлемой и вполне обоснованной.

⁴⁵ Подробнее о южнобелорусских говорах с разрушенной тембровой корреляцией см.: В. М. Ч а з м а ц, Нататкі аб проціпастаўленнях па цвёрдасці — мяккасці ў некаторых паўднёвабеларускіх гаворках, «Лінгвістычныя даследаванні», Мінск, 1968, стр. 6—19.

⁴⁶ В северной части юго-западной зоны узкой полосой расположены говоры, которым известна форма существительного множественного числа с твердой основой на *-э*: *дубѣ*, *баранѣ*, *сталѣ* и проч. (карта № 95 ДАБМ). Положение перед /е/ не является здесь позицией нейтрализации для противопоставлений по твердости — мягкости, ср. *дубѣ* — на *дуб'э*, *баранѣ* — на *баран'э* и проч., но все оппозиции этого рода нейтрализуются перед /ѣ/. В западной части Гродненской области /ѣ/ отмечено только в некоторых пунктах; противопоставления твердых и мягких на этой территории не имеют общей позиции нейтрализации, и, следовательно, условия для палатации здесь также сложились. Вопрос заключается в том, насколько древней является утрата /ѣ/ в этих говорах.

⁴⁷ Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, вып. I, стр. 200—207.

⁴⁸ Там же, стр. 306—310.

⁴⁹ Ср.: А. А. Ш а х м а т о в, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 314.

⁵⁰ Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, вып. I, стр. 326—327.

⁵¹ Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, вып. I, стр. 345. См. также: Н. Т. В а й т о в и ч, Да пытання аб паходжанні беларускага дзекання і цекання «Вучоныя зап. Мінскага пед. ін-та», Філалагіч. серыя, 1, Мінск, 1950, стр. 96.

А. И. ДОМАШНЕВ

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА(К характеристике национальных вариантов
современного немецкого литературного языка)

Исторический процесс формирования литературных языков характеризуется рядом закономерностей. Анализируя главные из них, В. В. Виноградов отмечает, что в определенных условиях наблюдаются сложные и своеобразные процессы дифференциации единого литературного языка и формирования его национальных разновидностей или вариантов, обладающих правами и функциями самостоятельного литературного языка¹.

До недавнего времени, и в особенности в период чрезмерного увлечения формализованными методами, вопросам подобного направления не уделялось должного внимания. Разочарование результатами и связанное с этим ослабление интереса к структуральным исследованиям побуждает вновь иначе взглянуть на сущность языка и факторы, обуславливающие его развитие.

В этой связи можно с уверенностью предсказать на ближайшее будущее увеличение внимания к вопросам социальной обусловленности языка², поскольку проявляемый к ним интерес определяется их важным значением не только для частного языкознания, но и для таких вопросов общего языкознания, как закономерности развития национальных языков в связи с развитием наций, типы вариативности литературного языка, язык и общество, взаимоотношение между функциональным и внутриструктурным развитием языка и т. п.

Особую актуальность приобретают исследования литературного языка, вопросов нормы и ее вариантов, проблемы культуры речи и т. д. На совместном совещании ученых Института языкознания АН СССР и Института немецкого языка и литературы Немецкой АН (ГДР) по теме «Проблема нормы и социальная дифференциация языка» Э. А. Макаев справедливо отметил: «Во второй половине XX века наблюдается несомненное обострение интереса к комплексу проблем, связанных со статусом литературного языка, с понятием нормы литературного языка и ее различными интерпретациями, с соотношением нормы и ее многоступенчатых вариантов...»³.

¹ В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития, М., 1967, стр. 52.

² См. об этом: Ф. П. Филин, Проблема социальной обусловленности языка, «Язык и общество. Тезисы докладов», М., 1966, а также статьи: Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка; В. М. Жирмунский, Проблема социальной дифференциации языков, сб. «Язык и общество», М., 1968, и др. статьи в этом сборнике.

³ Э. Макаев, К методике сопоставительного изучения современных германских литературных языков, «Проблема нормы и социальная дифференциация языка. Тезисы докладов», М., 1967, стр. 8.

Одним из типов языковой вариантности является вариантность, основанная на дифференциации литературного (стандартного) языка, распределяющего свои функции между двумя или несколькими нациями, т. е. когда он, по определению Д. Брозовича⁴, является национально-негомогенным стандартным языком. Следствием подобной дифференциации являются разновидности речи в национальных пределах. Современная лингвистика определяет такие разновидности национально-негомогенных стандартных языков как национальные варианты. Для понятия национального варианта существен ряд признаков, по которым его следует отличать от других типов языкового варьирования на уровне литературных норм внутри единого языка.

Национальный вариант — это форма адаптации единого литературного (стандартного) языка к условиям, потребностям и традициям наций — носителей данного языка, иными словами, национальный вариант является особой формой функционирования единого стандартного языка в условиях самостоятельного «коллектива сношений» (А. Бах), нации — носителя данного языка⁵.

Такие формы национальной речи единого стандартного языка не обладают резкими структурными расхождениями и представляют собой, по определению Г. В. Степанова⁶, подобия зачинающихся языковых «видов», которые только в определенных условиях могли бы стать резкими разновидностями. Первое условие требует, чтобы диалектные основы таких разновидностей были достаточно различными, чтобы их территориальное и лингвистическое расхождение было достаточно велико. Если к этому отправному условию добавляются другие: социальные, политические, культурные, экономические и др., постепенно подобное развитие может привести к образованию из разновидностей самостоятельных стандартных языков⁷. Однако, не обнаруживая резких структурных расхождений, национальные формы литературной речи приобретают автономию, которая осознается и поддерживается их носителями.

Из этого прежде всего следует, что национальный вариант — это не только языковое, но языково-социологическое явление и для выделения данного понятия необходимы факторы не только лингвистические, но и экстралингвистические. Исходя из того, что национальные варианты единого стандартного языка не имеют резких структурных расхождений, мы рассматриваем их тем самым в качестве элементов единой и более общей языковой структуры, обладающих генетической и структурной общностью. Но такой лингвистический критерий, как справедливо отмечает Г. В. Степанов⁸, не приводит еще к окончательному решению вопроса о специфике варианта стандартного языка, поскольку, например, диалект также является элементом более общей структуры и тоже обладает признаками генетического и структурного единства в системе данного языка. Дальнейшая детализация лингвистических критериев варианта показывает, что вариант языка, в отличие от диалекта, обладает более сложной внутренней структурой и имеет собственный диалектный уровень. Национальный вариант имеет собственную форму разговорно-литературной речи и функционально-стилистическую подсистему.

Вместе с тем важнейшим признаком варианта языка является экстралингвистический фактор — общественная функция, выполняемая дан-

⁴ Д. Брозович, Славянские стандартные языки и сравнительный метод, ВЯ, 1967, 1, стр. 17.

⁵ Ср.: Г. В. Степанов, Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. Автореф. докт. диссерт., Л., 1966, стр. 20; Д. Брозович, указ. соч., стр. 17.

⁶ Г. В. Степанов, указ. соч., стр. 20.

⁷ См.: Д. Брозович, указ. соч., стр. 16.

⁸ Г. В. Степанов, указ. соч., стр. 21.

ным вариантом языка в самостоятельном «коллективе сношений»: обучение в школе, использование по радио и телевидению, в кино и театре, применение в делопроизводстве, издание газет, журналов, книг и т. д.⁹, т. е. практически функции национального варианта языка тождественны функциям самостоятельного стандартного языка¹⁰.

Национальные варианты языка необходимо отличать от так называемых территориальных вариантов, развивающихся во всяком стандартном языке с достаточно обширной территорией его распространения.

Хотя как для национального, так и для территориального варианта литературного языка свойственно культивирование местных (диалектных, ареальных) языковых особенностей, в национальных вариантах эта местная специфика лингвистических дифференцирующих факторов играет значительно меньшую роль. Одновременно для национального варианта, обладающего, как мы отмечали выше, функциями самостоятельного стандартного языка, характерны определенные лингвистические факты как следствие автономного развития (эволюции) унаследованной субстанции или как приобретенные элементы, являющиеся либо результатом развития собственных материальных возможностей субстанции языка, либо результатом его автономного взаимодействия с другими языками¹¹, в то время как питательной средой для дифференциации территориального варианта остается локальный (ареальный, диалектный) языковой материал, а в остальном же его эволюция протекает в общих рамках процесса развития данного стандартного языка.

Возникновение разновидностей речи в национальных пределах в сущности означает процесс формирования собственных социальных моделей языка, напоминающих по своему типу структуру любого самостоятельно-го национального языка¹². Это прежде всего означает, что национальный вариант более нормирован, чем территориальный вариант, и представляет собой сформировавшуюся единицу, обладающую комплексными языковыми особенностями. В этом смысле, национальный вариант — это вариант нормы и самой языковой структуры данного стандартного языка, в то время как территориальный вариант возникает вследствие дифференцированного употребления отдельных единиц как местных (диалектных, ареальных) особенностей стандартного языка.

Наряду с этим, национальный вариант имеет своей диалектный (один или несколько) уровень и в нем могут быть выделены собственные территориальные варианты литературного языка¹³, поскольку он выполняет свои функции в пределах национальной общности, для которой могут быть характерны свои местные (диалектные, ареальные) языковые особенности, в то время как территориальный вариант является прямым след-

⁹ Ср.: М. А. Б о р о д и н а, О территориальных вариантах национального языка, сб. «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 135.

¹⁰ Имея это в виду, Д. Брозович отмечает, что для сербов и хорватов, например, национальные варианты хорваткосербского стандартного языка функционируют так же, как для русских функционирует русский стандартный язык; иными словами, в отношении стандартности русский стандартный язык легче сравнивать с национальными вариантами (сербским и хорватским), чем с хорваткосербским языком в целом (Д. Б р о з о в и ч, указ. соч., стр. 17).

¹¹ См.: Д. Б р о з о в и ч, указ. соч., стр. 12—13.

¹² См.: Г. В. С т е п а н о в, указ. соч., стр. 15.

¹³ Ср., например, в немецком языке Австрии, где, кроме венского городского диалекта, можно отметить диалекты Каринтии, Штирии и другие диалекты австро-баварского ареала. В рамках австрийского варианта немецкого литературного языка выделяются территориальные варианты типа *Zugehörin* со значением «Aufwartefrau, Bedienerin «приходящая домработница», *Ofner* со значением «Hafner, Ofensetzer; печник» (провинция Форарльберг) или *Marendé* со значением «Jause; полдник» (Тироль).

ствием культивирования данных (местных) языковых особенностей, исчерпывающих его сущность.

Представляется также необходимым различать национальные варианты литературного языка и варианты языка, обслуживающие членов языковой общности, рассеянных среди многочисленных иноязычных народов (например, группы переселенцев финнов, норвежцев, поляков из Европы в США и Канаду), или членов компактно живущих народностей, окруженных многочисленным иноязычным народом (например, немецкие колонисты в Пенсильвании — США), или сосредоточенных на окраинах других национальных государств (немецкие национальные меньшинства в Эльзасе и части Лотарингии — Франция, в Альто-Адидже — Южный Тироль, Италия), поскольку эти так называемые «побочные языки» («Nebensprachen» — А. Бах) или «ответвления» («Seitentriebe» — В. Хенцен) не обладают идентичными функциями с национальным вариантом языка и имеют принципиально иные условия для своего существования (давление культурно-политической гегемонии другого — государственного языка, влияние языковых контактов в условиях постоянного билингвизма и т. д.).

Применяя такое представление для системы современного немецкого языка, в ней можно выделить следующие особые формы функционирования стандартного языка в качестве его национальных вариантов: собственно немецкий стандартный язык («Binnendeutsch»), обслуживающий немцев в обоих германских государствах — ГДР и ФРГ, австрийский вариант немецкого стандартного языка, швейцарский вариант немецкого стандартного языка. Иными словами, следует различать собственно немецкий стандарт, австрийский стандарт и швейцарский стандарт немецкого языка¹⁴.

Анализ особенностей австрийского варианта немецкого языка показывает, что различительные черты выявляются на всех уровнях языковой структуры. В лексико-семантическом плане эти расхождения связаны с наличием лексических противопоставлений, т. е. с наличием разных лексем в каждом из вариантов языка — австрийском и собственно немецком — для выражения одной семантической общности, а также с выявлением различий в объеме значений той или иной общей лексической единицы. При совпадении значений могут выявляться расхождения в экспрессивно-стилистической окраске слов. При всем многообразии отдельных типов различий, можно выделить два основных вида противопоставлений лексических единиц: противопоставления лексических единиц, имеющих расхождения в плане содержания при общности в плане выражения, и противопоставления лексических единиц, имеющих расхождения в плане выражения при общности в плане содержания. А. Д. Швейцер¹⁵ называет первый вид противопоставлений лексико-семантическими дивергентами, а второй — лексико-семантическими аналогами. Обратимся к первому виду — к лексико-семантическим дивергентам. Здесь можно выделить не-

¹⁴ Немецкий язык является официальным языком в княжестве Лихтенштейн, но там он находится под сильным влиянием швейцарского употребления немецкого литературного языка (швейцарского стандарта), поэтому уже по этой причине не приходится говорить о каком-либо отдельном варианте. Что касается немецкого языка в Люксембурге, то в последнее время он там утратил свои прежние позиции и является одним из государственных языков наряду с люксембургским и французским, уступая последнему. Подробнее см.: Н. М о s e r, Neuere und neueste Zeit, «Deutsche Wortgeschichte», 2, Berlin, 1959.

¹⁵ А. Д. Ш в е й ц е р, Различительные элементы американского и британского вариантов современного английского языка. Автореф. докт. диссерт., М., 1966, стр. 20.

сколько типов расхождений. В качестве первого назовем многозначные слова, одно или несколько значений которых являются общенемецкими, а другое значение имеет «одностороннюю локальную маркированность» (А. Д. Швейцер). Так, глагол *ausreiben* в качестве общенемецкого, т. е. общего как для собственно немецкого, так и для австрийского, лексико-семантического варианта, имеет значение «вытирать, выводить» (пятна), а в австрийском варианте он употребляется также и со значением «чистить, мыть» (пол). У многозначного существительного *Bäckerei* общенемецкими являются значения «булочная, пекарня», в то время как значение «печенье» имеет австрийскую маркированность. Аналогичное противопоставление может наблюдаться и в заимствованных словах. Так, образованный от латинского глагол *adjustieren* имеет общенемецкие значения «прилаживать; пригонять; приправлять; проверять», в то время как значения «снабжать; снаряжать; вооружать; одевать в форму» имеют австрийскую маркированность. Наблюдения над этим типом расхождений показывают, что локально-маркированные, лексико-семантические варианты многозначного слова, как правило, связаны с областью детерминированных значений от основной смысловой структуры данного слова, являющегося общенемецким. В других случаях одна и та же лексическая единица обнаруживает некоторые частные различия в значении в каждом из вариантов языка. Так, существительное *Schale* в австрийском варианте соответствует общенемецкому *Tasse* («чашка»), тогда как в немецком варианте слово *Schale* означает не вообще любую «чашку», а только определенной формы — «плоская чашка». Аналогичные различия отмечаются в слове *Sessel*, которое в немецком варианте означает «кресло», а в австрийском — «стул».

Следующим типом лексико-семантических дивергентов могут служить случаи, когда оба значения многозначного слова локально маркированы, т. е. ни одно из значений не является общенемецким. Так, английское *Cottage* означает в немецком варианте *Landhaus* («загородный дом; дача»), а в австрийском — *Villenviertel* («квартал вилл»). И, наконец, встречаются случаи с более сложным комплексом семантических связей. Так, существительное *Regie* имеет общенемецкое значение «режиссура; постановка; государственная монополия». В форме множественного числа *Regien* в австрийском варианте слово имеет значение «издержки; накладные расходы».

Вторым основным видом противопоставлений, как уже отмечалось, являются лексико-семантические аналоги или аналоговые противопоставления. При этом расхождения в способе выражения одной семантической общности могут сводиться к различным структурным вариантам одного и того же слова для каждого из вариантов языка, а также состоять в том, что определенная семантическая общность может выражаться разными словами.

Обратимся к противопоставлениям различных структурных вариантов одного и того же слова. В качестве первого можно назвать графические варианты слова. Так, общенемецкому варианту *Dependenz* противопоставляется австрийский вариант *Dependance* и, соответственно: *Kompagnon* — *Compagnon*; *Kompanie* — *Compagnie* и т. д. Далее следует выделить акцентные варианты слов, при этом такие варианты могут быть двусторонне локально-маркированными, например, немецкое *Antimon* и австрийское *Antimon*, а также соответственно *Kiosk* — *Kiosk*; *Kopie* — *Kopie*; *Hangar* — *Hangar* и т. д., либо общенемецкому акцентному варианту противостоит односторонний (австрийский) локально-маркированный вариант: общенемецкое *Almanach* — австрийский вариант *Almanach*, *Overall* — *Overall*.

Отмечаются также противопоставления звуковых вариантов слов, связанные с частичными различиями в фонемном составе слов. Так, выделяется немецкий звуковой вариант слова *Popeline* — [popəli: nə] и австрийский [popli : nə], а также соответственно [abonə'mä] — [abon'mä:].

Выделяются также противопоставления, основанные на различиях по долготе и краткости гласных в слове. Так, немецкому [pro'fɪ : t] противопоставит австрийский [pro'fit] и др.

В других случаях различия в фонемном составе связаны с особенностями реализации словообразовательных аффиксов. Так, последовательно в словах с суффиксом *-age* немецкому варианту, например, в слове *Garage* [ga'ra: ʒə] противопоставит австрийский [ga'ra: ʒ] (ср. также *Agiotage*, *Blamage*, *Courage*, *Massage*, *Passage*).

Аналоговые противопоставления могут быть выделены в связи с различиями словообразовательных вариантов некоторых слов. Так, общенемецкому варианту *Geolog* может быть противопоставлен локально маркированный немецкий вариант *Geologe*, не употребительный в австрийском варианте языка (ср. также немецкие *Philolog/Philologe* и австрийский — *Philolog* и, соответственно, в таких словах, как *Pädagog*, *Soziolog*, *Technolog* и др.).

Общенемецкому варианту *Zinke* противопоставляется локально-маркированный (австрийский) вариант *Zinken* (ср. также *Stapfe* — *Stapfen*; *Bausch* — *Bauschen*). В других случаях оба варианта являются локально маркированными: немецкий *Zacke* и австрийский *Zacken*, *Scherbe* — *Scherben*, *Wecke* — *Wecken*.

Наблюдаются и другие словообразовательные различия вариантов типа австрийского *Ferialtag* и немецкого *Ferientag*, *Kommerzialrat* — *Kommerzienrat*, *Kassier* — *Kassierer*, *Friseurin* — *Friseur*.

Аналоговые противопоставления выделяются также в вариантах слов с различными префиксами в каждом из вариантов языка. Так, немецкому структурному варианту *abtragen* «изнашивать» (платье) противопоставит австрийский *übertragen* (ср. также *abgetragenes Kleid* — *übertragenes Kleid*), аналогично и в других случаях: немецкое *abkühlen* «охлаждать» и австрийское *überkühlen*, *abtrocknen* «высушивать» — *überrocknen*.

Аналоговые различия наблюдаются также в сложных словах. Так, австрийскому *Gepäckablage* соответствует немецкое *Gepäckablage* и соответственно в других случаях: *Gesangsbuch* — *Gesangbuch*.

Характерным типом межвариантных аналогов противопоставлений являются противопоставления различных лексем, обозначающих одну семантическую общность. Такое противопоставление может быть односторонне локально-маркированным, когда в каждом варианте языка для обозначения данной семантической общности используются различные лексемы: немецкое *Karussell* «карусель» и австрийское *Ringelspiel*, немецкое *Sahne* «сметана» и австрийское *Obers*.

Аналоговые противопоставления этого типа могут быть основаны на различии общенемецкого слова и односторонне локально-маркированного варианта. Так, общенемецкому *Dienstordnung* «служебный распорядок» противопоставит австрийский *Pragmatik*, а также в других случаях соответственно: общенемецкое *Fensterladen* «ставень» — австрийское *Spalett*; общенемецкое *Felsendurchgang* «проход в скалах» — австрийское *Törl*.

Анализ подобных аналоговых различий показывает, что взаимоотношения между вариантами языка в этом плане представляют собой весьма сложное образование. Так, в значительной части случаев дифференциация между немецким и австрийским вариантами выявляется в смысловой или стилистической плоскости. Например, существительные *Treppe*, *Stiege* относятся к общенемецкой лексике, однако если *Stiege* является в австрий-

ском варианте нейтральным названием «лестницы», то в немецком такое нейтральное употребление характерно только для южнонемецких областей, а в литературном языке под этим обычно понимают «узкую, крутую лестницу», в то время как нейтральным вариантом является *Treppe*. В свою очередь *Treppe* употребляется в Австрии в основном применительно к «парадной лестнице». Это взаимоотношение отражается соответственно и на составе словообразовательных парадигм с основами данных слов: австрийские *Stiegengeländer* «перила» (лестницы), *Stiegenhaus* «лестничная клетка» и немецкие *Treppengeländer*, *Treppenhaus*.

Для выяснения сущности межвариантных взаимоотношений является важным анализ общенемецких лексических единиц с точки зрения степени их ангажированности каждым из вариантов языка, так как это оказывается связанным с характером лексико-семантических парадигм и в конечном счете с идиоматическим строением данного варианта языка. Так, из двух общенемецких лексем *betrunken*, *alkoholisiert* «пьяный» для австрийского узуса наиболее характерно использование варианта *alkoholisiert: alkoholisierter Fahrer; im alkoholisierten Zustand; alkoholisiert am Volant* и т. д. Употребление данного варианта в австрийском имеет спонтанный, регулярный характер, в то время как *betrunken* в такой же степени свойствен немецкому узусу. Таким образом, ни одна из данных лексем не имеет односторонней локальной маркированности и речь идет о степени их функциональной загруженности, ангажированности определенным вариантом языка.

Мы остановились лишь на некоторых различительных чертах австрийского варианта немецкого языка¹⁶, но и они дают достаточное представление о том, насколько всеобъемлющий характер они имеют. Многочисленные исследования швейцарского варианта немецкого языка¹⁷ показывают, что в Швейцарии немецкий язык обладает различительными чертами, выраженными еще в большей мере, чем в Австрии¹⁸. Если иметь в виду национальные варианты немецкого языка и представить их совокупность как «архисистему» (Э. Косериу), то каждый вариант можно определить как частную систему («частная вариантная подсистема» — Г. В. Степанов) немецкого языка, а система немецкого языка в целом предстает перед нами как корреляционная иерархия, представляющая собой совокупность частных систем. В лингвистическом плане это соответствует ситуации, при которой единый стандартный язык является скорее либо тенденцией, либо идеальным заданием, нежели реальностью. Иными словами, национально негомогенный стандартный язык существует только как абстракция и практически реализуется в виде отдельных вариантов: собственно немецкий, австрийский, швейцарский.

Этим положением определяется суверенность особенностей и норм вариантов стандартного языка, однако оно не подрывает единства немецкого языка. Национальные варианты обладают совокупностью таких структурных признаков, которые обеспечивают им не только известную стабильность, но в них заложены тенденции дальнейшего развития в русле этих форм. Хотя их развитие в современных условиях происходит параллельно и нормализационные процессы будут постоянно приводить к сглаживанию тех или иных различий между ними, национальные варианты

¹⁶ См. подробнее: А. И. Домашнев, Очерк современного немецкого языка в Австрии, М., 1967.

¹⁷ См., например: W. H e n z e n, Schriftsprache und Mundarten, Bern., 1954; e r o ж e, Sprache, Sprachgeschichte, Sprachpflege in der deutschen Schweiz, Zürich, 1964; A. F a l k, Besonderheiten des deutschen Wortschatzes in der Schweiz, «Muttersprache», 10, 1965.

¹⁸ Ср., например, у Н. Мозера в указ. соч. «Отклонения от немецкого более многочисленны, чем в Австрии» (стр. 524).

будут также постоянно получать новый дивергентный материал в качестве приобретенных элементов под влиянием диалектов, вследствие автономного взаимодействия с другими языками, под воздействием духовной и материальной культуры, общественно-государственной надстройки и т. д. Это положение делает совершенно закономерным требование национальной культуры речи, отвечающей общей задаче как языкового, так и национального строительства в странах распространения немецкого языка. Исследование национальных форм речи является важной составной частью работы по изучению проблем литературных языков, закономерностей их образования, развития и функционирования. На актуальность подобных исследований указывает В. В. Виноградов в труде, упоминаемом в начале этой статьи.

Национальные формы литературной речи как объекты лингвистического исследования должны сопоставляться на равных правах друг с другом. Для подлинного познания объекта исследования и объективных и научных выводов исключительную важность приобретает определение методики анализа материала, одним из непеременимых условий которой является соблюдение правил одинаковых уровней, т. е. необходимость сопоставления явлений вариантов языка при строгом соблюдении тождественности окружения сопоставляемых единиц в каждом из вариантов стандартного языка. основополагающая концепция в этом направлении была изложена Э. А. Макаевым в упоминаемом выше труде.

Изучение национальных вариантов современного немецкого языка имеет не только теоретический, но и практический интерес, так как дает возможность определенной ориентации в преподавании языка и его теории. Практическое овладение национальными формами речи национально-негомогенного стандартного языка может являться частью специальной задачи.

М. М. КОПЫЛЕНКО

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТИПА *ДАТЬ СОВЕТ* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение фразеологических единиц является насущной задачей славянского языкознания. Данные сопоставительного изучения сочетаний лексем могут быть с успехом использованы для решения генетических проблем¹, для структурно-типологической характеристики отдельных славянских языков и групп языков, для теории и практики перевода, а также в методических целях.

В настоящей статье рассматриваются сочетания глагольных лексем с субстантивными лексемами абстрактного (коннотативного) значения в 10 славянских языках (в старославянском, русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, болгарском, сербско-хорватском, словенском). Эти сочетания соответствуют 10 значениям, обозначаемым для удобства изложения по-латински: *consilium dare, voluntatem explorare, pecunias creditas condonare, enuntiationem perferri, iussum capere, responsum capere, legem violare, locum tenere, damnum inferre, nefas committere*. В заголовках приводимых ниже таблиц рядом с латинским обозначением помещается русский эквивалент сочетания.

Отбор сочетаний производился с учетом следующих ограничений:

1. Сочетания во всех славянских языках должны соответствовать одному структурному типу (в нашем случае — $V_{tr} + S_{acc}$. Это необходимо для того, чтобы иметь возможность для прямого сопоставления. Не рассматриваются, например, ст.-слав. *възвести сѣдѣ* и *испълнити правѣдѣ*, которым соответствуют русск. *подвергнуть суду* и *быть справедливым*.

2. К сопоставлению привлекаются лишь общепотребительные сочетания нейтрального стиля; выражения профессионального характера и стилистически окрашенные синонимы исключаются. Так, во второй строке табл. 2 под русск. В имеется в виду *исполнить волю*. Не учтено стилистически окрашенное заимствование из ст.-слав. *теорить волю*. Во второй строке табл. 6 под русск. Б имеется в виду *получить ответ*, в третьей строке — под укр. В — *одержати відповідь*. Не учтены русск. *принять ответ* (из речевого обихода военных и работников связи) и укр. *дістати відповідь*.

3. Сопоставляются только такие сочетания современных славянских языков, которые имеют представленный данным конструктивным типом эквивалент в ст.-слав. языке. Не подвергаются рассмотрению, например, русск. *принять решение, производить впечатление* и под. Это ограничение обусловлено общей проблематикой исследования.

Сопоставление глагольно-субстантивных сочетаний славянских языков показывает, что релевантным является лишь различие или сходство глагольных лексем. Различие или сходство субстантивных лексем не

¹ См.: Л. И. Ройзензон, К проблеме сравнительного изучения фразеологии славянских языков, «Prace filologiczne», XVIII, 2, Warszawa, 1964, стр. 120—122.

должно приниматься во внимание, потому что оно относительно стабильно. Так, ст.-слав. *отвѣтъ* постоянно или в большинстве случаев соответствует русск. *ответ*, укр. *відповідь*, белорусск. *адказ*, чеш. *odpověď*, болг. *отговор* и т. д. Что же касается, например, русской глагольной лексемы *получить*, то она далеко не всегда соответствует чеш. *dostati* (ср.: *получить ответ* — *dostati odpověď*, но *получить огласку* — *získati ohlas*, *получить подданство* — *nabýti občanství*).

Предполагаются критерии близости сочетания языка $Я_1$ к сочетанию языка $Я_2$. Устанавливая эти критерии, мы стремились учесть точку зрения лица, изучающего неизвестный ему язык. Критериям даются количественные оценки, что позволяет вычислить коэффициент близости (Кбл) славянских языков по способам выражения каждого из 10 значений.

Наибольшая близость сочетания $Я_1$ к сочетанию $Я_2$ наблюдается в тех случаях, когда глагольной лексеме $Я_1$ соответствует в $Я_2$ та же глагольная лексема, например, русск. *получить ответ* — болг. *получа отговор*. В приводимых ниже таблицах такие случаи получают высший балл — 3.

Баллом 2 обозначаются случаи, когда глагольной лексеме сочетания $Я_1$ соответствует в сочетании $Я_2$ другая лексема, но лексема $Я_1$ также имеется в $Я_2$ и употребляется в значении, достаточно близком к значению лексемы $Я_1$. Например, русск. *нарушить закон* — серб.-хорв. *прекрштити закон* при наличии в серб.-хорв. *нарушити мир, тишину*.

Баллом 1 обозначаются случаи, когда лексеме сочетания $Я_1$ соответствует в сочетании $Я_2$ другая лексема и лексема $Я_1$ так же, как в описанных выше случаях, имеется в $Я_2$. Однако она существенно отличается по своему значению от лексемы, входящей в сочетание $Я_1$. Например, польск. *dostać odpowiedź* — серб.-хорв. *dobiti odgovor*. В сербскохорватском есть глагол *dostati*, но только в значении «оказаться в достаточном количестве; хватить», а не в значении «получить», как в польском языке.

Нулевой балл выставляется в тех случаях, когда лексемы, выступающей в сочетании $Я_1$, вообще нет в $Я_2$. Например, словен. *dobiti odgovor* — ст.-слов. *приАти отвѣтъ*. В старославянских памятниках не зарегистрирован глагол *добыти*.

Под заголовком каждой таблицы приведены все глагольные лексемы, которые образуют сочетания, соответствующие данному значению в различных славянских языках. Для удобства изложения они записаны в праславянской форме, хотя многие из них могли отсутствовать в праславянском языке. В горизонтальных строках рядом с названием языков указаны посредством буквенных обозначений глагольные лексемы, образующие в них сочетания, соответствующие данному значению.

Сводный балл в конце горизонтальной строки указывает на степень распространенности лексемы, входящей в сочетание данного языка, в других славянских языках. Ср., например, резкий контраст между показателями первой и третьей горизонтальных строк в табл. 4. Высокий сводный балл первой строки — 18 объясняется тем, что во всех славянских языках есть глагольная лексема **prije-*, хотя она и не употребляется в них в данном сочетании. Низкий балл третьей строки — 4 объясняется тем, что укр. *одержати* отсутствует в пяти языках, имеется лишь в четырех, но употребляется в них не в данном сочетании и в совершенно ином значении (ср. русск. *одержать победу*, ст.-слав. *одръжати доуш А*). Аналогично объясняется и балл 4 в четвертой строке: белорусск. *атрымаць* отсутствует в большинстве языков, имеется только в украинском и польском, но не употребляется в этих языках в данном сочетании.

Сводный балл в вертикальных графах указывает на распространенность в том или ином языке лексем, употребляемых в сочетаниях, соответствующих данному значению, другими славянскими языками. Раз-

личия между показаниями горизонтальных строк и вертикальных граф могут быть значительными. Так, сербскохорватский и словенский имеют в горизонтальных графах табл. 7 очень низкий балл — 3, потому что употребляемая в данном сочетании лексема имеется только в этих языках. В вертикальных же графах эти языки имеют относительно высокий показатель — 14, потому что в сербскохорватском есть все, а в словенском большинство лексем, употребляемых в сочетаниях, соответствующих данному значению, другими славянскими языками.

Сумма всех показателей горизонтальных строк (как и вертикальных граф) дает сводный балл — n . Коэффициент близости между языками с точки зрения выражения данного значения получается в результате деления n на m (максимально возможный балл). Этот балл равен 270. Он мог бы получиться в том случае, если бы все славянские языки употребляли в сочетаниях, соответствующих данному значению, одну и ту же лексему.

После каждой таблицы приводится Кбл славянских языков по данному сочетанию. Приводятся также изоглоссы полных сходжений (ряды языков, имеющих общий показатель — наивысший балл 3) и гипотезы относительно генезиса сочетаний². С нашей точки зрения, констатация калькирования, т. е. иноязычного генезиса, должна явиться итогом тщательного сопоставительного изучения сочетаний лексем, а не (как это обычно бывает) исходным пунктом исследования.

Таблица 1¹*Consilium dare* «дать совет»А. **da-*; Б. **udǎl-*

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чешск.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	3	3	3	2	3	3	3	3	3	26
Русск. А	3	×	3	3	2	3	3	3	3	3	26
Укр. А	3	3	×	3	2	3	3	3	3	3	26
Белорусск. А	3	3	3	×	2	3	3	3	3	3	26
Польск. Б	0	2	0	2	×	2	2	0	2	0	10
Чешск. А	3	3	3	3	2	×	3	3	3	3	26
Словац. А	3	3	3	3	2	3	×	3	3	3	26
Болг. А	3	3	3	3	2	3	3	×	3	3	26
Серб.-хорв. А	3	3	3	3	2	3	3	3	×	3	26
Словен. А	3	3	3	3	2	3	3	3	3	×	26
Сводный балл	24	26	24	26	18	26	26	24	26	24	244

¹ Кбл. = $\frac{244}{270} = 0,9$. Изоглосса: ст.-слав. — русск. — укр. — белорусск. — чешск. —

словац. — болг. — серб.-хорв. — словен. Поскольку подавляющее большинство славянских языков выражает *consilium dare* посредством * *dati s'vĕtŕŕ* ((*po*) *radŕ*), следует считать этот тип сочетаний общеславянским. В польском — новообразование. Ст.-слав. *дати съвѣтъ* — своеобразная славянская передача греческого одиночного глагола $\sigma\upsilon\beta\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\nu$.

Подведем некоторые итоги:

1. Расхождения между ст.-слов. и другими славянскими языками при наличии греческих соответствий позволяет определить как несомненные кальки следующие сочетания: *творити волж*, *приѣти заповѣдь*, *приѣти отѣтъ*, *прѣстѣпнати законъ*, *дръжати мѣсто*, *творити ерѣдь* и *творити безаконнѣ*.

² Как правило, высказываются предположения только относительно калькирования с греческого и не учитываются другие возможные источники.

Таблица 2¹

Voluntatem explere «исполнить волю»
 А. **tvor-*; Б. **vykon-*; В. **is (vy) p/n-*

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9
Русск. В	2	×	0	0	2	3	2	3	3	3	18
Укр. Б	0	0	×	3	3	2	3	0	0	0	11
Белорусск. Б	0	0	3	×	3	2	3	0	0	0	11
Польск. Б	0	0	3	3	×	2	3	0	0	0	11
Чеш. В	2	3	0	0	2	×	2	3	3	3	18
Словац. Б	0	0	3	3	3	2	×	0	0	0	11
Болг. В	2	3	0	0	2	3	2	×	3	3	18
Серб.-хорв. В	2	3	0	0	2	3	2	3	×	3	18
Словен. В	2	3	0	0	2	3	2	3	3	×	18
Сводн. балл	10	13	10	10	20	21	20	13	13	13	143

¹ Изоглоссы: 1) русск. — чеш. — болг. — серб.-хорв. — словен.; 2) укр. — белорусск. — польск. — словац. Ст.-слав. *tvoriti volju* — калька с греч. *ποιεῖν θέλημα*. Во всех других славянских языках *tvoriti* не входит в сочетание *voluntatem explere* и имеет иное значение. Не исключено также влияние греческого на формирование сочетания **is (vy) p/niti vol'o* (ср. в «Иудейской войне» — переводном памятнике XI—XII вв. — *исполнити волю* в соответствии с греч. *παραποιεῖν θέλημα*), но это сочетание в гораздо большей степени, чем предыдущее, соответствует фразеологическому строю славянских языков. В украинском, белорусском, польском, словацком и отчасти в чешском либо инновация, либо сохранившийся лишь в западной части распространения славянских языков архаизм.

Таблица 3¹

Pecunias creditas condonare «простить долг»
 А. **otъrust-*; Б. **prost-*; В. **oprost-*; Г. **daroc-*

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	2	2	3	3	1	1	3	19
Русск. Б	1	×	0	0	0	0	0	2	0	0	3
Укр. Г	1	1	×	3	3	1	1	1	1	1	13
Белорусск. Г	1	1	3	×	3	1	1	1	1	1	13
Польск. Г	1	1	3	3	×	1	1	1	1	1	13
Чеш. А	3	2	2	2	2	×	3	1	1	3	19
Словац. А	3	2	2	2	2	3	×	1	1	3	19
Болг. В	0	0	0	0	0	0	0	×	3	2	5
Серб.-хорв. В	0	0	0	0	0	0	0	3	×	2	5
Словен. В	3	2	2	2	2	3	3	3	1	×	21
Сводн. балл	13	11	14	14	14	12	12	14	10	16	130

¹ Кбл. = $\frac{130}{270} = 0,47$. Изоглоссы: 1) ст.-слав. — чеш. — словац. — словен.; 2) укр. —

белорусск. — польск.; 3) болг. — серб.-хорв. Греческое соответствие ἀφαινεῖν ὀφειλόμενα не обязательно свидетельствует о том, что **otъrustiti dlъzъ* — калька. Прямое соответствие греческому имеет только глагольная, но не субстантивная лексема. Наличие многочисленной изоглоссы, в которую входят территориально далекие языки, говорит в пользу исконного облика сочетания. В украинском, белорусском, польском, болгарском и сербско-хорватском — новообразования.

Таблица 4¹

Enuntiationem perferri «получить известие»

А. *prije-; Б. *poluč-; В. *odŕž-; Г. *dosta-; Д. *doby; Е. *otrima-

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело- русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.- хорв.	Словен.	Свод- ный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18
Русск. Б	2	×	0	0	0	0	0	3	2	0	7
Укр. В	1	1	×	0	0	0	0	0	1	1	4
Белорусск. Е	0	0	2	×	2	0	0	0	0	0	4
Польск. Г	1	2	2	2	×	3	3	0	1	1	15
Чеш. Г	1	2	2	1	3	×	3	0	1	1	14
Словац. Г	1	2	2	1	3	3	×	0	1	1	14
Болг. Б	2	3	0	0	0	0	0	×	2	0	7
Серб.-хорв. Д	0	2	2	2	2	2	2	2	×	3	17
Словен. Д	0	2	2	2	2	2	2	2	3	×	17
Сводный балл	8	16	14	10	14	12	12	9	13	9	117

¹ Кбл. = $\frac{117}{270} = 0,43$. Изоглоссы: 1) русск. — болг.; 2) польск. — чеш. — словац.;

3) серб.-хорв. — словен. Ст.-слав. *pri-iti* *вѣсть* — стремление перелать своеобразными славянскими средствами греческий одиночный глагол *ἡρτάσθηνα*. Другие славянские языки сформировали сочетание *enuntiationem perferri* самостоятельно и отличными от старославянского языка средствами. Факты свидетельствуют об имевшем место взаимодействии между русским и болгарским; польским, чешским и словацким; сербскохорватским и словенским.

Таблица 5¹

Iussum capere «получить приказ»

А. *prije-; Б. *poluč-; В. *odŕž-; Г. *dosta-; Д. *doby; Е. *otrima-

Языки	Ст.-слав.	русск.	Укр.	Бело- русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.- хорв.	Словен.	Свод- ный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18
Русск. Б	2	×	0	0	0	0	0	3	2	0	7
Укр. В	1	1	×	0	0	0	0	0	1	1	4
Белорусск. Е	0	0	2	×	2	0	0	0	0	0	4
Польск. Г	1	2	2	2	×	3	3	0	1	1	15
Чеш. Г	1	2	2	1	3	×	3	0	1	1	14
Словац. Г	1	2	2	1	3	3	×	0	1	1	14
Болг. Б	2	3	0	0	0	0	0	×	2	0	7
Серб.-хорв. А	0	2	2	2	2	2	2	2	×	3	15
Словен. Д	0	2	2	2	2	2	2	2	3	×	17
Сводный балл	8	16	14	10	14	12	12	9	13	9	117

¹ Кбл. = $\frac{117}{270} = 0,43$. Изоглоссы те же, что и в табл. 4. Ст.-слав. *pri-iti* *заповѣдь* соответствует греч. *δέχεσθαι* (*λαμβάνειν*) *ἐντολήν*. В остальном — то же, что и в табл. 4.

2. Изоглоссе полного схождения глагольных лексем по 10 сочетаниям оказалось 24. Ст.-слав. входит лишь в 2 изоглоссы, в то время как чешский входит в 9 изоглоссы, русский, словацкий, болгарский, сербскохорватский и словенский — в 8, белорусский — в 7, украинский — в 6, польский — в 4. Изоглоссы редко соответствуют принятому делению славянских языков на подгруппы: русский, украинский, белорусский — 2; серб-

Таблица 6¹

Responsum capere «получить ответ»

А. **priję*; Б. **poluč*; В. **odřž*; Г. **dosta*; Д. **doby*; Е. **otrima*.

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	2	2	2	2	2	2	2	18
Русск. Б	2	×	0	0	0	0	0	3	2	0	7
Укр. В	1	1	×	0	0	0	0	0	1	1	4
Белорусск. Е	0	0	2	×	2	0	0	0	0	0	4
Польск. Г	1	2	2	2	×	3	3	0	1	1	15
Чеш. Г	1	2	2	1	3	×	3	0	1	1	14
Словац. Г	1	2	2	1	3	3	×	0	1	1	14
Болг. Б	2	3	0	0	0	0	0	×	2	0	7
Серб.-хорв. Д	0	2	2	2	2	2	2	×	3	3	17
Словен. Д	0	2	2	2	2	2	2	3	×	3	17
Сводный балл	8	16	14	10	14	12	12	9	13	9	117

¹ Кбл. = $\frac{117}{270} = 0,43$. Изоглоссы те же, что и в табл. 4. Ст.-слав. *prijęti* *otъ* *etъ* либо то же, что *prijęti etъ* (передача $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\iota\sigma\theta\eta\iota\alpha\tau$), либо соответствие греч. $\delta\iota\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (*laržaneti*) *apokřeti*. В остальном — то же, что в табл. 4.

Таблица 7¹

Legem violare «нарушить закон»

А. **perstorp*; Б. **naruš*; В. **poruš*; Г. **perkrš*;

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	0	1	2	2	2	2	1	2	14
Русск. Б	0	×	0	0	3	0	2	3	2	2	12
Укр. В	0	0	×	3	1	3	3	0	1	3	14
Белорусск. В	0	0	3	×	1	0	3	0	1	2	10
Польск. Б	0	3	0	0	×	0	3	3	2	2	12
Чеш. В	0	0	3	3	1	×	3	0	1	0	11
Словац. В	0	0	3	3	1	3	×	0	1	0	11
Болг. Б	0	3	0	0	3	0	2	×	2	0	10
Серб.-хорв. Г	0	0	0	0	0	0	0	0	×	3	3
Словен. Г	0	0	0	0	0	0	0	0	3	×	3
Сводный балл	0	8	9	10	12	8	17	8	14	14	100

¹ Кбл. = $\frac{100}{270} = 0,37$. Изоглоссы: 1) русск. — польск. — болг.; 2) укр. — бело-русск. — чеш. — словац.; 3) серб.-хорв. — словен. Ввиду того, что ст.-слав. *přetъ* *zakonъ* стоит особняком и имеет греческое соответствие *parašiveti* *zъmon* не остается сомнения в том, что это калька.

Образования с корнем **riš* несомненно исконно славянские; в сербскохорватском и словенском, возможно, калька с немецкого (ср. нем. *Verbrechen* «преступление» и *das Gesetz brechen* «нарушать закон»).

скохорватский, болгарский, словацкий — 1, польский, чешский, словацкий — 0. Зато много изоглосс между языками, находящимися в отношениях тесного культурного взаимодействия: русский, болгарский — 8; чешский, словацкий — 8; сербскохорватский, словенский — 7. Ср. еще некоторые данные об изоглоссах: русский, белорусский — 3; украинский,

Таблица 8¹*Locum tenere* «заниять место»

А. *drž-; Б. *zaje-; В. *obsad-; Г. *zavzг-

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	0	1	2	1	2	1	1	12
Русск. Б	1	×	3	3	3	1	1	3	0	0	15
Укр. Б	1	3	×	3	3	1	1	3	0	0	15
Белорусск. Б	1	3	3	×	3	1	1	3	0	0	15
Польск. Б	1	3	3	3	×	1	1	3	0	0	15
Чеш. В	0	0	0	0	0	×	3	0	0	0	3
Словац. В	0	0	0	0	0	3	×	0	0	0	3
Болг. В	1	3	3	3	3	1	1	×	0	0	15
Серб.-хорв. Г	0	0	0	0	0	0	0	0	×	3	3
Словен. Г	0	0	0	0	0	0	0	0	3	×	3
Сводный балл	5	14	14	12	13	10	9	14	4	4	99

¹Кбл. = $\frac{99}{270} = 0,37$. Изоглоссы: 1) русск. — укр. — белорусск. — польск. — болг.;

2) серб.-хорв. — словен.; 3) чеш. — словац. В изоглоссы входят все языки, кроме старославянского, в котором *дръжати мѣсто* при наличии греческого соответствия *κατὰ τὸν τόπον* следует признать калькой. Кбл. снижается благодаря своеобразию чешского и словацкого, сербскохорватского и словенского.

Таблица 9¹*Dammum inferre* «причинить вред»

А. *tvor-; Б. *pričin-; В. *rob-; Г. *sposob-; Д. *učin-; Е. *uręd-; Ж. *škodovati

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	1	1	1	1	2	2	1	13
Русск. Б	1	×	0	3	2	0	0	3	1	2	12
Укр. В	0	0	×	2	1	2	0	0	0	0	5
Белорусск. А	0	3	0	×	1	0	0	3	1	0	8
Польск. Е	0	0	0	0	×	0	0	0	0	0	0
Чеш. Г	0	0	0	0	1	×	3	0	0	0	4
Словац. Г	0	0	0	0	1	3	×	0	0	0	4
Болг. А	1	3	0	3	2	0	0	×	1	2	12
Серб.-хорв. Д	1	2	0	2	1	1	0	0	×	2	9
Словен. Ж	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	0
Сводный балл	3	10	2	11	10	7	4	8	5	7	67

¹Кбл. = $\frac{67}{270} = 0,25$. Изоглоссы: 1) русск. — белорусск. — болг.; 2) чеш. — словац.

Ст.-слав. *творити врѣдъ* стоит особняком и является калькой с греч. *ποιεῖν τὸν ὀνείδην*. В изоглоссы входят лишь пять языков, а глаголов — семь. Оба этих факта говорят о том, что сочетание возникло поздно, по-разному в различных языках. Этим и объясняется низкий Кбл.

белорусский — 6, польский, белорусский — 2; русский, украинский — 2; болгарский, сербскохорватский — 3.

Наибольшего доверия для установления исконного славянского облика сочетаний заслуживают многочисленные изоглоссы, в которые входит старославянский и территориально далекие современные языки. Та-

Таблица 10¹

Nefas committere «совершать беззаконие»

А. *твор; Б. *сѣвѣѣ; В. *izъvѣѣ; Г. *rob; Д. *uѣin-; Е. *sprach-; Ж. *popлn-

Языки	Ст.-слав.	Русск.	Укр.	Бело-русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Болг.	Серб.-хорв.	Словен.	Сводный балл
Ст.-слав. А	×	2	2	1	1	1	1	2	2	1	13
Русск. Б	2	×	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Укр. Г	0	0	×	3	1	0	0	0	0	0	4
Белорусск. Г	0	0	3	×	1	0	0	0	0	0	4
Польск. Ж	0	0	0	0	×	0	0	0	0	0	0
Чеш. Е	0	0	0	0	0	×	3	0	0	0	3
Словац. Е	0	0	0	0	0	3	×	0	0	0	3
Болг. В	0	0	0	0	0	0	0	×	2	3	5
Серб.-хорв. Д	0	0	0	2	0	0	0	0	×	1	3
Словен. В	0	0	0	0	0	0	0	3	2	×	5
Сводный балл	2	2	5	6	3	4	4	5	6	5	42

¹ Кбл. = $\frac{42}{270} = 0,15$. Изоглосса: укр.—белорусск. Ст.-слав. *творити безаконик* —

калька с греч. *ποισῖν ἀνομιῶν*. Низкий Кбл. объясняется тем, что в изоглоссы входят лишь два языка (при семи образующих сочетания глаголах). Сочетания возникли поздно, самостоятельно в отдельных языках.

ковы изоглоссы сочетаний *consilium dare* [во всех языках, кроме польского, в котором *udzielić rady* — **dati sѣvѣt (radѣ)*] и *pecunias creditas condonare*: ст.-слав.—чеш.—словац.—словен. **otъrustiti dѣg*. Показательны также изоглоссы сочетания *voluntatem explere*: русск.—чеш.—белорусск.—серб.-хорв.—словен. **is(vy)plъniti vol'ѣ* и укр.—белорусск.—польск.—словац. **vykonati vol'ѣ*.

3. Общая картина сопоставительного анализа показывает, что старославянская сочетаемость обособлена от сочетаемости других славянских языков, что она в ряде случаев создавалась по чуждым славянским языкам образцам. Однако в периферийных стилях современного русского языка (как и других славянских языков) сохранились дошедшие до нашего времени через книжную среду старославянские сочетания. Ср., например, русск. *творить волю, принять известие, принять ответ, принять приказ, преступить закон, творить беззаконие* и переосмысленное *держатъ место*. Ср. меньше в укр.: *творити волю, прийняти вiстку, держати місце*.

Л. И. РОЙЗЕНЗОН, И. В. АБРАМЕЦ

СОВМЕЩЕННАЯ ОМОНИМИЯ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

С тех пор как устойчивые словесные комплексы стали предметом специальных исследований, в центре внимания ученых всегда находятся вопросы смысловой структуры фразеологизмов. основополагающие работы по теории фразеологии Ш. Балли и В. В. Виноградова собственно и посвящены выявлению основных особенностей семантической структуры фразеологических оборотов, а предложенные ими классификации фразеологических единиц (ФЕ) строятся на основе различий в семантической структуре фразеологизмов. Если с этой точки зрения рассмотреть классификацию ФЕ Виноградова — Шанского¹, то окажется, что на одном из ее полюсов находятся обороты, в которых план содержания всего оборота в целом абсолютно не совпадает с планом содержания компонентов (сращения), а на другом — ФЕ, в которых планы содержания оборота и составляющих его компонентов полностью совпадают (выражения). Остальные типы этой классификации занимают промежуточное положение между данными полярными группами ФЕ, причем возможные комбинации соотношений планов содержания оборота и его компонентов не исчерпываются, конечно, указанными двумя группами (единства и сочетания). Возможны ФЕ, отражающие и некоторые другие типы соотношения этих планов².

В частности, возможны ФЕ, в которых переносное значение (не вытекающее из суммы планов содержания компонентов) может сосуществовать, присутствовать одновременно с его прямым значением (равным сумме планов содержания компонентов). Например, оборот *пожимать плечами* одновременно называет соответствующий жест, и в этой своей функции является свободным сочетанием слов, и передает значение удивления, недоумения и т. п., совсем не вытекающее из значения компонентов и потому являющееся фразеологическим значением. Таким образом, в обороте *пожимать плечами* совмещаются фразеологизм со значением «удивляться, недоумевать» и т. п. и омонимичное ему свободное словосочетание, называющее жест. Это явление можно назвать с о в м е щ е н н о й о м о н и м и е й.

Целью настоящей работы является рассмотрение явления совмещенной омонимии в трех группах ФЕ русского языка, называющих: 1) жесты и мимику — ФЖМ (*пожимать плечами*, *махнуть рукой* и т. п.); 2) ритуальные действия — ФРД (*встречать хлебом-солью* и т. п.); 3) символические действия — ФСД (*выкинуть белый флаг* и т. п.).

¹ В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологическая», Л., 1946; е г о ж е, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, в сб.: «А. А. Шахматов», М.—Л., 1947; Н. М. Ш а н с к о й, Фразеология современного русского языка, М., 1963.

² См. об этом также: В. П. Жуков, Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления, ФН, 1962, 3, стр. 82.

1. Первую и самую многочисленную группу фразеологизмов — совмещенных омонимов (ФСО) составляют устойчивые словосочетания, обозначающие символические жесты (*махнуть рукой, пожимать плечами, чесать затылок, разводить руками, всплеснуть руками, потирать руки, качать головой* и др.), мимику (*делать большие глаза, широко раскрыть глаза, сверкать глазами, хлопать глазами, дуть губы, тарачить глаза* и др.) и некоторые другие телодвижения и действия человека (*топать ногами, сжимать кулаки, держаться за живот, щелкать зубами, скрежетать зубами, стучать зубами* и др.). Большинство ФЕ рассматриваемой группы выражают чувства (злость, радость, испуг, отчаяние), состояние (*стучать зубами, щелкать зубами*) и то или иное отношение к происходящему (удивление, недоумение, непонимание, интерес и т. п.).

Словосочетания, называемые жесты и мимикой, как устойчивые словесные комплексы совершенно не изучены, несмотря на то что явились объектом ряда исследований по фразеологии и грамматике русского и других языков³. Для всех исследований, в той или иной мере затрагивающих вопрос о фразеологизмах-жестах, характерно: 1) отсутствие указания на особенности семантической структуры ФЖМ, т. е. на совмещение в них прямого и переносного значений; 2) смешение ФЖМ с многочисленными оборотами, имеющими в своем составе названия частей тела; 3) отсутствие указания на различную степень фразеологизации оборотов, называемых жесты и мимические движения.

ФЖМ не описаны с достаточной полнотой и в словарях. Из имеющихся толковых и фразеологических словарей русского языка лишь «Словарь современного русского литературного языка» отразил возможность данных оборотов употребляться с различной степенью фразеологизации⁴. Но здесь отсутствует необходимая полнота и четкость описания.

Таким образом, ни семантическая структура, ни другие особенности ФЖМ не изучены, их место в фразеологической системе языка не определено.

С точки зрения структурно-грамматических особенностей большая (основная) часть устойчивых сочетаний рассматриваемой группы представляет собой сочетание «глагол + существительное» в вин. или твор. падеже (чаще без предлога) ед. или мн. числа. Исключения сравнительно редки: *похлопывать по плечу* (дат. падеж), *делать большие глаза* (определение к именному компоненту), *приложить палец к губам, постучать пальцем по лбу, рвать на голове волосы, бить себя в грудь, щелкать себя по кадыку, воздевать руки к небу, переминаясь с ноги на ногу, барабанить пальцами по столу, глаза на лоб лезут* (три компонента) и др.

Круг именных компонентов рассматриваемых оборотов семантически ограничен: это существительные, обозначающие части тела или лица, которые участвуют в жестах и мимических движениях, являющихся знаками определенных значений: руки, ноги, палец, ладони, кулак, плечи,

³ Имеются в виду работы: Ф. В а к к, О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке, Таллин, 1964; А. Н. В а с и л ь е в а, О семантической структуре связанных сочетаний (на материале сочетаний с существительными, обозначающими части тела), «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции», Новосибирск, 1967, стр. 143; С. И. О ж е г о в, О структуре фразеологии, «Лексикографический сборник», II, М., 1957, стр. 43, 47; О. С. Н е с т е р е н к о, Фразеология произведений Чехова. Канд. диссерт., Владимир, 1966, стр. 214—216; И. П е т е, Глагольные словосочетания с названиями частей тела, «Studia slavica», XIV, 1968.

⁴ Подробнее об отражении описываемой группы ФЕ в «Словаре современного русского литературного языка» см.: И. В. А б р а м е ц, Фразеология и лексикография (К вопросу о фразеологии и «Словаре современного русского литературного языка»), «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц», Тула, 1968.

затылок, голова, висок, глаза, брови, лоб, нос, рот, губы, зубы, язык, лицо, уши, шея, грудь, живот и некот. др.⁵

Называя те или иные жесты, подобные обороты вместе с тем передают и значение этих жестов. Например: 1) *приложить палец к губам* = «совершить соответствующий жест» + «призвать к молчанию»: «Тут он испытующе посмотрел на Савушкина, потом подмигнул ему и *поднес палец к губам*: — Тсс!...» (В. Ардаматский, Сатурн почти не виден); «Люда быстро *приложила к губам палец* и глазами указала на приближающуюся хозяйку» (Матюшина, За дружбу); 2) *махнуть рукой* означает: действительно совершить физическое действие махания рукой + выразить бесполезность продолжения какого-либо действия, дела: «Эвелина в бессильной злобе *махнула рукой*: „Да что с тобой говорить!“» (Ладислав Гросман, Магазин на площади). «— Разве их проберешь благородными словами?! — *махнул он рукой* и, плюнув, пошел за ворота» («Осколки», 1885, 51, стр. 5). Первое значение приведенных оборотов равно сумме значений составляющих их компонентов и потому является их прямым, буквальным значением. Второе же, обусловленное лишь символической жестом и ни в какой мере не определяемое значениями компонентов, является переносным, фразеологическим значением. Следовательно, семантическая структура устойчивых словосочетаний, называющих различного рода символические жесты, может состоять (но, как будет показано ниже, не обязательно всегда состоит) из двух компонентов: свободного значения словосочетания, описывающего жест, и фразеологического значения оборота, сообщающего о символическом значении жеста. Это совмещение прямого и переносного значений в одном обороте дает возможность считать ФЖМ с о в м е щ е н ы м и о м о н и м а м и (ФСО) и признать наличие в сфере фразеологии явления совмещенной омонимии⁶.

К описываемой группе ФСО примыкают и обороты *сделать кислую (недовольную и т. п.) мину, сделать рожу, соорудить физиономию (рожу), соорудить (сделать) гримасу*. Они безусловно носят мимический характер, хотя и не называют определенной части лица, так как в этих мимических движениях участвует все лицо. Эти обороты в отличие от вышеуказанных не имеют определенного символического значения, так как называют мимические движения разной психологической направленности. Вот почему такого рода выражения, как правило, чаще всего включают атрибутивные и адвербиальные уточнители. Например: «Посетил его и губернатор. Он воротился с известием, что, по его мнению, князь действительно немного помешан, и потом всегда *делал кислую мину* при воспоминании о своей поездке в Духаново» (Достоевский, Дядюшкин сон); «Челкаш оскалил зубы, высунул язык и, *сделав страшную рожу*, установил на него вытаращенными глазами» (М. Горький, Челкаш); «Мирон, изображая управляющего, заговорил смешным старческим голосом и *соорудил такую комическую рожу*, что учитель не выдержал и расхохотал-

⁵ Обороты, в которых именной компонент относится к иным семантическим сферам, единичны: *теребить пуговицы* («Бртко опустил руку и стал теребить пуговицу. Им овладело беспокойство» (Ладислав Гросман, Магазин на площади), *грызть кончик карандаша* («Он нервно грыз кончик карандаша», «Крокодил», 1964, 35, стр. 8) и некот. др. Хотя действия, называемые приведенными оборотами, и не являются собственными жестами, тем не менее, они непосредственно примыкают к последним в силу одинаковости их функции в семиотике поведения человека.

⁶ Среди ФЖМ выделяется группа оборотов, семантическая, а в некоторых случаях и грамматическая структура которых несколько отлична от описанной. Это обороты типа *еот где сидит* (с жестом, указывающим на шею, горло и т. п.), в которых отсутствует буквальный план — описание самого жеста. Подробнее об этой группе см.: Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец, Об одной группе устойчивых глагольных словосочетаний русского языка, «Материалы XXIV научной конференции СамГУ», Серия филологических наук, Самарканд, 1968, стр. 308—309.

ся) (Скиталец, Лес разгорелся); «Попробовав затем рисовую кашу и заев все хлебом, он *состроил недовольную гримасу*» (Степанов, Порт-Артур); «Старик *состроил физиономию необыкновенно серьезную и критическую*» (Достоевский, Униженные и оскорбленные); «Спинжак махнул рукой и *сделал кислое лицо*. Ну, значит, пропало дело! — сказал он» («Осколки», 1887, 40, стр. 4).

Не все символические жесты явились базой возникновения в языке ФЕ. Типы соотношений «жест — ФЕ» различны, их можно распределить по следующим группам:

1. Жест не имеет однозначного языкового выражения и передается в речи чисто описательно. Сюда относится, например, жест постукивания пальцем по виску, указывающий на чью-то умственную неполноценность, и др.

2. За жестом закреплена определенное словосочетание, в одних случаях являющееся свободным (когда жест не является символическим), в других — ФСО (когда жест символический). Ср.:

Свободное словосочетание

«В прихожей Диомидов *топал ногами*, наделая галопш» (Горький, Жизнь Клима Самгина)

«Вот *потирала руки* и как-то ежась, нетвердой походкой вошел тщедушный субъект в потертом пиджаке, стоптанных сапогах и помятой фуражке» («Осколки», 1890, 3, стр. 3)

ФСО

«Он принялся неустоиво браниться, *топать ногами*, не желая слушать никаких доводов» (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке)

«Артисты *потирали руки* в сладкой надежде разделить огромный куш» («Осколки», 1888, 52, стр. 5)

Такого же характера ФЖМ *хвататься за голову, приложить палец к губам, показывать язык, широко раскрывать глаза* и др.

3. Устойчивые сочетания, называющие жесты, — всегда ФСО: *всплескивать руками, кивать головой, поманить пальцем, заламывать руки, сверкать глазами* и др.

4. Устойчивые сочетания, называющие жесты, — ФСО, в определенных контекстных условиях переходящие в собственно ФЕ. Ср. ФСО: «— Я рассержусь, — прибавила она с кокетливой ужимкой и *надула губки*» (Тургенев, Накануне); ФЕ: «Меня обидели его слова. Он заметил это. — Ты что *губы надул?* Ишь ты!» (М. Горький, Детство). Сюда же войдут: *гладить по головке, показывать кукиш* и др.

5. Некоторые жесты дали языку целый ряд оборотов, состоящих из свободного словосочетания, ФСО и собственно фразеологизма. Ср.

1) свободное сочетание: «Старик опять зашагал по каюте, *зябко пожимаая плечами*» (Степанов, Порт-Артур); 2) ФСО: «— Это что, правда, Кружан, то, что говорил Рябинин? — сухо зато спросил он. Кружан *пожал плечами*. — Нет, уж ты не *пожимай плечами*, — рассердился старик. — Не такое дело. Ты скажи...» (Горбатов, Мое поколение); 3) ФЕ: «Даже достоинств самых обыкновенных уже не было видно в его произведениях... истинные знатоки и художники только *пожимали плечами*, глядя на последние его работы» (Гоголь, Портрет). Такие же ряды образуют ФЖМ *махнуть рукой, чесать затылок, разводять руками, хвататься руками за голову, скалить зубы, разеять рот* и др.

6. Отдельные ФЕ могут возникать на основе свободных сочетаний, называющих жесты, минуя стадию совмещенной омонимии. Например: *поднимать голову, показывать пальцем, брать за бока, расправить плечи* и др. Ср. свободное словосочетание: «Сначала казнили двоих. Потом еще двоих. И когда Вайс и стоящий рядом с ним человек *подняли уже головы*, чтобы на них надели мешки, их обоих развели по ка-

мерам» (В. Кожевников, Щит и меч); ФЕ: «Но подняли голову белоказики Дона» (Федин, Необыкновенное лето).

Фразеологизмы-жесты в большинстве своем многозначны. Так, фразеологизм *раззевать рот* (*раскрывать рот*) может значить: а) «удивляться», б) «заслушиться». ФЖ *качать головой* выражает отрицание, сомнение, одобрение, неодобрение и т.п. Несколькими значениямиобладают и другие фразеологизмы-жесты: *чесать затылок*, *пожимать плечами*, *разводить руками*, *хлопать глазами*, *топать ногами*, *всплескивать руками*, *потирать руки*, *кивать головой* и др.

Многозначность фразеологизмов-жестов не всегда имеет своим источником многозначность соответствующих жестов. Например, ФЖ махнуть рукой употребляется для выражения значений «перестать пытаться делать что-либо; взмахом руки призывать кого-либо к себе», а также при прощании, приветствии и отрицании. Однако почти в каждом из указанных случаев сами жесты будут неодинаковыми: так, подзывая жестом руки кого-либо к себе, руку держат внутренней стороной ладони к себе, при прощании же, наоборот, от себя. Взмахи рукой при приветствии и отрицании также будут иными. То же можно сказать о ФЖ *качать головой*: при отрицании качают головой в горизонтальном направлении, при утверждении — в вертикальном. Но возможна многозначность и самих жестов: например, кивают головой в знак 1) приветствия, 2) согласия, 3) утверждения, 4) призывания к себе кого-либо, 5) предлагая кому-либо следовать за собой, 6) указывая кивком головы на кого-, что-либо. В первых четырех случаях используется один и тот же жест, в двух последних — несколько иной.

Многозначность фразеологизмов-жестов вызывает необходимость употребления их в речи вместе со словами, уточняющими, конкретизирующими значение ФЖ в данном контексте. Так, фразеологизм-жест *махнуть рукой* может сопровождаться словами: *равнодушно*, *безотрадно*, *сокрушенно*, *отчаянно*, *безнадежно*.

Слова-сопроводители могут не только разграничивать полисемичные ФЖМ, но и отграничивать свободное словосочетание от фразеологизма-жеста: «Старик опять зашагал по каюте, *зябко пожимая плечами*» (Степанов, Порт-Артур). Наречие *зябко* указывает на то, что перед нами свободное сочетание.

Уточнение семантики фразеологизма-жеста может осуществляться на базе более широкого контекста: «[Драгунский капитан] *особенно был чем-то доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами*» (Лермонтов, Княжна Мери); «— Подписать? — *Ничего я подписывать не буду, решительно ничего, — замотала головой старуха*» («Осколки», 1889, 11, стр. 5)⁷.

В силу указанной структурно-семантической специфики — совмещения прямого и переносного значений в одном обороте — фразеологизмы-жесты лишены той образности, яркой метафоричности, а также эмоционально-экспрессивной окрашенности, которые характеризуют фразеологизмы вообще. Отсутствие этих качеств у ФЖМ объясняется тем, что они сохраняют и свое прямое значение, в то время как образность создается только на основе метафоричности. Эта особенность фразеологизмов-жестов предопределяет их низкую художественно-образительную валентность: они очень редко подвергаются авторским преобразованиям. Случаи их трансформации единичны: «— Вот теперича этих бы денег нам на завалку бы болота хватило! — Вестимо бы хватило. А только „общество“, само, зна-

⁷ О синонимии и вариантности в кругу ФЖМ см.: Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец, указ. соч., стр. 320—323.

чит, захотело, чтобы водка на сходках была... У „общества“ от неожиданности и *персты заездили по затылкам*» («Осколки», 1887, 23, стр. 5).

При всех подобных приемах фразеологизм остается, как правило, и описанием жеста. Усиление же образного потенциала фразеологизма жеста неминуемо ведет к его переходу в обычную фразеологическую единицу, в которой связь с жестом уже теряется, совмещенная омонимия разрушается, сохраняется только переносное значение оборота. Ср. *махнуть рукой* = «перестать обращать внимание на кого, что-либо».

В данном случае происходит образование фразеологизмов на базе других ФЕ путем омонимического «раскалывания». Это один из способов внутрифразеологической деривации. При такой вторичной фразеологизации омонимическое совмещение уже невозможно, так как структура оборота целиком вживается на метафоре⁸.

Вторичной фразеологизации, кроме указанного оборота (*махнуть рукой*) могут подвергаться и некоторые другие ФЖМ: *дуть губы* (сердиться), *пожимать плечами* (недоумевать), *хлопать глазами* (быть невнимательным), *разводит руками*, *разевать рот*, *скрежетать зубами* и др.

Говоря о фразеологизмах — совмещенных омонимах, нельзя пройти мимо их особенности «сжиматься» (явление «компрессии») в одно слово, чаще всего, в возвратный глагол. Компрессия ФЕ может осуществляться как на базе глагола, так и на основе именного компонента. (Явление деривации на базе фразеологических оборотов¹⁰ впервые у нас подробно описал Н. М. Шанский¹¹.) Например: *сматывать удочки* — *сматываться* и др. Интересно, что эквивалентный глагол не обязательно должен быть возвратным: *болтать языком* — *болтать*; *клевать носом* — *клевать*; *скрутить в бараний рог* — *скрутить* и др. Однако невозвратные формы глаголов при компрессии sporadicheski.

Возможны и более сложные случаи компрессии. Так, при универбации оборота *пойти на лад* в *наладиться* происходит вербализация предложно-именного сочетания слов. Оборот *тянуть канитель* может двояко «сжиматься»; в *канитель* (существительное получает значение всего фразеологизма) и в *канителиться*.

Компрессия совмещенно-омонимических фразеологизмов почти всегда осуществляется на основе глагольного компонента, чаще всего — в возвратной форме¹²: *дуть губы* — *дуться*, *морщить лицо* — *морщиться*, *скалить зубы* — *скалиться*, *таращить глаза* — *таращиться*, *чесать затылок* — *чесаться* и др.

⁸ Возможны случаи контекстуального сближения ФСО и образованного на его основе путем вторичной фразеологизации собственно фразеологизма. Тогда различие их семантических структур становится особенно очевидным. Ср.: «...нет капитала, Володя. Прежде думал было откладывать, да ничего не вышло, ну, и *махнул рукой*... Где уж тут! И дядя равнодушно машет рукой» («Осколки», 1890, 40, стр. 5).

⁹ В зарубежной лингвистике широко используется в таких случаях термин «универбация». См., например: К. Г о р а л е в. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии, сб. «Славянское языкознание», М., 1959. У нас этот термин часто употреблял Е. Д. Поливанов.

¹⁰ Необходимо отметить нежелательную терминологическую многозначность понятия фразеологическая деривация, наблюдающуюся в исследованиях по фразеологии и словообразованию. Фразеологи считают, что фразеологическая деривация — это образование фразеологизмов, тогда как специалисты по словообразованию называют этим же термином явление образования слов на базе фразеологизмов. Считаю, что необходимо ввести такое разграничение: ф р а з е о л о г и ч е с к а я д е р и в а ц и я (область фразеологии) и д е р и в а ц и я н а б а з е ф р а з е о л о г и з м о в (область словообразования).

¹¹ Н. М. Ш а н с к и й, Фразеология современного русского языка, М., 1963, стр. 117—118.

¹² См.: С. И. О ж е г о в, О структуре фразеологии, стр. 43.

Случаи употребления глаголов в невозвратной форме относительно редки: *махнуть рукой* — *махнуть*, *топать ногами* — *топать*, *кивать головой* — *кивать*, *хлопать глазами* — *прохлопать* и др.

Компрессия совмещенно-омонимических фразеологизмов приводит к известной качественной трансформации глагола по сравнению с исходным фразеологизмом: двойственность оборотов полностью или частично исчезает, переносное (фразеологическое) значение становится доминирующим, прямое же значение нередко полностью исчезает. Ср.: *дуть губы* и *дуться*. В глаголе *дуться* физическое действие почти совсем не ощущается, ибо внутренне-психологическое действие (обижаться) становится в функциональном отношении основным, ведущим.

Превращение описываемых двухкомпонентных оборотов в метафорические глаголы свидетельствует о тенденции совмещенной омонимии к разрушению, которое является результатом более общего процесса — стремления языка к освобождению от функционально-избыточной информации совмещенно-омонимических фразеологизмов.

2. Вторую группу ФСО составляют ритуальные выражения, т. е. обороты, отражающие разного рода обычаи и обряды (похоронные, свадебные и пр.) В русском языке подобных выражений не очень много: *выносить вперед ногами*, *встречать хлебом-солью*, *ударить по рукам*, *бить поклоны* и др.

Данная группа фразеологизмов отличается от предыдущих тем, что их функционирование и относительная стабильность в языке предопределяются экстралингвистическими факторами: пока определенные обычаи, ритуалы являются обязательными для данного народа, выражения, описывающие их, — совмещенные омонимы. Например: «Генерала Секретова, приехавшего в Вешенскую со штабными офицерами и с сотней казаков личного конвоя, *встречали хлебом-солью*, колокольным звоном» (Шолохов, Тихий Дон); «[Остап и его спутники] вот уже сутки мчались вперед автопробега... Взрослые кормили их обедами и ужинами, снабжали заранее заготовленными авточастями, а в одном посаде *поднесли хлеб-соль* на дубовом резном блюде с полотенцем, вышитым крестиками» (Ильф и Петров, Золотой теленок).

Когда же обычай начинает забываться или перестает быть обязательным для всех носителей данного языка, происходит разрыв между прямым и переносным значениями оборота, совмещенная омонимия распадается и полностью фразеологизировавшийся оборот закрепляется в норме языка на правах обычной ФЕ. Так было с фразеологизмами *посыпать голову пеплом*, *идти под венец*, *бросать перчатку*, *козел отпущения*, *адмиральный час*, *пригвоздить к позорному столбу* и др.

Проиллюстрируем это на примере. Был период, когда вызов на дуэль осуществлялся не только словесно, но и путем ритуального действия — бросания перчатки к ногам противника. Естественно, что в то время выражение *бросать перчатку* имело и буквальное значение (акт бросания перчатки) и переносное (фразеологическое) — бросание перчатки как знак вызова на дуэль. Однако со временем из данного совмещенного омонима выделилось в качестве самостоятельной ФЕ значение «вызывать на борьбу». Выражение *бросить перчатку* теперь утратило буквальный смысл, так как исчезло само действие-ритуал. Распад совмещенной омонимии привел к некоторой грамматической трансформации оборота. Он начал употребляться не только по отношению к лицу, но и по отношению к не-лицу. Семантика и сфера употребления оборота, его дистрибутивные связи значительно расширились. Например: «Дело в том, что у него [Монта-Ламбера] и не бывало, конечно, серьезного намерения *бросить перчатку нынешнему правительству Франции*» (Добролюбов, По поводу одной очень

обыкновенной истории); «[Дон-Жуан:] И так, я нахожусь под наблюдением святых отцов! Мне по сердцу борьба! Я обществу, и церкви, и закону Перчатку бросил: кровавая вражда Уж началась открыто между нами» (А. К. Толстой, Дон-Жуан).

Ритуальные выражения являются, таким образом, одним из постоянно действующих источников пополнения фразеологического состава любого языка.

3. Третью группу ФСО составляют фразеологизмы, называющие символические действия (ФСД). Смысл этих выражений состоит в том, что каждое действие, передаваемое фразеологизмом, является знаком другого действия, состояния, события и т. п. В этом отношении ФСД ничем не отличаются от ФЖМ и ФР. Сущность их семантической структуры также состоит в совмещении двух планов: прямого (название действия) и переносного (значение действия). Вот несколько примеров: *бить в набат* = тревожным звоном (колокола) оповещать о бедствии, связать на помощь: «[Пимен:] Вдруг слышу звон, ударили в набат. Крик, шум» (Пушкин, Борис Годунов); «В древности, когда подходила к стенам города смертельная опасность, люди били в набат или разводили костры» (Эренбург, Этим жить); *выкинуть белый флаг* = поднятием белого флага дать знак, сигнал о сдаче, о прекращении боя: «Матросы перевязали офицеров и выкинули белый флаг» (Куприн, Штабс-капитан Рыбников); *поднять руки* = поднятием обеих рук заявить о желании сдаться в плен: «— Стой! — загремела команда. — Руки вверх! Слесари подняли руки» (Телешев, Начало конца).

С символическими действиями смыкаются некоторые жесты: *поворачиваться спиной* (показывать свое нежелание разговаривать): «В воротах с ним встретился лакей, какой-то буркою Прикрытый: — Вам кого? Помещик за границей, А управитель при смерти... И спину показал» (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); *указывать на дверь* (выговять): «— Как бы ему, шельмецу, приличнее на дверь указать, коли воротится? Разумеется, есть много разных оборотов и способов» (Достоевский, Двойник); *поднимать руку* (в знак предостережения, желания говорить, призывая к тишине и т. п.), *гладить по голове* и др. Это уже не собственно жесты, а действия. Жесты типа *пожимать плечами*, *качать головой* и т. п. менее сознательны, более произвольны, чем названные выше, и обозначают большие чувства, чем осознанное отношение к чему-то, кому-либо и вызванное этим отношением действие.

С другой стороны, иногда трудно разграничить ритуальные и символические действия, так как ритуальность многих действий со временем нивелируется за счет усиления знаково-символического характера самого действия. Это относится, например, к действиям, обозначаемым в языке оборотами *плевать в лицо* и *падать в ноги*, которые сейчас совершенно не осознаются как ритуальные.

Среди ФСД также наблюдается распад совмещенной омонимии, происходящий в результате их перехода в более широкую сферу (в отдельных случаях — в иную сферу) употребления, утраты буквального значения и свойственной им при употреблении в узкой сфере терминологичности, перехода в разряд собственно фразеологизмов (явление вторичной фразеологизации): *бить в набат* = усиленно обращать внимание общества на какую-нибудь опасность; поднимать тревогу. Ср.: «Пропагандист, как я, не ждет команды: я бью в набат уже не первый день» (Д. Бедный, Набат); «И решили мы с ним в тот вечер не бить набата, а следить за служащими и выжидать событий» (Гладков, Головоногий человек); *выкидывать белый флаг* = прекращать борьбу: «Стоило ли выбрасывать белый флаг тренеру киевских динамовцев?» («Сов. спорт», 28 XII 1967).

Явление вторичной фразеологизации, таким образом, охватывает все группы ФСО и является одним из способов фразеологической деривации.

Что же касается явлений многозначности, синонимии, способности «сжиматься», то для ФРД и ФСД они не характерны.

Рассмотрение явления совмещенной омонимии в нескольких группах ФЕ русского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. Фразеологическая омонимия — довольно сложное явление, требующее всестороннего учета особенностей семантической структуры ФЕ. Вопросам фразеологической омонимии пока еще не уделялось должного внимания. Кроме специальных работ В. Л. Архангельского и М. И. Сидоренко¹³, имеются лишь отдельные замечания о фразеологической омонимии, обычно в связи с вопросом о многозначности фразеологизмов¹⁴.

Приведенный выше материал позволяет выделить три типа омонимических соотношений, в которых участвуют фразеологизмы: 1) межуровневая омонимия (омонимия типа «язык — речь»), 2) внутрифразеологическая (собственно фразеологическая) омонимия и 3) совмещенная омонимия.

1. Межуровневая омонимия — чрезвычайно распространенное явление в любом языке. Данный тип омонимии служит одним из основных источников возникновения фразеологизмов на базе свободных сочетаний путем их различного рода внутрисемантических трансформаций. Ср. ФЕ *намылить голову, держать камень за пазухой, пускать пыль в глаза* и др. и аналогичные по составу свободные сочетания, в результате переосмысления которых возникли указанные ФЕ.

2. Внутрифразеологическая омонимия охватывает те случаи, когда два или более фразеологизма, совершенно одинаковые в плане выражения, не совпадают в плане содержания. Каждый из них в языке обладает самостоятельным значением. Семантических точек соприкосновения эти ФЕ, как правило, не имеют. Ср. 1) *закрывать глаза* = умереть; 2) *закрывать глаза* = присутствовать при чьей-либо смерти; 3) *закрывать глаза* = намеренно не замечать, не видеть чего-либо.

Что же касается путей образования внутрифразеологических омонимов, то их, по-видимому, несколько.

3. Совмещенная омонимия — явление, когда оборот одновременно выступает в прямом и в переносном смысле. Этот тип омонимии занимает промежуточное между межуровневой и внутрифразеологической омонимией положение. Свободное значение (описание жеста, ритуала и т. п.) неотделимо от его фразеологического значения.

Совмещенная омонимия может скрепляться с собственно фразеологической. Это наблюдается в первую очередь у фразеологизмов-жестов (и мимических): так как сами жесты, во многих случаях, многозначны, поэтому возникающие на их основе ФЕ могут становиться омонимами. Например, *махать рукой* = перестать обращать внимание на кого-, что-либо, перестать пытаться делать что-либо; *махать рукой* = приветство-

¹³ В. Л. Архангельский, Вопрос о нейтрализации фразеологических противопоставлений, «Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского Совета по гуманитарным наукам», Ростов-на-Дону, 1962; его же, Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1964, стр. 261—267; М. И. Сидоренко, О фразеологических омонимах, «Уч. зап. МГПИ им. Крупской», 160. Русский язык. Вопросы русской фразеологии, 11, М., 1966.

¹⁴ См., например: В. Н. Телия, О многозначности фразеологических единиц русского языка, «Доклады научно-теоретической конференции аспирантов», Ростов-на-Дону, 1962; А. К. Кочетков, Многозначность и омонимия фразеологических словосочетаний, «Доклады и сообщения Луганского пед. института», Луганск, 1961, и некот. др.

вать кого-либо, обычно издали; *махать рукой* = прощаться; *махать рукой* = звать к себе кого-либо.

Омонимический ряд может усложняться и за счет пересечения внутрифразеологической и межуровневой омонимии, потому что большинство ФЕ омонимичны свободным словосочетаниям, на основе которых они возникли¹⁵.

II. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии — явление специфическое. Фразеологическое совмещение отличается от других видов совмещений, отмечаемых, например, в области словообразования¹⁶ и лексики¹⁷, где совмещаемые значения просто сосуществуют рядом, независимо друг от друга (ср. приводимый И. С. Улухановым пример *Эти яблоки перемерзли*, который может быть понят и как «слишком померзли», и как «все померзли», и как то и другое одновременно¹⁸). При фразеологическом же совмещении одно из значений (переносное) передается только через другое (прямое — описание жеста; ритуала и т. п.), т. е. совмещение осуществляется посредством вторичной знаковости¹⁹.

III. Семантическая структура ФСО сложна и своеобразна; она не совпадает с внутренней структурой ни одного из типов семантической классификации ФЕ Виноградова — Шанского. Несомненно, что это еще один совершенно самостоятельный тип фразеологизмов, отличающийся от других своей знаковой природой, т. е. соотношением плана содержания обота с планом содержания его компонентов.

Полагаем, что на основании указанной особенности семантической структуры ФСО — совмещения прямого и переносного значений, когда переносное существует только благодаря тому, что есть и прямое, через прямое, — можно в семантической классификации ФЕ выделить, наряду с фразеологическими сращениями, фразеологическими единствами, фразеологическими сочетаниями и выражениями, пятый тип — ф р а з е о л о г и ч е с к и е с о в м е щ е н и я.

¹⁵ В русском языке имеется ряд ФЕ, которым не противостоят аналогичные по составу свободные словосочетания: *без году неделя*, *веревка плачет по ком*, *находить общий язык*, *лезть в бутылку*, *выходить сухим из воды*, *бежать во все лопатки* и др.

¹⁶ См.: И. С. У л у х а н о в, О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов), «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967, стр. 186.

¹⁷ Д. Н. Ш м е л е в, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 86—87.

¹⁸ И. С. У л у х а н о в, указ. соч., стр. 186.

¹⁹ От ФСО следует отличать случаи контекстуальных совмещений, сопровождающихся обычно ремаркой автора «в прямом и переносном смысле».

А. Л. ЖОВТИС

О СПОСОБАХ РИФМОВАНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(К проблеме структурных связей
в современном стихе)

Когда говорят о «современном стихе», имеют в виду прежде всего ритмику да еще, может быть, так называемую «левую» рифму. Но компоненты эти, как бы важны они ни были, не существуют сами по себе, а взаимосвязаны с лексикой, синтаксисом, графическими приемами поэта, с наиболее общими принципами создания художественного произведения. Процесс перестройки структуры русского стиха непременно должен был затронуть все его стороны, в том числе и закономерности, которые определяли в силлабо-тонике рифменную композицию. С такой точки зрения вопрос о «способах рифмования» не должен показаться частным, ибо это в конечном счете — проблема стихотворной формы в целом.

1. Предусмотрено и обусловлено. В самом начале века поэт и литературный критик С. Андреевский, отмечая, что после Гейне не было уже ни одного великого «рифмующего поэта», так попытался предсказать будущие изменения в системе рифмовки: «... в своих прежних, симметрических формах старый метр с его заключительными созвучиями окончательно отслужил свою службу для высших целей словесного искусства. Теперь нужны совершенно другие гармонические комбинации слов. От старой рифмы веет такою же стариною, как от напудренных париков, от мужских шляп со страусовыми перьями, от полуженских костюмов пажей и от тяжелых рыцарских лат»¹. Здесь, таким образом, речь идет не столько о качестве конечного созвучия, сколько именно о рифменной композиции.

Известно, какое значение проблеме обновления стиха придавали символисты. Они расширили его метрический диапазон, ввели дольник и неточную рифму; глубокое осознание звуковой инструментовки как средства и последовательное применение ее — тоже их заслуга. Но при этом символисты не порывали все же с основными принципами системности пушкинского стихосложения. Если обратиться, например, к «Опытам» В. Брюсова, то можно убедиться в том, что все «радикальные идеи» в его конструкциях как бы спроектированы на плоскость традиционной метрики. Дается, к примеру, витая, сквозная или редифная рифма — а метр все тот же (силлабо-тонический); характер рифмовки обычно выдержан от начала и до конца, с той же строгой последовательностью, с которой она выдерживалась в терцинах или октавах. Газели Вяч. Иванова или танки В. Брюсова обогащали строфику, ни в малейшей степени не нарушая, однако, тех законов, на которых она строилась. Конструкция воспринималась как заданная. Граница же между экспериментом (откровен-

¹ С. А. Андреевский, Врождение рифмы, в его кн. «Литературные очерки», СПб., 1902, стр. 448.

ным «опытом») и подлинно творческим открытием далеко не всегда была очевидной.

Место рифмы определялось метрической соотношенностью строк или — гораздо реже — полустийшей — она оставалась краесогласием. И хотя Н. Н. Шульговский и В. М. Жирмунский говорят о строчных, кольцевых и прочих видах созвучий, решающее значение в классике имела корреляция окончаний, а не внутренних отрезков стиха, даже в тех случаях, когда они выполняли организующую функцию в его ритмической композиции². Роль факультативной рифмы в русском стихе в отличие, например, от английского минимальна.

Можно указать на две традиционные возможности рифменной организации: 1) в строфической конструкции, 2) в астрофической конструкции. В первом случае расположение рифм (после прочтения начальной строфы) предсказывались с полной вероятностью. Во втором — имела место большая неопределенность построения, но и здесь существовал ряд традиционных ограничений (например, одна рифма могла опоясывать две, редко три и почти никогда более строк; как правило, не допускалось смешение трех и больше рифмопар, т. е. использование системы типа *абавагбве* и т. п.; исключалась непредусмотренная формальным заданием смена клаузул одного вида другими; в тирадах, сочетавших мужские окончания с женскими, не могло стоять более двух стихов с окончанием одного вида подряд и т. д.)³.

Почти не применялись в серьезных стихах сквозные рифмы — для всего стихотворения или части его. Монорим, судя по авторитетному свидетельству того же Н. Остолопова, был когда-то сочинением «большой частью для шутки»⁴. В качестве примера в своем словаре он приводит «Рассуждение о Жизни, Смерти и Любви» В. Л. Пушкина, известного мастера буримэ и всякого рода стихотворных кунштюков. Во второй половине XIX в. против «рифмы одинаковой не только по ударению, но и по звукам» решительно выступал В. Классовский⁵.

В отличие от некоторых других систем стихосложения русская силлаботоника допускала существование как рифмованного стиха, так и безлого. Известны и формы, имитирующие народный тонический стих без рифмы (Пушкин, Лермонтов, Мей, А. К. Толстой и др.). Смешение или сочетание форм рифмованных и нерифмованных изредка встречалось, но, как правило, в строфических композициях, где место клаузул холостых или созвучных было предугазано. Вообще в основе всех предусмотренных теорией и закрепленных в поэтической практике ограничений лежал принцип с и м м е т р и и.

Вся наша поэзия XIX — начала XX в. развивается под знаком непременно оправдываемого р и ф м е н н о г о о ж и д а н и я. Понятие это используется в дальнейшем изложении и должно быть разъяснено. В посмертном издании «Техники стиха» Г. Шенгели оно истолковывается следующим образом: «Представим себе четверостишие, в котором первая

² См.: В. Ж и р м у н с к и й, Рифма, ее история и теория, Пб., 1923, стр. 46 и сл.; Н. Н. Ш у л ь г о в с к и й, Теория и практика поэтического творчества, СПб.—М., 1914, раздел «Учение о звуковой гармонии стиха».

³ Под рубрикой «Погрешности» Н. Остолопов указывает в своем словаре и на такую: «...когда полагается сряду несколько мужских и женских стихов в сочинении, в коем было сочетание» («Словарь новой и древней поэзии», сост. Н. Остолоповым, СПб., 1821, ч. 1, стр. 183).

⁴ Там же, стр. 213.

⁵ В. К л а с с о в с к и й, Поэзия в самой себе и в музыкальных своих построениях, СПб.—М., 1872, стр. 146—147.

строка рифмуется с третьей, а вторая с четвертой. Идет первая строка, заканчивающаяся неким словом A ; идет вторая строка, заканчивающаяся словом B , далее идет третья строка, в конце которой стоит слово A_1 , созвучное слову A . Наше ритмическое чувство с удовлетворением воспринимает это созвучие, и тут же возникает рифменное ожидание — стремление услышать симметрично возникающее в конце четвертой строки — B_1 . Представим теперь, что мы видим не четверостишие, а пятистишие; на четвертой строке появляется та же рифма, что в первой и третьей — A_2 ; тогда рифменное ожидание становится более напряженным, и появление в конце пятой строки ожидаемого созвучия B_1 воспринимается с особым удовлетворением»⁶.

В своем рассуждении Г. Шенгели исходит из вероятностей, имеющих место в классической поэзии, из наличия определенных, притом жестких условий построения. Только при наличии модели его в сознании читателя оно воспринимается указанным образом.

Обычной для русского стиха была рифмовка *абаб*, либо — реже — *абба*, еще реже *хауа* (где *x* и *y* — холостые строки). Рифменное ожидание современников Пушкина или Некрасова не допускало возможности появления рубаи (*ааха*) или варианта *ахаа*, но вариант *абааб* был возможен; более того — рифма пятой строки после четвертой предсказывалась почти с полной вероятностью (в пятистишии).

Ю. Тынянов также говорил о рифменной антиципации (предугадывании)⁷. В этом случае подчеркивается значение рифмы со стороны ее звукового состава, а не только со стороны места, которое она предположительно должна занимать в метрической композиции.

Современный исследователь В. А. Зарецкий, намечая возможности объяснения структуры стиха в понятиях общей кибернетики, определяет рифменное ожидание как частный вид ритмического ожидания. «Ритмические ряды как особые внутритекстовые конструкции вычлениваются в нашем восприятии в зависимости от того, как удовлетворяется ритмическое ожидание: полностью или неполностью, или же в какой-то момент текст перестает удовлетворять уже оформившееся ожидание (например, при переходе от рифмованного стиха в том же произведении к белому). ... Для возникновения ритмического ожидания необходимы: 1) наличие в тексте хотя бы нескольких построений, объединяемых читателем по какому-либо признаку и не управляемых общезыковыми нормами; 2) элементы общего эстетического опыта (надо чувствовать, что совпадение или подобие структур не случайно); 3) опыт восприятия ритма в данном произведении; 4) наличие в тексте иных содержательных систем (без чего, впрочем, неосуществимо условие 1: выделить в тексте какую-либо значимую систему — это, собственно, и значит соотнести ее с другими значимыми системами того же текста)»⁸.

И, наконец, следует иметь в виду еще одно обстоятельство. В классической поэзии в заранее обусловленной позиции рифма выступает либо в виде двучлена (реже — трехчлена), либо в виде трех- или четырехчлена (октава, сонет).

Отступления от перечисленных выше закономерностей воспринимались именно как отступления, индивидуальные отклонения от нормы

⁶ Г. Шенгели, *Техника стиха*, М., 1960, стр. 242—243. Аналогичное определение можно найти, например: I. A. Richards, *Rhythm and metre*, в кн.: «The structure of verse. Modern essays on prosody», ed. by H. Gross, New York, 1966.

⁷ Ю. Тынянов, *Проблема стихотворного языка*, М., 1965, стр. 147.

⁸ В. А. Зарецкий, *Ритм и смысл в художественных текстах*, «Труды по знаковым системам», II, Тарту, 1965 («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 181), стр. 64, 65.

(например, нерегламентированное появление рифм в белом стихе «Бориса Годунова», широкий рифменный интервал у Тютчева — рифмы у него стоят иногда через 4—5 строк — и т. п.).

Двадцатый век, в особенности в творчестве Маяковского, внес существенные изменения как в метрику и ритмические построения русского стиха, так и в канонизированные на протяжении предшествовавших полутора столетий правила отождествления фонемных комплексов, которым подчинялась рифма. Метр перестал быть тем каркасом, выйти за пределы которого означало едва ли не то же, что изменить самой поэзии, свобода ритмических переходов стала законом и средством художественной выразительности. Жесткие условия, подчинявшие себе соотношения рифмуемых слов, были сняты, а рифмопара все в большей и большей степени стала определяться благодаря корреспондированию звуков, скрывающихся влево от ударного слога.

Именно такова тенденция развития русской рифмы в XX в. Указанный преобладающий признак характеризует творчество Маяковского⁹. Рецензируя в свое время книгу В. Жирмунского, Брюсов справедливо подчеркнул, что говорить следует не о разрушении рифмы в литературе нового времени, а о замене одних требований другими, о реализации новых условий¹⁰.

Однако в способах рифмования Маяковский в основном оставался верен традиции. В известной статье «Как делать стихи» поэт подробно рассказывает о своем отношении к рифме, к проблеме ее новизны. Всем памятно рассуждение о первых строчках стихотворения «Сергею Есенину». Слово *трезвость*, поставленное в отдельную короткую строку, зазвучало здесь в значительной мере благодаря яркому новаторскому созвучию (*врезываясь*). Но место, занимаемое словом, предугадывается читателем, имеющим в памяти модель классического катрена. «... у Маяковского, — писал В. Тренин, — было сильное желание разбить каркас стандартной четырехстрочной строфы (с последовательностью рифм а b a b)... Однако в течение всей своей поэтической работы ему не удалось до конца освободиться от классической строфики — от четверостишия, хотя у него и были удачные опыты, указывающие путь будущим поэтам»¹¹.

М. Штокмар констатирует лишь ряд отступлений «от принципов конечной рифмовки» (начально-срединные созвучия в поэтохронике «Революция», начальные в ранних стихах, суммарные в поэме «Хорошо»). Вообще эволюция поэта шла в направлении «закрепления» четверостишия с перекрестной рифмовкой в качестве основного блока композиции. Изредка появлявшиеся в его стихах рифмопары, расположенные не по этой схеме, в сущности лишь дополняли звуковую организацию катрена, а не преобразовывали его. О том же пишет в своей недавней статье М. Гаспаров¹².

Стих Маяковского не стал верлибром. Эффект рифменного ожидания не претерпел в творчестве поэта важных изменений.

2. Другие гармонические комбинации». Обращимся, однако, к современной поэзии и постараемся оценить некоторые структурные соотношения в ней со стороны рифменных связей.

⁹ В. Жирмунский, указ. соч., стр. 217—219; М. Штокмар, Рифма Маяковского, М., 1958, стр. 47—50; В. Огнев, Книга про стихи, М., 1963, глава «Рифма».

¹⁰ В. Брюсов, О рифме, в кн.: В. Брюсов, Избранные сочинения, 2, М., 1955, стр. 346.

¹¹ В. В. Тренин, В мастерской стиха Маяковского, М., 1937, стр. 107.

¹² М. П. Штокмар, указ. соч., стр. 83 и сл.; М. Л. Гаспаров, Акцентный стих раннего Маяковского, «Труды по знаковым системам», 111, Тарту, 1967 («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 198), стр. 359.

Целесообразно в данном случае использовать прежде всего творчество Андрея Вознесенского. Именно это имя чаще других называют в последние годы, говоря о традициях Маяковского в новейшей поэзии. Лирика и поэмы последователя (не эпитога!) как раз и могут дать материал для сопоставления.

Несколько очевидных признаков сближают стих Вознесенского со стихом Маяковского. Это, в первую очередь, свобода метро-ритмической организации (включая возможность перехода от стихов к прозе и обратно в рамках одного произведения, чего не было у Маяковского), это — применение новаторских рифм, это, наконец, — широкое использование графики как средства интонирования.

Конечно, названные черты стихотворного стиля не являются сейчас чьей-либо монополией. И все же комплекс их определяет линию Маяковского в современном стихе.

Всмотримся в характер рифменных связей в одном из произведений Вознесенского — «Монолог Мерлин Монро». Придется привести сравнительно длинную цитату, поскольку для доказательной характеристики системы рифмовки в поэтическом тексте необходимо иметь его перед глазами.

1. Я Мерлин, Мерлин.
2. самоубийства и героиня.
3. Кому горят мои георгины?
4. С кем телефоны заговорили?
5. Кто в костюмерной скрипит лосиной?
6. Невыносимо,
7. невыносимо, что не влюбиться,
8. невыносимо без рюк осинových,
9. невыносимо самоубийство,
10. но жить гораздо
невносимей!
11. Продажи. Рожи. Шеф ржет, как мерин
12. (Я помню Мерлин.
13. Ее глядели автомобили.
14. На стометровом киноэкране
15. в библейском небе,
меж звезд обильных,
16. над степью с крохотными рекламами
17. дышала Мерлин,
ее любили...
18. Изнемогают, хотят машины.
19. Невыносимо),
невносимо
20. лицом в сиденьях, пропахших псиной!
21. Невыносимо,
когда насильно.
22. а добровольно — невыносимей!
23. Невыносимо прожить, не думая,
24. невыносимее — углубиться.
25. Где наши планы? Нас будто сдунули,
26. существование — самоубийство,
27. самоубийство — бороться с дрянью,
28. самоубийство — мириться с ними,
29. невыносимо, когда бездарен,
30. когда талантлив — невыносимей,
31. мы убиваем себя карьерой,
32. деньгами, девками загорелыми,
33. ведь нам, актерам,
жить не с потомками,
34. а режиссеры — одни подонки,
35. мы наших милых в объятьях душим,
36. но отпечатываются подушки
37. на юных лицах, как след от шины,
38. невыносимо...

Пропускаю часть текста и привожу завершающие стихотворение строки:

39. Самоубийцы — мотоциклисты,
 40. самоубийцы спешат упиться,
 41. от вспышек блицев бедны министры —
 42. самоубийцы, самоубийцы,
 43. идет всемирная Хиросима,
 44. невыносимо,
 45. невыносимо все ждать,
 чтоб грянуло,
 а главное —
 46. необъяснимо невыносимо,
 47. ну, просто руки разят бензином!
 48. невыносимо
 горят на синем
 49. твои прощальные апельсины...
 50. Я баба слабая. Я разве слажу?
 51. Уж лучше — сразу!

Я перенумеровал строки текста, сохранив для удобства анализа сплошную нумерацию в двух отрывках. В классическом стихе это не представляло бы никаких трудностей, здесь же само понятие строки не столь бесспорно: 1) рифма далеко не всегда маркирует метрические единицы, 2) нередко она оказывается графически не отмеченной, хотя ряды членятся ею на полуступишия, 3) соотношения между метрическими, синтаксическими и строфическими единицами осложнены — традиционные связи как бы деформированы переживанием.

Границу между собственно рифмой и внутрискучными звуковыми повторами провести у Вознесенского труднее, чем в поэзии XIX в. или у Маяковского. Поэтом в первом приближении рифмой будем считать звуковой повтор, выявленный метрической композицией, либо композицией синтаксической и графической. Так называемое фонологическое расстояние между членами рифмопары¹³ (или рифменного многочлена) берется мною в пределах, обычных в современной поэзии (у Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, В. Сосноры и других авторов, широко использующих «новую» рифму). Так, в строчках 50—51 я учитываю три рифмы (*слабая — слажу — сразу*). Синтаксис строки *Я баба слабая. Я разве слажу*, отчетливо распадающейся на два интонационных периода, и соотношенность их с последней строкой позволяет сделать это. *Баба — слабая* рифмой не считалось, хотя связь инструментовки с рифмой тут, как и во множестве других случаев, бесспорна. Ту же звуковую скрепу в синтаксической конструкции *была я баба, была я слабая* пришлось бы считать рифмой даже без лестничной разбивки. Ритмическое движение у Вознесенского часто задает сначала постоянные словоразделы в параллельных строках, а затем при повторении этих словоразделов возникает созвучие, ощущаемое как рифма.

В рассматриваемом стихотворении рифма — многочлен. Через весь текст проходит лейтслово *невыносимо*, с которым связаны повторяющиеся созвучия (*невыносимо и лосиной, осиновок, машины, псиной, насильно, Хиросима, необъяснимо* и т. д.). Создается своего рода звуковое поле, то выдвигающее главное понятие на передний план, то заглушающее его рифмами, с ним не коррелирующими. Эти периодические возвращения к неувязной, подчиняющей себе все мысли, к повтору, ее реализующему, являют блестящий образчик поэтической выразительности, магии слова.

¹³ См. об этом: С. М. Толстая, О фонологии рифмы, «Труды по знаковым системам», II, стр. 302—303.

Монорима, в классическом понимании этой формы, ни в этом, ни в других произведениях Вознесенского нет.

Слово включается в звуковую цель сначала по одним признакам (*невыносимо — насильно*), потом по другим (*невыносимей — ими*), обнаруживая иные грани своего строения. Лейтрифма базируется на разветвленной сети «перекличек», становится то конечной, то внутренней, то завершает графическую строку, то связывает полустихия и т. д. Впервые *невыносимо* появляется в шестой строке, но подготавливается в строках 1, 2, 3, 4, 5. И далее в стиховых окончаниях преобладает ударный гласный *и*. Поскольку Вознесенский широко использует глубинную рифму, попутно возникающие созвучия традиционного типа не сразу замечаются (например, *лосиной* и *георгини*, входящие в разные рифмопары).

Обычные понятия оказываются неприменимыми к такой композиции. В «Монологе Мерлин Монро» по сути дела нет уже ни перекрестной, ни опоясывающей рифмовки — есть звуковые ряды, вертикальные и горизонтальные, они возникают и исчезают, они подчеркивают внутристрочные членения и интонационные периоды, они затухают в одном месте и вспыхивают в другом.

В сравнении с классическим стихом или стихом Маяковского ритмическое ожидание осложняется. Там «откликнуться» на слово, завершающее ряд, могло только слово, завершающее другой ряд, здесь любая лексическая единица в строке может стать членом звукового параллелизма, причем корреляция обеспечивается различными средствами, включая графические. Полустихие первой строки *Я Мерлин, Мерлин*, например, и полустихие пятой *Кто в костюмерной* не воспринимаются как отчетливая рифма, но метрическая адекватность их, а главное — появление (в дальнейшем) третьего члена цепочки уже не позволяет отнести такое созвучие по ведомству «оркестровки». Слово *Мерлин* дает в стихотворении несколько рифм, выдвигающих имя героини на передний план.

Автоматизированный ход стиха окончательно разрушается, и поэту едва ли ни в любом месте строки может измениться все. Покажу это на примере двух строк из другого произведения А. Вознесенского («Баллады работы»):

Бьет пот
 Бьет пот // (чтобы стать жемчугами Версави),
 Бьет пот // (чтоб сверкать // сквозь фонтаны // Версаля).

Следующую строку можно срифмовать с любым из отмеченных звеньев («Бьет пот...», или «Бьет пот, чтоб сверкать...», или «Бьет пот, чтоб сверкать сквозь фонтаны...»), открыв дорогу новому метрическому построению. В таких случаях строка как бы распадается на потенциально наличествующие в ней короткие строки. Возможности ритмических вариаций в развертывании текста здесь шире, чем у Маяковского, благодаря не з а м к н у т о с т и рифменных конструкций.

Отмеченные черты построения характеризуют многие стихотворения (и фрагменты поэм) А. Вознесенского, написанные в 60-е годы. Так, лейтрифма есть в «Сентиментальном зареве» (*люблю* входит в цепочку из семнадцати звеньев), в стихотворениях «Тишины!» (многочлен с рифмой к слову *тишины* включает четырнадцать слов), «Старухи казино» и в других произведениях. В последнем из названных лейтрифма *старухи* на всем протяжении текста поддержана звуковым полем, включающим *р* и *у*. Приведу хотя бы несколько строк:

Трепещет вульгарно,
 ревнует к подруге.
 Потухли вулканы,
 шуруйте, старухи!...

Речь в данном случае идет не об инструментовке, а о связях звукового комплекса рифмы со звуковыми повторами, к ней собственно не относящимися.

В начале отрывка (второго) из «Эскиза поэмы» в длинных, разбитых на лестничные отрезки строках одни «ступеньки» рифмуются между собой, другие остаются незарифмованными. Порядок рифмования ритмических единиц меняется, а в одном месте стих «переливается» в прозу («Все течет. Все изменяется. Одно переходит в другое. Квадраты располагаются в эллипсах...» и т. д.). В стихотворении «Поют негры» система метрических отношений, характерная для классического стихосложения, полностью деформирована. Преобладают строки, которые нельзя определить ни как стиховой ряд, ни как графическую строку:

Мы —

тамтамы гомеричные с глазами горемычными, клубимся, как дымы,

мы...

Среднее звено «лесенки» отчетливо распадается на три метрические единицы, первые две из них в свою очередь обнаруживают тенденцию к членению благодаря внутренней рифме, фиксированной аналогичными словоразделами. Ритмическая структура стихотворения отличается цельностью в силу того, что каркас его составляет звено трехстопного ямба («... белы как холодильники, как марля карантинная...»). Едва ли некаждое стихотворение А. Вознесенского — иллюстрация к тезису о том, что система внутренних связей, основанных на ритмическом ожидании, в новейшей поэзии меняется.

3. Новые возможности. Полиметрия как важнейший признак стиха Маяковского должна была вызвать в качестве непосредственного результата и изменение психологии эстетического восприятия поэтической формы. Чем свободнее становился метрический каркас, тем большее значение на определенном этапе приобретала рифма. Сначала (у самого Маяковского, у Сельвинского, Кирсанова, Асеева и др.) значение ее усилилось за счет качества новизны. Но дальше и сама «новизна» как бы банализировалась (банализация эта весьма показательно проявилась лет пятнадцать назад в творчестве Г. Горностаева с его почти народными ритмическими ходами и «маяковскими» рифмами). Старая двучленная рифмовка уже не выдерживала тяжести сложных конструкций (особенно в многосложных строках). В процессе перестройки системы стали укрепляться структурные связи между отрезками, частями строк. Рифменные, аллитерационные и ассонансные отношения между ними оказываются часто не менее прочными и отчетливо воспринимаемыми, чем собственно рифменные между самими строками. Эти соотносимые отрезки, которые во многих случаях не являются ни строкой, ни полуступнем, ни «ступенькой» (либо представляют то одну, то другую из названных единиц), можно было бы назвать «колоном», используя античный термин.

Напомним, что в классической поэзии звуковые повторы, описанные когда-то О. Бриком, имели преимущественно линейную последовательность и, главное, были автономны по отношению к рифме в том смысле, что не повторяли и не варьировали ее. Граница между повтором в клаузуле и явлением аллитерации намечалась определенно и четко.

Ритмическое ожидание базируется только на осознании регулярности возникающего повтора. Одно явление должно повториться 3—4 раза того, «чтобы разум воспринимающего индивидуума был приведен в состояние ожидания следующего явления, т. е. иными словами, настроился на понятие периодичности»¹⁴. В обычной перекрестной

¹⁴ А. М о л ь, Теория информации и эстетическое восприятие, М., 1966, стр. 124.

рифмовке это «магическое» число «три» уже определяет построение благодаря метрической симметрии (рифма в четвертой строке — как бы прямое следствие ее). Лишенная опоры на строгий метр рифмовка в новой поэзии требует тройственных, четверных и n -членных созвучий, поскольку для нее такая поддержка не более, чем частный случай.

Процесс перестройки рифменных отношений можно показать на материале произведений разных поэтов, в том числе и тех, для кого силлаботоника и точная рифма сохраняют свое значение в качестве основополагающих признаков. На первый взгляд, это противоречит развернутой выше аргументации. В действительности же надо исходить не столько из конкретной структуры произведения, сколько из того факта, что в современной поэзии л ю б а я структура в принципе переменчива. Для Л. Мартынова, например, оказывается возможным в стихах «чистого» четырехстопного ямба дать строку, резко выламывающуюся из размера, от анапестов перейти к верлибру и т. д. Именно к его стихам я и обращусь ниже.

Цепочки рифм Л. Мартынова давно уже стали предметом «исследования» в моделях пародистов. Эта своеобразная черта его поэтического стиля очевидна. Достаточно открыть сборник «День поэзии. 1967» — и в первом же стихотворении названного автора («Октябрь») обнаружатся сквозные рифмы. Перелистаем несколько страниц — и в «Балладе об Алексее Кольцове» найдем тот же узор многочленных созвучий. Поэт широко использует свободу графического построения, то расчленив строку, то, наоборот, объединяя по два, три и даже четыре ряда в одном. Приведу отрывок из стихотворения «Ночь».

Кто дал тебе совет, закончив счет побед,
А также и потерь,
Теперь, замкнувши дверь, угреться и забыться?
Ты этому не верь! Так не случится!
Не спишь?
Не ты один. И ей всю ночь не спится.
Она полна машин, полна афиш, витрин,
И вновь полна мужчин, смеясь не без причин,
Не спит
Столица.

В тексте отмечены рифмы — как фиксирующие окончания рядов, так и подчеркнутые полустипии и интонационные отрезки, меньшие, нежели полустипии. С точки зрения школьной метрики здесь разностопный, или вольный («басенный») ямб с его произвольным варьированием числа «стоп» в строке. Однако несистематизированное возникновение рифмопар внутри строк и притом в различных позициях (а это — параметр данной формы!), как и отсутствие рифмы в некоторых строках, метрически соотношенных с рифмованными колонами, не позволяет отождествить этот размер с вольным ямбом Крылова или русских переводов из Эмиля Верхарна. Классический стих модернизирован, он не похож на любую из возможных модификаций XIX или начала XX в. именно благодаря тем изменениям, которые преобразовали в нем эффект рифменного ожидания¹⁵. В известном стихотворении Л. Мартынова «Мне кажется, что я воскрес...» единство мысли и эмоциональной устремленности создается в значительной мере за счет суммарной рифмы, как бы заставляющей чи-

¹⁵ В частности, Е. Ермилова указывает на «некоторую неопределенность построения» у Л. Мартынова, на «колебания между ритмом слоговым и звуковым» (Е. В. Ермилова, Маяковский и современный русский стих, в кн.: «Маяковский и советская литература», М., 1964, стр. 254—255).

тателя сплюсовать уравненные интонационные единицы. Ритмическое ожидание тут не обманывается, а нарастает, идет крещендо:

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный вес —
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел.
И все-таки я Геркулес.

В последней строке кольцо замыкается повторением основного слова («И все-таки я *Геркулес*»).

Рифмы Л. Мартынова — тройные, четверные (и т. д.) в одном случае, суммарные — в другом, разветвленная сеть звуковых связей между разными рифмопарами — в третьем — представляются явлениями одного порядка и свидетельствуют о тех изменениях в строе русского стиха, которые позволяют говорить о том, что само понятие приобретает новое содержание.

Стихотворная речь качественно отличается от прозаической выдвинутостью на передний план системы повторов¹⁶. С такой точки зрения, народный раешник, в котором основополагающим повтором становится рифменный повтор, и былины, в которых счет по ударениям — господствующий компонент структуры, и современный верлибр с его сменой мер повтора — все отмеченные формы есть формы стиха. В верлибре, как известно, рифмы может не быть вовсе (она встречается лишь как факультативный, окказиональный прием, средство связи отдельных строк или их частей друг с другом). Усиление роли сквозных рифм не идет в разрез с указанной тенденцией, а как раз подтверждает тезис о многообразии стиховых связей в современной поэзии. Диапазон средств, «годных» к употреблению в рамках одной конструкции, все расширяется.

Иллюстрациями ко всему сказанному могут быть стихи Е. Евтушенко, Д. Самойлова, Б. Слуцкого, О. Сулейменова, В. Бокова, В. Сосноры и многих, многих других. В разной степени и по-разному перестраивают они стих. Но для всех характерно то, что эффект рифменного ожидания, канонизированный в поэзии прошлого, решительно теряет значение. Конечно, в современной литературе остается и старая схема связей (*абаб*). Для М. Луконина, например, она — основная. Но случаи строгого ее соблюдения теперь не менее редки, чем выдержанный от начала до конца произведения метр, классическая графика и точная рифма. В композиции они встречаются все реже.

В этой связи небезынтересно остановиться на двух типах рифмовки, ставших достоянием оригинальной русской поэзии лишь в последние годы.

Выше уже упоминалось о том, что четверостишие с рифмовкой *аага* (третья строка «холостая») в русской классике не использовалось, как, впрочем, в европейской поэзии вообще. Между тем, в ряде восточных литератур строфа рубай — одна из наиболее широко употребляемых.

Переводческая деятельность советских поэтов, в течение многих лет воспроизводивших рубай наряду с другими строфическими формами персидской, киргизской, казахской, турецкой и других литератур и фоль-

¹⁶ Е. Поливанов, Общий фонетический принцип всякой поэтической техники, ВЯ, 1963, 4.

клора, способствовала ее усвоению. В 20—30-е годы, да и позднее, рубаи воспринимались как экзотическая форма и изредка использовались в стилизациях. В наше время они «акклиматизировались». Если на фоне традиционных катренов (*абаб*) появляется четверостишие с рифмовкой *ааха*, в такой конструкции, естественно, меняется характер ритмического ожидания.

Дремлет избушка на том берегу.
Лошадь белеет на темном лугу.
Криком кричу и стреляю, стреляю,
А разбудить никого не могу.

(Е. Евтушенко, Долгие крики ¹⁷)

В этом стихотворении схема *ааха* выдерживается на протяжении шести строк. В «Процессии с Мадонной» того же автора она меняется (*абаб*, *ааах*, *ааха* и т. д.).

К постоянной смене системы рифм в ритмическом движении стиха прибегает и Роберт Рождественский. В стихотворении «Сон», например, мы находим аналогичную конструкцию:

Колючим деревцем
Глазастой девочкой
(Ты помнишь,
подвал
и пять ступенек
вернись,
вернись.
как мы жили
там —
вниз?) ¹⁸.

Слово *там* выделено поэтом — и графически, и тем, что оно завершает строку, и тем, наконец, что оно — нерифмованное в ряду рифмованных. Интересно, что в начальных двух строках рифма ушла в глубь строки (*деревцем — девочкой*), здесь нечто вроде реди́фа — т. е. опять-таки звуковой корреляции, нетрадиционной для русской поэзии.

Примеры можно было бы умножить, обратившись не только к достаточно хорошо известным именам, но и к творчеству совсем молодых поэтов. Впрочем суть проблемы не в популярности того или иного приема, а в принципиальной возможности его применения. Ведь и дольник в начале века встречался лишь изредка и перспективы его развития не были ясны современным критикам.

*

В советской поэзии, а особенности в произведениях 60-х годов, как мы видели, благодаря графике (лесенкам, столбикам) и метрическому многообразию, права ритмической единицы наряду со строкой часто получает слово (или словосочетание), обретающее тактовую выделенность ¹⁹. Новые приемы выразительности возникают во взаимодействии отдельных звеньев стиха. Выше освещена одна из сторон такого взаимодействия, в то время как надо было бы говорить о «соотнесенности так называемого ритмического и эвфонического аспектов стиха» ²⁰ и — еще шире — аспекта семантического.

¹⁷ Е. Евтушенко, Катер связи, М., 1966, стр. 12.

¹⁸ Р. Рождественский, Сын Веры, М., 1966, стр. 84—85.

¹⁹ М. М. Гиршман, Стихотворная речь, в кн.: «Теория литературы», М., 1965, стр. 367—369, 387.

²⁰ Ю. М. Лотман, Лекции по структуральной поэтике, 1 (Введение, теория стиха), «Труды по знаковым системам», I, Тарту, 1964 («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 160), стр. 103. См. там также весь анализ структуры стихотворения А. Вознесенского «Гойя».

О. Брик когда-то показал, что звуковые повторы у классиков стоят обычно в долях, ритмически наиболее важных. Логической структурой созвучия оказываются слова или существенные по значению или связанные между собой образно²¹. В современном стихе место этих созвучий внутри строки заняла и рифма, к тому же в большинстве случаев графически подчеркнутая.

Выше говорилось об огромном значении звукового поля, коррелирующего с рифмой. Аналогичные факты отмечены и у классиков²². Вообще едва ли не все компоненты современных рифменных построений можно найти у разных авторов — от Сумарокова до Маяковского и С. Кирсанова. Но все дело в том, что эти компоненты возникают там на фоне жесткой системы, в современной же поэзии они сами функционируют как система. Используя термин А. Моля, можно сказать, что проявление диалектики банального — оригинального здесь иное.

По справедливому заключению исследователя, у Маяковского «стих как бы устремлен к концу, и рифма возникает как разрешившееся напряжение всего стиха»²³. Как было достаточно подробно показано выше, эта функция меняется в тех произведениях современной поэзии, в которых ударная сила созвучия распределена часто по всей линии строки. С общеизвестными тезисами Маяковского можно сопоставить оригинальное рассуждение А. Вознесенского: «Я попытался вывести теорию современной рифмы из напряжения железобетона на изгиб. Если воспринимать строку как нависшую балку балкона, то напряжение идет в начале строки больше, а в конце все меньше и меньше. Я пытался сделать это в „Го́йе“ и других своих стихотворениях»²⁴. Формулировка, конечно, несколько витиеватая, но мысль поэта отражает существо дела.

Теоретически в русском стихе возможна и системная (как в монгольском) начальная рифма, нетрудно представить себе и нерегламентированную смену рифмованных и нерифмованных строк, как и другие конструкции, в которых соотношения компонентов, их удельных весов дают новый художественный эффект.

Рифма — единственный вид звукового повтора, ощущавшийся читателем как «целиком обязательный для данного стихотворного произведения»²⁵, перестает быть сама собой. И это находится в прямой связи с верлибристскими тенденциями поэзии XX в. Новые приемы, бесспорно, не отменяют прежних, но свобода выбора существенно увеличивается.

²¹ О. М. Брик, Звуковые повторы, «Сборники по теории поэтического языка», 2, Пг., 1917, стр. 44 и др. На механизм эстетического эффекта инструментовки обращает внимание И. Левый. Он полагает, что эффект этот основан на отклонении звуковой последовательности от вероятностного распределения звуков языка (см.: J. L e v ý, The meanings of form and the forms of meaning, в кн.: «Poetics», II, Warszawa, 1966, стр. 50).

²² См. об этом: Д. В ы г о д с к и й, Из эвфонических наблюдений («Бахчисарайский фонтан»), «Пушкинский сборник памяти С. Л. Венгерова» («Пушкинист», IV), М.—Пг., 1922; А. Г е р б с т м а н, Звукопись Пушкина, «Вопросы литературы», 1964, 5.

²³ Е. В. Е р м и л о в а, указ. соч., стр. 254.

²⁴ «Нашему корреспонденту Вадиму Голованову дает интервью известный советский поэт Андрей Вознесенский», «Спутник», ежемесячный дайджест, 1967, 5, стр. 27—28.

²⁵ В. К о в а л е в с к и й, Рима. Ритмічні засоби українського вірша, Київ, 1965, стр. 15.

В. А. ВИНОГРАДОВ, А. С. ЧЕРНИЧЕНКО

ФОНО-МОРФОЛОГИЯ ИМЕННЫХ КЛАССОВ В ГАНДА (ЛУГАНДА)*

Морфологическая структура существительного в языке ганда характеризуется фиксированностью минимальной глубины слова¹, выражающейся в обязательном наличии по крайней мере двух морфем — префиксальной и корневой. Эта особенность является выражением общего для всех языков банту типологического признака — классификации существительных по классам. При этом классная система имени в банту, в отличие от типологически сходной родовой системы в индоевропейских языках, является более устойчивой с точки зрения формально-семантического синкретизма рассматриваемых категорий. В именных системах банту нет никаких аналогов так называемому общему роду индоевропейских языков, нет в них и родовой нейтрализации, соотносимой с парадигмами категории числа, как нет, по-видимому, и собственно числа в виде грамматически оформленной категории². Каждое существительное необходимо включает два морфологических полюса, которые можно назвать, пользуясь терминологией Ф. Микуша, функционалом отождествления (префикс) и функционалом различения (корень). Биполярность морфологической структуры имени носит настолько императивный характер, что превращается в свою противоположность: отождествляющий элемент может выступать в самостоятельной роли как компонент с и н т а к с и ч е с к о й структуры (эта наиболее специфическая черта морфологии банту впервые была исследована Г. П. Мельниковым с детерминантно-типологической точки зрения³), чего лишен корень, который вследствие указанной структурной биполярности приобретает характер виртуального грамматического элемента, актуализуемого только в контексте с элементом отождествления. Школьным примером может служить корень *ntu*, например: *omuntu* «человек», *ekintu* «вещь», *oguntu* «великан, верзила».

Противопоставленность префикса и корня находит выражение и в фонологической структуре данных морфем. Типичная модель префикса в ганда V_1CV_2 = может считаться инвариантной относительно позиционного варьирования морфемы с окказиональной редукцией V_1 . В синтагматическом отношении компоненты префикса неравноправны: в нем явно различаются два элемента — стабильный и подвижный. Стабильный элемент префикса CV_2 можно назвать я д р о м, представленным также

* Язык ганда (луганда) относится к северной группе языков банту (по классификации К. Дока) и распространен в Республике Уганда.

¹ Глубина слова формулируется в терминах морфемных компонентов, в отличие от длины, измеряемой по количеству слогов, см.: В. А. Москович, Глубина и длина слов в естественных языках, ВЯ, 1967, 6.

² Ср.: А. А. Жук о в, О некоторых грамматических категориях имени существительного в языках банту, сб. «Africa» («Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклуко-Маклая АН СССР», Новая серия, XC), М.—Л., 1966.

³ Эта проблема рассматривалась Г. П. Мельниковым в его докладе «О соотношении класса и числа в языках мира», прочитанном на расширенном заседании группы африканских языков Института языкознания АН СССР 27 марта 1968 г.

в согласовательных морфемах. Подвижность начальной гласной (initial vowel, по терминологии К. Дока ⁴) состоит в детерминированности ее характером ядерного вокализма (морфемный сингармонизм):

V_1	V_2
$a \leftarrow$	a
$e \leftarrow$	i
$o \leftarrow$	u

Например, VI класс *a-ma*: III класс *o-mi*: IV класс *e-mi*. В более точной записи формула префикса в ганда должна выглядеть как $V_m CV$, где V_m — подвижный гласный («широкая фонема»). В просодическом отношении структура префикса покоится на резонансном контрасте: диффузность ядерного вокализма vs. компактность начального вокализма, при сингармоническом нейтральном вокализме /a/.

Что же касается точного значения и собственно морфологического статуса начальной гласной, то здесь нет полной ясности ввиду того, что этот элемент встречается спорадически в языках банту, многие из которых его утратили. Популярна предложенная Мейнхофом интерпретация начальных гласных как рефлексов древнего префикса, сохраняющих свое морфологическое значение. Правила, регулирующие сохранение и элиминацию начального гласного, носят в большинстве случаев фонетический характер (синтаксическое сандхи) ⁵, однако в ряде случаев очевидно зависимость этих правил от грамматического контекста; например, в так называемых релятивных субъектных конструкциях и при адъективном согласовании сохранение начальной гласной в согласовательной морфеме обязательно, например: *ekikopo ekigudde kyatise* «чашка, которая упала, разбита», *ekikopo ekilungi* «красивая чашка», но *ekikopo kilungi* «чашка красива». Вместе с тем новейшие исследования в бантуистике делают необходимым пересмотр некоторых положений Мейнхофа, касающихся фоно-морфологической интерпретации начального вокализма префикса ⁶.

Не только фиксированность фонологической структуры префиксальной морфемы, но и самый инвентарь гласных фонем, допустимых в префиксальном ядре, служит средством противопоставления префикса и корня. Пользуясь терминологией Р. О. Якобсона, можно сказать, что базисный вокализм префикса покоится на первичном треугольнике, включающем признаки компактности ($a : i/u$) и периферийности ($a/u : i$), причем трехчленный вокализм a, i, u реконструируется и для префиксальной системы прабанту ⁷. Развитие начальных гласных было позднейшим следствием гармонизации в пределах двухсоставного префикса с так называемым препрефиксальным $*\gamma a$ (формула Мейнхофа): $*\gamma a + Cu > oCu$, $*\gamma a + Ci > eCi$, $*\gamma a + Ca > aCa$. Таким образом, система вокализма $S_p = \{a, i, u\}$, допустимая в префиксе, и система $S_r = \{a, i, u, e, o\}$, допустимая в корне, противопоставлены посредством включения $S_p \subset S_r$. Данная операция определяется на наборе кратких фонем, так как признак длительности служит дополнительным средством противопоставления корня и префикса: в вокализме последнего фонологически значимая длительность недопустима. В связи с этим правилом представ-

⁴ С. М. Доке, *Bantu linguistic terminology*, London, 1935.

⁵ Эти правила можно найти в разных разделах кн.: Е. О. Аштон, Е. М. К. Мулига, Е. Г. М. Ндаула, А. Н. Туккер, *A Luganda grammar*, London, 1954.

⁶ См.: Е. А. Грегерсен, *Prefix and pronoun in Bantu*, IJAL, 33, 3, pt. 2 (Suppl.), 1967, стр. 44—47.

⁷ См.: С. Мейнхоф, N. J. Warmelo, *Introduction to the phonology of the Bantu languages*, Berlin, 1932, стр. 39—40.

ляют интерес определенные случаи появления позиционной длительности на стыке префиксальной и корневой морфем, что, однако, не покрывается одним вариативным уровнем.

Для алломорфического уровня описания префиксальных морфем существенна морфологическая позиция, определяемая характером корневой (основной) инициали, которая может быть либо консонантной, либо вокальной. Особый случай представляют *y*-основы, которые будут рассмотрены ниже. Конкретный облик алломорфов зависит от качества ядерного вокализма префикса, подчиняющегося общему для языка ганда и известному и другим языкам банту фонологическому закону устраниения зияния (хиатуса), возникающего на стыке аффикса и корня. Префиксально-корневой стык может представлять четыре разновидности:

$$(V_m CV) + \begin{pmatrix} C \dots & (1) \\ CC \dots & (2) \\ Y \dots & (3) \\ V \dots & (4) \end{pmatrix}$$

P ————— R —————

где *P* — префикс, *R* — корень.

Устранение зияния (*P*)*V* + *V*(*R*), возникающего при стыке (4), осуществляется двумя путями: либо посредством девокализации ядра префикса, либо посредством контракции и введения фонетической долготы, что не противоречит фонологической тактике языка ганда, поскольку в нем имеется фонологически значимый признак длительности, ср. *omusale* «племенной знак на теле» — *omusaale* «лук (оружие)», *omusezi* «колдун» — *omuseezi* «мошенник», *omususi* «очищающий плоды» — *omusuisi* «льстец». Характер хиатуса обуславливает дополнительность двух указанных способов его устранения: при тождественном стыке (*P*)*V*_{*i*} + *V*_{*i*}(*R*) действует правило контракции, при нетождественном стыке (*P*)*V*_{*i*} + *V*_{*j*}(*R*) — правило девокализации, выражающейся в позиционном чередовании фонем *i*, *u* с соответствующими неслоговыми. Например, *omi* + *ana* > *omwana* «ребенок», *aba* + *ana* > *abwana* «дети»; *omi* + *iko* > *omwiko* «мастерок», *emi* + *iko* > *emiiko* «мастерки»; *omi* + *ungu* > *omwingu* (орфографически *omungu*) «кабачок (бот.)», *emi* + *ungu* > *emwingu* «кабачки (бот.)».

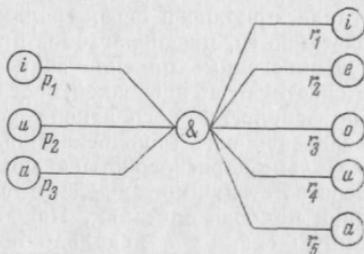
На правило девокализации наложены ограничения, обусловленные фонологической парадигматикой языка. Нетрудно заметить, что вокализм префиксального ядра содержит фонему, внепарную по признаку девокализации. Поэтому наряду с фонетически и системно мотивированными чередованиями *i/y*, *u/w* имеется чередование *a/g*, которое не мотивировано ни фонетически, ни системно, и вводится исключительно по аналогии, требуемой общим правилом устранения зияния. Реализация неслогового *a* естественно осуществляется в нуле (*∅*), однако появление форм типа (*P*)*V*_{*m*}*C* + *V*(*R*) нарушало бы инвариантный принцип трехчленности фонологической структуры именной префикса. Вследствие этого правило девокализации для *A*-префиксов (*aba*, *ama*, *aka*, *aga*, *awa*) фактически реализуется как правило контракции с предварительной прогрессивной ассимиляцией префиксального *-a-*. Появление стыковой долготы компенсирует отсутствие субстанциональной изоморфности данного чередования, свойственной чередованиям диффузных фонем. Следовательно, контракция может рассматриваться как частный случай девокализации. Это справедливо не только для *A*-префиксов, но и для префиксов с ядерным вокализмом *i*, *u*, так как в обоих случаях в результате контракции появляется фонетически долгий гласный, имеющий двойную инвариантную интерпретацию.

Рассмотрим следующие примеры: *abaana* «дети» (< *aba* + *ana*), *emiiko* «мастерки» (< *emi* + *iko*), *oguita* «большой металлический предмет» (< *ogu* + *uta*), *abeeginzi* «клоуны» (< *aba* + *eginzi*, ср. *omw-eginzi* «клоуны» < *omw* + *eginzi*), *amoovi* «прыщи» (< *ama* + *ovi*, ср. *ely-ovi* «прыщи» < *eli* + *ovi*), *aguita* «большие металлические предметы» (< *aga* + *uta*). Приведенные примеры Д. Коулем интерпретируются в терминах алломорфов вида V_mC , т. е. < *ab-* < *-aana*), < *em-* < *-iiko*), < *am-* < *-oovi* > и т. д.⁸. Однако такая морфологическая делимитация противоречит не только принципу трехчленности префикса, но и фоно-морфологии корня: выше говорилось, что признак длительности является релевантным для корневых морфем, и, следовательно, с фонологической точки зрения < *-aana* > ≠ < *-ana* >.

Но одинаково ошибочно было бы членить словоформу по принципу < *abaa-* > < *-na* >, < *emi-* > < *-ko* > (т. е. включать долготу в префиксальный гласный), поскольку это нарушает фонологическое правило краткости префиксального вокализма и явно противоречит элементарной морфологической интуиции; проводить подобное членение в ганда равносильно членению *под-орожать* в русском языке. Таким образом, стоя на позициях морфологического фонологизма, следует интерпретировать приведенные формы на основе критерия морфематического тождества, требующего такой делимитации слова, которая отражала бы его инвариантную морфологическую структуру. В соответствии с данным принципом должны быть получены префиксальные алломорфы < *aba* >, < *emi* >, < *ogu* >, < *abe* >, < *amo* >, < *agu* >, т. е. морфемная граница проводится в пределах долгого стыкового гласного.

Такая интерпретация находится в полном соответствии с морфологической спецификой имени в ганда, но облик получаемых алломорфов вступает в противоречие с фонологической тактикой языка. В самом деле, фиксирование морфологической границы в пределах долгого гласного неизбежно влечет за собой введение зияния (например, *emi-iko*), недопустимого по общefonологическому правилу. Кроме того, фонемный состав приведенных алломорфов противоречит правилу, определяющему инвентарь префиксального вокализма и гармонизацию начальной гласной. В алломорфах < *abe* >, < *amo* >, < *agu* > и т. п. либо фиксируется запрещенный в префиксальном ядре вокализм [e], [o], либо нарушается правило морфемного сингармонизма, запрещающего формы типа < *agu* >. Следовательно, фонологическая специфика языка ганда предполагает такую аллоэмическую интерпретацию именных префиксов, какая дается Д. Коулем.

Возникает, таким образом, ситуация, когда фонологически правильная интерпретация аллоэмии префиксальных морфем достижима при нарушении морфологической правильности и наоборот. Рис. 1 отражает совокупность вокалических префиксально-корневых стыков, имеющих вид $p_i \& r_j$, где p_i — некоторый гласный префиксального ядра, r_j — некоторый начальный гласный основы.

⁸ D. T. Cole, Some features of Ganda linguistic structure, «African studies», 24, 1-4, 1965.

Правила:

I. а) $p_1 \& r_1 \rightarrow ii$	II. а) $p_2 \& r_1 \rightarrow uu$	III. а) $p_3 \& r_5 \rightarrow aa$
б) $p_1 \& r_j \rightarrow yV_j$
($j \neq 1$)	б) $p_2 \& r_j \rightarrow wV_j$
($j \neq 4$)	б) $p_3 \& r_j \rightarrow V_j V_j$
($j \neq 5$)

Исключение (1) представлено корнем *-iso*, в сочетании с которым *U*- и *A*-префиксы трансформируются соответственно по правилам IIa и IIIa: *eliiso* «глаз» — *amaaso* «глаза» (<*ama* + *iso*), *akaaso* «глазик» (<*aka* + *iso*), *agaaso* «глазища» (<*aga* + *iso*), *oluuso* «долгий изумленный взгляд» (<*olu* + *iso*), *oguuso* «глазище» (<*ogu* + *iso*), вместо регулярно ожидаемых **amiiso*, **akiiso*, **agiiso*, **olwiso*, **ogwiso*. Исключение (2) представлено префиксом *X* класса *ezi*-, для которого выполняется лишь первая часть правила I, тогда как для нетождественного стыка имеем $p_1 \& r_j \rightarrow V_j V_j$, т. е. по типу *A*-префиксов, ср. *eziiso* «долгие взгляды» — *ezaana* «высокие стройные дети» (<*ezi* + *ana*). Это исключение, проводимое также в согласовательной морфеме *zi*, обусловлено чисто фонетической комбинаторикой: в ганда, при общей ограниченности консонантных сочетаний, невозможно сочетание *zy*, предполагаемое правилом Iб.

Приведенные правила записаны в фонологических терминах и свидетельствуют об эквивалентности удлинения и девокализации с точки зрения фонологического закона устранения зияния. Обнаруженная выше неоднозначность фонологической и морфологической интерпретации префиксально-корневого стыка может быть сведена к терминологическому несоответствию, хотя в действительности она должна лежать в самой уровневой природе описания. Каждый уровень образует относительно автономную систему с локально непротиворечивыми закономерностями, но описание, ограниченное одним уровнем, будет заведомо неполным. Включение в описание других уровней может иметь своим следствием нарушение локальной непротиворечивости вследствие того, что закономерности, установленные для одного уровня, не всегда однозначно коррелируют с закономерностями других уровней, даже когда последние выступают в роли коррегирующих по отношению к иерархически подчиненным уровням, как это случается, например, для морфологии и фонологии. Отсутствие в языке единой сквозной и однозначной детерминированности делает актуальным вопрос о реализации принципов полноты и непротиворечивости в лингвистических описаниях, и не исключено, что известная теорема Геделя о неполноте, справедливая для формализованных систем, может оказаться справедливой и для естественного языка, хоть и потребует несколько отличной, лингвистически специфицированной формулировки⁹. Не исключено также, что обсуждаемая здесь неоднозначность фоно-морфологического членения может быть интерпретирована как частный случай более общей методологической ситуации, описываемой теоремой Геделя.

Но как бы ни оценивалась данная неоднозначность, морфологизм в аллоэмическом описании префиксальной системы ганда должен считаться определяющим принципом хотя бы потому, что это описание является по преимуществу морфологической процедурой. Следовательно, способ записи алломорфов префиксов должен отражать в первую очередь морфологическое членение словоформы, а в свете указанной неоднородности он должен быть достаточно детализирован, чтобы отразить и существенные фонологические свойства морфемных пивов. Это может быть достигнуто

⁹ Актуальность теоремы Геделя в лингвистике обсуждалась с разных точек зрения: В[я ч.]. В[с]. И в а н о в, Теорема Геделя и лингвистические парадоксы, «Тезисы конференции по машинному переводу (15—21 мая 1958 года) [1-й МГПИИЯ]», М., 1958; И. И. Р е в з и н, Отмеченные фразы, алгебра фрагментов, стилистика, сб. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 10.

путем различения двух вариативных подуровней в пределах морфемы: 1) уровень морфемной вариативности (алломорфы), 2) уровень фонетической вариативности (варианты алломорфов). Алломорф как вариант морфемы образует переходное звено между собственно морфологическим аспектом (инварианта морфемы) и собственно фонетическим аспектом (варианта варианта морфемы).

Приведенные выше правила устранения зияния свидетельствуют о том, что девокализация для *U*- и *I*-префиксов при нетождественном стыке состоит фактически в смене диакритики признака вокальности (замена плюса на минус): $p_1 \& r_j = VG^{\circ}Cp^{\circ} \& V... \rightarrow V^{\circ}G^{\circ}Cp^{\circ} \& V...; p_2 \& r_j = VGCP^{\circ} \& V... \rightarrow V^{\circ}GCCp^{\circ} \& V...$ Данное преобразование, как было сказано, имеет отчетливую системную мотивированность, проявляющуюся в позиционном чередовании *i/y*, *u/w*. При тождественных стыках редуцируются прочие признаки ядерного вокализма при сохранении «пустой вокальности», которая реализуется как фонетическая долгота корневого гласного: $p_1 \& r_1 = VG^{\circ}Cp^{\circ} \& VG^{\circ}Cp^{\circ} \rightarrow Ln \& VG^{\circ}Cp^{\circ}, p_2 \& r_4 = VGCP^{\circ} \& VGCP^{\circ} \rightarrow Ln \& VGCP^{\circ}$, причем для *A*-префиксов этот путь является единственным, т. е. $p_3 \& r_j = VGCP \& V... \rightarrow Ln \& V...$, что также мотивировано фонологической парадигматикой. Отсюда — позиционные чередования в корневой (основной) инициали *i/ī*, *u/ū*, *a/ā*, *e/ē*, *o/ō*. Эти чередования имеют своим следствием окказиональное фонетическое переразложение алломорфа префикса, в результате чего возникает вариант алломорфа, который мы будем обозначать с помощью квадратных скобок, в отличие от алломорфа, помещаемого в угловые скобки. Основным вариантом морфемы, отражающим ее инвариантную структуру, считается алломорф вида V_mCV (левая часть формул), почвляющийся при вокально-консонантном стыке, поскольку наиболее типичной инициальнойю корня является консонантная, типичная как в диахроническом¹⁰, так и в типолого-статистическом отношениях.

A-префиксы (цифрами обозначены именные классы)

(II) $\langle aba \rangle / \langle abV \rangle$ [ab] *abazinyi* «танцоры» — *abaami* «господа, князья», *aboote* «богачи», *abeeginzi* «клоуны»;

(VI) $\langle ama \rangle / \langle amV \rangle$ [am] *amabala* «пята» — *amenvu* «спелые бананы» (лит. орф., в произношении [ameenvu]), *amoovu* «прыщи»;

(XIII) $\langle aka \rangle / \langle akV \rangle$ [ak] *akatimba* «сетка» — *akooya* «волос», *akeedimo* «бунт»;

(XXII) $\langle aga \rangle / \langle agV \rangle$ [ag] *agati* «огромные деревья» — *agaato* «огромные лодки», *agiuma* «огромные металлические предметы, машины»;

(XVII) $\langle awa \rangle / \langle awV \rangle$ [aw] *awantu* «место» — *aweestifu* «спокойное место (о районе, свободном от военных действий)».

Примечание. С фонологической точки зрения долгота в приведенных примерах не есть свойство корневой инициали, а лишь признак стыка, поэтому при фиксировании алломорфов префиксов этот признак экстрагируется из корня и косвенно выражается в знаке пустой вокальности префиксального ядра (V), т. е. например, *amoovu* = $\langle amV \rangle + \langle ovu \rangle$, фонетически [am] + [oovu]. Аналогичным образом интерпретируются и следующие ниже алломорфы *U*- и *I*-префиксов.

U-префиксы

(I) $\langle omu \rangle / \langle omV \rangle$ [om] / $\langle omw \rangle$ *omantu* «человек», *omubala* «барабан» — *omu(u)ngu*

(III) «кабачок» — *omwana* «ребенок», *omwaka* «год»;

(XI) $\langle olu \rangle / * \langle olV \rangle$ [ol] / $\langle olw \rangle$ *olubuto* «живот» — *olwana* «высокий стройный ребенок»;

(XII) $\langle otu \rangle / * \langle otV \rangle$ [ot] / $\langle otw \rangle$ *otuta* «капля молока» — **otuugi* «небольшое количество каши» — *otwenge* «немного пива»;

(XIV) $\langle obu \rangle / \langle obV \rangle$ [ob] / $\langle obw \rangle$ *obusaale* «стрелы» — *obuugi* «кукурузная каша» — *obwambe* «угандийские ножи»;

(XV) $\langle oku \rangle / * \langle okV \rangle$ [ok] / $* \langle okw \rangle$ *okutambula* «путешествовать» — *okwagala* «любить»;

(XX) $\langle ogu \rangle / \langle ogV \rangle$ [og] / $\langle ogw \rangle$ *oguggo* «дубина» — *ogiuma* «огромный металлический предмет» — *ogwato* «огромное капо».

¹⁰ Согласно реконструкциям Мейнхофа, всякий корень в прабанту имел консонантное начало, см.: С. Мейнхоф, N. Wагнело, указ. соч., стр. 46. В современном ганда вокалические корни чрезвычайно редки.

Примечание. Алломорфы, отмеченные астериксом, относятся к незафиксированным случаям тождественного стыка¹¹, т. е. хлатуса ($Pu + u(R)$), и приводятся исключительно из соображений единообразия системы. Причиной указанных лакун является ограниченность корней, начинающихся гласным вообще и u -корней, в частности; последних зафиксировано всего три ($-ugi$, $-ungu$, $-uma$). Правда, для класса olu - можно было бы привести пример $oluuso$ «долгий изумленный взгляд», но данная форма вторична и содержит не u , а i -корень ($eliiso$ «глаз»), см. выше исключение (1). Форма $oluugi$ «небольшое количество каши», по словам информантов, окказиональна, но грамматически и семантически приемлема; в словаре она не отмечена. Что же касается алломорфа $\langle okw \rangle$, то в астерик при нем вкладывается иной смысл: хотя форм с okw очень много, все подобные инфинитивные образования в действительности представляют не вокалический, а вокально-йотовый стык.

1-префиксы

(IV) $\langle emi \rangle / \langle emV \rangle$ [em] / $\langle emy \rangle$ *emiti* «деревья» — *emiko* «мастерки» — *emyalo* «гавани»;

(V) $\langle eli \rangle / \langle elV \rangle$ [el] / $\langle ely \rangle$ *elligwa* «колючка, шип» — *eliiso* «глаз» — *elyalo* «лодка, каюта»;

(VII) $\langle eki \rangle / \langle ekV \rangle$ [ek] / $\langle eky \rangle$ *ekimuli* «цветок» — *ekiiso* «дурной глаз» — *ekyalo* «деревня»;

(VIII) $\langle ebi \rangle / * \langle ebV \rangle$ [eb] / $\langle eby \rangle$ *ebimuli* «цветы» — *ebyalo* «деревни»;

(X) $\langle ezi \rangle / \langle ezV \rangle$ [ez] *ezinnyo* «длинные зубы» — *ezaana* «высокие стройные дети».

Примечание. Аномальность префикса X класса (для которого более типичен префикс en -, лишь исторически соотносимый с группой 1-префиксов) обусловлена указанным выше дистрибутивным ограничением, см. исключение (2). При консонантном корне в V классе обычным является префикс, записываемый Д. Коулем в виде $\langle e\# \rangle$, например, $\langle e\# \rangle + \langle gana \rangle \rightarrow$ *eggana* «стадо», $\langle e\# \rangle + \langle fumu \rangle \rightarrow$ *effumu* «кошье» и т. п. Морфему $\langle e\# \rangle$ принято считать вариантом префикса $\langle eli \rangle$ (произносимого обычно $\langle eri \rangle$) перед корнем с негеминированной консонантной инициальной, однако фонетический механизм такого позиционного чередования остается неясным. Отсутствие примеров с *ebii*- (VIII класс) объясняется тем, что в ганда отмечены лишь два корня с инициальной i -: $-iso$ «глаз» и $-iko$ «мастерок».

Фоно-морфологическое поведение именных префиксов описывалось до сих пор для двух типов стыков, когда корень имел либо вокалическое, либо консонантное начало. Но в ганда выделяется большая группа корней с инициальной y — эти корни отмечены значительным своеобразием в плане их влияния на реализацию префиксальных алломорфов. Встречающиеся иногда в литературе замечания об отсутствии системы в позиционном варьировании префиксальных морфем перед y -основами совершенно необоснованны. Вместе с тем преувеличенном выглядит и строгая фонетическая регулярность правил, которые формулируются для описания вокально-йотовых стыков в книге Э. Эштон и др. Смысл этих правил состоит в том, что y -, в отличие от всех прочих согласных, не является активным элементом корневой инициали при вокалических префиксах, т. е. при всех префиксах, кроме показателей IX и X классов en -, \emptyset - и V класса $e\#$. Аллоэмическая реализация рассмотренных выше префиксов перед y -основами фактически тождественна реализации их в условиях стыкового звания, с тем отличием, что описанные чередования в префиксальном ядре не происходят перед корневыми yi - и yu -. Иными словами, в сочетании с диффузными корневыми гласными y - ведет себя по отношению к префиксу как согласный, а в сочетании с корневыми a , e , o происходит обычное устранение звания, как если бы y - вообще отсутствовал:

$$V_m Cu + yV_{Cp} \dots \rightarrow V_m Cw + V_{Cp} \dots$$

$$V_m Ci + yV_{Cp} \dots \rightarrow V_m Cy + V_{Cp} \dots$$

$$V_m Ca + yV_{Cp} \dots \rightarrow V_m CV_{Cp} + V_{Cp} \dots$$

$$\text{Но: } V_m CV + yV_{Df} \dots \rightarrow V_m CV + yV_{Df} \dots$$

¹¹ Примеры, полученные от информантов Патрика Кагода, Исанга и Абу Какембо, граждан Республики Уганда, сверялись по наиболее полному и информативному словарю: «Luganda-English dictionary», ed. by R. A. Snoxall, Oxford, 1967. Пользуемся случаем выразить признательность информантам за помощь при изучении языка ганда.

Например: *omu + yeso > omweso* (вид игры), *emi + yeso > emyeso* «игры», *aba + yagalwa > abaagalwa* «любовники», но *omu + yigiriza > omuyigiriza* «учитель», *eki + yungu > ekiyungu* «кухня», *aba + yigiriza > abayigiriza* «учителя». Исключения из этих правил, по свидетельству Э. Эштон, единичны и касаются лишь случаев с *ya-, yo-, ye-*.

Однако действительная картина оказывается гораздо сложнее, чем это представлено в цитируемой литературе. С одной стороны, в словоформах типа *omweso, abaagalwa* не содержится никаких признаков, указывающих на наличие корневого *y-*. Во всех подобных случаях приходится обращаться к однокоренным глаголам, чтобы выявить реальный фонологический состав корня, причем и в парадигме спряжения *y-* отчетливо выражен лишь в формах единственного числа. Например, *-yagala* «любить»: 1-е лицо ед. числа *njagala* ($n + y > nj$), 2-е лицо ед. числа *oyagala*, 3-е лицо ед. числа *ayagala*, 1-е лицо мн. числа *twagala*, 2-е лицо мн. числа *mwagala*, 3-е лицо мн. числа *baagala* ($< tu-, mu-, ba- + yagala$). Отсюда естественна аналогия с именными префиксами (*otu-, omu-, aba-*), ведущими себя перед *y-* основами так же, как субъектные показатели *tu-, mu-, ba-*.

Но, с другой стороны, эта аналогия не нуждалась бы в обосновании, если бы исключения из правил Эштон были действительно единичными. Между тем таких исключений едва ли не столько же, сколько «правильных» форм. Это обстоятельство ставит под сомнение предположение о том, что описанные трансформации вокально-йотовых стыков носят чисто фонетический характер. В самом деле, если считать правилом трансформацию типа *omu + yV_{CP} > omuV_{CP}* как в *omweso* (ср. *njera* «я играю»), *omwogez* «оратор» (*njogera* «я говорю»), то непонятно, почему существуют словоформы *омуаауи* «дикая кошка», *омуаа* «голодный», *омуембе* «манговое дерево», *омуонжо* «клетка для цыплят» — и такие «противоречащие» примеры можно привести для каждого класса. Следовательно, если сохранение *y-* принципиально возможно, это явление относится не к фонетике (или не только к фонетике), а раз так, то нет строгой необходимости фиксировать корневой *y-* там, где он «не прояснен». Видимо, именно этим руководствовался Д. Коуль, когда рассматривал словоформы типа *омвези* «луна» (*V-*основа) и *омвесу* «игра» (*y-*основа) в одной плоскости.

На этом можно было бы закончить обсуждение *y-*основ, но у них есть еще одна особенность, окончательно убеждающая в том, что без специального исследования данный вопрос не может быть решен. Дело в том, что почти все упомянутые исключения касаются тех корней, которые употребляются только в именном значении, т. е. не имеют соответствующих глагольных образований. Если же ограничиться рассмотрением лишь «отглагольных» имен, процент которых достаточно велик, то окажется, что правила Эштон для них выполняются вполне строго и исключения действительно единичны: *омуондо* «шнурок» (*ку-ондо* «вить»), *екиюола* «совок» (*ку-юола* «подбирать»), *обуямби* «помощь» (*ку-ямба* «помогать»).

Нетрудно заметить, что регулярность и нерегулярность правил Эштон определенным образом соотносится с парадигматическим контекстом морфологических категорий: «чистые» имена противопоставляются «глагольным» именам по признаку сохранения-несохранения корневого *y-*. Если сопоставить с этим общий фонологический принцип глагольной корневой структуры ганда (глагольные корни никогда не имеют вокалической инициали, допустимой в именах), то станет очевидной необходимость в поиске более глубоких грамматических мотивов, которые обусловили фоно-морфологическое своеобразие в морфологической синтагматике основ.

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СЫМСКИХ КЕТОВ*

Сравнительное изучение языка сымских и имбацких кетов, проводимое в настоящее время ЛЮ Института языкознания АН СССР, позволяет сообщить о некоторых результатах исследования, способствующих выяснению отдельных трудных вопросов морфологии кетского языка¹.

Удалось установить, что в имбацком грамматическая категория числа пронизывает всю морфологию — все части речи. Этот вывод полностью подтверждают и материалы сымского языка. Между тем, до последнего времени в кетском изучались только способы выражения мн. числа. Нами же в имбацком выявлены реликтовые форманты ед. числа *j, n, l', c', m, p', x, ʔ, a*². В сымском же в качестве реликтовых формантов ед. числа нами выделяются *j, ш, p, m, к*. Изучение сымского показывает, что эти реликтовые форманты имеют первостепенное значение для определения природы загадочных морфем, условно названных нами детерминативами. К ним в имбацком и в сымском относятся *к, m, ʔ ~ ʕ, n, ǝ ~ ǝ', x, ч, ф, j*. Реликтовые форманты ед. числа, сохранившиеся в кетском, позволяют вскрыть в большинстве детерминативов числовую природу.

Анализируя морфемный состав атрибутивных форм количественных числительных *хуш-/хус'*³ «один» для счета неактивных предметов класса вещей и *хок-/қок* «один» для счета активных существ, в них можно выделить морфемы *ʕ/ʔ, ш/с', к*, из которых каждая выражает значение единичности, в чем мы убедимся ниже. Что же касается гласных *y, o*, то употребление их также не случайно: морфема *y* в составе личных показателей группы Б⁴ соотносится с классом вещей и с классом женщин, а морфема *o* — с активным мужским классом. Поскольку в кетском количественные числительные до пяти связаны с выражением классных значений, можно предполагать, что в енисейском языке-основе реликтовые форманты ед. числа также были тесно связаны с выражением дополнительных классных значений, поскольку иначе невозможно объяснить причины их обилия.

* До последнего времени языки сымских и имбацких кетов рассматривались в качестве диалектов кетского языка, но недавно была высказана точка зрения на них как на самостоятельные языки (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Предисловие, в кн.: «Кетский сборник. Лингвистика», М., 1968, стр. 5). Под термином «сымский» и «имбацкий» нами будут подразумеваться отдельные языки; под термином «кетский» — оба языка.

¹ Предлагаемое предварительное сообщение написано на месте сбора материала в поселке Ворогово Туруханского района. Приводимые ниже материалы сымского языка записаны нами от последних посетительниц этого языка в пос. Ворогово — Дарьи Федоровны Савенковой (1902 г. р.) и Татьяны Семеновны Латиковой (1884 г. р.).

² См.: Е. А. Крейнович, Ш. С. С. Способы действия в глаголе кетского языка, «Кетский сборник», стр. 81—82.

³ Перед косой чертой помещаются сымские, а после нее имбацкие данные, представленные в наших материалах суломайским говором. В дальнейшем, говоря об имбацком, мы будем иметь в виду только данные этого говора.

⁴ О личных показателях групп Б и Д см.: Е. А. Крейнович, Глагол кетского языка, Л., 1968, стр. 22.

Изучение грамматической категории числа в кетском сильно затрудняется тем, что эта категория представлена здесь в разрушенном виде и выражается обилем реликтовых и асемантизированных морфем, флексией гласных, долготой, переносом ударения, а также двойными и тройными показателями мн. числа. Асемантизация числовых морфем приводила к тому, что они срачивались с основой слова, причем на них могли наращиваться аналогичные числовые показатели, часть из которых могла подвергаться переосмыслению. Для того чтобы нагляднее представить эти процессы, обратимся к сопоставлению ряда лексем в имбацком и сымском.

	Имбацкий		Сымский	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
«Бурундук»	ко-п	ко-п	коп	коф-ы-п
«Горпостай»	кул'э-п	кул'а-п	кулэп	кулэф-ы-п
«Куропатка»	ассу-п	ассу-п	ассуп	ассуф-ы-п
«Косач»	ху-п	ху-п	хуп	хуф-ы-п
«Звезда»	хо-х	хо-п	хох	хох-ы-п
«Утка-гоголь»	то-х	то-п	тох	тох-ы-п
«Журавль»	тау-х	тау-п	та:²к	таг-ы-п
«Жердь (чума)»	лпн'	лпн'-и-п	лпн'ин	лпн'ин-и-п

Уже из приведенных примеров (а число их может быть увеличено) видно, что имбацкий сохранил еще формы ед. числа у ряда имен существительных; в сымском форме эти асемантизировались и поэтому срослись с корневой основой существительного, образовав новую основу слова, к которой присоединяются показатели мн. числа. В последнем примере — сымск. лпн'ин-и-п — асемантизация подвергся показатель мн. числа, который в результате реинтерпретации вошел в состав основы слова, а она в свою очередь получает показатель мн. числа⁵. Таким же путем возникли и случаи утроенных показателей мн. числа в кетском: *кај* «гора» — *каң'иң* «горы» и т. п.

Имбацкий и сымский сохранили древние формы числа не только в области имени, но и в области глагола. Эти реликтовые факты, дополняя друг друга, помогают в известной мере истолкованию глагольных детерминативов. Но прежде чем перейти к изложению этих данных необходимо несколько слов сказать о структуре сымского глагола.

Сымский глагол в структурном отношении почти ничем не отличается от имбацкого глагола. Как и в последнем, в нем выделяются пять типов глагольных слов: I — глаголы с основой в конце слова; II — составные глаголы; III — глаголы со сложной прерывной основой; IV — глаголы с простой прерывной основой, имеющей корневую морфему в начале слова и деривационную в конце; V — глаголы с простой прерывной основой, имеющей деривационную морфему в начале слова и корневую в конце.

Сымские глаголы, как и имбацкие, членятся на морфемы корневые и аффиксальные — деривационные и реляционные, детерминативы и интерфиксы. Одна и та же корневая морфема может занимать в составе сымского глагола любую позицию. Так, например, от сымского инфинитива (глагольного имени) *чаң* «волочить; тащить» образуются глаголы I типа: *ду-ди-чаң* «он-меня-тащит» (на нарте); *ду-ј-а-чаң* «он-ползет» (подползает к животному, дословно «он-себя-тащит»); *ч-а-ди-чаң* «часто-меня-таскает» (на нарте); II типа: *чаң агаҕан* «тащить он-будет; тащить он-начнет»; III типа с корневой морфемой *-чаң* в конце сложной прерывной основы и в середине глагола в качестве члена, составляющего первый

⁵ На это явление впервые обратила внимание молодая исследовательница кетского языка Т. И. П о р о т о в а (см. ее автореф. канд. диссерт. «Образование и употребление форм числа существительных кетского языка», Томск, 1968, стр. 17).

компонент сложной прерывной основы: *δ-лт-а-п-чаң* «я-на-берег (из воды)-это (лодку)-вытащу», *δ-игδ-а-п-чаң* «я-к-реке-это (лодку)-поташу»; *δ-ајфаңчаң-а-г-э-н* «мы-ловим-неводом» (рыбу) (*ајфаң* «невод», дословно «мешковая сеть» от *ај* «мешок» и *фаң* «сеть», *ајфаңчаң* дословно «мешковую сеть тащить», *-э* «делать»); IV тип: *чаңхибит* «поташу-это»; V тип: *к-а-ј-чаң* «его (осетра, попавшего на крючок самолова)-вытащу» (из воды).

Наблюдения над поведением корневых морфем в кетских глаголах повозлило нам в свое время высказать мнение, что не только корневые, но и некоторые аффиксальные морфемы могут встречаться в кетских глаголах во всех позициях, т. е. в конце, в середине и в начале слова; это подтверждают также и данные сымского языка. Обратимся к табл. 1, читать которую надо справа налево. Значения числовых показателей, находящихся в конце имен и глаголов, выступают наиболее рельефно. В начальной же позиции числовые значения морфем стерты. Поскольку некоторые факты в сымском нам еще не встретились, мы восполняем их имбацкими данными, представленными в наших записях суломайским говором (в табл. 1—С.).

Из табл. 1 явствует, что форманты ед. числа имен существительных *-х*, *-т*, *-һ* ~ *-х*, *-ш* ~ *-с* в одних глаголах выступают в качестве показателей ед. числа субъекта действия, а в других — в качестве показателей ед. числа самого действия, т. е. его однократности. Точно так же показатели мн. числа имен существительных *-һ*, *-н* в одних глаголах выступают в качестве показателей мн. числа субъекта действия, а в других — в качестве показателей мн. числа самого действия, т. е. его многократности и длительности. Так как показатели *к*, *т*, *һ* ~ *х* и *н* встречаются в начале, конце и в середине глаголов, то этим самым подтвердилось высказанное нами некогда положение, что некоторые аффиксальные морфемы могут встречаться в глаголах во всех позициях.

Поскольку в кетском имеются омонимичные корневые и аффиксальные морфемы, которые могут встречаться в глагольных словах во всех позициях, то нередко определение структуры того или иного глагола бывает сильно затруднено, пока не обнаружатся опознавательные признаки, которые позволят понять, что является в нем корневой, а что деривационной морфемой. Наглядный пример этого представлен в табл. 2, где занимающая первую позицию корневая морфема *к* внешне может быть сопоставлена с деривационной морфемой однократного способа действия *к* (см. I раздел в табл. 1).

Рассматривая табл. 2, в которой собраны глаголы со значением действий, производимых только поперек предмета⁶, можно видеть, что начальная корневая морфема *к* указывает в них на однократное действие, производимое поперек предмета; другая же начальная корневая *фа-* указывает на многократное действие, также производимое поперек предмета или предметов. Если глагол *каб'э* «разрежу-это» означает, что предмет, например хлеб, разрезан однократным действием пополам, либо таким же действием от него отрезан кусок, то глаголом *фа* : *сэ* передается, что предмет разрезался многократно (т. е. он либо разрезан на части, либо от него несколько раз отрезались куски). Мы считаем, что в первом и во втором глаголах со значением «резать; рубить» (табл. 2) корневые морфемы *к* и *фа-* выражают свое прямое лексическое значение «резать». Что же касается глаголов со значением «ломать» и «рвать», то в них морфемы *к* и *фа-* выражают переносные значения, указывая главным образом на то, что некоторое действие производится н о п е р е к предмета либо один раз, ли-

⁶ Нам составлена аналогичная таблица глаголов со значениями действий, производимых вдоль предмета, — такое действие обозначается деривационными морфемами *уш-у-*, *ушин-уш-*.

Таблица 1

Разде- лы	Число					
	действия	субъекта действия	предмета	аф- фикс		
I	к-иптиң «покатит-это»	С. унхво-к «треснет-это» (пополам)	а-к-са : р «он-перено- чует»	ху-к «отверстие» (норы, ноздри)	к	ед.
		С. ус'нхво-ң «треснет-это» (на много ча- стей)	а-ң-и-са : р «они-перено- чуют»	ху-н-ы-ң¹ «отверстия» (нор, ноздрей)	ң	мн.
II	т-ипсиң «завяжет-это»	даңып-т-о «он-повесит- это»	дис'аге-т «он-гребет»	ху-т «след»	т	ед.
		даңыб-о-ң «он-повесит- эти»	дис'аге-н «они-гребут»	ху-н-ы-ң «следы»	н~ң	мн.
III	С. ң-ибдил' «наденет-это»	дул'табда-х «он-отвяжет- это»	тиса-х-о «он-зарядит»	С. қо-э «звезда»	к~х	ед.
			тиса-ң-о-н «они-зарядят»	С. қо-н «звезды»	н~ң	мн.
IV	н-ајадл:ʔј «он-шевелится»	ду-ш-аптит «он-расколет- это» (пополам)	дускабу-с «он-откроет- это»	ху-ш «чум» б'эш «заяц»	ш~с	ед.
		душ-и-н-аптит «он-расколет- это» (на много частей)	дускабэ-н «они-откроют- это»	ху-ң «чумы» б'эш-и-н «зай- цы»	н~ң	мн.
V	С. н-ајэ'уј «он-шевелится»	С. ду-ш-аптит «он-расколет- это» (пополам)	С. дускавус «он-откроет- это»	С. ху-с' «чум» б'эс' «заяц»	с	ед.
		С. ду-с-н-ап- тит «он-раско- лет это» (на много частей)	С. дускавус-н «они-откроют- это»	С. ху-ң «чумы» б'эс'-н «зайцы»	н~ң	мн.

¹ Ср. имбацк. *хукиң* «отверстия нор». Точность сымских форм проверялась нами неоднократно на месте. Замену некоторых конечных согласных суффиксом мн. числа впервые отметил М. А. Кастрен, но он не считал их показателями ед. числа.

бо много раз. Поскольку морфема *к-* (и *фа-*) в этих глаголах указывает не только на количественный характер действия, но и на его направление, она должна относиться не к деривационным, но к корневым морфемам. Таким образом, числовые представления глубоко пронизали структуру кетского глагола — если в имени числовые представления выражаются аффиксальными морфемами, то в кетском глаголе они выражаются не только аффиксальными, но и корневыми морфемами.

Глаголы, приведенные в табл. 2, сложные. Лексические значения, выражаемые ими, не представляют собой простого сложения суммы значений, собственных их прерывно расположенным корневым морфемам. Конечные корневые морфемы этих глаголов означают: *-э* «делать», *-д'у* «тесать», *-тит* «бить», *-чи* «теревить; врать»; *-уң* «рубить (?)», *-дук*, возможно, означает «сдвинуться» (ср. *дид-дук* «я-подвиусь»). Вне всякого сомнения, конечные корневые морфемы, употребляясь в ряде случаев

Таблица 2

Объект действия или субъект действия	Однократность к-	Множественность фа-
баңгал «осетра»	к-а-ј-э «разрежу-его» к-б-н-э «разрезал-его»	фа:-д'-а-ј-э(о) «разрезаю-его» фа:-д'-б-р-э(о) «разрезал-его»
о°к «стерлядь»	к-й-ј-э «разрежу-ее» к-й-т'-н'-э «разрезал-ее»	фа:-д'-й-ј-э(о) «разрезаю-ее» фа:-д'-й-д'-и-р-э(о) «разрезал-ее»
ба́л'чи «голову рыбы»	к-а-б'-э «разрежу-это» к-а-б-ы-н-э «разрезал-это»	фа:-с-э(о) «разрезаю-это» фа:-р-э(о) «разрезал-это»
баңгал «осетра»	к-а-ј-уц «разрублю-его» к-о-н-уц «разрубил-его»	фа:-д'-а-ј-д'у² «изрублю-его» фа:-д'-б-н-д'у² «изрубил-его»
о°к «стерлядь»	к-и-ј-уц «разрублю-ее» к-и-т'-н'-уц «разрубил-ее»	фа:-д'-й-ј-д'у² «изрублю-ее» фа:-д'-и-д'-й-н-д'-у² «изрубил-ее»
ба́л'чи «голову рыбы»	к-а-б-уц «разрублю-это» к-а-б-ы-н-уц «разрубил-это»	фа:-с-д'у² «изрублю-это» фа:-н-д'у² «изрубил-это»
бандыр «черемуху»	к-а-ј-тит' «переломлю-его» к-о-н-тит' «переломил-его»	фа:-д'-а-ј-тит' «изломаю-его» фа:-д'-б-н-тит' «изломал-его»
А:χ «сук»	к-а-п-тит' «переломлю-это» к-а-б-ы-н-тит' «переломил-это»	фа:-с-тит' «изломаю-это» фа:-н-тит' «изломал-это»
бандыр «черемуху»	к-а-ј-дук «сломается-он» ¹ к-о-н-дук «сломался-он»	
А:χ «сук»	к-а-б-дук «сломается-это» к-а-б-ы-н-дук «сломалось-это»	фа:-с-а-тат' «изломается-это» фа:-н-а-тат' «изломалось-это»
ац «веревку»	к-а-п-чи «порву-это» к-а-б-ы-п-чи «порвал-это»	фа:-с-чи «изорву-это» фа:-р-чи «изорвал-это»
ац «веревка»	к-а-б-а-чи ² «порвется-это» к-а-б-ы-н-а-чи «порвалось-это»	фа:-с-а-чи-д'ин «изорвется-это» фа:-р-а-чи-д'ин «изорвалось-это»

¹ Соответствующая графа «множественность» не заполнена: Т. С. Латинова давала здесь формы, совпадающие с нижеприведенными формами класса вещей.

² а- — показатель непереходности и пассивности.

в переносном смысле, также привносят в глагол количественное значение. Так, например, корневая морфема -д'у < д'у «тесать», несомненно, привносит в глагол со значением «изрубить» дополнительное к первой корневой морфеме фа- значение множественности действия.

Выяснение числовой природы некоторых детерминативов, произведенное нами в табл. 1, отнюдь не снимает проблемы детерминативов в кетском языке, что наглядно можно показать хотя бы на примере с детерминативом ɣ ~ χ. Сравним для этого следующие смыские инфинитивы (глагольные имена) с образованными от них личными формами глаголов: ɣут' «шаманить», но ди-ј-ут' «я-шаманю», д-и-р-ут' «я-шаманил»; ɣит' «строгать», но ди-б-ыт' «я-строгаю», д-и-р-ыт' «я-строгал»; ɣи:н' «течение», но бо-к-с-ы-ɣ-ин' «меня-несет-течением», бо-р-ын' «меня-несло-течением»; -ɣут «бежать; гнаться», но д-и-н-ч-а-ɣ-ут «я-побегу», д-и-н-ч-а-р-ут «я-побежал», бо-к-с-ы-ɣ-ут «гонится-за-мной», но бо-р-ут «гнался-за-мной»; ɣут «взбираться на гору», но ди-г-а-ɣ-ут «я-поднимусь-на-гору», к-о-н-ут «поднялся на гору». Выступая в инфинитиве, детерминатив ɣ может выпадать в личных формах глагола, что, однако, не влияет на лексическое значение последнего. Детерминатив ɣ встречается также в некоторых именах и глаголах в сымском, но в имбацком он выпадает, оставив, однако, о себе след в виде долготы⁷: бауат/ба:т «старик», ба:уам ~ ба:уам/ба:ам «старуха»; тб:уонь/то:нь «берестяной заслон от снега в зимнем чуме»; а:хан ~ а:хын/ъ:н «варить»; а:хаткин/ы:т'ки-

⁷ В сымском в середине слова отмечается еще детерминатив -ф-, выпадающий в имбацком: сифы/си: с «куча», ɣф'ал'ъ:л «осина», ɣф'и/р:эл «ягода», эрф'а/элла «берестяная дверь чума», аф'ица/а:и:ц «играть», иф'ин/ин «стоять» и др.

на «покажи»; *д-Ауан-батабдо* / *д-А:н-батѣбдо* «он-меня-тычет». Следует отметить, что в коттском языке в инфинитивах *ихси* «собирать», *сухи* «отрывать» обнаруживается компонент *x*, также выпадающий в образованных от них глаголах⁸. В некоторых имбацких инфинитивах также имеются начальные *к-* и *х-*, которые выпадают при образовании от них личных форм глаголов. Учитывая все эти факты, можно полагать, что детерминативы были свойственны всем енисейским языкам, но из-за отсутствия надежных данных по исчезнувшим языкам их проблема не может быть еще в полной мере решена⁹.

Трудность решения проблемы состоит еще в том, что древние детерминативы, выражавшие не одни только числовые, но и некоторые классные и местоименно-указательные значения, давно уже подверглись асемантизации, переосмыслению и полному сращению с корневыми морфемами, в связи с чем их трудно обнаружить и вычленил из слова. Процесс асемантизации и переосмысления морфем в кетском — явление не только предполагаемое, но реальное, подтверждаемое фактами современного языка. Рассмотрим в связи с этим примеры, помещенные в IV и V разделах табл. 1.

Факты, помещенные в IV разделе табл. 1, показывают, что числовые морфемы *с* ~ *ш* и *н* получили в сымском естественное развитие от показателей числа предметов к показателям субъекта действия, а затем — к показателям однократности или многократности действия и, наконец, к показателям длительности действия. Так, постепенная десемантизация и переосмысление морфемы *н* привела к тому, что *н* стала употребляться в качестве показателя длительности действия. В сымском от инфинитива *нут* «сосать» образуется прерывная основа глагола *н-а-м-ут* «сосет-это (грудь)», *н-о-м-ы-р-ут* «сосал-это», *н-а-д'-ут* «соси», где корневая морфема *-ут* означает «сосать»¹⁰, а *н-* указывает на длительный характер действия. Те же явления асемантизации и переосмысления числовых морфем, но не столь последовательно, как в сымском, представленные всеми ступенями своей градации, обнаруживаются и в имбацком, факты из которого помещены в V разделе табл. 1. Нетрудно заметить, что в именах существительных морфемы *-с'* ~ *-с* и *-н* сохраняют свои предметные числовые значения, но в глаголе *дускавус* «он-открывает-это (ящик)» морфема *-с* выступает уже не в роли показателя ед. числа субъекта действия, а в качестве показателя однократного способа действия, что видно из сравнения этого глагола с глаголом *дускавэц* «он-откроет-эти (ящики)», где конечная морфема *-н*, противостоящая морфеме *-с*, выступает в качестве показателя многократного способа действия. В связи с этим зримым процессом переосмысления морфема *-с* из словоизменительного показателя преобразуется в словообразовательный аффикс однократного способа

⁸ M. A. C a s t r é n, Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1858.

⁹ Нельзя не отметить, что с детерминативом *χ* ~ *к* теснейшим образом связана проблема форманта *χ* ~ *к*, который иными исследователями считается показателем каузатива. Между тем из сымских данных явствует, что *χ* ~ *к* никоим образом не является показателем каузатива. В сымском недопустимы конструкции типа *бу ат н'эн'быт' хидит* (они понимаются здесь буквально: «Он из меня хлеб стряпать будет»), возможные в имбацком. Каузатив же образуется в сымском посредством глагола *д'эчидит* «он-меня-пошлет; он меня-заставит (что-то делать) и т. д., *д'эчадди* «он-меня-посылает; он меня заставлял (что-то делать), *бу ат н'эн'быт д'эчадди* «он меня заставлял делать (стряпать) хлеб» и т. д.

¹⁰ Эта корневая морфема, обнаруживаемая и в коттском, дает возможность объяснить имбац. *мамсут* «сосет» как сложный глагол «грудь сосать». Такие уточнения возможны и в дальнейшем, но они ничего не изменяют в установленной нами системе, кроме переименования глаголов из одного структурного типа в другой. В связи с разъяснением природы детерминативов некоторые глаголы, относимые нами ранее к I типу, должны быть передвинуты в глаголы V типа.

действия, составляя конечный компонент прерывной основы *уск- — с* «открывать- — -раз».

В результате ед. число субъекта действия оказывается выраженным в имбацком глаголе нулевым показателем, а мн. число субъекта действия — показателем *-н*, причем этот показатель наращивается на показателе *-с*, который в имбацком воспринимается уже как показатель многократного способа действия, а в смыском еще продолжает выступать в роли показателя ед. числа субъекта действия. (В данном случае в имбацком глаголе произошел процесс, аналогичный тому, который наблюдается в смыском имени, см. выше, стр. 85.) Если же мы рассмотрим теперь имбацкий глагол однократного способа действия *дунантит* «он-расколет-это (пополам, т. е. один раз ударит по чурбаку топором)», то из сравнения его с тождественным смыским глаголом можно заметить, что показатель однократности *с ~ ш* в нем выпал, а вместо него в глаголе выступает показатель многократности *н*, которому здесь не место. При обращении же к имбацкому глаголу многократного способа действия *дус'нантит* «он-расколет-это (на много частей)» выясняется нечто неожиданное: оказывается, что многократность выражается в нем морфемой *с*, которой в смыском передается однократность. Следовательно, в имбацком произошло переосмысление морфемы однократного способа действия, которая превратилась в показатель многократности, а подлинная морфема многократного способа действия *-н* полностью асемантизировалась, сохранившись в глаголе в качестве мертвого и пустого элемента.

Процесс полного выветривания из полнозначной морфемы ее бывшего семантического содержания представляется с общелингвистической точки зрения настолько важным, что для подтверждения его привлечен еще один пример, взятый из языка смыских кетов. Имеется в виду асемантизация морфемы класса вещей *-н ~ -б-* (см. глаголы, помещенные в последних четырех строках табл. 2): *кидар т к-а-п-чи (к-о-б-ы-н-чи)* «нитку я порву (порвал)», *кидар т к-а-б-а-чи (к-о-б-ы-н-а-чи)* «нитка порвется (порвалась)»; *абыфын со'лдицыр т к-а-ј-а-чи (к-о-н-а-чи)* «мой сын от нарты оторвется (оторвался)». Инфиксация в глагол показателя мужского класса *-а/-о-* группы Д вызвала, как это можно видеть, опущение показателя класса вещей *-б-*. От переходного глагола *к-а-п-чи* «это-порвать» в смыском образуется сложный глагол со значением «царапать» посредством препозиционного присоединения к нему корневой морфемы *эн-* (ср. *и'н' «коготь», ин'иц' «когти»*): *хој бак дэнганчи* «медведь чурбак царапает» («он-это-царапает»), но *хој уш дэн-а-ганчи* «медведь березу царапает» («он-его-царапает»), *хој ушин дэн-ац-ганчи* «медведь березы царапает» («он-их-царапает»). В двух последних словоформах к компоненту глагола *-ганчи < ганчи* присоединились показатели 3-го лица группы Б-а «он; его», *-ац* «они; их», но классный показатель *-н-* при этом не выпал (чего можно было бы ожидать), но остался в глаголе как пустая морфема, которая не может выпсть из него, не разрушив его структуры и значения. О том, что *-н-* в рассматриваемых словоформах представляет собой асемантизированный показатель класса вещей, особенно убедительно могут свидетельствовать формы императива — обычно в них всегда выпадает и показатель класса вещей, и развившаяся из него асемантизированная морфема; *канчи* «порви-это» (ср. *канчи* «порву-это», *кобынчи* «спорвал-это»); *энгачи* «поцарапай-это», *эн-а-гачи* «поцарапай-его», *эн-ац-гачи* «поцарапай-их». Привязывать к таким асемантизированным морфемам, в частности — к асемантизированной классной морфеме *-б-*, какое-либо грамматическое значение недопустимо.

Примечательно, что некоторые детерминативы способны замечать друг друга, что и дало нам основание для выделения этих морфем в осо-

бую группу, требующую еще своего изучения. Рассмотрим с этой точки зрения сымский и имбацкий глаголы *н-ајаdл:ʒ* «он-шевелится». Нетрудно заметить, что это один глагол, хотя в сымском он образуется от инфинитива *нл:ʒ* «шевелиться», а в имбацком — от инфинитива *dлʒ* «шевелиться». При сопоставлении этих инфинитивов становится очевидным, что в сымском инфинитив образован при помощи детерминатива *н-*, а в имбацком — при помощи детерминатива *д-*. Выше уже было показано, что детерминатив *-н-* развился из показателя мн. числа. Значит, можно предположить, что детерминатив *д-* генетически также восходит к тому или иному числовому показателю. Это предположение подтверждается единичными глаголами движения, например:

Ед. число субъекта действия Мн. число субъекта действия

<i>д-лт-а-д-д-ах</i>	«я-в-лес-иду»	<i>д-лт-а-даң-ут</i>	«мы-в-лес-идем»
<i>к-лт-а-в-д-ах</i>	«ты-в-лес-идешь»	<i>к-лт-а-гаң-ут</i>	«вы-в-лес-идете»
<i>д-лт-а-ј-д-д-ах</i>	«он-в-лес-идет»	<i>д-лт-а-ј-аң-ут</i>	«они-в-лес-идут»

Этот сложный сымский глагол образован из двух корневых морфем со значением «ходить» — *ах* и *ут* (ср. *ʒгʒʒ ʒт* «сюда иди»), расположенных в его конце, и из корневой морфемы *лт-*, указывающей на направление от реки в лес. В словоформах ед. числа перед корневой морфемой *-ах* расположен детерминатив *-д-*, которому в соответствующих словоформах мн. числа в показателях *д-а-ң*, *в-а-ң*, *-а-ң* противостоит формант мн. числа *-ң-*, а это наглядно демонстрирует числовую природу детерминатива *-д-*¹¹.

Однако установленное определяет лишь одну особенность значения детерминатива *-д-*, но не исчерпывает всей его семантики.

(<i>тот'</i>) <i>ду-ј-тыʒр</i>	«(таймень) он-мерзнет»	(<i>тот'</i>) <i>д-и-н-тыʒр</i>	«(таймень) он-замерз»
(<i>к'эс'</i>) <i>дл-ј-тыʒр</i>	«(налим) она-мерзнет»	(<i>к'эс'</i>) <i>да-и-н-тыʒр</i>	«(налим) она-замерзла»
(<i>чыʒ</i>) <i>бим-б-а-тыʒр</i>	«(голова) это-мерзнет»	(<i>чыʒ</i>) <i>б-и-н-тыʒр</i>	«(голова) это-замерзло»

«Факты кетского языка дают основание предполагать, что с компонентом *д*, от которого образованы глагольные префиксы мужского и женского классов *дэ* и *д* [а также *ду*, *-дл-*, *дʒ-*], связывалось представление о целостном живом организме...: *һих дэм'ковон* „мужчина показался“, *дим дэ эм'ковон* „женщина показалась“, но *асл'иньн эм'ковон* „лодка показалась“; в последнем случае префикс *д* ~ *дэ* при глаголе отсутствует, так как речь идет не о живом организме, а о вещи, указание на которую производится посредством показателя *в*. Следует сказать, что кетскому языковому сознанию свойственно противопоставление представления о целостном организме представлению об организме, расчлененном на части»¹². Целостный организм обозначается в кетском показателем *д*, а часть организма — показателем *б* ~ *в-м* ~

¹¹ Нами отмечалось, что показатели ед. числа группы Б сочетаются с детерминативами *т*, *к*, в числовой природе которых мы теперь убеждены.

¹² Е. А. Крейнов и др. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке, ВЯ, 1961, 2, стр. 114. В связи с излагаемым нужно отметить, что в одной из последних книг по кетскому языку утверждается, будто нами производится такое сопоставление «классных» показателей у глагола...: *у* „он“, *ы* „она“, *б* „оно“ (*дујак* „он гнет“, *дыјак* „она гнет“, *бимбак* „оно гнет“). Тут надо противопоставить *д* (одушевленный предмет, лицо) показателю *б* (неодушевленный предмет, вещь)...». Приписываемое нам сопоставление неверно. Тут противопоставляются нами показатели *ду*-«он», *ды*-«она», *би*-«это» (см.: 1935, стр. 179, 180, 181). Противопоставление же показателя *д* показателю *б* впервые установлено нами в цитируемой статье 1961 г.

~п. Представление о целом и части в кетском, несомненно, берет свое начало в глубинах каменного века и связано с дележом целого животного, убитого охотниками, на части. Не случайно слово *далу/далэ* «жизнь» начинается в кетском с детерминатива *д-*, обозначающего живое, а в слове *д'эң* «люди» как будто можно выделить *д ~ д'* со значением единичной живой особи, к которому присоединен показатель множественного числа *-эң*. Не случайно и то, что этим словам в кетском противостоит слово *боң* «мертвец», начинающееся с показателя класса вещей *-б-*, обозначающего части целостного организма, как *биң* «рука», *бул* «нога», *бајбыл* «почка», *батпыл* «коленная чашечка», *бајбыл* «коса», *бин* «кусочек рыбы»¹³. Несомненно эти факты не случайны, что подтверждается также анализом сымских глаголов «есть» и «изрвать».

<i>ди-ј-а-д-оҳ</i>	«я-его (осетра)-ем»	<i>душин-д'-а-д-ду</i>	«он (медведь)-меня-изрвет»
<i>ди-ј-а-д-и-гин</i>	«мы-его (осетра)-едим»	<i>д-ушин-д'-а-г-ду</i>	«он-тебя-изрвет»
<i>ку-а-д-оҳ</i>	«ты-его (осетра)-ешь»	<i>д-ушин-д'-а-ј-ду</i>	«он-его-изрвет»
<i>ку-а-д-и-гин</i>	«вы его (осетра)-едите»	<i>д-ушин-д'-и-ј-ду</i>	«он-ее-изрвет»
<i>ди-ј-д-оҳ</i>	«я-ее (налима)-ем»	<i>д-ушин-а-б-ду</i>	«он-это (кишки)-изрвет»
<i>ди-ј-д-и-гин</i>	«мы-ее (налима)-едим»	<i>д-ушин-д'-а-даң-ду</i>	«он-нас-изрвет»
<i>ди-п (ди-б-а)</i>	«я-это (голову)-ем»	<i>д-ушин-д'-а-гаң-ду</i>	«он-вас-изрвет»
<i>ди-б-а-п</i>	«мы-это (голову)-едим»	<i>ду-ушин-д'-а-п-а-д-ј</i>	«он-их-изрвет»

Анализ первого глагола позволяет в его основе *доҳ* «есть целостный организм» выделить детерминатив *д-* со значением целостности в противоположность детерминативу *б-* со значением части, который вычленяется в глагольной форме *дип* «я-это-ем».

Рассматривая второй глагол, можно заметить, что после деривационной морфемы *ушин-* расположился детерминатив *д ~ д'* как знак целостного и живого организма: *д ~ д'* проходит красной нитью через все спряжение этого глагола — за исключением словоформы, в которой объект представлен классом вещей, т. е. где речь уже идет об объекте, представленном не целостным организмом, но его частью. В кетском сохранилось не более десяти переходных глаголов, где детерминатив *д* обозначает целостный и живой организм (прямое значение детерминатива). В другой группе единичных глаголов этот же детерминатив выступает только перед показателями 3-го лица. В третьей же группе, представленной единичными глаголами, он является асемантизированной морфемой.

Рассмотрим с этой точки зрения два сымских глагола:

<i>п-а-д-д-л : ?ј</i>	«я-шевелюсь»	<i>д'-э-ј-багаб-д-аҳ</i>	«он-меня-бросит»
<i>п-а-г-д-л : ?ј</i>	«ты-шевелишься»	<i>д'-э-ј-кугаб-д-аҳ</i>	«он-тебя-бросит»
<i>п-а-ј-а-д-л : ?ј</i>	«он-шевелится»	<i>д'-э-с'-агаб-д-аҳ</i>	«он-его-бросит»
<i>п-а-ј-а-д-л : ?ј</i>	«(она)-шевелится»	<i>д'-с'-киј-д-аҳ</i>	«он-ее-бросит»
<i>п-а-м-а-д-л : ?ј</i>	«это-шевелится»	<i>д'-э-с'-каб-д-аҳ</i>	«он-это-бросит»
<i>п-а-даң-д-л : ?ј-ын</i>	«мы-шевелимся»	<i>д'-э-ј-даңаб-д-аҳ</i>	«он-нас-бросит»
<i>п-а-гаң-д-л : ?ј-ын</i>	«вы-шевелитесь»	<i>д'-э-ј-гаңаб-д-аҳ</i>	«он-вас-бросит»
<i>п-а-ј-аң-д-л : ?ј-ын</i>	«они-шевелются»	<i>д'-э-с'-аңаб-д-аҳ</i>	«он-их-бросит»

¹³ Выявляемые нами факты находят и материальную и типологическую параллель в баскских названиях «частей тела на *b* (*begi* „глаз“, *belarri* „ухо“, *bihotz* „сердце“, *beso* „рука“, *belaun* „колени“, *bular* „грудь“ и др.)» (Ю. В. Зыцарь, О родстве баскского языка с кавказскими, ВЯ, 1955, 5, стр. 58). Ср.: А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 581—582.

Первый глагол имеет прерывную основу *н* — *-л:ʔj*, образованную от инфинитива *нл:ʔj* «шевелиться». Наряду с показателем времени и лица в эту основу инфигируется еще детерминатив *д*, располагающийся перед конечной корневой морфемой *-л:ʔj*. Однако в данном глаголе детерминатив *д* не может уже рассматриваться в качестве показателя целостного и живого организма, поскольку он не выпадает из словоформы, относящейся к классу вещей: *ит нама-д-л:ʔj* «зуб шевелится (это-шевелится)». Не выпадает он из словоформы, относящейся к классу вещей, и во втором глаголе *ит д'эс'каб-д-ах* «зуб он-это-выбросит». Если бы детерминатив *д* выступал в этих глаголах как показатель целостного и живого организма, то должен был бы выпасть из словоформ, относящихся к классу вещей. Сохранение его в этих словоформах говорит о том, что он выступает уже здесь в ином качестве — как асемантизированная морфема. Как асемантизированная морфема он выступает также и в единичных составных глаголах со значением становления: *бис д'-абън* «вечер настанет», но ср. *тај абън* «холод настанет». Приведенные факты показывают, что дать однозначное решение для детерминатива *д* в современном кетском языке невозможно¹⁴. Примечательно, что детерминатив *д* выступает как показатель целостного и живого организма только перед личными показателями группы Д, перед личными показателями же группы Б он ни к о г д а не выступает. В последних случаях вместо него выступают детерминативы *ј*, *с*, также, по-видимому, обозначающие целостный и живой организм: *ј* перед первыми двумя лицами, а *с* — перед третьими лицами. Эти детерминативы выделены нами во втором глаголе *д'э-ј-ба-габдах* «он-меня-бросит» и т. д. Следует указать, что во втором глаголе конечный компонент *-дах* выступает как целостный показатель однократного способа действия, который в многократном способе заменяется другой морфемой *-е'м'*, *-эј* либо *-и' ~ -и'*. Таким образом, конечный компонент *-дах* во втором глаголе может представлять собой омертвевшую корневую морфему.

При исследовании в кетском языке реликтовых морфем, условно названных нами детерминативами, необходимо особо отмечать случаи, когда с ними связывается то или иное реальное значение, и отграничивать от них те случаи, где они его полностью утратили. Только при таком подходе можно будет установить правильную историческую перспективу в области изучения детерминативов, с которыми связаны наиболее древние доступные нам периоды развития кетского языка. При этом надо иметь в виду, что генетически детерминативы выражали и числовые, и классные представления. В енисейском языке-основе числовые показатели, несомненно, передавали не одни только числовые представления, но и некоторые дополнительные классные представления, подобно тому как в нивхском языке числительное *н'ин* «один» употребляется для счета людей, числительное *н'ик* «один» — для счета мелких круглых предметов, а числительное *н'рах* «один» — для счета плоских предметов и т. д.¹⁵ Однако в кетском эти классные представления давно стерлись, а в языке пережиточно сохранились десемантизированные и полностью асемантизированные числовые морфемы. Факты показывают, что этих числовых морфем было немало; так как они были присущи не только именам, но и пронизали собой многие глаголы, то в современном языке эти реликтовые морфемы предстают перед взором исследователя в виде обломков существовавшей некогда системы. Можно предполагать, что одним из важнейших дифференцирующих признаков в этой древней системе было отражение в язы-

¹⁴ Ср.: А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 194, 207, 282, 495 и др.

¹⁵ Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные, Л., 1931, стр. 5, 6; В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 190 и сл.

ке представлений о социальной структуре древнего общества енисейцев. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые термины родства и свойства сымских кетов:

<i>хачит</i>	«старик»	<i>ха:м</i>	«старуха»
<i>бахат</i>	«старик»	<i>бахам, бахом</i>	«старуха»
<i>чет</i>	«муж»	<i>чим</i>	«жена»
<i>хип</i>	«дедушка»	<i>хима</i>	«бабушка»
<i>о'п</i>	«отец»	<i>а:м</i>	«мать»
<i>бис'эп</i>	«брат»	<i>бис'эпха:м</i>	«сестра»
<i>фы:п</i>	«сын»	<i>фу:п</i>	«дочь»
<i>фик</i>	«мужчина»	<i>чим</i>	«женщина»
<i>э: ?н'</i>	«зять»	<i>э: ?нам</i>	«невестка»

Все эти термины сложные, причем обозначения женщин характеризуются знаком *-м*, материально совпадающим с одним из показателей класса вещей *-б- ~ -м- ~ -в- ~ -п-*. Термины родства, относящиеся к мужчинам, характеризуются тремя показателями *-т, -п, -к*. То, что слова *э: ?н'* «зять» и *фу:п* «дочь» оканчиваются одним показателем *-п*, видимо, также не случайно. Остановимся здесь только на тех терминах, которые имеют непосредственное отношение к затронутой нами теме: *хачит* «старик», но *химчети* «старик», *ха:м* «старуха», но *ха:цымън* «старухи». При сравнении первых компонентов этих сложных слов с формами числа качественного имени *хэ?* «большой» (*хэхуш* «большой чум», *хэц хун* «большие чумы») нетрудно этимологизировать термины «старик — старики» как «большой муж — большие мужья» (*чет* «муж»), а термины «старуха — старухи» — как «большая мать — большие матери» (*а:м* «мать») ¹⁶ или как «большая *-м* — большие *-м*». Следовательно, в терминах *хип/хип* «дедушка», *хима/хима* «бабушка» мы вправе усматривать древние стершиеся корни качественного имени *хэ?* «большой», которые позволяют этимологизировать их как «большой *-п*», «большая *-м-а*» ¹⁷; на этом основании можно предположить, что в древнем обществе енисейцев высшим социальным рангом признавалось самое старшее поколение.

Имена существительные в сымском и имбацком делятся на три класса: мужской — активный, женский — средней активности и класс вещей — неактивный. К мужскому классу имена существительные относятся не только по признаку пола, но и по признаку величины. Слова, обозначающие крупные жерди и колья, большие листы бересты и большие обручи, причисляются в сымском и имбацком к мужскому классу. Анализ терминов родства помогает уяснить причину этого явления: в данном случае произошло так, что мир социальных отношений был перенесен древними енисейскими народами в область их идеологических представлений (янаке такие факты известны давно). Напомним также, что такие существительные и инфинитивы, как *хој* «медведь», *хад* «дось», *хад* «кедр», *хад* «крутой яр; гора», *хут* «взбираться на гору», *хут'* «шаманить» и др., по-видимому, отнюдь не случайно начинаются с согласного *х-* — он может представлять собой стершийся показатель ка-

¹⁶ Ср.: Г. К. Вернер, Сымско-кетская система слоговой акцентуации, «Уч. зап. [Омского пед. ин-та]», 36 — Труды кафедры гуманитарных наук, 1968, стр. 154.

¹⁷ Эти этимологии можно сопоставить с тем, как термин *фы:п/хип* «сын» распадается на два компонента *фы: -п/хип*, т. е. «маленький *-п*», поскольку первый компонент этого сложного слова сопоставляется с корневой морфемой качественного имени: *фы-на/хип-нин'эм* «маленький» (в термине *фун/хун'* «дочь», вероятно, обнаруживается этот же корень). В термине же *чет* «муж» конечный *т*, несомненно, соответствует детерминативу *д*, о котором говорилось выше. Нельзя не отметить, что компонент *-п ~ -б-*, выделяемый в кетских терминах родства, материально сопоставляется с таким же компонентом, выявляемым в баскских терминах родства (Ю. В. Зыцарь, указ. соч., стр. 58).

чественного имени $\chi a^?$ «большой». Не случайно, конечно, и то, что существительные, обозначающие крупных животных, большие деревья и другие жизненно важные предметы, образуют формы мн. числа при помощи флексии гласных, в то время как существительные, обозначающие мелких животных и мелкие предметы, образуют формы числа иными средствами; в этой связи обращают на себя внимание существительные, обозначающие такие животные, как бурундук, горноста́й, ласка, куропатка и др., которые в имбацком в ед. числе имеют показатель *-n*, а во мн. числе — показатель *-н* (см. выше стр. 86).

В заключение нашего предварительного сообщения считаем нужным еще отметить, что факты сымского языка позволяют выделить в некоторых глаголах в качестве показателя активных и живых существ формант χ , развившийся, возможно, от корня качественного имени $\chi a^?$ «большой», ср.: *дураχан* «он-утонет» и *урабън* «это-утонет». В имбацком вместо χ выступает звонкий увулярный β , который в имбацком в ряде случаев подвергся асемантизации, поскольку в словоформах, относящихся к классу вещей, допускается совмещение двух показателей *-εβ-*: *асл' қил'авбан* «лыжа получится широкая» и т. д.

Грамматические категории класса и числа не могут еще считаться исследованными в кетском языке с исчерпывающей полнотой¹⁸. Они требуют со стороны исследователей этого языка самого пристального внимания.

¹⁸ Кетские двоянные и утроенные показатели мн. числа возможно рассматривать и в плане проявления аффиксального плеоназма (см.: Г. Ф. Благова, Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении, ВЯ, 1968, 6, стр. 97).

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

А. МАРТИНЕ

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И СИНКРЕТИЗМ*

Понятие нейтрализации, как и производное от него понятие архифонемы, является далеко не общепринятым в практике современного языкознания. Это понятие находит свое оправдание лишь в рамках функциональной лингвистики, т. е. имеет смысл лишь для тех исследователей, которые признают значимость (*valeur*) лингвистических единиц и неодинаковый вклад каждой из этих значимостей в формирование сообщения.

Для того чтобы осознать всю важность этого понятия или, лучше, его необходимость, не следует упускать из вида то обстоятельство, что при изучении человеческого поведения более значима не природа непосредственно наблюдаемых фактов, а те выводы, которые можно сделать на основе этих фактов о внутренних намерениях говорящих. Дофонологическая лингвистика, следуя упрощенческим принципам и в полном согласии с ползучим идеализмом, уравнивала это противопоставление внешних фактов и стоящих за ними интенций (*faits et intentions*) с оппозицией формы и значения, подобно тому как обыватель противопоставляет букву и дух. Самый большой урок фонологии состоит в следующем: различие того, что подпадает под понятие смысла, и того, что является общечеловеческим опытом, служит в речи не для противопоставления формы и значения, а для различения внутри самой формы между тем, что идентифицируется как выбор говорящего, т. е. как лингвистически релевантное явление, и тем, что является нерелевантным, или, лучше, для установления определенной иерархии между элементами этой формы на основе их функции в процессе коммуникации. Именно такое сообщение в фонологическом смысле исследователи пытались подвергнуть свертыванию, отмечая при этом, что лингвистические реалии не следует смешивать с реалиями физическими. Заявление подобного типа для тех, кто его делает, следует принимать буквально, ибо намерения человека столь же реальны, как и вибрации воздуха в результате действия органов речи. В лучшем случае это заявление следует воспринимать как своеобразный способ выражения (*boutade*) для тех, кто уравнивает реальность и то, что подпадает непосредственно под понятие смысла, для тех, кто по необходимости считает структуру одним из видов выражения духа: в данном случае они, как бы созерцая здание, не могут различить за ним разного рода внутренних явлений, обеспечивающих само существование этого здания. Подобные исследователи, вполне естественно, с трудом согласятся с тем, что два звука, которые в физическом смысле минимально различны, лингвистически могут быть интерпретированы как различные реалии. Однако именно к этому и сводится использование понятия нейтрализации, когда, например, [t], которое слышится в контексте, где

* A. Martinet, *Neutralisation et syncrétisme*, «La linguistique. Revue internationale de linguistique générale», 1, 1968.

[d] не существует, считается другой реализией, другой единицей по сравнению с [t], реализованным в позиции, где [d] в равной мере засвидетельствовано.

В общем можно сказать, что понятие нейтрализации не имеет никакого смысла для тех, кто определяет фонему как серию физически подобных звуков, находящихся в дополнительной дистрибуции, в то время как это понятие обязательно для тех, кто признает оппозицию, т. е. возможность различения в фонологии означающего другого означающего, праобраз фонемы. Хотя оппозиция необходима для различения фонем, нельзя сбрасывать со счетов невозможность систематической реализации оппозиции в определенных звуковых контекстах. Положение становится еще более ясным, если определить фонему как сумму релевантных признаков, вскрываемых путем оппозиции: если /t/ определяется как апикулярный, неносовой и г л у х о й, то он обязательно противопоставляется апикулярному, неносовому и з в о н к о м у /d/. В тех случаях, когда апикулярные смычные без глоттальной вибрации (т. е. [t]) противопоставляются лабиальным и дорсальным ([p], [k]) и носовым апикальным ([n]), но говорящие не могут различать звонкого от глухого, [t] будет иметь различительные признаки апикулярного неносового, но не глухого. С фонологической точки зрения оно будет обладать признаками, общими для /t/ и /d/ в тех случаях, когда они противопоставляются, т. е. будет апикулярным и неносовым. Мы будем иметь здесь дело уже не с /t/, а с реализацией архифонемы /t—d/.

Понимание фонемы как серии звуков, которое в конечном счете восходит к Д. Джонсу, в общем являлось преобладающим у американских структуралистов. Антименталисты ценили в нем преимущество минимального обращения к значению, которое вытекает из коммутации. Однако такой упрощенческий подход в свою очередь подготовил идеалистическую реакцию, выразившуюся в создании современной трансформационной теории. Для тех, кто не различает физические и лингвистические реалии, очень велик соблазн искать (способами, научная ценность которых нередко весьма сомнительна) «глубинную структуру», находящуюся вне поверхностной реальности, постулируемой школой Блумфилда. Конечно, нельзя уравнивать «лингвистическую реальность» функционалистов и «глубинную структуру» последователей Хомского. Однако вполне понятно, что трансформационные теории и порождающие грамматики не имеют в глазах опытных функционалистов такой же притягательной силы, какую они по необходимости имели для молодых американских лингвистов, воспитанных на этих теориях.

Мы не собираемся здесь ни излагать полностью теорию фонологической нейтрализации, ни напоминать подробно все трудности, с которыми можно практически встретиться при точном разграничении сферы действия этого явления. Мы коснемся лишь двух вопросов: 1) использования понятия нейтрализации на уровне артикуляции речи и 2) соотношения между нейтрализацией и звуковыми переходами, где представляется необходимым сделать определенные предостережения.

С теоретической точки зрения совершенно безразлично, проявляется ли снятие оппозиции (называемое нейтрализацией): 1) в константной форме, физически аналогичной манифестации фонем в различных позициях, как например, в классическом примере, приведенном выше (так, архифонема всегда реализуется как [t] и никогда как [d]); 2) в вариантной форме (например, архифонема реализуется то как [t], то как [d] в зависимости от речевой ситуации); 3) в виде звука, промежуточного между нормальными реализациями двух фонем (например, архифонема реализуется как слабая, апикулярная, глухая, промежуточная между [t] и

[d]; 4); как любая из рассматриваемых фонем, манифестируемых в зависимости от контекста (например, [t] перед фонологически глухим согласным, [d] перед фонологически звонким); 5) в виде одной из форм, рассматривавшихся до сих пор, в зависимости от позиций нейтрализации и отношения говорящих. Важным и решающим является то, что оппозиция в контексте, определенном в строго звуковых (phoniques) терминах или в зависимости от границ означающих, больше не имеет возможности функционировать.

Приведем пример, который даст возможность лучше понять, что означает подобная точка зрения как в практическом, так и в теоретическом плане. Во французском языке, обычно используемом в Париже, оппозиция между /e/ и /ɛ/ нейтрализуется везде, кроме конца слова, хотя *pré* отличается от *près*, *donner* от *donnait* и говорящие хорошо отдают себе отчет, произносят ли они *les, mes, gai, quai* с /e/ или с /ɛ/, такие слова, как *pêcheur* и *pécheur* произносятся одинаково, а слово *perdre* вряд ли возможно произнести с закрытым [e]. Если не принимать во внимание тех людей (несомненно достаточно многочисленных), которые под влиянием орфографии и аналогии произносят [ɛ] в первом слове *descendre* и *mettez*, то можно сказать, что между говорящими имеется согласие в отношении нейтрализации, но большое несогласие в отношении способов нейтрализации в различных позициях. Если в закрытом слове нейтрализация на [ɛ] является всеобщей, то можно выделить три различных случая нейтрализации в открытых неконечных слогах: 1) гласный всегда закрытый (например, [e] в первом слове *descendre, été était*); 2) гласный всегда срединный, т. е. промежуточный между [e] и [ɛ]; 3) гласный является закрытым, если гласный следующего слога имеет слабую степень открытости (например, *été, béni*, где в первом слове произносится [e]); он является открытым, если гласный следующего слога имеет большую степень открытости (например, *était, étang, maison* с [ɛ] в первом слове). Этот последний случай, который исследователи первоначально представили в виде правила, в действительности наблюдается лишь у четверти обследованных информантов¹.

Из этих фактов употребления французского языка в Париже можно сделать следующие выводы: различия в тембре между срединными передними неокругленными гласными для понимания устной речи имеют значение лишь в конечной позиции в слове, так как все элементы, определяющие тембр, находятся в пределах контекста (речь идет об открытом или закрытом характере слога или качестве гласного следующего слова). Отсюда следует, что говорящие с детства обычно не различают в нейтрализующей позиции вариации тембра в фонологической области /e — ɛ/. Те говорящие, которые реально в своем произношении не производят нейтрализации (это выражается в том, например, что они произносят [ɛ] в слове *descend* и [e] в слове *décent*), вовсе не ожидают, что окружающие будут их имитировать и что они заметят различия типа /desə/ ~ /desā/. С ф у н к ц и о н а л ь н о й точки зрения способ, которым реализуется нейтрализация, не играет роли. Решающей является только невозможность реализовать оппозицию, которая характеризует узус большинства говорящих, что в конечном итоге определяет функционирование языка для всего языкового коллектива.

Имеется и другой аспект проблемы фонологической нейтрализации, который требует уточнить теоретические рамки анализа и таким образом, избежать ошибок, постепенно приведших некоторых ученых к тому, что

¹ См.: A. Martinet, *La prononciation du français contemporain*, Paris, 1945, стр. 140—142.

они поставили под сомнение самые принципы фонологического анализа. Для того чтобы констатировать, что различительная оппозиция не функционирует в определенном звуковом контексте, путем коммутации выделяются все единицы, которые могут обеспечить в этом контексте дифференциацию лексических или грамматических единиц; путем сравнения с ситуацией в других контекстах можно убедиться, что различительная оппозиция, засвидетельствованная в других контекстах, не проявляется в исследуемом контексте. Разумеется, о нейтрализации можно говорить лишь в той мере, в какой члены анализируемой оппозиции находятся в отношении исключения, т. е. разделяют между собой набор различительных признаков, присущий только членам этого набора. В классическом случае нейтрализации оппозиции /t/ ~ /d/ в финали общую основу обычно легко определить; в русском языке, например, она состоит в апикальности (/t—d/ ~ /p—b/ и /k—g/), неназальности (/t—d/ ~ /n/) и непалатальности (/t—d/ ~ /t'—d'/). Однако имеются ситуации, где установление этой общей основы возможно только при привлечении всех имеющихся контекстов, или по крайней мере более двух. Возьмем, например, гласные задней артикуляции в конечном незакрытом слове во французском языке Парижа: различают три таких гласных в *pou*, *pot* и *pas*, обозначаемых фонетически как [u], [o] и [ɔ], которые можно определить соответственно как закрытый, срединный и открытый. В конечном закрытом слове можно выделить четыре единицы, например, *poule*, *pôle*, *Paul*, *pâle* (фонетически: [ul], [ol], [ɔ] и [ɛ]). Ничто не дает нам возможности решить, нейтрализуется ли в конечной незакрытой позиции оппозиция /o/ ~ /ɔ/ или оппозиция /ɔ/ ~ /ɛ/; в первом случае за основу можно принять «срединный гласный задней артикуляции», во втором — «открытый гласный задней артикуляции». При всех условиях, если принять во внимание третий контекст (перед /r/ того же слога), то мы снова получаем три единицы, как и в случае незакрытой финали, но с срединным гласным тембра [ɔ], например, в *bourre*, *bord*, *barre*. Так как и [o] в *pot*, и [ɔ] в *bord* являются срединными, мы можем постулировать общую основу «срединный гласный задней артикуляции» и считать, что там, где различаются только три гласных, нейтрализуется именно оппозиция /o/ ~ /ɔ/. Полезно заменить нотации /o/ и /ɔ/ соответственно на /ô/ и /ð/, что позволит обозначать с помощью /o/ архифонему, реализующую, например, в словах *pot* /po/ и *bord* /bor/.

В практике нередко случается, что нейтрализация постулируется без достаточного количества ограничений и предосторожностей. Можно констатировать существование ряда чередований, определяемых звуковым контекстом: форме женского рода *soite* [sot] с [ɔ] соответствует форма мужского рода *sot* [so] с [o]; продолжая анализ, можно констатировать, что некое [ɔ] всегда соответствует [o] в случаях, когда исчезают сегменты, препятствующие ему быть конечным (*loterie* [lotri], но *lot* [lo], *potage* [potaʒ], но *pot* [po] и т. д.); наконец, можно убедиться, что [ɔ] никогда не появляется в финали. Именно чередование [ɔ] / [o], явившееся исходным, указывает на то, что именно оппозиция /ɔ/ ~ /o/ нейтрализуется в финали. Здесь имеется совпадение между результатами, полученными практически на основе анализа чередований, и результатами, получаемыми при использовании единственной процедуры, рекомендуемой теоретически. Однако это случается не всегда.

Пусть дана система гласных русского языка в форме, наименее подверженной влиянию графики. Под ударением она состоит из пяти фонем: двух закрытых /i/ и /u/, двух срединных /e/ и /o/ и одной открытой /a/. В предударной позиции после твердого согласного этот инвентарь свертывается и равен двум закрытым гласным и одному открытому, причем

все они более или менее централизованы по отношению к реализациям закрытых и открытых фонем под ударением. Обозначим их произвольно как [i] [ü] и [ä] и, поскольку мы должны усматривать в них дискретные фонологические единицы, соответственно как /i/, /ü/ и /ä/. Ничто не дает нам возможности выделить оппозиции, которые нейтрализуются при переходе от одного контекста к другому: /i/ ~ /e/ и /u/ ~ /o/ или /e/ ~ /a/ и /o/ ~ /a/. Использование других нейтрализующих контекстов не дает возможности получить какие-либо дополнительные указания на этот счет. Поэтому мы не можем и не должны постулировать здесь нейтрализацию, ибо не располагаем критерием выделения общей основы.

Если исходить из чередований, то наличие по крайней мере одного из них подтверждается его частотностью: речь идет об /o/ в ударном слоге с тем, что мы обозначили как /ä/ в предударной позиции; примером такой оппозиции может служить противопоставление именительного падежа /stol/ родительному /stäla/, а также тысячи других аналогичных пар, что для изучающего русский язык означает, что звуку *o* в графике во всех позициях, кроме ударной, соответствует произношение [a] или [ä]. Обусловленность этого чередования можно считать частично фонологическим в том смысле, что произнесение [o] в предударном слоге не является артикуляторным навыком русских людей, происходящих из Москвы. Однако нельзя указать на какой-либо фонологический механизм, обусловливающий переход /o/ в /ä/, скорее чем в /i/ или в /ü/. В самом деле, мы констатируем, что наряду с чередованием /o/ ~ /ä/ (засвидетельствованном после твердого согласного) можно встретить (несомненно с меньшей частотностью, но в совершенно аналогичных условиях) чередование /o/ ~ /i/ (засвидетельствованное после мягкого согласного), например, в слове *сёла* /s'olä/, им. падеж мн. числа, которое противопоставляется слову *село* /s'ilo/, им. падеж ед. числа. Ничто в ф о н о л о г и и русского языка не препятствует тому, чтобы от им. падежа /stol/ образовался род. падеж */stila/ или */stüla/ или чтобы форма мн. числа /s'olä/ соответствовала форме ед. числа */s'ülo/. Именно в м о р ф о л о г и и языка нет места для подобных чередований.

В заключение следует отметить, что если рассмотрение определенных чередований может открыть возможность выделить случаи нейтрализации, сами чередования, даже, если они обусловлены главным образом фонетическими причинами, никогда не являются доказательством того, что мы имеем дело с нейтрализацией. В отношении русского языка, где представлены единицы /a/, /o/, /e/, /u/, /i/, /ä/, /i/ и /ü/, только морфология может уточнить, каким образом единицы одного типа чередуются с единицами другого типа в процессе флективного и словообразовательного изменений. Знак краткости, который мы использовали при обозначении единиц второго типа, не следует интерпретировать как символ архифонемы, а следует понимать лишь в том смысле, что единица типа /ä/, которая больше ничему не противопоставляется, кроме /i/ и /ü/, не может идентифицироваться с /a/, которая в свою очередь противопоставляется четырем гласным фонемам. Возвращаясь к приведенному выше примеру, можно указать, что не чередование /ɔ/ — /o/ в словах *sotte*, *sottise* — *sot* является доказательством нейтрализации оппозиции /ɔ/ ~ /o/ в финали, а функциональная необходимость интерпретировать /ɔ/ и /o/ как единицы средней открытости (например, в слове *bord* (/bɔɹ/), как и в *pot* (/pɔ/).

Необходимо снова уточнить, что мы не ставим своей целью решить все проблемы, связанные с установлением общего основания, необходимого для того, чтобы можно было говорить о нейтрализации. Мы хотим лишь подчеркнуть, что чередования, даже те, которые обусловлены фоно-

логически, т. е. определяются неспособностью говорящих реализовать некоторые артикуляторные типы в данном контексте, недостаточны для правомерного использования понятия нейтрализации. Разумеется мы вовсе не стремимся, во имя тщетной терминологической экономии, расширить сферу применения определенного понятия за счет затушевывания его специфики, а лишь желаем сохранить использование этого термина во всей его строгости для точной характеристики определенных черт языка.

*

Именно в результате стремления к точности в 1956 г. была проведена широкая анкета лингвистов различных стран, пытавшихся уточнить, в каком смысле следует ограничить использование термина «нейтрализация» при обращении не к различительным, а значимым единицам речи. Ответы, многочисленные и разнообразные, были опубликованы во II томе «Travaux de l'Institut de linguistique». Ж. Корреар, на которую было возложено резюмирование выводов анкеты, поступила с абсолютной объективностью²: перед лицом разнообразия выраженных мнений она лишь охарактеризовала индивидуальные концепции различных ученых и заключила вопросом о том, уместно ли использовать в другой области понятия, «которые были созданы фонологией и для фонологии». Это, конечно, очень здравая реакция, учитывая избыток сторонников изоморфизма двух уровней речи. Однако остается вполне законным и даже желательным сравнение функциональных особенностей двух типов основных лингвистических единиц: различительных единиц, т. е. в первую очередь фонем, и значимых единиц, главным образом монем. Если окажется (при отвлечении от различительного характера одних единиц и значимого характера других), что фонемы и монемы подвержены аналогичным ограничениям употребления, ничто не сможет воспрепятствовать применению для обозначения этих ограничений одного и того же термина, покрывающего оба случая.

Первым условием для того, чтобы на уровне различительных единиц можно было говорить о нейтрализации, является следующее: в контексте, определенном в фонетических терминах, д и с т и н к т и в н а я (различительная) функция оппозиции не должна более осуществляться.

Наряду с этим, первым условием нейтрализации на уровне значимых единиц можно указать на следующее: в контексте, определенном в терминах единиц, наделенных смыслом, с и г н и ф и к а т и в н а я ф у н к ц и я оппозиции более не должна осуществляться.

Возможно нам возразят, что мы неверно толкуем здесь термин «сигнификативный» и что этот термин, используемый для обозначения определенных единиц, не должен заслонять того факта, что эти единицы имеют как бы «две грани», что они обладают формой и значением и что мы произвольно даем здесь преимущество значению перед формой. Однако такое утверждение означало бы, что мы забываем о том, что функция монемы носит строго сигнификативный характер; для нас важно лишь ее означаемое, так как (если отвлечься от омонимических случайностей) именно дистинктивные (различительные) единицы (фонемы, тоны) ее означающего обеспечивают формальное тождество монемы.

Выше мы отмечали, в каких различных условиях д и с т и н к т и в н а я функция оппозиции более не осуществляется. Здесь мы попытаемся определить, в каких условиях с и г н и ф и к а т и в н а я функция оппозиции перестает действовать. Прежде всего следует указать на случай,

² «Travaux de l'Institut de linguistique», 2, Paris, 1957, стр. 165—182.

когда в комбинации с определенными сигнификативными единицами означающее монемы приобретает ту же форму, что и означающее другой монемы: в качестве примера можно указать на случай, когда при соединении с латинским знаком, обозначающим человеческое существо (*homo*, *homin-*) и с монемой мн. числа, означающее датива на *-ibus* не отличается от означающего аблатива. В связи с тем, что в данном случае больше нет никаких возможностей формального различия двух монем, очевидно, можно предположить, что это может воспрепятствовать действию сигнификативной функции. Когда я слышу фразу: *Je cherche un homme qui travaille...*, где используется форма 3-го лица ед. числа от глагола *travailler*, то здесь нет никакого формального различия между монемой индикатива и монемой сослагательного наклонения, и я не могу знать, идет ли речь о человеке, который работает в момент речи или о человеке, который мог бы согласиться работать. При всех условиях не следует забывать, что функционирование языка предполагает по крайней мере двух собеседников — говорящего и слушающего. В случае, который мы только что привели, слушающий может быть в неведении, но говорящий хорошо знает, употребил ли он индикатив или сослагательное наклонение.

Доказательством этого может служить тот факт, что если слушающий сообщает говорящему о своем неведении, последний немедленно устранил двойственность, прибавив к своей фразе слова *en ce moment* или используя вспомогательные глаголы типа *veuille* или *puisse* в случае, если речь идет о монеме сослагательного наклонения. Если контекст и ситуация, как это часто бывает в случаях подобного рода, не вносят ясности в сигнификативную характеристику монем, коммуникация получится дефектной. Именно в связи с этим несомненно следует различать «функционализацию» и «функцию». Частичная омонимия может привести к дефектному функционированию, хотя при этом дистинктивная функция оппозиции может оказаться не затронутой. Слушающий, как и говорящий, хорошо знают, что форма *travaille* в *je cherche un homme qui travaille* может выражать индикатив или сослагательное наклонение, но никоим образом не представляет собой лингвистической единицы, которая покрывала бы оба наклонения. Другими словами, в изучаемом контексте всегда имеется выбор между тем или другим наклонением, в связи с чем в данном случае было бы неправильно говорить о нейтрализации. Однако для обозначения частичной омонимии рассмотренного здесь типа, существует традиционное обозначение, а именно «синкретизм». Можно указать на синкретизм форм латинского датива и аблатива в соединении с показателями мн. числа, на синкретизм форм латинского им. и род. надежей для всех существительных среднего рода; во французском языке имеется синкретизм форм сослагательного и изъявительного наклонений в ед. числе и в 3-м лице мн. числа глаголов первой группы (за единичным исключением).

Обычно лингвисты не решаются описывать синкретизм как случайность, так как это могло бы навести на мысль о том, что он не затрагивает структуры языка. Известно, что речь идет о стабильном явлении морфологии. Скорее можно сказать, что синкретизм представляет своего рода языковой «изъян», который усложняет функционирование языка, хотя в связи с естественной избыточностью человеческой речи лишь в исключительных случаях он может привести к путанице. Следует несомненно установить определенное соотношение между частотностью случаев синкретизма в морфологии имени в латинском языке и его последующем разрушением, имея при этом в виду стабильность системы спряжения, где формальные смешения были значительно более четко разграничены.

Происхождение синкретизма в синхронии не имеет значения. Так, синкретизм латинских датива и аблатива сочетает в себе результат фо-

нетического развития (например, \bar{o} восходит к * $\bar{o}i$ и к $\bar{o}d$) и аналогических расширений. Формальное смешение им. и род. падежей имен среднего рода, несомненно, отражает более древнее неразличение существительных, которые, при соединении с глаголом, находились только в отношении первого определяющего и никогда не функционировали в качестве агенса с окончанием на $-s$ (*Mare uidet* «вид моря; (он) видит море», *mare patet* «открытость моря; море — там» наряду с *lupus uidet* «видение волком; волк видит» (например «море»)³. Само собой разумеется, что в связи с отсутствием латинских примеров, изучаемое неразличение следует постулировать для более древних и не засвидетельствованных состояний языка. Важность имеет лишь тот факт, что само по себе означающее монемы больше не допускает ее идентификации; в противном случае будет затронута ее тождество как у говорящего, так и у слушающего. Последний хорошо знает, что дат. падеж в с е г д а отличен от аблатива и комбинируется с \bar{o} или с $-ibus$, имеющими двойственное значение, в связи с чем он вынужден искать в контексте или ситуации элементы, которые позволили бы идентификацию изучаемой монемы.

Таким образом, частичную омонимию никогда не следует считать нейтрализацией. Ее не следует, разумеется, обязательно считать и синкретизмом: во французском языке монема *aller* дает в комбинации с монемой «будущее время», означающее [i], формально идентичное означающему наречия места *у*, однако в этом случае, вряд ли может возникнуть вопрос о синкретизме. Если этот термин должен отвечать определенным условиям, то следует, естественно, оставить его для случаев, когда по крайней мере часть контекстов, в которых фигурируют две идентичные формы, одинакова, т. е. манифестируются одинаковые знаки (те же означающие и те же означаемые); следует упомянуть формальное тождество изъявительного и сослагательного наклонений в определенных случаях, ибо монема изъявительного наклонения и монема сослагательного наклонения комбинируются с теми же монемами класса, называемого глагольным, и при этих комбинациях взаимно исключают друг друга. Ниже мы увидим, что подобные же причины обуславливают явление, которое мы обозначим как «нейтрализация», что в значительной мере способствует необходимости объяснения тех трудностей, которые испытывают некоторые ученые в вопросе о четком разграничении синкретизма и нейтрализации. Ельмслев, например, всегда смешивал оба эти явления, обозначая их одним термином «синкретизм»⁴, который для него имел преимущество перед термином нейтрализация, так как указывал на его расхождение с пражской фонологией.

*

В связи с синкретизмом и обусловленным им формальным неразличением, имеются случаи, когда сигнификативная функция оппозиции перестает действовать, так как в определенном смысловом контексте выбор между одним и другим членом оппозиции больше не имеет смысла. Эту последнюю формулировку можно было бы истолковать в ограничительном смысле, указывая на то, что в позиции нейтрализации встречается как один, так и другой член, причем присутствие первого или второго из них никак не влияет на смысл сообщения. Это напоминает об определенных случаях фонологической нейтрализации, при которой можно слышать варианты нейтрализации, в равной мере вызывающие в сознании

³ Ср.: A. Martinet, *Linguistique structurale et grammaire comparée*, «Travaux de l'Institut linguistique», 1, 1956, стр. 16.

⁴ Ср.: L. Hjelmslev, *Notes sur les oppositions supprimables*, TCLP, 8, 1939, стр. 51—57, особенно 54—55.

как одну, так и другую фонемы. В немецком языке, например, где в инициали оппозиция между /s/ и /z/ нейтрализуется, имеются случаи, когда в этой оппозиции можно слышать как [s], так и [z]. Однако при ближайшем рассмотрении ситуации подобного типа оказываются, если не исключительными, то по крайней мере трудно поддающимися бесспорной идентификации как на уровне фонем, так и на уровне значимых единиц. Выбор той или иной из возможных форм в фонологии почти всегда определяется особенностями контекста или уровнем используемого стиля: в южнонемецких диалектах наличие [z-] вместо [s-] может определяться фонетической природой того, что ему предшествует в речи, или желанием, сознательным и несознательным, имитировать лиц, занимающих более высокое положение в обществе и использующих в инициали только [z-].

Что касается номем, то всегда можно спорить о том, является ли использование двух форм семантически индифферентным: после *il n'est pas vrai que* может стоять как сослагательное, так и изъявительное наклонение; однако каждый захочет обнаружить различие смысла между *il n'est pas vrai, qu'il est un imbécile* и *il n'est pas vrai qu'il soit un imbécile* и более или менее твердые критерии его установления. В тех случаях, когда нельзя с полной определенностью указать на различие смысла, обычно можно определить различие в стиле: *c'est eux qui l'ont vu, ce sont eux qui l'ont vu*, так что не существует абсолютного неразличия⁵.

Если пытаться оправдывать использование понятия нейтрализации по отношению к значимым единицам, указывая на параллелизм с фонемами, то вряд ли можно достичь значительных результатов при ограниченной интерпретации формулы: «выбор между тем и другим членом больше не имеет смысла». Следует, как и в фонологии, абстрагироваться от способа реализации недифференцируемой единицы (может быть, ее следует назвать архимонемой?) в позиции нейтрализации. Но даже если мы сделаем такую абстракцию, полезно исследовать, как и выше в случае фонологии, различные типы реализации, с целью выявить на уровне значимых единиц эквиваленты ситуаций, наблюдаемых на уровне дистриктивных единиц.

Прежде всего надо указать на случаи, когда в определенной позиции нейтрализации представлена форма только одной из исследуемых единиц. Так, после *il faut* встречаются только формы сослагательного наклонения: *il faut que je fasse...* Традиционно подобные формы считаются таковыми потому, что в них усматривают не только форму (*fasse* вместо *fais*), но и значение сослагательного наклонения. Это не соответствует действительности: *que je fasse* после *il faut* не имеет никакого определенного модального значения, которое не было бы имплицитировано *il faut*. Значение налицо лишь там, где у говорящего имеется выбор; что же касается выбора наклонения, то здесь оно ограничено формами на *fass-* (которые допускают выражение подлежащего) или инфинитивом (при котором подлежащее невозможно). Между *il faut que je fasse* и *il faut faire* имеется лишь разница, обусловленная местоименно-подлежащим 1-го лица в *que je fasse*. Если отвлечься от стилистических оттенков, связан-

⁵ Ниже в тексте настоящей статьи приводится высказывание: *il faut... qu'elles aient une base commune qu'elles sont les seules a presenter*, где автор употребил изъявительное наклонение в последнем предложении, но где аттракция предшествующего сослагательного наклонения или, если угодно, тот факт, что третье предложение имеет такой же тип ограничения, как и второе, видимо, оправдывает использование формы сослагательного наклонения. Однако в действительности значение последнего заключено только в *il faut*. В связи с этим в третьем предложении имеет место нейтрализация, как и во втором, где выбор сослагательного наклонения носит обязательный характер, хотя при этом в выборе соответствующей формы существует полная свобода.

ных с литературным характером первого высказывания, то нет никакой разницы в значении *il me faut faire* и *il faut que je fasse*. Использование понятия нейтрализации позволяет здесь усматривать именно в *il faut* то, что можно назвать сигнификативным признаком «сослагательности», если можно доказать, что синхронно имеется общность смысла, содержащегося в *il faut que je fasse*, и смысла, характерного для сослагательного наклонения в контекстах, где оно противопоставляется индикативу.

Вторая возможность, уже обсуждавшаяся выше, состоит в недифференцированном использовании и той и другой формы в позиции нейтрализации, что можно иллюстрировать примерами типа *il n'est pas vrai qu'il est* и *il n'est pas vrai qu'il soit*.

Существует и третья возможность, когда в позиции нейтрализации мы находим форму, отличную от формы двух единиц, находящихся в оппозиции. В фонологическом плане это соответствует реализации, промежуточной между реализациями двух фонем, находящихся в оппозиции. Однако здесь понятие промежуточной формы не имеет смысла, так как форма интересующих нас означающих имеет лишь «глобальный» интерес, т. е. обладает способностью идентифицировать сегмент высказывания, например, изъявительное или сослагательное наклонение. Не имеет никакого значения тот факт, что сослагательное наклонение маркируется как таковое только посредством *-i-* в *nous donnions* или комбинацией *-i-* и изменением глагольного корня в *nous faisons*: в обоих случаях перед нами форма, которую можно формально идентифицировать. В фонологии промежуточная реализация признается таковой в связи с фактом недискретных вариаций, что придает определенный смысл термину «промежуточный». Здесь форма состоит из последовательности дискретных единиц, каждая из которых проявляет свою различительную функцию; различная фонема, обнаруживаемая в определенной последовательности, превращает одно означающее в совершенно другое: *chateau* /ʃato/ нельзя считать «промежуточным» между *chapeau* /ʃapo/ и *rameau* /ramo/.

Таким образом, принимая во внимание лишь возможность наличия формы, отличной от форм, засвидетельствованных в случаях оппозиции, можно без труда представить себе ситуацию, где в определенном контексте не будут представлены ни формы, характерные для монемы *A*, ни формы, типичные для монемы *B*, но будут наблюдаться другие формы, значение которых будет лишь общей основой для *A* и *B*. Ниже мы рассмотрим случай, в котором (в той мере, в которой можно говорить о нейтрализации) именно так предстает формальный аспект проблемы.

Для завершения параллелизма с формами, рассмотренными в фонологии, остается указать на случай, когда в различных позициях нейтрализации одна из форм двух единиц манифестировалась только в одной позиции, а другая — только в другой, причем способ осуществления нейтрализации меняется от одного говорящего к другому. Необходимой иллюстрацией может опять служить оппозиция изъявительного и сослагательного наклонений во французском языке: в определенных контекстах и особенно после *il est certain que*, где не существует выбора между изъявительным и сослагательным наклонениями, представлена только форма индикатива; в других контекстах, особенно после *il faut que*, где также наблюдается нейтрализация, представлена форма только сослагательного наклонения. После *il semble que* у говорящего (речь идет лично обо мне) наблюдается нейтрализация, выражающаяся в употреблении только формы сослагательного наклонения. У другого говорящего (речь идет о Ж. Порт) ⁶ нейтрализация выражается в недифференцированном употреблении форм того и другого наклонений.

⁶ Ср.: «Travaux de l'Institut linguistique», 2, стр. 95.

Резюмируя, следует сказать, что нейтрализация в той области, которая нас здесь интересует, реализуется главным образом при сохранении в определенном контексте формы одного из членов оппозиции при исключении другой формы и формы, отличной от обоих членов оппозиции.

*

Мы уже отмечали, что для того чтобы в фонологии можно было говорить о нейтрализации, необходимо, чтобы нейтрализуемые единицы находились в отношении, присущем только этим единицам, т. е. чтобы они имели общее основание, единственными носителями которого были бы только эти формы. Это общее основание выражается в терминах различительных признаков. Всегда полезно помнить, что общее основание и, следовательно, нейтрализация не ограничиваются парами фонем: в испанском языке фонемы /m/, /n/, /ñ/, общим основанием которых является признак назальности, нейтрализуются в оппозициях конечного слога. Каковы в интересующем нас здесь плане общие основания и каковы сигнификативные признаки, которые его составляют? В фонологии общее основание устанавливается при оппозиции с другими фонемами, способными появляться в том же контексте: общее основание архифонемы /t — d/ в русском языке является результатом оппозиции с /n/, с /t'/ и /d'/, с /p/, /b/, /k/, /g/ и т. д., в которых мы наблюдаем признаки неназальности, твердости и апикальности, общие для /t — d/, причем эти признаки представлены в своей совокупности только в указанных фонемах. Что же касается монем, то здесь положение совершенно иное. Во-первых, потому, что мы не располагаем общепризнанной методикой отождествления сигнификативных признаков и, во-вторых, потому, что, в отличие от фонем, которые осуществляют свою различительную функцию в определенном контексте, этого нельзя всегда сказать о сигнификативной функции монем: монема дат. падежа осуществляет свою сигнификативную функцию независимо от контекста, в котором она выступает в рамках предложения: *à l'homme, il a donne l'argent, il a donne l'argent à l'homme* и т. д. Таким образом, нельзя сказать, что дат. падеж противопоставляется вин. падежу, ибо в рамках предложения, в которых они функционируют, и тот и другой сосуществуют, что ясно видно из приведенного примера. Следовательно, между дат. и вин. падежами не существует оппозиции, в связи с чем нельзя предположить и возможной нейтрализации, ибо нейтрализация предполагает, что та или иная оппозиция больше не осуществляется. Для того чтобы можно было говорить о нейтрализации сигнификативной оппозиции, совершенно необходимо существование самой оппозиции, т. е., чтобы в рамках, в которых они осуществляют свою функцию, присутствие одного члена исключало другой: в комбинации с существительным можно употребить монеме ед. числа или монеме мн. числа, при этом первая исключает вторую, ибо существительное не может одновременно стоять в ед. и мн. числе; подобным же образом можно говорить о нейтрализации оппозиции «единственное — множественное число», например, в элементе *bataille* синтемы *champ de bataille*⁷ и *cheval* в *gendarmerie à cheval*, где, разумеется, речь идет более чем об одной битве и более чем одной лошади, и тем не менее в обоих случаях представлена форма ед. числа; мы имеем дело с нейтрализацией также в случае *pluralia tantum* типа *les funeraillies, les ténèbres*, где представлена форма мн. числа. Общим основанием, естественно, является здесь понятие числа. Оно

⁷ Пример заимствован у Э. Бюссенса («Travaux de l'Institut linguistique», 2, стр. 33), этот пример фигурирует у него для иллюстрации того, что нейтрализация имеет значение в устной разговорной практике.

не разлагается на дискретные признаки, как это часто бывает с фонемами, и это объясняется той очевидной причиной, что система или, если угодно, класс противопоставляемых единиц, сводится к двум членам, причем отсутствуют другие оппозиции, которые допускали бы анализ общего основания. Отметим, однако, что в рамках системы с ббльшим числом единиц (носовые в испанском языке) также можно выделить общее основание (признак), не поддающееся разложению (назальность).

Здесь, как и в фонологии, определение общего основания может оказаться очень нелегким делом, результаты которого весьма спорны. Выше мы исходили из того, что во французском языке изъявительное и сослагательное наклонения находятся в эксклюзивном отношении. Однако весьма трудно выделить общее основание, единственными носителями которого являлись бы указанные наклонения: хотя неличные наклонения не подлежат рассмотрению как выступающие в тех же контекстах, в которых обнаруживаются индикатив и сослагательное наклонение, существование повелительного и условного наклонений во многом осложняет дело. Возможно, следует говорить, что после *il faut que* все оппозиции между личными наклонениями нейтрализуются; если же условное наклонение можно признать наклонением в том же смысле, что и индикатив и сослагательное наклонение, то отсутствие его после *il est certain que* нельзя интерпретировать как нейтрализацию.

Желание расширить понятие нейтрализации в области значимых единиц нередко затрудняется тем фактом, что мы не можем с полной определенностью произвести сегментацию высказывания на мономы. Прежде всего следует выяснить, имеем ли мы дело в определенных случаях с оппозициями двух моном или с оппозицией мономы и нуля. Выше мы рассматривали моному индикатива и моному сослагательного наклонения, но вполне закономерно противопоставить модальную моному сослагательного наклонения отсутствию наклонения. Подобным же образом можно с полным правом утверждать, что настоящее время (*présent*) во французском языке в сущности представляет собой отсутствие времени, так что с формальной и семантической точек зрения во фразах *je donne ~ ~ je donnerai* мы имеем дело в первом члене с местоименной мономой и с глагольной мономой, при исключении каких-либо других значимых единиц. При всех условиях колебания, которые могут возникнуть здесь, затрагивают только формулировки, но не дают возможности постулировать нейтрализацию. Говорить, что монома индикатива не существует равносильно тому, что она является общей модальной основой (*la base commune modale*).

Намного труднее выйти из положения в том случае, когда ставится вопрос о том, имеем ли мы дело с одной или двумя мономами. Нужно ли, например, в *nous donnons* говорить об одной мономе /nu...δ/, обозначаемой произвольно как «1-е лицо мн. числа», или следует отождествлять две мономы — моному 1-го лица и моному мн. числа, в то время как форма не обуславливает необходимости анализа (некоторое исключение составляет *nous avons* /nuz...δ/, где *liaison* на /z/ предполагает мн. число), причем *nous* лишь в исключительных случаях является мн. числом от *je*. В глагольной системе французского языка различаются два прошедших времени, представленных в устном языке имперфектом (*imparfait*) и прошедшим сложным (*passé composé*). Хотя анализ формы /dònè/ не представляет трудности, следует отказаться от какой-либо формальной сегментации *ai donné/edonné*, если мы хотим продолжать исследование в рамках синхронии и рассматривать указанную конструкцию как слияние определенного числа моном. Можно легко обнаружить моному *donner*, общую для двух обсуждаемых форм, а также моному «прошедшее время»,

означающее которой сливается в /è/ слова *donnais* с монемой «имперфект» и смешивается с /edòné/ с монемой «не-имперфект». Это означало бы, что мы признаем во французском языке, наряду с временами, существование двух глагольных видов. Времена и виды представляли бы два различных класса, а не взаимоисключающие единицы.

В этих условиях можно было бы констатировать, что оппозиция «имперфект~не-имперфект» нейтрализуется в контекстах, содержащих монему настоящего времени и монему будущего времени. Отметим, например, неразличение в *Mon père travaille; je n'entre pas* и различие в *Mon père travaillait; je ne suis pas entré*⁸. Это было бы хорошим примером нейтрализации, где продукт нейтрализации имел бы форму (нуль), отличную от формы, манифестируемой в слияниях /-è/ и /edòné/, когда оппозиция по виду не нейтрализуется. Общей основой, разумеется, было бы понятие вида, присущее как имперфекту, так и не-имперфекту.

Однако ничто не препятствует оперированию (по традиции) двумя монемами — имперфектом и сложным прошедшим, которые входят в класс времени на тех же основаниях, что и настоящее и будущее время. В этом случае больше не может быть речи о нейтрализации.

Все это говорит о том, что трудности, встречаемые при разграничении и вообще идентификации означающих монем, приводят к тому, что мы порой не знаем, можно ли считать тот или иной сигнификативный аспект (в нашем случае — прошедшее время) обусловленным контекстом (первое решение) или не только контекстом (второе решение). Если иногда в плане различительных единиц можно поставить вопрос о том, когда мы имеем дело с одной фонемой, а когда с последовательностью фонем, то проблема во многом осложняется, когда речь идет о монемах, где частотность слияния означающих и трудность определения сигнификативных признаков делает в какой-то мере иллюзорным любой критерий, основанный на сосуществовании единиц, и открывает неограниченные возможности для самых различных подходов к анализу. В фонологическом плане легко различить нейтрализацию, которая обусловлена окружением фонемы, и случай, когда наличие различительного признака внутри самой фонемы делает нерелевантным различие, которое в других случаях служит для различения фонем друг от друга; речь идет, например, о случаях того типа, когда наличие у /п/ во французском языке признака назальности влечет за собой нерелевантность оппозиции «глухой ~ звонкий», широко используемую в системе согласных⁹. В области сигнификативных единиц ничто не может препятствовать рассмотрению признака, имеющего такое же влияние на соседние элементы, как и независимая фонема, которая и создает контекст, обуславливающий нейтрализацию. Тем не менее следует подчеркнуть, что в лексике встречаются единицы, обладающие различными сигнификативными признаками, но не поддающиеся тем не менее никакому анализу на монемы, одна из которых явилась бы тем контекстом нейтрализации, который оказывает влияние на другую. В английском языке можно найти хорошую иллюстрацию случая, когда очень заманчиво говорить о нейтрализации, хотя понятие слияния (амальгамы), оправданное в синтаксисе, но не в синтематике¹⁰, не позволяет установить нейтрализующий контекст. Речь идет о трех словах *dog, bitch и puppy*¹¹ [соответственно

⁸ Пример взят опять из работы Э. Бюссенса (там же, стр. 34).

⁹ Этот пример использован М. С. Рейперезом, «Travaux de l'Institut linguistique», 2, стр. 9—10.

¹⁰ Ср.: «Syntagme et synthèmes» в журн. «La linguistique», 2, 1967, стр. 11, а также «Composition, dérivation et monèmes» в сб. «Marchand Festschrift» (в печати), стр. 144—145.

¹¹ Пример принадлежит Х. Р. Робинсу, «Travaux de l'Institut linguistique», 2, стр. 112.

обозначающих «собаку» (кобеля), «суку» и «щенка» (эти слова не имеют этимологических соответствий во французском языке, которые могли бы обусловить анализ их форм)]. При рассмотрении слов *dog*, *bitch*, и *pirru* можно констатировать, что добавление к понятию «собака» признака «молодая» исключает возможность добавления признаков «мужского пола» или «женского пола». Если бы «молодой» можно было бы истолковать в качестве контекста, то в этом контексте произошла бы нейтрализация оппозиции по полу. В самом деле, в данном случае в признаке «молодой» никак нельзя усматривать такой же контекст, каким являлся в приведенном выше случае французского /n/ признак назальности.

В плане грамматических элементов можно обнаружить случаи, когда очень соблазнительно говорить о нейтрализации, хотя полная невозможность выделить нейтрализующий контекст абсолютно исключает какое-либо использование этого понятия. Речь идет о местоимении *on*, в котором все признаки, различающие личные местоимения-подлежащие, оказываются элиминированными. Можно вполне сказать, что *on* является общим основанием этих местоимений, однако, в связи с тем, что *on* используется во всех контекстах, в которых встречаются другие местоимения, нельзя определить точные условия того окружения, которые необходимы для наступления нейтрализации. Использование этого понятия в данном случае исключается.

*

В заключение приведенных выше рассуждений вполне закономерно задать вопрос, можно ли в плане номем с такой же строгостью использовать понятие нейтрализации, как это следует делать в отношении дистриктивных единиц. Несомненно, имеются случаи, где параллелизм достаточно ярко выражен и оправдывает расширение этого термина. Однако, если часто оказывается трудным убедить слушателей, что конечное [t] в русском слове не является фонемой /t/, то, очевидно, невозможно допустить, что форма *fasse* в *il faut qu'il fasse* не должна рассматриваться как форма сослагательного наклонения. Видимо, более просто и «естественно» сказать, что *il faut que* «употребляется в сослагательном наклонении», чем считать эту конструкцию нейтрализующим контекстом. В этой связи важно указать, что в модальном плане форма *fasse* не заключает в себе ничего, что не было бы уже выражено *il faut*. В отличие от утверждения, что здесь мы вообще не имеем дело с сослагательными наклонениями, проще, и, возможно, полезнее говорить, что сослагательное наклонение в случаях этого рода не является предметом выбора.

При всех условиях, если в отношении сигнификативных единиц можно сомневаться, в каких случаях оправдано более широкое или более строгое использование понятия нейтрализации, то нет никаких сомнений относительно необходимости различения синкретизма и нейтрализации, краеугольного камня лингвистического анализа. Синкретизм полностью вытекает из морфологии, определяемой как изучение вариации означающих. Нейтрализация, в том виде, как мы ее определили выше, полностью относится к синтаксису.

Перевел с французского М. М. Маковский

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. В. ГЛАДКИЙ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ ПАДЕЖА И РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Развитие лингвистической науки вступило сейчас в такую стадию, когда становится возможным и необходимым строгий логический анализ ее понятий. О важности такого анализа не приходится говорить: пока логическая структура понятия не выяснена с достаточной четкостью, пользование им затруднено — так же, как затруднено чтение, если контуры букв размыты.

В настоящее время необходимость уточнения понятий лингвистики признается многими исследователями. Приходится, однако встречаться с неправильной точкой зрения (быть может, не всегда хорошо осознаваемой ее носителями), согласно которой превращение лингвистики в точную науку должно быть связано исключительно с созданием новых концепций, традиционные же лингвистические понятия — существительное, прилагательное, падеж, род и т. п. — ввиду их логической неудовлетворительности либо должны быть отброшены, либо могут использоваться лишь в качестве вспомогательных средств, имеющих не более чем эвристическое значение. Такая точка зрения приводит к выводу, что внедрение в лингвистику точных понятий и методов требует полного разрыва с традицией. Отсюда, может быть, и идет довольно распространенное еще противопоставление «традиционной» и «структурной» лингвистики как чуть ли не двух разных наук; и отсюда же недоверие многих «традиционных» лингвистов к точным понятиям и методам, в которых они склонны видеть некое разрушительное начало.

При серьезном подходе к делу не может быть, разумеется, и речи об игнорировании «традиционной» науки о языке, об отказе от выработанных ею понятий, которые успешно используются в течение весьма длительного времени. Задача состоит прежде всего в том, чтобы дать этим самым понятиям обоснование, отвечающее современным требованиям к логическому строению научных концепций. Ситуация здесь в известной степени аналогична той, которая в свое время имела место в геометрии. Основные понятия этой науки в течение многих веков употреблялись без строгого логического анализа. Такой анализ был проведен в прошлом столетии, и он вовсе не означал «отмены» старых категорий геометрии; эти категории стали лишь яснее и глубже пониматься. Однако именно благодаря этому геометрия перешла на качественно новую ступень в своем развитии и добилась весьма существенного продвижения, какое иначе было бы невозможным — причем в таких направлениях, которые раньше не могли быть даже намечены. Аналогично этому создание новых направлений в лингвистике требует логического анализа и систематизации ее традиционных понятий.

Более конкретно, нужно построить систему понятий лингвистики, включающую все ее важнейшие традиционные концепции, таким образом, чтобы в основе этой системы лежала некоторая совокупность исходных понятий — которая должна быть логически простой и сравнительно «бедной», легко обозримой, но в то же время естественной с содержательной точки зрения — а все остальные понятия получались из исходных строго формально¹, с помощью одних лишь логических конструкций. Тенденция к такому построению лингвистической теории существует уже довольно давно; наиболее ярким ее проявлением является, по-видимому, знаменитая книга Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка». Эта книга была, однако, написана еще до того, как широко развернулись исследования по формализации конкретных лингвистических понятий, и предметом ее являются скорее общеметодологические установки лингвистической теории, чем ее фактическое развитие. В настоящее же время исследования по формальному обоснованию лингвистических понятий уже довольно далеко продвинуты, и это создает предпосылки для действительного построения системы лингвисти-

¹ Слово «формально» означает здесь и далее «четко, определенно, без логических пробелов» (а не «без обращения к смыслу», как часто понимается это слово в лингвистических работах).

ческих понятий на основе высказанных выше принципов. Тем не менее полная разработка такой системы и сейчас еще остается делом будущего (хотя, быть может, и не столь уже далекого); пока что конкретной задачей является построение некоторых частных систем, и именно в процессе решения этой задачи можно надеяться выяснить пути к созданию общей формализованной теории.

В настоящей работе предлагается одна такая частная система, предназначенная для определения понятий падежа и рода существительного. Она не является первой системой такого назначения; вопрос о формальном определении указанных понятий уже неоднократно рассматривался. Первое формальное определение рода существительного фактически содержится в пионерской работе О. С. Кулагиной², положившей начало всем тем исследованиям, целью которых является формализация «традиционных» грамматических понятий. А. Н. Колмогоровым и В. А. Успенским³ было предложено определение падежа существительного. Различные варианты формальных определений рода и падежа имеются в работах С. Маркуса и И. И. Резвина⁴.

Во всех упомянутых работах — кроме работы В. А. Успенского — использовалась система исходных понятий, основным компонентом которой является понятие грамматически правильного предложения. Но это понятие вряд ли может быть признано достаточно простым. В самом деле, множество грамматически правильных предложений языка бесконечно, так что всякая процедура, для которой это множество является исходным, требует бесконечного перебора. В противоположность этому в настоящей работе предлагается система исходных понятий, все компоненты которой допускают задание посредством конечных таблиц. Использование этой системы позволяет также, как кажется, сделать определения более естественными — иными словами, ближе подойти к формализации той с а м о й лингвистической интуиции, которая лежит в основе «обычных», «неформальных» понятий падежа и рода — точнее, тех понятий падежа и рода, которые приняты в русской грамматической традиции.

Предварительно основная идея наших определений — совпадающая, как нам представляется, с основной идеей традиционных понятий падежа и рода — может быть пояснена так: каждый падеж есть совокупность форм существительных, в каком-то смысле одинаково управляемых, а каждый род — совокупность существительных, в каком-то смысле одинаково управляющих.

Разумеется, нельзя ожидать, что для любого языка наши определения дадут как раз то, что грамматическая традиция этого языка — если она имеется — называет падежом и родом. Напротив, приложимость наших определений к одним языкам и неприменимость к другим может помочь выяснить типологических различий между категориями, по традиции называемыми для этих языков одним именем⁵.

§ 1. Предварительные пояснения

1. Прежде чем излагать систему исходных понятий, полезно сделать некоторые неформальные пояснения относительно общих предпосылок, лежащих в основе нашего подхода к грамматическим значениям.

Мы считаем, что сопоставляемые словам⁶ языка лексические и грамматические значения естественно делятся на два типа. Значения первого типа — это те, которые, так сказать, внутренне присущи словам, т. е. более или менее непосредственно отвечают некоторым идеям, имеющимся в сознании носителей языка и связываемым ими с

² О. С. Кулагина, Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств, «Проблемы кибернетики», 1, М., 1958.

³ В. А. Успенский, К определению падежа по А. Н. Колмогорову, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 5, М., 1957. Несколько видоизмененное изложение этого определения имеется в §§ 2.3, 2.4 книги А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (М., 1967; далее — РИС).

⁴ S. Marcus, Modèles mathématiques pour la catégorie grammaticale du cas, «Revue roumaine de mathématiques pures et appliquées», 8, 4, 1963; е г о ж е, Грамматический род и его логическая модель, сб. «Математическая лингвистика», М., 1964; И. И. Резвин, Метод моделирования и типология славянских языков, М., 1967, §§ 40, 45.

⁵ Интерес к проблеме, рассматриваемой в настоящей статье, возник у автора при чтении (в рукописи) книги И. И. Резвина «Метод моделирования и типология славянских языков». В дальнейшем автор несколько раз с большой пользой для себя обсуждал эту проблему с А. А. Зализняком и И. И. Резвиным. Рукопись настоящей статьи в одном из более ранних вариантов была прочтена А. А. Зализняком и И. А. Мельчуком, которые сделали ряд очень ценных замечаний. Названным лицам автор выражает искреннюю признательность. Кроме того, необходимо отметить, что А. А. Зализняком (в неопубликованной работе) были независимо (и притом раньше) получены сходные с нашими результаты.

⁶ Неточность термина «слово» (см. ниже) не является в настоящих рассуждениях существенной помехой.

данными словами. Сюда относятся, в частности, все лексические значения. Примером грамматического значения этого типа может служить множественное число русского существительного, отвечающее довольно ясной идее «множественности». Значения второго типа — это конструкции, возникающие в результате довольно сложной абстракции и не отвечающие прямо как-либо идеям, имеющимся в сознании носителя языка (или по крайней мере тех из них, которые не изучали грамматику). К этому типу относятся, по нашему убеждению, значения основных падежей существительного в современном русском языке. В самом деле, вряд ли можно, например, указать определенную идею, имеющуюся в сознании носителя русского языка и реализующуюся при произнесении каждого из словосочетаний *доволен сыном, выглядит стариком, работает токарем, работает лопатой, сладеет заводом, занимается физикой, ездит-шашется кладовщиком, идет новой дорогой, идет быстрым шагом, пренебрегает опасностью, торгует рыбой, назвала Иваном, это было несчастьем, снабжает топливом, расставляет рядыми, свистит соловьем, болеет гриппом.*

«Конструктивный» характер падежей русского существительного можно подтвердить следующим мысленным экспериментом. Вообразим группу носителей русского языка, согласившуюся не употреблять никаких существительных, кроме одушевленных мужского рода, и — тем самым — никаких форм слов, согласованных с иными существительными; других изменений в язык пусть при этом не вносится. Лингвист, изучающий такой язык и не знающий ни его «истории», ни «нормальных» языков, родственных русскому, наверняка выделит в нем только пять падежей: именительный, родительный-винительный, дательный, творительный и предложный. Представим себе, далее, что другая группа носителей русского языка согласилась употреблять лишь существительные женского рода, склоняемые по первому склонению, причем только в единственном числе, и только соответствующие формы согласуемых слов. Для такого «языка» также будет построена пятипадежная система, но другая, состоящая из именительного, родительного, дательного-предложного, винительного и творительного падежей. Наконец, если в последней воображаемой ситуации заменить первое склонение третьим, то ни одному исследователю не придет в голову различать родительный, дательный и (первый) предложный падежи. Между тем, если бы падежи выражали некие «внутренне присутние» им значения, то эти значения должны были бы сохраниться и при сужении класса существительных, и даже при отказе от форм множественного числа.

Таким образом, значения «именительный падеж», «родительный падеж» и т. п. русского существительного представляется естественным отнести ко второму типу. Сюда же мы считаем правильным отнести и значения рода существительных русского языка.

Значения первого типа и соответствующие им грамматические категории мы будем называть в и у т р е и н и м и, значения второго типа и соответствующие категории — в н е ш н и м и. По всей вероятности, такое деление грамматических категорий в основном совпадает с обычным делением на «семантические» и «синтаксические».

Теперь можно поставить вопрос о месте внутренних и внешних значений и категорий в системе формального описания языка. При этом мы будем исходить из точки зрения, согласно которой язык представляет собой работающий механизм и всякое хорошее описание языка есть описание того, как этот механизм работает; в идеале оно должно позволять воспроизвести работу механизма во всех деталях, т. е. быть его действующей моделью. При таком подходе разумно считать, что внутренние значения и категории должны быть органическими составными частями указанной модели. В частности, в моделях «смысл—текст» естественно включать внутренние значения в смысловую запись, и строгое определение таких значений будет не чем иным, как указанием их роли в смысловой записи. Внешние же значения следует определять на основе анализа устройства механизма языка, или процесса его работы, или результата этого процесса, т. е. речи. При этом не обязательно пользоваться для определения каждой категории всеми сведениями о языке как механизме; напротив, нужно стремиться ограничиваться всякий раз минимальным запасом таких сведений — только теми, которые действительно необходимы. Это, во-первых, делает определения более простыми и ясными — и, значит, более удобными для работы — а во-вторых, что еще важнее, позволяет указать, с какими частями механизма языка непосредственно связана та или иная внешняя категория, т. е. выяснить ее место в общей системе.

Сказанное позволяет, как нам кажется, внести некоторую ясность в вопрос о взаимоотношении двух сложившихся к настоящему времени подходов к формальному описанию языка: «синтетического», выражающегося в построении так называемых «синтезирующих моделей», или «собственно моделей языка» — порождающих грамматик, моделей «смысл — текст», — и «аналитического», связанного с построением «анализирующих моделей», или «моделей исследования», а также дешифровочных алгоритмов. Именно, второй подход является наиболее естественным для описания внешних значений и категорий, а первый — для всех остальных целей. Конечно, определения «аналитического» или «дешифровочного» характера вполне могут быть возможны и

для части внутренних значений и категорий, поскольку механизм языка вовсе не обязан удовлетворять каким-либо требованиям типа минимальности или типа независимости составных частей. Эти определения могут иметь существенное значение как в практическом аспекте, так и в чисто теоретическом; тем не менее в рамках общей системы такие методы все же должны играть для трактовки внутренних значений подчиненную роль, в то время как при изучении внешних значений их следует рассматривать как главные.

Подводя итог, можно теперь сказать, что если мы хотим понять природу той или иной внешней категории (или группы внешних категорий) и построить ее формальное определение — а именно такого рода цель преследует настоящая работа, — то нам следует положить в основу всех рассмотренных некоторую систему исходных понятий, содержащую (разумеется, но вполне четком виде) какие-то сведения об устройстве механизма языка, или о процессе его работы, или о речи; эта система может, в частности, включать некоторые сведения о внутренних значениях и/или категориях. При этом желательно стремиться к тому, чтобы исходные понятия были максимально просты и «бедны» — разумеется, не в ущерб их содержательной естественности. Именно этих принципов мы постараемся придерживаться при конструировании определений падежа, согласовательного класса и рода.

2. Теперь необходимо сделать еще одно разъяснение, которое будет носить более частный характер. Оно касается способов уточнения смысла понятия «слово». Как известно, такое уточнение приводит к нескольким разным понятиям (которые не всегда достаточно четко разграничиваются в лингвистической литературе и даже в новейших работах по формальному описанию языка). А. А. Зализняк (РИС, § 1.2) перечисляет следующие значения слова «слово»: 1) «Слово как единица внешней стороны текста», т. е. — в применении к письменной форме языка — просто цепочка букв от пробела до пробела. Такой объект А. А. Зализняк называет с е г м е н т о м. Два сегмента признаются тождественными тогда и только тогда, когда они совпадают графически⁷, независимо от их лексических и грамматических значений; например, *лук* в значении «овощ» и *лук* в значении «оружие» — тождественные сегменты, так же как *мáчты* в значении род. пад. ед. числа и *мáчты* в значении им. пад. мн. числа; 2) «Слово как двусторонняя единица текста (т. е. как единица, обладающая и выражением и содержанием)» — с л о в о ф о р м а. Иначе говоря, словоформа — это сегмент вместе с его лексическим и всеми грамматическими значениями. При несовпадении в двух словоформах каких-либо значений эти словоформы считаются различными. Так, *мáчты*, в значении им. пад. мн. числа и *мáчты* в значении род. пад. ед. числа — разные словоформы; *лук* в значении «овощ», им. пад. ед. числа — не та же самая словоформа, что *лук* в значении «оружие», им. пад. ед. числа; 3) «Слово как единица словаря, т. е. как двусторонняя внетекстовая единица языка, возникающая на основе анализа всех текстов данного языка» — д е к с е м а.

Сегменты и словоформы различаются конкретные и абстрактные. Конкретный сегмент — это сегмент, рассматриваемый вместе с тем местом текста, где он находится, в противоположность абстрактному сегменту, рассматриваемому безотносительно к какому-либо месту в тексте. Конкретные сегменты, графически совпадающие, но различающиеся местом, занимаемым ими в тексте, считаются п р е д с т а в и т е л я м и одного абстрактного сегмента (таким образом, сформулированное выше условие тождества сегментов относится к абстрактным сегментам). Аналогично определяются конкретная и абстрактная словоформа.

Перечисленные понятия не исчерпывают, однако, всех уточнений слова «слово», которые могут оказаться полезными в лингвистической теории. В частности, представляется весьма естественным следующий объект, в определенном смысле промежуточный между сегментом и словоформой: сегмент вместе с его лексическим значением, но без каких бы то ни было грамматических значений. Такой объект мы будем называть л е к с и ч е с к и з н а ч и м ы м с е г м е н т о м. Как и в случаях сегментов и словоформ, нужно различать лексически значимые сегменты конкретные, рассматриваемые вместе с их местом в тексте, и абстрактные, рассматриваемые безотносительно к месту. Мы будем, как правило, пользоваться следующим (принятым в математике) словоупотреблением: абстрактный лексически значимый сегмент будем называть просто лексически значимым сегментом, а конкретный — в х о ж д е н и е м л е к с и ч е с к и з н а ч и м о г о с е г м е н т а в т е к с т (например, в предложении). Пользуясь этим словоупотреблением, мы можем сказать, что два лексически значимых сегмента тождественны тогда и только тогда, когда они совпадают графически и совпадают их лексические значения. Так, в предложении *вывеска над дверью чайной перекосилась, а в самой чайной не было ни одной чайной ложки* первые два вхождения сегмента *чайной* соответствуют одному и тому же лексически значимому сегменту [со значением «род общественной столовой, где посетители могут выпить чаю и закутить» (С. И. Оже-

⁷ Разумеется, для того чтобы понятие графического совпадения имело точный смысл, должен быть предварительно фиксирован способ записи.

гов, Словарь русского языка)], а третье — другому лексически значимому сегменту (со значением «прилагательное от чай»).

В дальнейшем мы будем пользоваться метонимическим словоупотреблением типа «лексически значимый сегмент *водá*», имея в виду «лексически значимый сегмент, внешней стороной которого является сегмент *водá*» (ср. РИС, стр. 24).

Множества лексически значимых сегментов с одинаковым лексическим значением мы будем называть *окрестностями*. По самому смыслу понятия лексически значимого сегмента окрестности должны быть попарно непересекающимися множествами.

Теперь мы примем следующее терминологическое соглашение: поскольку в дальнейшем понятие сегмента не используется, мы будем для краткости называть лексически значимые сегменты просто *сегментами*. Именно сегменты — в этом смысле — и окрестности и составят основу нашей системы исходных понятий.

3. В заключение параграфа сделаем следующее замечание. Определению рода у нас будет предшествовать определение согласовательного класса. Объем этого понятия для ряда языков, вероятно, совпадает или почти совпадает с объемом понятия рода. Для русского языка категория, носящая по традиции имя «род», отличается от категории согласовательного класса. Поскольку эта последняя является логически более четкой и обладает большей общностью, чем категория рода традиционной русской грамматики, представляется удобным трактовать ее как более простую — так сказать, «более первоначальную». Когда понятие согласовательного класса определено, можно указать процедуру, строящую на его основе понятие «традиционного рода».

Понятие согласовательного класса (как и сам термин «согласовательный класс»), было, видимо, введено А. А. Зализняком⁸. Он же указал на то, что в русском языке род и согласовательный класс не совпадают⁹.

§ 2. Исходные понятия

Мы считаем заданными следующие объекты, которые будут играть роль исходных (неопределяемых) понятий:

1. Конечное множество V , элементы которого содержательно интерпретируются как сегменты (ср. терминологическое замечание в конце предыдущего параграфа) некоторого естественного языка. Это множество мы будем называть *словарем*, а его элементы будем называть *сегментами*.

2. Система попарно непересекающихся подмножеств множества V , в совокупности покрывающих его целиком. Эти подмножества мы будем называть *окрестностями* n . Содержательно каждая окрестность есть множество сегментов с одинаковым лексическим значением (ср. § 1, п. 2), т. е. множество всех форм одного слова. Примеры окрестностей: {дом, дома, дому, домом, доме, домá, домбв, домám, домáми, домáх}; {любой, любое, любая, любое, любой, любому, любую, любым, любое, любым, любыми, ною, ноá, нбю, нобá}; {на}; {около}; {очень}¹⁰.

Окрестность, содержащую сегмент x , мы будем обычно называть *окрестностью сегмента x* .

3. Подмножество S множества V , содержательно интерпретируемое как множество всех существительных данного языка. Множество S должно быть объединением некоторой системы окрестностей. (Иначе говоря — каждая окрестность либо содержится в S , либо не пересекается с S).

Сегменты, принадлежащие S , мы будем называть *S -сегментами*, а окрестности, содержащиеся в S — *S -окрестностями*.

4. Бинарное отношение \rightarrow на словаре, которое мы будем называть *отношением потенциального подчинения* (выражение $x \rightarrow y$ читается « x потенциально подчиняет y »).

Содержательно выражение $x \rightarrow y$ означает, что существует грамматически правильное простое предложение рассматриваемого языка, в котором некоторое вхождение сегмента x непосредственно синтаксически подчиняет некоторое вхождение сег-

⁸ А. А. Зализняк, К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в русском языке, ВЯ, 1964, 4. См. также: РИС, §§ 2.14, — 2.16.

⁹ А. А. Зализняк, К вопросу о грамматических категориях..., стр. 26—27, РИС, стр. 66—67.

¹⁰ Таким образом, мы относим образование степеней сравнения прилагательных к словобразованию (ср. РИС, § 2.23). Однако для нашей конструкции это несущественно.

¹¹ Примеры будут строиться исключительно на материале русского языка. Запись сегментов в примерах — акцентированная орфографическая (РИС, § 0.4), причем в связанных текстах, в односложных сегментах и над \acute{e} знак ударения опускается (ср. там же, § 0.5).

мента *y*. При этом мы будем считать, в соответствии с принятым в последнее время соглашением, что подлежащее всегда подчинено сказуемому.

Так, из правильности предложения *жила на свете старичок маленького роста с указанной расстановкой стрелок подчинения мы заключаем, что истинны утверждения $жила \rightarrow старичок, жила \rightarrow на, на \rightarrow свете, старичок \rightarrow роста, роста \rightarrow маленького$. В то же время утверждения $роста \rightarrow маленькой, на \rightarrow светом, под \rightarrow свете$ ложны, так как ни в одном грамматически правильном русском предложении сегмент *роста* не может подчинять сегмент *маленькой*, сегмент *на* — сегмент *светом* и сегмент *под* — сегмент *свете*¹².*

По поводу интерпретации отношения потенциального подчинения в русском языке сделаем еще два замечания: а) в тех случаях, когда вопрос о выборе направления стрелки представляется спорным (*два стола, двум столам, несколько столов, несколькими столами*), мы не будем устанавливать отношения потенциального подчинения ни в какую сторону (т. е., например, оба утверждения *два \rightarrow столах* и *столах \rightarrow два* будем считать ложными). Будем, кроме того, полагать, что в сочетаниях вроде *два больших стола, двух больших столов* прилагательное подчиняется не существительному, а сочетанию существительного с числительным, и на этом основании зачислим в разряд ложных такие утверждения, как *столах \rightarrow большйх, стелй \rightarrow большйх*; б) в предложениях типа *Он учитель, Этот человек очень умён, Ваня сейчас в школе* мы будем вставлять «фиктивную связку», которая будет считаться вершиной; в частности, вы-

шеприведенные фразы будут анализироваться следующим образом: *Он е учитель,*

Этот человек е очень умён, Ваня сейчас е в школе (е обозначает фиктивную связку). При этом удобно включить «фиктивную связку» в словарь *V*. В соответствии со сказанным мы будем считать истинными такие утверждения, как $e \rightarrow он, e \rightarrow учитель, e \rightarrow человек, e \rightarrow умён, e \rightarrow Ваня, e \rightarrow в, e \rightarrow сейчас$, и ложными — такие, как *учитель \rightarrow он, умён \rightarrow человек, в \rightarrow Ваня, в \rightarrow сейчас*.

5. Два подмножества $S - S_1$ и S_2 , удовлетворяющие условию $S_1 \cup S_2 = S$ и содержательно интерпретируемые как множество существительных в единственном числе и множество существительных во множественном числе соответственно. S_1 и S_2 не обязаны быть пересекющимися; например, следующие сегменты принадлежат пересечению $S_1 \cap S_2$: *рыбы, тѣни, пальто, саки* (по поводу последнего примера см. РИС, § 1.12)¹³.

6. Два тернарных отношения $D_1(x, y, z)$ и $D_2(x, y, z)$ на словаре, удовлетворяющие условиям: если $D_1(x, y, z)$, то $y \in S_1, x \rightarrow y$ и $y \rightarrow z$; если $D_2(x, y, z)$, то $y \in S_2, x \rightarrow y$ и $y \rightarrow z$.

Содержательный смысл выражения $D_1(x, y, z)$ состоит в следующем: существует грамматически правильное простое предложение рассматриваемого языка, в котором некоторое вхождение *S*-сегмента *y*, имеющее значение единственного ч и с л а, непосредственно синтаксически подчинено некоторому вхождению сегмента *x* и непосредственно синтаксически подчиняет некоторое вхождение сегмента *z*. Выражение $D_2(x, y, z)$ интерпретируется совершенно аналогично, но с заменой единственного числа множественным.

Истинны, например, следующие утверждения: D_1 (*старичок, роста, маленького*), D_1 (*из, пальто, нбвого*), D_1 (*е, пальто, нбвом*). В то же время D_1 (*е, пальто, нбвого*) ложно, не смотря на истинность утверждений $e \rightarrow пальто$ и $пальто \rightarrow нбвого$. Утверждение D_1 (*попадаютя, рыбы, крупныя*) ложно, несмотря на то, что $рыбы \in S_1$ и

существует правильное предложение *е сети попадаютя крупныя рыбы*, поскольку ни в этом предложении, ни в каком-либо другом, где сегмент *рыбы* подчиняет сегмент *крупныя*, первый из этих сегментов не имеет значения единственного числа. Аналогично, утверждения D_2 (*из, пальто, нбвых*), D_2 (*е, пальто, нбвых*) истинны, а D_2 (*е, пальто, нбвыми*), D_2 (*от, рыбы, крупныя*) ложны¹⁴.

¹² Использование понятия грамматически правильного предложения для интерпретации потенциального подчинения не противоречит сделанному выше утверждению, что это понятие не входит в число исходных данных нашей системы. Действительно, оно нужно нам лишь для содержательного пояснения. Кроме того, при практическом составлении таблицы потенциального подчинения знание в с е г о м н о ж е с т в а грамматически правильных предложений не требуется.

¹³ Множества S_1 и S_2 понадобятся нам только для определения согласовательного класса и рода.

¹⁴ Отношения D_1 и D_2 будут использоваться только для определения согласовательного класса и рода.

Итак, исходными понятиями нашей системы являются множество сегментов S выделенным в нем подмножеством S -сегментов, система окрестностей, отношение потенциального подчинения, множества S_1 и S_2 и отношения «двойного потенциального подчинения» D_1 и D_2 , причем последние две компоненты для определения падежа не нужны. Содержательно это означает, что для определения понятий падежа, согласовательного класса и рода нам понадобятся следующие сведения о языке:

- Нужно знать все сегменты данного языка.
- Для каждого сегмента нужно знать, является ли он формой существительного.
- Для каждых двух сегментов нужно знать, имеют ли они одинаковое лексическое значение.
- Для каждых двух сегментов x, y нужно знать, может ли x непосредственно подчинять y в грамматически правильном простом предложении¹⁵.
- Для каждого S -сегмента нужно знать, может ли он иметь значение единственного числа и может ли он иметь значение множественного числа.
- Для каждых трех сегментов x, y, z , где y — S -сегмент, нужно знать, возможна ли такая ситуация, что в некотором грамматически правильном простом предложении вхождение y имеет значение единственного (соответственно множественного) числа, непосредственно подчинено вхождению x и непосредственно подчиняет вхождение z .

Никаких других сведений о языке для определения понятий падежа, согласовательного класса и рода не нужно. Более того, для определения падежа достаточно пунктов а) — е).

В заключение этого параграфа полезно сделать еще следующее замечание. Исползованный до сих пор арсенал математических средств очень беден — он ограничивается первоначальными понятиями теории множеств. Никакого более сложного математического аппарата не понадобится нам и дальше. А поскольку первоначальные понятия теории множеств является по своей природе скорее логическими, чем математическими, мы имеем право сказать, что при данном способе определения падежей и согласовательных классов математический аппарат не привлекается, или, во всяком случае, не привлекается существенным образом. В значительной мере это справедливо и для других известных нам определений этих и аналогичных понятий.

§ 3. Определение падежа

1. Пусть O — произвольная окрестность и y — произвольный сегмент. Будем говорить, что O потенциально подчиняет y , если y потенциально подчинен хотя бы одному сементу из O .

Например, окрестность сегмента *намеревался* потенциально подчиняет каждый из сегментов *человек, люди, дочь, ты, читать* (поскольку истинны утверждения *намеревается → человек, намереваются → люди, намеревалась → дочь, намеревешься → ты, намеревается → читать*). Окрестность сегмента *обладала* потенциально подчиняет сегменты *слон, слоны, книга, книги, слоню, слонями, книгой, книгами*; окрестность (одноэлементная) сегмента *за* — сегменты *гору, горы, горбы, горами*.

Для произвольной окрестности O мы будем обозначать через N_O множество всех S -сегментов, потенциально подчиненных этой окрестности. При этом в целях упрощения записи договоримся для всякого сегмента x , принадлежащего O , обозначать N_O также через N_x . Таким образом, мы будем, например, вместо « N_O , где $O = \{\text{стена, стены, ..., стéнах}\}$ » писать просто $N_{\text{стéна}}$, вместо « N_O , где O — окрестность сегмента *сидит*» — $N_{\text{сидит}}$ вместо $N_{\{\text{за}\}}$ — $N_{\text{за}}$.

Например, множество $N_{\text{на}}$ включает сегменты *столы́, стол, столé, столáх, стéнэ, б́кна и т. д., N_чэрез — столы́, стол, б́кна и т. д., N_п́ри — столé, столáх, стéнэ и т. д., N_мешáла — суп, сýпа¹⁶, лб́жкою, лб́жками, отцý, сестрá, брат и т. д., N_стáрается — брат, сестрá, дб́ждь, погб́да, путешéствие и т. д., N_дом — сестрý, отцá, детéй и т. д., N_бóколо — стéны, стéн, дб́ма, дб́мб, окнá и т. д.*

(Для некоторых O соответствующие множества N_O могут быть пусты ($N_{\text{ведá}}$, $N_{\text{почтá}}$).

2. Естественно назвать множество N_O м и н и м а л ь н ы м, если оно пусто и никакое непустое N_O не является его собственной частью. Так, множество $N_{\text{на}}$ не минимально, поскольку его собственной частью является хотя бы $N_{\text{чэрез}}$ (а также $N_{\text{п́ри}}$).

¹⁵ Как будет видно из определений, эти сведения фактически понадобятся нам только для таких пар x, y , в которых y является S -сегментом.

¹⁶ *Мешáла → сýпа* хотя бы ввиду наличия правильного предложения

она не мешала никакого супа.

$N_{\text{минимала}}$ — не минимальное множество, его собственной частью является, например, $N_{\text{обладает}}$. В то же время $N_{\text{чёрез}}$, $N_{\text{при}}$, $N_{\text{около}}$, $N_{\text{старается}}$, $N_{\text{дом}}$ минимальны.

Минимальные множества N_0 мы и будем называть падеж а м и. При этом, если для двух различных окрестностей O и O' множества N_0 и N_0' совпадают, мы будем считать N_0 и N_0' не разными падежами, а одним и тем же падежом.

Так, $N_{\text{около}} = N_{\text{дом}} = N_{\text{крёме}}$ — родительный падеж; $N_{\text{старается}} = N_{\text{может}}$ — именительный падеж; $N_{\text{чёрез}} = N_{\text{тоинит}}$ — винительный падеж.

3. Очевидно, падежи не обязаны быть попарно непересекающимися множествами. Например, сегмент *стенё* принадлежит как $N_{\text{к}}$ (дательному падежу), так и $N_{\text{при}}$ (предложному падежу); сегмент *столы* принадлежит как $N_{\text{может}}$ (именительному падежу), так и $N_{\text{чёрез}}$ (винительному падежу).

Несколько более неожиданным является тот факт, что некоторые S -сегменты могут не попасть ни в один падеж. Так, сегмент *лесу* принадлежит, кажется, только одному множеству вида N_0 , а именно N_0 , которое не минимально (его собственной частью является, например, $N_{\text{чёрез}}$). Аналогично обстоит дело с сегментами *воду*, *мосту*, *шкафу*. Поэтому так называемый второй предложный падеж не будет падежом в смысле вышеприведенного определения.

Не будет падежом в смысле вышеприведенного определения также и второй родительный падеж (родительный паритивный), который можно отождествить с множеством $N_{\text{немного}}$, содержащим сегменты *сахара*, *сахару*, *чая*, *чаю*, *воды*, *книги*, *книг*, *скорца*, *скорцубе*.¹⁷ Действительно, множество $N_{\text{около}}$ (первый родительный падеж) есть собственная часть множества $N_{\text{немного}}$.

Таким образом, второй предложный и второй родительный падежи оказываются в нашей формальной системе «на особом положении». Это, видимо, не случайно, поскольку эти падежи отличаются от «традиционных» шести падежей хотя бы тем, что могут рассматриваться как внутренние: второй предложный падеж всегда имеет значение «места», второй родительный — значение «части от целого». Есть и еще два существенных отличия этих падежей от остальных: во-первых, они имеют «самостоятельные» формы, не омонимичные формам других падежей, лишь для небольшого числа существительных; во-вторых, они не имеют самостоятельных наборов форм согласуемых слов — второй предложный падеж ведет себя в отношении согласования точно так же, как первый предложный, второй родительный — как первый родительный. Впрочем второй предложный падеж типологически ближе к остальным, чем второй родительный — этот последний содержит в качестве собственной части другой падеж (первый родительный), в то время как второй предложный для некоторых (хотя и для немногих) существительных не имеет форм, омонимичных формам других падежей — вместо в *лесу* нельзя сказать *в *лесе* или как-либо еще.

§ 4. Определение согласовательного класса

1. Для определения согласовательного класса нам понадобятся некоторые вспомогательные понятия.

Пусть заданы все исходные объекты, описанные в § 2, и пусть в соответствии с определением из § 3 определены k падежей Π_1, \dots, Π_k (имеется в виду, что это в с падежи, определенные таким образом). Нумерация падежей произвольна, но во всем дальнейшем считается фиксированной.

Для произвольной S -окрестности A мы будем называть ее парадигмой упорядоченный набор множеств $A = \langle A^{11}, A^{12}, \dots, A^{1k}, A^{21}, A^{22}, \dots, A^{2k} \rangle$, где $A^{11} = A \cap S_1 \cap \Pi_1$, $A^{12} = A \cap S_1 \cap \Pi_2, \dots, A^{1k} = A \cap S_1 \cap \Pi_k$, $A^{21} = A \cap S_2 \cap \Pi_1$, $\dots, A^{2k} = A \cap S_2 \cap \Pi_k$.

Рассмотрим, например, следующие S -окрестности:

$A_1 = \{\text{дом, дома, дому, домом, доме, дома, домом, домами, домами}\};$

$A_2 = \{\text{дед, дёда, дёду, дёдом, дёде, дёвы, дёдов, дёдам, дёдами, дёдах}\};$

$A_3 = \{\text{река, реки, реке, реку, рекой, рекою, реки, рек, рекам, реками}\};$

$A_4 = \{\text{рыба, рыбы, рыбе, рыбу, рыбой, рыбою, рыб, рыбам, рыбами, рыбах}\};$

$A_5 = \{\text{село, села, селу, селом, селе, села, сёлам, сёлами, сёлах}\};$

$A_6 = \{\text{чудовище, чудовища, чудовищу, чудовищем, чудовищ, чудовищам, чудовищами, чудовищам}\};$

$A_7 = \{\text{пальто}\};$

¹⁷ Заметим, что мы делаем некоторое огрубление, допуская в качестве правильных такие сочетания, как *немного книги* или *немного скорца*. Но с такого рода огрублением неизбежно приходится иметь дело, если мы хотим отличать грамматическую правильность от осмысленности.

$A_4 = \{\text{сáни, санéй, саня́м, саня́ми, саня́х}\};$

$A_4 = \{\text{родíтели, родíтелей, родíтелями, родíтелями, родíтелями}\}^{18};$

$A_5 = \{\text{задýра, задýры, задýре, задýрой, задýрою, задýрою, задýр, задýрам; задýрами, задýрах}\}.$

Будем исходить из допущения, что определены шесть обычных русских падежей, и нумеровать их в общепринятом порядке; иначе говоря, Π_1 будет обозначать именительный падеж, Π_2 — родительный, Π_3 — дательный, Π_4 — винительный, Π_5 — творительный, Π_6 — предложный.

Тогда мы получим для выписанных выше окрестностей соответственно следующие парадигмы¹⁹:

$A_1 = \langle \text{дом, дóма, дóму, дом, дóмом, дóме, дóма́, дóмов, дóмам, дóма́, дóмами, дóмах} \rangle;$

$A_1 = \langle \text{дéд, дéда, дéду, дéда, дéдам, дéде, дéды, дéдов, дéдам, дéдов, дéдами, дéдах} \rangle;$

$A_2 = \langle \text{рéка, рéки, рéкé, рéку, \{рéко́й, рéко́ю\}, рéкé, рéки, рек, рéкам, рéки, рéками, рéках} \rangle;$

$A_2 = \langle \text{ры́ба, ры́ба, ры́бе, ры́бу, \{ры́бой, ры́бою\}, ры́бе, ры́бы, рыб, ры́бам, рыб, ры́бами, ры́бах} \rangle;$

$A_3 = \langle \text{селó, селá, селу́, селó, селóм, селé, сéла, сéя, сéлам, сéла, сéлами, сéлах} \rangle;$

$A_3 = \langle \text{чудóвище, чудóвища, чудóвищу, чудóвище, чудóвищем, чудóвище, чудóвища, чудóвищам, чудóвищ, чудóвищами, чудóвищах} \rangle;$

$A_3 = \langle \text{пальтó, пальтó, пальтó} \rangle;$

$A_4 = \langle \text{сáни, санéй, саня́м, сáни, саня́ми, саня́х, сáни, санéй, саня́м, сáни, саня́ми, саня́х} \rangle;$

$A_4 = \langle \text{родíтели, родíтелей, родíтелями, родíтелей, родíтелями, родíтелями, родíтелями, родíтелей, родíтелями, родíтелями} \rangle;$

$A_5 = \langle \text{задýра, задýры, задýре, задýрой, задýрою, задýрою, задýр, задýрам, задýрами, задýрах} \rangle.$

2. Пусть A — S -окрестность, $\bar{A} = \langle A^{11}, \dots, A^{1k}, A^{21}, \dots, A^{2k} \rangle$ — ее парадигма и B — произвольная окрестность. Будем говорить, что с е г м е н т $z \in B$ согласуется с сегментом $y \in A^{ij}$ для ч и с л а S_i и п а д е ж а Π_j ($i = 1, 2; j = 1, 2, \dots, k$), если для любой окрестности O , для которой $N_o = \Pi_j$, существует сегмент $x \in O$, такой, что $D_i(x, y, z)$.

Для каждой пары i, j , где $i = 1, 2, j = 1, \dots, k$, будем обозначать через B^{ij} множество всех тех сегментов из B , которые согласуются для числа S_i и падежа Π_j с сегментами, входящими в A^{ij} .

Пусть, например, $\bar{A} = \langle A^{11}, \dots, A^{1k}, A^{21}, \dots, A^{2k} \rangle$ — парадигма окрестности сегмента *собáка* и B — окрестность сегмента *бóльшóй*. Имеем, в частности: $A^{11} = \{\text{сòбáка}\}$, $\Pi_1 = N_{o_1} = N_{o_2} = N_{o_3} = \dots$, где O_1, O_2, O_3, \dots — соответственно окрестности сегментов *умéет, старéется, намеревéется, ...* В окрестности O_1 имеется два сегмента, потенциально подчиняющих сегмент *сòбáка*: *умéет, умéла*. Единственный сегмент Z , входящий в B и удовлетворяющий условиям D_1 (*умéет, сòбáка, Z*) и D_1 (*умéла, сòбáка, Z*) есть *бóльшóй*. То же самое получится, как легко проверить, для O_2 , для O_3 и вообще для любой окрестности O , такой, что $N_o = \Pi_1$: если $x \in O$ и $x \rightarrow$ *сòбáка*, то *бóльшóй* будет единственным сегментом Z , входящим в B и удовлетворяющим условию D_1 (x , *сòбáка, Z*). Таким образом, *бóльшóй* — единственный сегмент, согласующийся с сегментом *сòбáка* для числа S_1 (единственного) и падежа Π_1 (именительного), так что $B^{11} = \{\text{бóльшóй}\}$. Рассуждая совершенно аналогично, мы получим, например: $B^{15} = \{\text{бóльшóй, бóльшóю}\}$, $B^{21} = \{\text{бóльшóе}\}$.

Ввиду возможности омонимии падежных форм нельзя определять B^{ij} просто как совокупность сегментов из B , потенциально подчиненных сегментам из A^{ij} — приходится вводить в рассмотрение еще сегменты, п о д ч и н я ю щ и е сегменты из A^{ij} , что дает возможность выделить те случаи, когда сегмент из A^{ij} употребляется действитель-

¹⁸ Здесь *родíтели* — (лексически значимый) сегмент со значением «отец и мать» (как в словосочетании *мои родíтели*) в отличие от (лексически значимого) сегмента *родíтели* со значением «мн. число от *родíтель* — отец или мать» (как в словосочетании *все родíтели, пришедшие на воскресник — их было десять...*). Заметим, что сегмент *родíтели* в первом смысле может иметь значение как единственного числа (*мои родíтели*), так и множественного (*мои и твои родíтели — ср. мой и твой отец*). В некоторых словосочетаниях сегмент *родíтели* может трактоваться и как множественное число от *родíтели* — отец и мать и как множественное число от *родíтель* — отец и мать; например, *родíтели учеников второго класса*.

¹⁹ Записывая упорядоченные наборы множеств сегментов, мы будем для упрощения записи отождествлять каждое одноэлементное множество с его единственным элементом, т. е. писать, например, *дом* вместо $\{\text{дом}\}$.

но в значении j -го падежа. Так, если взять в качестве A окрестность сегмента *мбре* и в качестве B — окрестность сегмента *большой*, то множество сегментов из B , потенциально подчиненных сегментам из A^{11} , будет включать, кроме сегмента *большой*, еще сегмент *большим*, согласующийся с сегментом *мбре* не для именительного, а для предложного падежа.

Пусть теперь A — произвольная S -окрестность, $A = \langle A^{11}, \dots, A^{1k}, A^{21}, \dots, A^{2k} \rangle$ — ее парадигма и B — произвольная окрестность. Определим множества $B^{11}, \dots, B^{1k}, B^{21}, \dots, B^{2k}$ как указано выше. Если для любых i, j , для которых A^{ij} не пусто, B^{ij} также не пусто, мы будем называть упорядоченный набор множеств $B = \langle B^{11}, \dots, B^{1k}, B^{21}, \dots, B^{2k} \rangle$ согласовательным набором (СН) относительно окрестности B , порожденным парадигмой A .

Рассмотрим, например окрестность $B = \{ \text{нбейй, нбеее, нбевая, нбевого, нбевой, нбевому, нбевую, нбевым, нбевую, нбевом, нбевые, нбевых, нбевыми, нбев, нбевá, нбевó, нбевы} \}$.

Относительно этой окрестности рассмотренные выше парадигмы $A_1, A_1 \dots A_5$ порождают соответственно следующие СН:

$B_1 = \langle \text{нбейй, нбевого, нбевому, нбейй, нбевым, нбеее, нбевые, нбевых, нбевым, нбевые, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$\bar{B}_1 = \langle \text{нбейй, нбевого, нбевому, нбевого, нбевым, нбевом, нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$B_2 = \langle \text{нбевая, нбевой, нбевой, нбевую, \{нбевой, нбевую\}, нбевой, нбевые, нбевых, нбевым, нбевые, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$\bar{B}_2 = \langle \text{нбевая, нбевой, нбевой, нбевую, \{нбевой, нбевую\}, нбевой, нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$B_3 = \langle \text{нбеее, нбевого, нбевому, нбеее, нбевым, нбевом, нбевые, нбевых, нбевым, нбевые, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$\bar{B}_3 = \langle \text{нбеее, нбевого, нбевому, нбеее, нбевым, нбевом, нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$\bar{B}_3 = B_3$;

$B_4 = \langle \text{нбевые, нбевых, нбевым, нбевые, нбевыми, нбевых, нбевые, нбевых, нбевым, нбевые, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$\bar{B}_4 = \langle \text{нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых, нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых} \rangle$;

$B_5 = \langle \text{нбейй, нбевая, \{нбевого, нбевой\}, \{нбевому, нбевой\}, \{нбевого, нбевую\}, \{нбевым, нбевой, нбевую\}, \{нбевом, нбевой\}, нбевые, нбевых, нбевым, нбевых, нбевыми, нбевых} \rangle$.

Относительно окрестности $C = \{ \text{нбегие, нбегих, нбегим, нбегими} \}$ ни одна из указанных парадигм не порождает согласовательного набора; действительно, если определить, например, C_1^{ij} для парадигмы A_1 аналогично тому, как определялись B^{ij} , то множества $C_1^{11}, C_1^{12}, \dots, C_1^{16}$ будут пусты.

Относительно одноэлементной окрестности $D = \{ \text{читать} \}$ (нам удобно относить инфинитив и личные формы глагола к разным окрестностям) ни одна из парадигм $A_1, \bar{A}_1, \dots, A_5$ также не порождает СН, поскольку никакой сегмент, входящий в одну из окрестностей $A_1, \bar{A}_1, \dots, A_5$, не может потенциально подчинять сегмента *читать* (так что если определить, например, для A_1 множества D_1^{ij} так, как определялись B^{ij} , то все D_1^{ij} будут пусты). Однако парадигма $A' = \langle \text{старáние, старáния, старáнию, старáние, старáнием, старáнии, старáния, старáний, старáнием, старáния, старáниями, старáния} \rangle$ порождает относительно D СН $D' = \langle \text{читать, читать, читать, читать, читать, читать, читать, читать, читать} \rangle$.

Относительно окрестности $F = \{ \text{отéу, отцá, отцú, отцóб, отцé, отцý, отцóв, отцáм, отцáми, отцáх} \}$ каждая из парадигм $A_1, \bar{A}_1, \dots, A_5, A'$ порождает один и тот же СН $F = \langle \{ \text{отцá, отцóв} \}, \{ \text{отцá, отцóв} \} \rangle$.

Будем называть окрестность с о г л а с у е м о й, если относительно нее парадигма каждой S -окрестности (кроме «недостаточных парадигм», имеющих не все падежи) порождает некоторый СН, содержащий хотя бы два различных множества.

В нашем примере окрестность B согласуема, а C, D, F не согласуемы.

3. Пусть теперь B — произвольная согласуемая окрестность и $B = \langle B^{11}, \dots, B^{1k}, B^{21}, \dots, B^{2k} \rangle$ — какой-либо упорядоченный набор подмножеств множества B . Будем обозначать через R_B объединение всех тех S -окрестностей, парадигмы которых порождают относительно окрестности B согласовательный набор, равный B . (Если B не порождается в качестве СН относительно B никакими парадигмами, то R_B пусто).

В рассмотренном только что примере можно, по-видимому, считать, что R_{B_1}, R_{B_2} и R_{B_3} — множества неодушевленных существительных соответственно мужского,

женского и среднего рода, R_{B_1}, R_{B_2} и R_{B_3} — множества одушевленных существительных соответственно мужского, женского и среднего рода, R_{B_4} и R_{B_5} — множества соответственно неодушевленных и одушевленных pluralia tantum, R_{B_6} — множество существительных «общего рода».

Множество R_B мы будем называть **минимальным**, если оно непусто и никакое непустое R_C не является собственной частью R_B . Рассмотренные выше множества $R_{B_1}, R_{B_2}, \dots, R_{B_6}$, по-видимому, минимальны.

Минимальное множество R_B мы будем называть **согласовательным классом** (СК), определяемым набором V . При этом, если для двух разных наборов V и S множества R_V и R_S совпадают, мы будем считать эти множества не двумя разными СК, а одним и тем же СК. Так, R_{B_1} совпадает с СК, определяемым набором $\langle \text{белый}, \text{белого}, \text{белому}, \text{белый}, \text{белым}, \text{белом}, \text{белые}, \text{белых}, \text{белым}, \text{белые}, \text{белыми}, \text{белых} \rangle$.

Итак, мы можем считать, что в русском языке имеется по крайней мере девять СК: $R_{B_1}, R_{B_2}, R_{B_3}, R_{B_4}, R_{B_5}, R_{B_6}$. Кажется правдоподобным, что других СК нет [если только не учитывать существительных с неполными парадигмами (см. ниже, п. 5) и слов вроде *шимпанзе* (см. РИС, стр. 67)].

4. Представляется целесообразным ввести некоторые новые понятия, которые помогут нам уяснить место в нашей системе «общего рода» (согласовательного класса R_{B_6}).

Пусть R — некоторый СК. Обозначим через Δ множество всех тех упорядоченных наборов V , для которых $R = R_V$. Пусть $\Delta = \{V_1, \dots, V_t\}$, где для каждого $l = 1, \dots, t$. $V_l = \langle B_l^{11}, \dots, B_l^{1k}, \dots, B_l^{2k} \rangle$. Положим $B_l^{11} \cup B_l^{21} \cup \dots \cup B_l^{t1} = \delta^{11}, \dots, B_l^{2k} \cup B_l^{t2k} = \delta^{2k}$. Упорядоченный набор $\delta = \langle \delta^{11}, \dots, \delta^{1k}, \delta^{21}, \dots, \delta^{2k} \rangle$ назовем **полным** согласовательным набором (ПСН), отвечающим согласовательному классу R .

Например, для согласовательного класса R_{B_1} (см. выше) полный согласовательный набор будет иметь вид $\langle \delta_1^{11}, \dots, \delta_1^{16}, \delta_1^{11}, \dots, \delta_1^{26} \rangle$, где $\delta_1^{11} = \langle \text{новый}, \text{большой}, \text{красный}, \dots \rangle$, $\delta_1^{12} = \langle \text{нового}, \text{большого}, \text{красного}, \dots \rangle$ и т. д.

Будем говорить, далее, что СК R''' является **сцеплением** двух СК R' и R'' , если классам R', R'' и R''' отвечают соответственно полные согласовательные наборы $V = \langle B^{11}, \dots, B^{2k} \rangle$, $S = \langle C^{11}, \dots, C^{2k} \rangle$, $D = \langle D^{11}, \dots, D^{2k} \rangle$ и при этом для любых $i = 1, 2, j = 1, \dots, k$ выполняются два условия: 1) $D^{ij} = B^{ij} \cup C^{ij}$; 2) для каждого элемента множества $R_{D_i} \cap S_j \cap P_j$ как в B^{ij} , так и в C^{ij} найдутся потенциально подчиненные ему сегменты²⁰.

В нашем примере R_{B_5} является сцеплением R_{B_1} и R_{B_2} .

Содержательно тот факт, что R_D есть сцепление R_B и R_C , означает, что существительные из R_D могут согласовываться с подчиненными им словами либо по правилам, действующим для R_B , либо по правилам, действующим для R_C ²¹.

Будем теперь говорить, что СК R'' **доминирует** над СК R' , если $R' \neq R''$ и R' есть сцепление R'' с некоторым другим СК²².

Назовем СК R_B **главным**, если не существует СК, доминирующего над R_B .

В нашем примере R_{B_1} и R_{B_2} доминируют над R_{B_5} ; все СК, кроме R_{B_5} , являются главными.

Назовем, наконец, приведенным согласовательным классом (ПСК) множество, являющееся объединением некоторого главного СК и всех СК, над которыми он доминирует.

В нашем примере получаем восемь ПСК:

- 1) R_{B_1} («мужской неодушевленный род»);
- 2) $R_{B_1} \cup R_{B_5}$ («мужской одушевленный род»);

²⁰ Аналогично можно было бы определить сцепление более чем двух СК.

²¹ Понятие сцепления является уточнением понятия «скрещенного согласовательного класса» А. А. Зализняка (РИС, § 2.15). Можно было бы, конечно — подобно тому, как сделано во второй главе РИС — «расклетить» каждый из (лексически значимых) сегментов типа *забйра* на два, со значениями «мужской пол» и «женский пол» соответственно. Тогда согласовательного класса R_{B_5} не было бы.

²² Для большей общности следовало бы предусмотреть случай, когда R' есть сцепление более чем двух СК, одним из которых является R'' (см. пример²⁰), но ради простоты мы ограничимся случаем сцепления двух СК.

- 3) R_{B_2} («женский неодушевленный род»);
- 4) $R_{\bar{B}_2} \cup R_{B_2}$ («женский одушевленный род»);
- 5) R_{B_3} («средний неодушевленный род»);
- 6) $R_{\bar{B}_3}$ («средний одушевленный род»);
- 7) R_{B_4} («парный неодушевленный род»);
- 8) $R_{\bar{B}_4}$ («парный одушевленный род») ²³.

5. В предыдущем пункте мы ради простоты не рассматривали существительных с неполными парадигмами — т. е. такими, в которых среди множеств A^{ij} есть пустые. Если мы попытаемся рассматривать такие существительные, пользуясь сформулированным выше определением доминирования, то они выделятся в особый ПСК. Для более естественной трактовки существительных с неполными парадигмами разумно ввести в определения доминирования и ПСК некоторые изменения, которые не скажутся на объеме этих понятий в случае, когда парадигмы всех существительных полны.

Пусть $\delta = \langle \delta^{11}, \dots, \delta^{1k}, \delta^{21}, \dots, \delta^{2k} \rangle$ и $\bar{\delta} = \langle \bar{\delta}^{11}, \dots, \bar{\delta}^{1k}, \delta^{1k}, \delta^{21}, \dots, \bar{\delta}^{2k} \rangle$ — два полных согласовательных набора. Будем говорить, что $\bar{\delta}$ является с у ж е н и е м δ , если для любых i, j ($i = 1, 2; j = 1, \dots, k$), для которых $\bar{\delta}^{ij}$ непусто, имеет место равенство $\delta^{ij} = \bar{\delta}^{ij}$.

Теперь мы скажем во изменение определения из предыдущего пункта, что СК R^* доминирует над СК R' , если $R' \neq R^*$ и либо R' есть сплеение R^* с некоторым другим СК, либо ПСН, соответствующий R' , является сужением ПСН соответствующего R^* . Например, окрестности $\{щец\}$ и $\{дроглець\}$ образуют, как легко видеть, СК, этому СК будет соответствовать ПСН $\langle \varepsilon^{11}, \dots, \varepsilon^{1k}, \varepsilon^{21}, \dots, \varepsilon^{2k} \rangle$, в котором $\varepsilon^{12} = \varepsilon^{22} = \{большой, больш, красныя, \dots\}$, а остальные множества пусты. Данный ПСН будет сужением для ПСН, соответствующих согласовательным классам R_{B_4} и $R_{\bar{B}_4}$. Поэтому СК $\{щец, дроглець\}$ войдет в седьмой и восьмой ПСК.

§ 5. Определение рода

1. Полученные нами для русского языка ПСК считаются в традиционной грамматике «вторичными» образованиями, производными от категорий рода и одушевленности. Естественно теперь поставить вопрос о месте этих категорий в нашей системе.

Категория одушевленности (во всяком случае, в русском языке) является внутренней, так что пытаться определить ее с помощью нашего запаса исходных понятий вряд ли целесообразно. Что касается категории рода, то мы попытаемся построить для нее определение, которое, как нам представляется, достаточно ясно отражает ее содержательную сущность, состоящую, грубо говоря, в следующем: род строится так же, как согласовательный класс, но та роль, которую в определении СК играют падежи, в определении рода принадлежит, так сказать, «формальным», или «морфологическим падежам»; несколько более подробно — если для какого-либо существительного две родо-числовые формы совпадают и имеют одни и те же согласующиеся сегменты (например, формы именительного и винительного падежей единственного числа для неодушевленных существительных мужского и среднего рода), то эти формы должны при определении рода «склеиваться» в одну ²⁴. При этом оказывается проще и естественнее строить определение рода не независимо, а с использованием построенного уже понятия согласовательного класса.

2. Пусть R — некоторый СК, $\delta = \langle \delta^{11}, \dots, \delta^{2k} \rangle$ — соответствующий ПСН, A — некоторая окрестность, содержащаяся в R , и $\bar{A} = \langle A^{11}, \dots, A^{2k} \rangle$ — парадигма этой окрестности. Допустим, что существуют такие две последовательные множества из

²³ Термин «парный род» заимствован у А. А. Зализняка (РИС, § 2.19). Правда, А. А. Зализняк не выделяет «парного одушевленного рода», который представляется нам вполне естественным образованием, хотя и состоит из очень небольшого числа окрестностей. Кроме окрестности сегмента *родители*, в него входят, например, окрестности сегментов *супруги*, *любовники*, *люблённые*, *наречённые*, каждый из таких сегментов имеет один или два «лексически омонимичных» ему — например, кроме сегмента *супруги* (муж и жена) имеются сегмент *супруги* (мн. число от *супруг*) и сегмент *супруги* (мн. число от *супруга*) — причём в некоторых контекстах возможна нейтрализация этой омонимии (ср. примеч. 18). Что касается окрестностей сегментов *белые* и *чёрные* как названий сторон в шахматах и т. п. (РИС, стр. 78), то здесь также имеет место омонимия: в значении «белые (чёрные) фигуры» эти сегменты входят в «парный неодушевленный род», а в значении «игрок, играющий белыми (чёрными) фигурами» в «парный одушевленный»; ср. приводимые А. А. Зализняком примеры: *Бери себе белые, а я возьму чёрные; Он выиграл белых сдаться*.

²⁴ Сформированию такой точки зрения на род автор обязан дискуссиям с И. А. Мельчуком.

А: $A^{i_1 j_1}, \dots, A^{i_n j_n}; A^{i_1 j_1}, \dots, A^{i_n j_n}$, и такие две последовательности множеств из δ : $\delta^{i_1 j_1}, \dots, \delta^{i_n j_n}, \delta^{i_1 j_1}, \dots, \delta^{i_n j_n}$ (здесь важно подчеркнуть, что n во всех четырех последовательностях одно и то же и индексы в обеих парах последовательностей одни и те же, т. е. $A^{i_1 j_1}$ занимает в А такое же место, как $\delta^{i_1 j_1}$ в δ , $A^{i_1 j_1}$ — такое же, как $\delta^{i_1 j_1}$ и т. д.), что имеют место равенства: $A^{i_1 j_1} = A^{i_1 j_1}, \dots, A^{i_n j_n} = A^{i_n j_n}, \delta^{i_1 j_1} = \delta^{i_1 j_1}, \dots, \delta^{i_n j_n} = \delta^{i_n j_n}$. Вычеркнем из набора А все множества $A^{i_1 j_1}, \dots, A^{i_n j_n}$ и заменим их звездочками; аналогичным образом поступим с набором δ . Эту операцию мы назовем сокращением парадигмы А и ПСН δ , а полученные в результате сокращения наборы, состоящие из множеств и звездочек, будем называть сокращенной парадигмой и сокращенным ПСН и обозначать А' и δ' соответственно. Про окрестность А мы будем говорить, что она сопряжена с сокращенным ПСН δ' .

Если, например, $\delta_1 = \langle \delta_1^{11}, \dots, \delta_1^{26} \rangle$ — ПСН, соответствующий СК R_{B_1} (§ 4, п. 3), и $A = \langle A^{11}, \dots, A^{26} \rangle$ — парадигма некоторой окрестности A_1 из R_{B_1} (хотя бы окрестности сегмента *дом*, как в п. 1 § 4), то мы будем иметь: $A^{11} = A^{14}, A^{21} = A^{24}, \delta_1^{11} = \delta_1^{14}, \delta_1^{21} = \delta_1^{24}$; поэтому, заменив звездочками $A^{14}, A^{24}, \delta_1^{14}$ и δ_1^{24} , мы произведем сокращение парадигмы A_1 и ПСН δ_1 , и окрестность A_1 будет сопряжена с сокращенным ПСН $\delta'_1 = \langle \delta_1^{11}, \delta_1^{12}, \delta_1^{13}, *, \delta_1^{15}, \delta_1^{16}, \delta_1^{21}, \delta_1^{22}, \delta_1^{23}, *, \delta_1^{25}, \delta_1^{26} \rangle$.

Если теперь взять вместо δ_1 ПСН $\bar{\delta}_1 = \langle \bar{\delta}_1^{11}, \dots, \bar{\delta}_1^{26} \rangle$, соответствующий СК $R_{\bar{B}_1}$, и вместо A_1 — парадигму $\bar{A}_1 = \langle \bar{A}_1^{11}, \dots, \bar{A}_1^{26} \rangle$ некоторой окрестности \bar{A}_1 из $R_{\bar{B}_1}$, то мы получим новую систему равенств: $\bar{A}^{12} = \bar{A}^{14}, \bar{A}^{22} = \bar{A}^{24}, \bar{\delta}_1^{12} = \bar{\delta}_1^{14}, \bar{\delta}_1^{22} = \bar{\delta}_1^{24}$. Однако в результате сокращения ПСН $\bar{\delta}_1$ получится тот же самый сокращенный ПСН, что и в предыдущем примере.

Разумеется, возможны разные способы сокращения одной и той же парадигмы и одного и того же ПСН (хотя бы потому, что, например, вместо $A^{i_1 j_1}$ и $\delta^{i_1 j_1}$ можно вычеркнуть $A^{i_1 j_1}$ и $\delta^{i_1 j_1}$; стоит заметить также, что наше определение не содержит требования «максимальности» последовательностей $A^{i_1 j_1}, \dots, A^{i_1 j_1}, \dots, \delta^{i_1 j_1}, \dots, \delta^{i_1 j_1}, \dots$, т. е. невозможности «дальнейшего сокращения»).

Объединение всех окрестностей, сопряженных с некоторым данным сокращенным ПСН, мы будем называть формальным согласовательным классом (ФСК). Ради общности удобно считать, что каждый ПСН является также и сокращенным ПСН, и в соответствии с этим каждый СК есть ФСК.

Возвращаясь к примерам предыдущего параграфа, мы можем теперь выделить для русского языка, кроме тех ФСК, которые являются СК, еще следующие:

$R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1}$ — ФСК, соответствующий сокращенному ПСН $\langle \{нбвой, краснй, \dots\}, \{нбвого, красного, \dots\}, \{нбвоу, красному, \dots\}, *, \{нбвым, красным, \dots\}, \{нбвою, красною, \dots\}, \{нбвые, красные, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\}, \{нбвым, красным, \dots\}, *, \{нбвыми, красными, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\} \rangle$.

$R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2}$ — ФСК, соответствующий сокращенному ПСН: $\langle \{нбвая, красная, \dots\}, \{нбвой, красной, \dots\}, \{нбвою, красною, \dots\}, \{нбвою, нбвою, красной, красною, \dots\}, \{нбвой, красной, \dots\}, \{нбвые, красные, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\}, \{нбвым, красным, \dots\}, *, \{нбвыми, красными, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\} \rangle$.

$R_{B_3} \cup R_{\bar{B}_3}, R_{B_4} \cup R_{\bar{B}_4}$ — ФСК, соответствующие сокращенным ПСН которые читатель теперь без труда сможет построить сам.

Имеются, кроме того, и другие ФСК. Например, сокращенному ПСН $\langle \{нбвая, красная, \dots\}, \{нбвой, красной, \dots\}, *, \{нбвою, красною, \dots\}, \{нбвою, нбвою, красной, красною, \dots\}, *, \{нбвые, красные, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\}, \{нбвым, красным, \dots\}, *, \{нбвыми, красными, \dots\}, \{нбвых, красных, \dots\} \rangle$ соответствует ФСК, содержащий окрестности сегмента *тень, мышь, ...*

Заметим также, что один и тот же ФСК может соответствовать более чем одному сокращенному ПСН. Так, ФСК $R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2}$ соответствует не только выписанному выше сокращенному ПСН, но и тому, который получится из него вычеркиванием множества, стоящего на третьем месте (или стоящего на шестом месте).

3. Будем называть ФСК *родом*, если он представляет собой объединение нескольких СК (в частном случае — сам есть СК) и при этом не содержится ни в каком другом ФСК.

В нашем примере мы получаем следующие роды:

$$R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1}, R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2}, R_{B_3} \cup R_{\bar{B}_3}, R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1}, R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2}, R_{B_3}.$$

Определим для ФСК сцепление, сужение и доминирование так же, как для СК. (При этом будем приравнивать звездочку к пустому множеству.) Род, над которым не доминирует никакой другой род, будем называть г л а в н ы м. Множество, являющееся объединением главного рода и всех родов, над которыми он доминирует, назовем п р и в е д е н н ы м р о д о м.

В нашем примере роды $R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1}$ и $R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2}$ доминируют над R_{B_3} , и мы имеем четыре приведенных рода:

$$R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1} \cup R_{B_3} \text{ («мужской род»);}$$

$$R_{B_2} \cup R_{\bar{B}_2} \cup R_{B_3} \text{ («женский род»);}$$

$$R_{B_3} \cup R_{\bar{B}_3} \text{ («средний род»);}$$

$$R_{B_1} \cup R_{\bar{B}_1} \text{ («парный род»).}$$

Любопытно, что каждый род здесь представляет собой объединение точно двух ПСК, один из которых содержится в классе всех неодушевленных существительных, а другой — в классе всех одушевленных.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

(К выходу в свет I тома «Историко-этимологического словаря венгерского языка»)¹

Вопросы истории и этимологии словарного состава венгерского языка давно привлекают внимание исследователей, которые стремились при этом выявить генетические источники языка, в частности подтвердить его финно-угорское происхождение. Неслучайно, что первый этимологический словарь венгерского языка принадлежит перу одного из пионеров изучения языков уральских народов — члену Петербургской Академии наук Й. Э. Фишеру (1697—1771), который отстаивал финно-угорское происхождение венгерского языка. В его «Vocabularium Sibiricum», оставшемся неизданным², содержится 307 этимологий венгерского и других уральских языков, а также тюркских и палеоазиатских языков (всего привлечено 10 языков)³.

¹ «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», I kötet (A — Gy), Budapest, Akadémiai kiadó, 1967, 1482 стр.

² Полное название словаря — «Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium, maxime ex parte Sibiricarum»; написан он в начале 50-х годов XVIII в. (между 1752 и 1756 гг.). С 1765 г. рукопись словаря хранится в Геттингене, в рукописном отделе Нижнесаксонской государственной и университетской библиотеки (под № 4° Cod. Ms. philol. 261). Черновик этого словаря хранится в Архиве Академии наук СССР, в Ленинграде (разряд III, оп. 1, № 135). Словарь до сих пор не был по достоинству оценен — о нем лишь вскользь, в плане научно-историческом, упоминается в работах С. К. Булича, В. Томсена, Й. Папай, М. Жирай, И. С. Вдовина. См. также: Gulya J., A magyar nyelv első etimológiai szótára, «A magyar nyelv története és rendszere. A debreceni nemzetközi nyelvészkongresszus előadásai (1966. augusztus 24—28)», Budapest, 1967.

³ О высоком научном уровне словаря Й. Э. Фишера говорит уже то, что с позиции современных методов и принципов

Словарь Й. Э. Фишера провозглашен стремлением поставить этимологизирование на научную основу — исследователи, например, пользуются фонетическими и историческими критериями, в чем теперь усматривают зарождение сравнительно-исторического метода уже в XVIII в.⁴ Рукопись «Vocabularium Sibiricum» оказала влияние на становление подлинно научных взглядов на происхождение венгров и их языка, на место венгерского среди прочих финно-угорских языков, в западноевропейской (А. Л. Шленер, Й. Х. Гаттерер, Й. Х. Энгел), а затем и в венгерской науке (Ш. Дьярмати⁵).

Значительный вклад в изучение этимологических основ венгерского языка внесли Ш. Дьярмати, Й. Буденц, Б. Мункачи и другие. Уже ко второй половине XIX в. венгерские лексикологи стали понимать, что создание этимологического словаря на уровне современной лингвистики требует, в первую очередь, изучения сущности языковой номинации, идентификации лексем и древних реалий, т. е. исследования истории слов. Поэтому их усилия были сосредоточены на создании исторического словаря. В конце XIX в. выходит «Исторический словарь венгерского языка» Г. Сарваша и Ж. Шимони⁶, а в начале XX в. как дополнение к нему — «Словарь венгерских грамот» И. Са-

комплексного этимологизирования можно внести коррективы лишь в 15—20% определений Й. Э. Фишером исторического и генетического источников привлеченных им венгерских слов (см.: Gulya J., указ. соч., стр. 90).

⁴ Там же.

⁵ Следует обратить внимание, что в книге Ш. Дьярмати «Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata» указано: Göttingae, 1799 passim.

⁶ Szarvas G., Simonyi Zs., Magyar nyelvtörténeti szótár, I—III, Budapest, 1890—1893 (NySz).

моти и Дь. Золнай⁷, оба словаря сыграли большую роль в развитии исторической лексикологии. Исследования по истории слов продолжались после выхода в свет исторических словарей, выявлялась древняя семантика слов, уточнялось время их ранней фиксации, и коррективы к данным этих словарей публиковались на страницах журналов.

Значение диалектологии для реконструкции древней формы слова и его значения было давно усвоено хунгаристикой. Так, патриоты «родного венгерского языка» еще в XVII в. стали собирать «слова народа». Секейские диалектизмы включены уже в «Латинско-венгерском словаре» Ф. Париз-Папай; элементы народных говоров содержат также словари Д. Б. Сабо и Ш. Дьярмати⁸.

В 1838 г. вышел в свет «Диалектологический словарь венгерского языка»⁹, в собирании материалов которого приняли участие Э. Черей, Г. Дебрентей, Г. Цуор, Я. Киш. Однако не весь материал этого словаря был достаточно надежен (особенно это касается секейского материала), к тому же здесь охватывалась лишь незначительная часть венгерского языкового ареала.

Планомерная диалектологическая работа стала успешно развиваться только в конце 70-х годов XIX в. В 1893 г. под редакцией известного филолога И. Синне выходит I том Венгерского диалектологического словаря (A — N), а в 1897—1901 гг. — II том (O — Zs)¹⁰.

Усилия всех этих исследователей дали возможность Венгерской Академии наук уже в самом начале XX в. серьезно заняться проблемой создания венгерского этимологического словаря. В результате объявленного в 1904 г. конкурса лучшим был признан проспект, представленный З. Гомбоцом и Я. Мелихом, которым и было поручено составление «Этимологического словаря венгерского языка». В 1906 г. они опубликовали пробные статьи этого словаря¹¹, а в течение 1914—1930 гг. отдельными выпусками издали I том «Венгерского этимологи-

ческого словаря» (буквы A—E), в 1934—1944 гг. — II том (буквы F до G; gebornus)¹². Оба тома составили только четвертую часть задуманного труда, и хотя в них содержалось немало спорных и некорректных этимологий, словарь, несмотря на его незаконченность, сыграл большую роль благодаря обширности и фундаментальности сосредоточенного в нем материала, последовательности применения методов и принципов аргументированного этимологизирования.

В 1941 г. Г. Барци издал однотомный «Этимологический словарь венгерского языка»¹³. Не стремясь дать новые этимологии, Г. Барци, последовательно применяя принципы и методы поисков исторического и генетического источников лексем, критически проверил всю богатую литературу, рассматривавшую происхождение самой употребительной лексики венгерского языка. В почти 6000 словарных статей коротко и четко изложены данные о первой фиксации слова, его значения, сопоставления его со словами других языков, выводы о генетическом источнике. Результаты проведенной работы высоко оценил И. Книежа в своей рецензии на словарь¹⁴. Не все этимологии, принятые Г. Барци, выдержали испытание временем. Наиболее надежно проанализированы те 1172 слова¹⁵, которые восходят к уральскому, финно-угорскому и угорскому языкам-основам, а также заимствования из тюркских языков; слабее всего изучены исторические источники славянизмов¹⁶.

После второй мировой войны этимологические исследования приняла в стране широкий размах. В исследованиях Д. Пайжа, Ю. Немета, Л. Лигети, И. Книежи, Г. Барци, Л. Тамаша, И. Н. Шебенъен, Д. Лако, Л. Хадровича, Э. Беке, Д. Фокоша, Л. Бенке, П. Хайду, Б. Кальмана, Б. Шулана, Л. Киша, П. Кирая, Л. Паппа, К. Радавич-Редей, Я. Гуля, И. Эрдей, Г. Беречки, М. Хутгерера, И. Ковача, И. Эрдеди и других, посвященных изучению финно-угорских, славянских, тюркских, германских, романских элементов венгерской лексики, совершенствуются принципы и методы этимологизирования и продолжается традиция О. Амбота, З. Гомбоца, Я. Мелиха, Э. Якубовича.

После длительной дискуссии о том, продолжать ли работу над словарем

⁷ Szamota I., Zolnai Gy., Magyar oklevél-szótár, Budapest, 1902—1906 (OkI Sz).

⁸ См.: Franciscus Páriz Párai, Dictionarium hungarico-latinum, Leutschoviae, 1708; Baróti Szabó D., Kised szótára, Kassa, 1784; Gyarmathi S., Vocabularium in quo plurima hungaricus vocibus consona variarum linguarum, collegit S. Gy., Bétsben, 1816.

⁹ «Magyar tájszótár». Kiadta a Magyar Tudós Társaság, Budán, 1838.

¹⁰ «Magyar tájszótár», szerkesztette Szinnyei J., Budapest, I — 1893—1896; II — 1897—1901.

¹¹ См.: журн. «Magyar Nyelv», II, 1906 (MNy).

¹² Gombocz Z., Melich J., Magyar etymológiai szótár, Budapest, I — 1914—1930; II — 1934—1944 (EtSz).

¹³ B á r c z i G., Magyar szőféjtő szótár, Budapest, 1941 (SzőfSz).

¹⁴ MNy, XXXVII, 1942, стр. 283—286.

¹⁵ «Nyelvtudományi közlemények», LI, 1949, стр. 435 (NyK).

¹⁶ О причинах этого см.: B á r c z i G., A magyar szókincs eredete, Budapest, 1958, стр. 84.

З. Гомбоца и Я. Мелиха (т. е. дать статьи от G; *gebignus* до конца алфавита) с учетом высказанных критических замечаний или же создать новый словарь, словарной комиссией отделения языка и литературы ВАН было принято решение создать новый этимологический словарь среднего формата (до 60 000 слов). Для составления этого словаря рекомендовалось по возможности использовать и материал, собранный Я. Мелихом¹⁷.

В начале 1961 г. коллектив, в который вошли лингвисты Института языкознания ВАН и 1-й кафедры венгерского языка Будапештского университета им. Л. Этвеша, под руководством чл.-корр. ВАН Л. Бенке приступил к созданию нового этимологического словаря венгерского языка. Уже весной 1962 г. были уточнены принципы построения словаря, обсуждались используемые источники, материал пятидесяти пробных статей, принципы редактирования¹⁸.

Осенью 1967 г. вышел I том «Историко-этимологического словаря венгерского языка» (буквы А — Gy), в нем синтетически объединены анализ истории слова и его происхождение. Это тем актуальнее, что «Исторический словарь венгерского языка» Г. Сарваша и Ж. Шмиони, как и «Словарь грамот» Г. Самоти и Дь. Золнай, во многих отношениях перестали соответствовать требованиям современной лингвистики. В то же время для установления подлинной этимологии слов венгерского языка данные диахронической диалектологии имеют более важное значение, чем для этимологизирования в других языках, в частности славянских. Неслучайно поэтому, что уже в словарных статьях этимологических словарей З. Гомбоца и Я. Мелиха, а также и Г. Барци имеются сведения из истории того или иного слова в венгерском.

В предисловии (стр. 5—41, на венгерском и немецком языках) дана краткая характеристика словаря, раскрыты принципы его построения, показаны новшества, при помощи которых составители пытаются решить сложные вопросы этимологизирования; указано, как словарем пользоваться. Сообщается также, что словарь будет содержать свыше 12 тысяч словарных статей, с анализом около 60 тысяч слов литературного и общенародного языка, а также частично и диалектов; II том планируется издать в 1970 г., а III — в 1973 г. Список использованных источников (стр. 43—83), где охвачены все грамоты, относящиеся к Венгрии до 1200 г., все памятники вен-

герского языка до 1500 г. (XVI в. частично), основная венгерская и зарубежная лексикографическая литература последних 100 лет (около 1250 наименований), говорит о той грандиозной работе, которую ведут венгерские этимологи.

Хотя составители словаря поставили перед собой задачу лишь обобщить результаты изысканий, имеющихся в области исторической лексикологии и этимологии венгерского языка, сделано, как это свидетельствует материал I тома, значительно больше. Применяя новые методы и принципы совокупного этимологизирования, составители проверили надежность имеющихся этимологий, а в некоторых случаях предложили новую точку зрения на происхождение слова. В I томе словаря содержится 3517 словарных статей; в них проанализировано 32 642 словоформы, раскрыто 10 543 самостоятельных значения, приведено 3696 производных форм.

Словарные статьи построены по следующему принципу: после заглавного слова приводятся год его первой фиксации в письменных памятниках, сведения из истории слова, фонетические варианты как по языковым памятникам, так и по современным диалектам (данные диахронической и синхронической диалектологии), их лингвогеографическая интерпретация, раскрывается семантическое значение заглавного слова и фонетических вариантов как на венгерском, так и на немецком языках, указываются производные словоформы. Затем следует аргументированная этимология, формы из сопоставляемых языков, выводы о происхождении слова. Словарная статья заканчивается значительной библиографией, в которой специально отмечены исследования, правильно и полно, по мнению авторов, решающие вопросы этимологии рассматриваемого слова.

Для примера приведем образец словарной статьи: *barlang* «пещера, берлога, логовище, грот» (стр. 252—253)¹⁹; *barlang* 1082/13 в.: «In uilla *Burlog* habet ecclesia, terram» топоним. (Hazaí Okmt. 4: 5); 1248: *Borlogv* топоним. (Oklsz.); 1310: *Barlag* топоним. (Oklsz.); 1313: *Boril* топоним. (Oklsz.); 1357: *Bohomil porloga* топ. с грамм. афф. (Oklsz.); около 1395: «ant[rum]: *bariag* [описка, правильно: *barlag*] (BesztSzj. 215); около 1405: «ant[rum]: *pārag*» (Schlszj. 707); после 1416 — около 1450: *barlangocban* с грамм. афф. (BécsiK. 232); после 1416 около 1490: *barranga* с грамм. афф. (AporK. I); 1527: *barland* (ErdyK. 527b); около 1550/1638: *ballang* (CsomaK. 7: NySz.). Значения: 1. 1082/13: ? «a föld belsejében levő üreg; Grotte, Höhle; пещера, грот» ≠ (см. выше), около 1395: то же (см. выше); 2. после

¹⁷ См. об этом: Horváth M., Bevezetés a magyar nyelvtudományba, Budapest, 1963, стр. 74.

¹⁸ Benkő L., Parr L., Az új magyar etimológiai szótár, MNy, LVIII. 1962, 3.

¹⁹ Сокращения, толкование и объяснение переведены нами на русский язык.

1416/1466: «rejtekhely; Untersch upf; тайник, убежище, потайное место»#(MünchK. 52); 3. 1862: «bordélyház; Bordell; публичный дом» (CzF.: по ср. 1841: *bün-barlang; Szigligeti; Cillei* 231: NSz.). — Производные: ~ os около 1560: *barlangos* (GyöngySzt. 4172.) ~ *oscska* 1585: *Barlangotska* (Cal. 176) ~ i 1796: *barlangi* (Vályi A.: *Magy. Orsz.* 1: 610: NSz.).

Славянского происхождения; ср. болг. *бърлог* «szemét, mosogatólé, tisztátalanság; мусор, помой, нечистоты», устар. *бърлогъ* «bűvöhely, vasok; тайник, нора, убежище; логово, логовище» (BETReč. I: 103); серб.-хорв. *brlog* «pocsojla; vasok, odu, szemétdomb; лужа, дупло, нора, свалка»; слов. *brlog* «vadállat vacka, oduja; логовище, дупло, нора дикою зверя»; словац. *brloh* то же; русск. *берлога* «a medve téli tanyája, medvebarlang; есть соответствия и в остальных славянских языках. — В венгерском это заимствование восходит, очевидно, к какому-то славянскому слову *brlogъ* «медвежья берлога». Возможно, что языком-источником как данного слова, так и слова *medve* «медведь», был древнесловацкий; ср. словац. *medvedi brloh* «medve fekvőhely; медвежья берлога». — В образовании вариантов венгерских форм важную роль играло вклинение носового согласного перед смычным, а также ассимиляция. Форма *barland*, вероятно, только описка; *porlog, parrag* могли возникнуть путем смешения со словом *parlag* «перелог, поле под паром». Венг. *barlang* могло иметь вначале значение «медвежья берлога»; ср. 1463: «siluam *Medve Barlaga* vocatam» (OklSz.). Значение «пещера, грот» может быть объяснено тем фактом, что многие дикие звери, в том числе и медведь, охотно выбирают себе в качестве логовища ущелье в скалах. 3. значение возникло в результате семантического калькирования нем. *Spelunke* «кабак, притон, вертеп». Последнее является заимствованием лат. *spelunca* «берлога, пещера, грот». Следует считать, что утверждения о тюркском происхождении данного слова являются ошибочными.

CzF.: Budenz: NyK. 1:312, 10: 94; Vámbéry: NyK. 8: 130, MBöles. 139; Szarvas: Nyr. [т. е. «Nyelvőr»] 6: 509, Miklosich: Nyr. 11: 115; Melich: Nyr. 36: :157, 159; Sági: MNy 10: 223; EtSz. ☉; Simonyi: Nyr. 44: 30; Kemenes: MNy 12: 335; Fekete: Zárh. 10; Horger: MNy 36: 250; Szófsz; Beke: Nyr. 70: 166, 73: 382, 74: 292, MNy. (т. е. *Magyar nyelvjárások*) 8: 401; Knieszsa: SzJsz. 83; NytudÉrt. 40. 202; Décsy: Welt — Slav. 3: 381, 386; Moór: AEthn. 12: 45. ☉. (Kluge: EtWb. 19 723).

Рассмотрим теперь кратко, как исследованы в I томе словаря те венгерские слова, которые имеют уральское, финно-угорское и угорское происхождение, — такие слова составляют почти половину

словарного состава венгерского общенародного языка, как это показал анализ этимологического словаря Г. Барци²⁰. В I томе словаря дается значительное количество слов венгерского языка, этимология которых восходит к уральскому, финно-угорскому или угорскому языкам-основам: только на букву A(A) таких слов здесь на 9,4% больше, чем в словаре З. Гомбоца и Я. Мелixa, и на 8,5% больше, чем в словаре Г. Барци²¹. Зато слов на букву A(A), у которых уральское, финно-угорское или угорское происхождение установлено с максимальной относительной надежностью, в словаре содержится на 11,5% меньше, чем у З. Гомбоца — Я. Мелixa, и на 9,6% меньше, чем у Г. Барци. Причина этого — прежде всего, в более строгом применении принципов этимологизирования. Составители «Историко-этимологического словаря...» относят к словам с максимальной относительной этимологической надежностью лишь те лексемы, для которых обнаруживается наибольшее соответствие по всем критериям этимологизирования. Так, например, З. Гомбоц и Я. Мелixa, а также Г. Барци отнесли венг. *akar* «хотеть» к словам угорского происхождения с максимальной относительной надежностью, а составители рассматриваемого словаря считают его угорское происхождение «неуверенным» (*bizonytalan*), т. е. имеющим среднюю или минимальную относительную этимологическую надежность²²: при сопоставлении венг. *akar* с манс. /K/ *āṅkwēti*, манс. /I/ *āṅkwēti*, манс. /H/ *āṅgurmāti*, манс. /C/ *āṅkwermāti*, *āṅkwāti*, хант. /B/ *āṅk'örtā*, хант. /O/ *ṅgor-tā*, хант. /K/ *āṅk'ormatā*; «посмотреть» трудно объяснить соответствием обско-угорск. /k— венг. k, как и первичность гласных переднего ряда в формах обско-угорских языков, поэтому это слово было причислено к неуверенным угорским этимологиям.

K уральским, финно-угорским и угорским этимологиям, имеющим максимальную относительную этимологическую надежность, в I томе «Историко-этимологического словаря венгерского языка» от-

²⁰ NyK, LI, 1949, стр. 435. Г. Барци полагает, что таких слов в венгерском языке значительно больше половины. В á r c z i G., A magyar szókincs eredete, Budapest, 1958, стр. 11.

²¹ Процент уральских, финно-угорских и угорских этимологий венгерского языка увеличился здесь за счет отбора словарных статей и уточнения происхождения отдельных слов.

²² Для этимологий, не имеющих максимальной относительной надежности, составители словаря употребляют термин «*vitattott*», «*bizonytalan*», «*valószínűleg*». Трудно определить, однако, какой из этих терминов обозначает среднюю, а какой — минимальную относительную этимологическую надежность.

несены, например, такие слова: *ad* 'давать' (< финно-угор. **anta*); *agg* 'старей, старый' (< финно-угор. **soŋa* ~ **soŋka*); *ágy* 'кровать' (< финно-угор. **ól's* ~ **od's* 'шкура или сено, служащие подстилкой для койки'); *anya* 'мать' (< уральск. **aña*); *aszik* 'спать' (< финно-угор. **oda*); *áll* 'стоять' (< финно-угор. **salka*); *arasz* 'яндь' (< финно-угор. **sora* ~ **sora-ša*); *az* 'этот' (< уральск. **o* ~ **u*); *ázik* 'промокать' (< финно-угор. **sisa* ~ **sosa*); *bél* 'кишка, сердцевина' (< финно-угор. **pála*); *csókol* 'целовать' (< угор. **čukka*); *csupor* 'кружка' (производное от *csur*, < финно-угор. **čurra* 'посуда из березовой коры для питья'); *csúnik* 'отставать в развитии' (< уральск. **č'žna*); *domb* 'холм' (< угор. **čumra* 'что-то выпуклое'); *ere* 'желчь' (< финно-угор. **sárrá*); *ének* 'песня' (производное от *én(e)*, < финно-угор. **áne* 'звук, шум'); *fal* 'акушать' (< финно-угор. **pala*); *fal* 'стена' (< финно-угор. **padz* 'перегорок'); *jól* 'возвышенность' (< угор. **pála*) и много других. Этимологизация этих слов вполне аргументирована, выводы убедительны.

К уральским, финно-угорским, угорским этимологиям, имеющим среднюю и минимальную относительную надежность в I томе словаря отнесены, например, такие слова, как *agy* «(головной) мозг» (< финно-угор. **ažne*); *ágy* «невестка» (< уральск. **aña* «мать»); *bal* «левый» (< финно-угор. **pal*); *bőr* «кожа» (< уральск. **pera*); *csűcs* «выступающая часть» (< финно-угор. **cucc'a*); *daru* «журавль» (< финно-угор. **tarz-ka*); *fej* «голова» (< финно-угор. **pála*) и много других. Не во всех случаях причины отнесения этимологий этих слов к числу имеющих среднюю или минимальную относительную надежность достаточно обоснованы.

Значительным остается в «Историко-этимологическом словаре венгерского языка» количество слов неизвестного происхождения. Так, из 89 слов на букву *Gy* их 23 (т. е. 25,2%), а в словаре Г. Барци — только 9 из 55 слов на ту же букву (т. е. 16,3%). Однако количество слов, происхождение которых оба словаря рассматривают, совпадает лишь на 59%. Увеличение числа словарных статей на эту букву увеличило и включение слов неизвестного происхождения. Кроме того, у составителей словаря повышена требовательность к этимологизированию.

Этимология многих слов венгерского языка, охарактеризованных в словаре как слова неизвестного происхождения, будет в будущем установлена, и значительное количество таких слов окажется уральского, финно-угорского и угорского происхождения. Но уже составители рассматриваемого словаря могли бы в этом отношении сделать больше, если бы они шире использовали исследования советских финно-угроведов. При составлении

I тома словаря использована очень большая, в том числе и новейшая (1966 г. издания) литература, однако, например, по вопросам эстонского языка привлечены только работы 30-летней давности. Не учтены известные новейшие труды П. Аристэ, в том числе его этимологии ряда слов прибалтийско-финских языков, работы А. Каска, М. Муст, М. Мэгер, Х. Неетар, Й. Пеегель, Л. Рангута, Ф. Вакка, А. Вальмета и др. по различным вопросам эстонского и других прибалтийско-финских языков и их диалектов. Между тем, материалы этих работ помогли бы усилить аргументацию при этимологизировании ряда венгерских слов финно-угорского происхождения (например, *fej* «донтить»), более четко разграничить слова, восходящие к финно-угорскому и угорскому языкам-основе (например, *jalu* «село»). Для некоторых слов, отнесенных в словаре к финно-угорским этимологиям со средней и минимальной относительной надежностью, можно было бы устранить трудности в установлении соответствий по отдельным критериям, в результате чего их можно было бы отнести к этимологиям со сверхсредней или даже максимальной относительной надежностью; это касается, например, *agy* «(головной) мозг».

Не привлекались к исследованию и финноугроведческие труды Б. А. Серебrenникова, посвященные вопросам финно-угорско-тюркских языковых контактов, вопросам этимологии. Работами В. И. Ляткина по вопросам пермской исторической фонетики составители пользовались, но его исследования в области финно-угорской этимологии, имеющие прямое отношение к словарю, не учтены. Работы К. Е. Майтинской о местоимениях в финно-угорских языках, о словообразовании в старовенгерском помогли бы составителям словаря более четко разделить языковые явления венгерского, восходящие к уральскому, финно-угорскому языкам-основе, от тех, которые развились спонтанно на собственно венгерской почве. Так, рассматривая этимологии слов *bal* «левый», *bél* «кишка, сердцевина, мякоть», *bír* «владеать, мочь, выдерживать», *bőr* «кожа, шкура», *bonyolódik* «осложниться», *domb* «холм, бугор, горка, пригорок, курган», *eb* «пес, собака» и др., составители склонны считать, что звонкие [b], [d], выступающие в этих словах на месте финно-угор. [*p], [*t], возникли в результате регрессивной ассимиляции, вызванной действием [l] [r] на собственной венгерской почве. На самом деле, здесь фонетическое явление, восходящее к диалектному членению протовенгерского: [b], [d] в этих словах отражают пермскую стихию протовенгерских диалектов²³.

²³ См.: Bárczi G., Magyar hangtörténet, Budapest, 1958, стр. 113, 114.

Составители словаря опираются на значительный материал народных говоров хантыйского (28 говоров), мансийского (17 говоров), коми-зырянского (15 говоров), удмуртского (8 говоров), марийского (3 говора) языков, однако часть этого материала уже устарела. В то же время в словаре не использованы результаты новых диалектологических и лингвистических изысканий Е. И. Ромбандеевой, А. И. Сайнаховой, В. Д. Толмачевой, П. Кокля, Л. П. Грузова, И. С. Галкина, В. И. Алатрарева, М. П. Чхаидзе, И. В. Тараканова, Т. И. Тепляшиной, Р. М. Баталовой, Е. И. Коведяевой, А. С. Сидорова, В. А. Сорвачевой, Е. С. Гуляева и др., посвященных обско-угорским, пермским и воляжским языкам. Все сведения о мордовских языках составители черпают только из работ Х. Паасонена почти 50-летней давности; данные же по эрзя-мордовским и мокша-мордовским диалектам (см. исследования М. Н. Колыденкова, А. П. Феоктистова, В. Халлапа, Д. В. Цыганкина, Н. Ф. Цыганова, А. В. Якушкина и др.) в словаре отсутствуют. Исследования советских финно-угроведов, посвященные вопросам диалектологии, исторической фонетики, смогли бы подкрепить аргументацию при этимологизировании ряда венгерских слов (например, *fáj* «болеть») и способствовали бы решению вопроса о том, возник ли ряд слов в результате звукоподражания на собственной венгерской почве или же такие слова являются наследием языка-основы (например, *csikorog* «поскрипывать, скрипеть, трещать»).

Полезным для словаря было использование двуязычных словарей финно-угорских, тюркских и других языков, которые были изданы в СССР и других странах. «Ненецко-русский словарь» Н. М. Терещенко и ее новейшие исследования в области самодийских языков помогли бы составителям в ряде случаев более уверенно решать вопрос, восходит ли то или иное венгерское слово к финно-угорскому или уральскому языку-основе (например, *fej* «голова»).

Надо полагать, что в своей дальнейшей работе над II и III томами словаря составители уделят должное внимание работам советских финно-угроведов²⁴.

Анализ венгерских слов, которые, по мнению авторов словаря, восходят к славянским языкам, требует особого рассмотрения. Отметим здесь лишь, что ни один из предшествующих этимологических словарей венгерского языка не рассматривал славянские элементы венгерского языка столь глубоко, как этот. Объясняется это, очевидно, тем, что в сло-

варе всесторонне использован I том труда И. Книежи «Славянские лексические заимствования в венгерском языке»²⁵, этимологические изыскания Я. Мелиха, Л. Хадровича, П. Кирая, Э. Моора, Б. Шулана, Э. Балецкого, Л. Дежэ, посвященные проблемам славянизмов в венгерском, а один из составителей и редактор словаря — Л. Кипш, известный венгерский славист, — сумел критически подойти к этим работам, оценить их достоинства и недостатки. Большинство этимологий славянских элементов в венгерском, которые приведены в словаре, будут с интересом встречены как хунгаристами, так и славистами. Все же в словаре имеется ряд этимологий славянизмов, в которых составители переоценили значение экстралингвистических факторов и из-за этого неправильно избрали путь поисков языка-источника заимствования (это касается, например, слов *borona* «борона», *borozda* «борозда», *család* «семья», *cseléd* «сприслуга»; *gerendely* «брусок у плуга»). Нельзя не присесть к призыву Д. Шинора более критически подходить к экстралингвистическим факторам при этимологизировании: исторический фактор все еще довлеет над хунгаристами и предопределяет, по сути дела, результаты их этимологизирования²⁶. Ошибочные исходные положения историографии, которая, опираясь на показания восточных историков и географов, а также дьерского епископа Петера (автора «Gesta Hungarorum», известного в историографии как Аноним), рисовала древнейшие венгерско-восточнославянские контакты исключительно как враждебные столкновения, безоговорочно принимало подавляющее большинство исследователей славянских элементов в венгерском языке. А это способствовало тому, что этимологи априорно отвергали возможность заимствования древневенгерским лексическими единицами из древнерусского до прихода венгров в Паннонию и Карпатский бассейн (896г.). На ошибочность этих концепций историографии указывали Э. Мольвар, В. П. Шушарин и др.; правда, и они относят начало древневенгерско-древнерусских контактов к IX в. На самом деле, как показали исследования И. Перени, Т. Тота и других археологов и историков, а также наши лингвистические изыскания, начало древнейших венгерско-восточнославянских контактов следует отнести уже к VII в.; таким образом, эти контакты еще до прихода венгров в Паннонию и Карпатский бассейн имели длительность

²⁵ Kniezsa J., A magyar nyelv szláv jövevényezsai, 1—2, Budapest, 1955.

²⁶ Sinor D., Történelmi hipotézis a magyar nyelv történetében, «A magyar nyelv története és rendszere», стр. 195—200.

²⁴ Составители словаря не считают свой список использованной литературы окончательным и обещают дополнять его для следующих томов (см. стр. 43).

около 250 лет²⁷. Есть все основания считать, что, проживая на территории Дендумогиери (Подонья), Мешеры, Леведии, Ателькюзе, т. е. в лесостепной и степной полосах юга России и Украины, венгерские племена в VII—IX вв. занимались подсечным земледелием и рыболовством и в процессе контактов с восточными славянами заимствовали ряд древних русизмов²⁸.

Комплексное этимологизирование показало, что у ряда славянизмов историческим источником заимствования был древнерусский, а именно: *borona* < др.-русск. *борона*, *borozda* < др.-русск. *борозда*, *család* < др.-русск. *челядь*, *cseléd* < др.-русск. *челядь*, *gerendely* < др.-русск. *градиль*, а не те славянские языки, которые указаны в словаре²⁹.

²⁷ См.: А. М. Рот, О древнейших венгерско-восточнославянских языковых контактах, «Slavica», VII, 1, 1967, стр. 30.

²⁸ А. М. Рот, Некоторые вопросы древневенгерско-древнерусских языковых контактов, «Советское финно-угроведение», 1968, IV, 3.

²⁹ Наши исследования показали, что древнерусский был историческим источником заимствования венгерским языком в VII—IX вв. еще следующих слов, которые должны войти во II и III тома словаря: *ikra* «икра», *kereszt* «крест», *karácsony* «рождество» (< др.-русск. *корочюнь*), *naszdát* «шпюпка» (< др.-русск. *насадъ*), *lengyel* «поляк» (< др.-русск. *ладжанинъ*), *jász* «ясин», «осетинец», *varsa* «верша», *veréb* «воробей», *ugar* «целина» (< др.-русск. *угоръ*), *tanya* «хутор, усадьба» (< др.-русск. *тоя* < *топ* + *ня*), *polyva* ~ *polyva* «целева, полова», *halom* «холм», *vajda* «воевода» и ряд других (см.: Рот

В некоторых случаях, как, например, в слове *borona* «борона» могли происходить и повторные заимствования из других славянских языков (венг. диалект. *bránna* < слов. *brana* — в XI в. заимствовано повторно). Явления повторных заимствований, как и особенности многосторонних языковых контактов, следовало бы учитывать и при этимологизации славянизмов, заимствованных венгерским и его диалектами после прихода венгров в Паннонию и Карпатский бассейн.

Высказанные замечания никоим образом не умаляют ценности рассматриваемого I тома «Историко-этимологического словаря венгерского языка», в котором традиционные методы и принципы этимологизирования, имеющие в Венгрии давние традиции, получили дальнейшее развитие.

Подводя итоги сказанному, отметим, что в результате умелого этимологизирования в словаре более четко раскрыто происхождение и жизнь тысяч слов, лучше прочитана не одна страница далекого прошлого венгерского и других народов. Детальное ознакомление с содержанием словарных статей I тома принесет большую пользу специалистам не только по венгерскому, но и по другим финно-угорским языкам, а также этимологам славянских, тюркских, иранских, германских, романских языков. «Историко-этимологический словарь венгерского языка» — значительный вклад венгерских этимологов в развитие исторической лексикологии, новая яркая страница в развитии финно-угроведения и вообще языкознания.

А. М. Рот

A. M., A magyar nyelv fejlődése. A magyar — keleti szláv nyelvi kapcsolatok, Kijev — Uzsgorod, 1968).

ДВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА¹

В Венгрии одновременно вышли в свет первые тома двух фундаментальных исследований по этимологии и истории венгерской лексики «Историко-этимологический словарь венгерского языка» (далее — ИЭС, объем первого тома 100 печ. л.) и «Финно-угорские элементы лексики венгерского языка» (далее — ФУЭЛ; объем первого тома 15 печ. л.). ИЭС составлен сотрудниками Будапештского университета и Института языкознания Академии наук Венгрии под

руководством чл.-корр. Венгерской Академии наук Л. Бенкё; ФУЭЛ имеет чисто этимологический характер, он подготовлен коллективом сотрудников Института языкознания Академии наук Венгрии под руководством чл.-корр. Венгерской Академии наук Д. Лако. Появлению этих исследований предшествовал многолетний кропотливый труд (подготовительные работы над словарем ФУЭЛ, например, начались еще в 1950 г.), за которым следили не только языковеды, но и общественность Венгрии.

Одновременное издание двух этимологических словарей венгерского языка не было случайностью: по своим задачам и назначению оба издания тесно между собой связаны и в то же время строго раз-

¹ «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára». A — Gy, Budapest, 1967; «A magyar szókészlet finnugor elemei», A — Gy, Budapest, 1967.

граничены. ИЭС предназначен прежде всего для удовлетворения научных целей и в то же время рассчитан на более широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития материальной и духовной культуры венгерского народа. Поэтому в ИЭС исторический процесс развития слов в венгерском языке освещен подробно и доступно, стиль изложения прост, статьи не загромождены иностранными или малоизвестными терминами, во всех необходимых случаях описываются исторические условия, в которых происходит семантические изменения; иноязычным заимствованиям здесь уделяется не меньше внимания, чем словам финно-угорского происхождения. В словаре же ФУЭЛ собраны только финно-угорские, уральские или угорские этимологии, которые разработаны значительно подробнее, чем в ИЭС. Сравним, например, объем текста, посвященного этимологии слова *ég* «небо», в ИЭС, где он насчитывает около 700 знаков, и в ФУЭЛ, где такой текст почти втрое больше (около 1800 знаков); объем текста, посвященного этимологии слова *ágy* «постель», — около 1100 знаков в ИЭС и вдвое больше (около 2200 знаков) в ФУЭЛ. Естественно уступая ФУЭЛ в отношении этимологического исследования финно-угорской лексики, тем не менее, ИЭС дает более обширные словарные статьи с общей обработкой той же лексики: здесь не только содержатся этимологические данные о том или ином слове, но и гнездовано множество производных слов, а также приводятся сведения из истории употребления слов в венгерском языке. Согласованность в работе двух авторских коллективов проявляется также в широте использования научной литературы и в оценке предшествующих этимологических изысканий: только как исключение встречаются слова, этимологии которых в рецензируемых словарях освещены неодинаково. Составители обоих словарей пользуются упрощенной фонологической (в неизбежных случаях и фонетической) транскрипцией, благодаря чему и старые записи по таким языкам, как мансийский, хантыйский, саамский и др., значительно приближены к фонологическим записям. Принципы употребления финно-угорских транскрипционных знаков изложены только в ФУЭЛ.

Согласие достигнуто между авторскими коллективами обоих словарей в вопросах расположения этимологического материала, употребления научных терминов и даже в отношении объема томов: первые изданные тома каждого из рецензируемых словарей кончаются на букве *gy*. По количеству же обработанных букв словари расходятся: в ФУЭЛ не оказалось буквы *g*, поскольку среди современных венгерских слов, начинающихся на эту букву, нет ни одного слова

финно-угорского происхождения. Полные издания словарей планируются в трех томах, таким образом, судя по объему первых томов, полное издание ИЭС составит около 300 печ. л., а объем ФУЭЛ будет около 45 печ. л. В ИЭС войдет двадцать тысяч словарных статей, количество же охваченных слов будет во много раз больше, так как в словарных статьях гнездованы слова одного происхождения за исключением случаев, когда для среднего венгерского читателя может быть неясным отношение производного слова к производящему.

Рецензируемые словари начинаются обстоятельными вводными частями, также написанными по единому плану и состоящими из двух разделов: из предисловия и изложения принципов построения словаря и словарных статей (в ФУЭЛ первый из этих разделов, в ИЭС оба раздела переведены на немецкий язык). В предисловии сообщается история создания данного словаря, перечисляются используемые материалы. В этой связи нельзя не отметить те фундаментальные предварительные исследования, на которые опирались авторские коллективы при составлении словарных статей. Так, для контроля над прежде обработанным материалом монументального Исторического словаря венгерского языка, изданного еще в конце прошлого века, авторский коллектив ИЭС проделал трудоемкую дополнительную подготовительную работу: заново составлена картотека слов для всех граммат до 1200 г. и для всех текстов до 1500 г. (и даже позднее), заново составлены картотеки слов для ряда больших рукописных кодексов. Кроме того, были использованы огромные картотечные фонды ряда словарей,готавливаемых к изданию в Институте языковедения Венгерской академии наук (Большого словаря венгерского языка, Нового словаря венгерских диалектов, Нового исторического словаря венгерского языка) и материалы Диалектологического атласа венгерского языка. В прежнем Историческом словаре венгерского языка охвачена лишь часть исторической лексики венгерского языка, документированная до периода «обновления языка» (т. е. до конца XVIII в.); в ИЭС включена лексика нововенгерского языка XIX и XX веков вплоть до современного языка наших дней. Издание прежнего Исторического словаря в свое время явилось важным научным событием (ни по одному финно-угорскому языку до сих пор не издано подобного богатого по фактическому материалу исторического словаря), и все же задачи, которые там ставились, были сравнительно скромными: исторически выявить семантику и фразеологическое использование венгерских слов на материале цитат из разных хронологически отобранных памятников. То обстоятельство, что рецензируемый ИЭС

является как историческим, так и этимологическим словарем, дало возможность его авторам рассмотреть не только семантическую структуру слова, но и развитие этой структуры, а также проследить условия, при которых происходило развитие значений (заимствование слов вместе с обозначаемыми реалиями, развитие значения слов в связи с преобразованием реалий, перенос значений на новые реалии и т. д.). Обстоятельные, хотя и сжато изложенные, объяснения, касающиеся развития значений слов, могут послужить ценным источником не только при изучении истории лексики венгерского языка, но также и для раскрытия общих черт развития семантики слов.

По сравнению с прежним Историческим словарем венгерского языка в рецензируемом ИЭС усовершенствована «паспортизация» слов и его значений. В прежнем Историческом словаре иллюстративные примеры не датировались (узнать время первой фиксации соответствующего слова можно было из списка сокращений использованных памятников, помещенного только в первом томе). В ИЭС при всех примерах (они сгруппированы по значению слова и внутри этого деления расположены в хронологическом порядке) приведена дата издания или написания памятника или другого источника, из которого пример взят.

Этимологическая разработка словарных статей в ФУЭЛ и ИЭС велась по сходным принципам. Продуманный отбор этих принципов, строгая проверка фактического материала с точки зрения его соответствия фонетическим законам, установленным финно-угорским сравнительно-историческим языкознанием, осторожный подход к пределам допущения семантических изменений, последовательность в применении методов исследования — все это свидетельствует о высокой квалификации венгерских этимологов. Сравнительно-историческая и прежде всего этимологическая школа в венгерском языкознании имеет многолетнюю традицию и пользуется заслуженным признанием. Еще в прошлом столетии И. Буденцом был составлен сравнительно-исторический словарь финно-угорских слов в венгерском языке²; выявление и обобщение финно-угорского лексического наследия в венгерском языке было продолжено в семи изданиях «Венгерского сравнительного языкознания» И. Синне³. Эти работы в известной степени явились предшественниками ФУЭЛ. По этимологической обработке общей лексики (а не только финно-угорского на-

следия) венгерского языка ИЭС предшествовало семнадцать выпусков «Венгерского этимологического словаря»⁴, доведенного только до буквы *g*, и небольшой по размеру, но весьма ценный по содержанию однотомный этимологический словарь венгерского языка, составленный академиком Г. Барци⁵. Составители ИЭС имели возможность использовать также и исследования других типов — по заимствованиям из разных языков⁶. Этимологические словари финно-угорских языков составляются также и в Финляндии, и в Швеции. В Финляндии еще в прошлом веке был издан «Сравнительный словарь финно-угорских языков» О. Доннера⁷; недавно появилось три выпуска подробного «Этимологического словаря финского языка» Ю. Тойвонена⁸; в Швеции небольшой, но весьма полезный сравнительный словарь уральских языков составлен Б. Коллиндером⁹.

Рецензируемые словари существенно отличаются от этимологического словаря финского языка и от словаря Б. Коллиндера в двух отношениях. В этимологическом словаре финского языка и в словаре Б. Коллиндера архетипы разной хронологии (уральские, финно-угорские) указаны лишь изредка. В рецензируемых же словарях систематически восстанавливаются протофинно-угорские архетипы этимологизированных венгерских слов финно-угорского наследия (если слово к тому же генетически связано и с самодийскими словами, вместо финно-угорского архетипа восстанавливается уральский архетип; если слово возводится только до угорской языковой общности, дается угорский архетип). Отмечая некоторые преимущества рецензируемых венгерских этимологических словарей по сравнению со словарями, изданными в Финляндии и Швеции, мы считаем необходимым напомнить, что финское и швед-

⁴ Gombocz Z., Melich J., Magyar etimológiai szótár, Budapest, 1914—1944.

⁵ Bárczi G., Magyar Szófejtő Szótár, Budapest, 1941.

⁶ См., например: Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I, 1—2, Budapest, 1955; Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki, 1942.

⁷ O. Donner, Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprachen, Helsingfors, I—1874, II—1876, III—1888.

⁸ «Suomen kielen etymologinen sanakirja», Helsinki, I—1955, II—1958, III—1962.

⁹ B. Collinder, Fenno-Ugric vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages, Stockholm, 1955.

² Budenz J., Magyar-ugor összehasonlító szótár, Budapest, 1873—1881.

³ См. седьмое, исправленное издание: Szinnyi J., Magyar Nyelvhasználat, Budapest, 1927.

ское издания — это индивидуальные исследования¹⁰, а не коллективные работы, что с необходимостью налагает известные ограничения на поставленные в них задачи и прежде всего — на их объем. В последних двух словарях использованные научные исследования не перечисляются, в рецензируемых же словарях к каждой словарной статье приложен большой список сокращенных названий научных работ по данной этимологии. Библиографические данные (хотя они значительно увеличивают объем рецензируемых словарей), безусловно, весьма полезны, конденсируя таким образом в каждой словарной статье весь опыт этимологизирования данного слова.

В рецензируемых словарях большое значение придается оценке существующих этимологических решений. Обычно рассматриваются все научные объяснения, известные из ранее опубликованных работ, но только одно признается правильным; в одних случаях это делается в категорической форме, в других — менее определенно (с оговорками: «по всей вероятности», «по-видимому» и т. д.).

Во всех необходимых случаях большое внимание уделяется так же развитию семантики слова; в случаях, когда современное венгерское слово по значению существенно отличается от древнего финно-угорского или старого венгерского слова-источника, в словарной статье прослеживаются все этапы семантических преобразований (ср. семантическое развитие венгерского слова *állat* «животное» от *áll* «стоять; существовать» — ИЭС, стр. 138). Объясняются также отклонения от закономерного развития звуков, наблюдаемые при сопоставлении данного слова с его финно-угорским архетипом или (в случае заимствования) с его иноязычным предшественником.

Сравним разработку венгерского слова *agy* «головной мозг» (и его этимологических соответствий) в словарях Г. Барци, Б. Коллиндера и в «Этимологическом словаре финского языка» Ю. Тойвонена, с одной стороны, и в рецензируемых словарях, с другой. Г. Барци (стр. 3) допускает обфенино-угорское происхождение венгерского слова *agy*, сопоставляя его с фин. *aivo* «висок», саамск. *vuolffas* «головной мозг», но отмечает при этом, что фонетическое соответствие мордов. *uj* «мозг» саамскому и финскому словам не безусловно. В словаре Б. Коллиндера (стр. 2) в словарной статье фин. *aivot* (*aivo-*) добавлены (по сравнению с разработкой той же статьи у Г. Барци) разные варианты саамского соответствия и приведены данные самодийских языков — слово это таким образом возво-

дится к уральскому языку-основе. В словаре Ю. Тойвоена (стр. 12) значительно пополнены прибалтийско-финские и саамские данные: прибавлены соответствия из карельского, вепского, водского, эстонского языков и из саамских диалектов; венгерские же и мордовские сопоставления даются здесь под вопросом; благодаря самодийским данным фин. *aivo-* в этом словаре возводится к уральскому языку-основе. По разнообразию и объему прибалтийско-финского материала в словарной статье *agy* ФУЭЛ, естественно, уступает «Этимологическому словарю финского языка»; взамен здесь приведено много венгерских данных (стр. 73—74). В отличие от словарей Г. Барци, Б. Коллиндера и Ю. Тойвоена в ФУЭЛ прослеживаются звуковые и семантические преобразования, позволяющие сопоставить венг. *agy* с фин. *aivo(t)* и т. д., благодаря чему сделано заключение, что первоначально венг. *agy* обозначало «черепа», и только впоследствии, как и в других финно-угорских языках, здесь развилось значение «головной мозг». Уральская этимология венгерского *agy* (соответственно: фин. *aivo-* и т. д.) в ФУЭЛ признана неправильной, поскольку самодийские данные, приведенные Б. Коллиндром и Ю. Тойвоеном, как это считают составители ФУЭЛ, соответствуют не фин. *aivo(t)* и т. д., а фин. *oiva* «очень хорошо; прекрасно»; далее без комментариев упоминается о существующих попытках сопоставления венг. *agy* и т. д. со словами алтайских и якутского языков.

Ценность ФУЭЛ и ИЭС, таким образом, состоит не только в большой концентрации фактических данных, но и в творческом, а иногда и в критическом подходе к прежним этимологическим решениям.

При этимологизации заимствованного слова в рецензируемых словарях выявляется, прежде всего, язык-передатчик или язык-источник. В ИЭС особенно богатыми и разнообразными сведениями снабжены заимствования из тюркских и славянских языков — здесь сказались продолжительные непосредственные контакты венгерского народа в разные периоды его истории с народами и племенами, говорящими на различных тюркских языках, и непосредственные взаимосвязи с окружающими славянскими народами, сохраняющиеся и ныне. Составители ИЭС не довольствовались отнесением того или иного слова к тюркским или славянским заимствованиям: путем сопоставления (фонетического и семантического) заимствованного слова с соответствующими словами в разных славянских или тюркских языках делаются попытки уточнить конкретный язык-передатчик.

В связи с германскими заимствованиями подобных сложных проблем не возникает: германские слова получены

¹⁰ После смерти автора этимологического словаря финского языка Ю. Тойвоена его работу продолжили Э. Итконен и А. Йоки.

обычно из немецкого языка. Во всех необходимых случаях происхождение заимствованных слов прослеживается и дальше языка-передатчика. Так, для слова *bajonett* «штык» (ИЭС, стр. 219) указан прежде всего немецкий язык, из которого оно проникло в венгерский язык и излагается история появления этого слова в языке-передатчике (указано, что немецкий язык это слово получил из французского языка, в котором оно восходит к названию города *Bayonne*, первого места изготовления штыков).

Большой интерес представляет обработка авторскими коллективами слов, принадлежащих к древнейшей обшечно-угорской лексике и имеющих соответствия в индоевропейских и алтайских языках. Эти слова, имея протофинноугорские или даже протоуральские архаизмы, могут быть объяснены либо как древнейшие заимствования из индоевропейских и алтайских языков, либо как восходящие к общей лексике индоевропейско-уральского или урало-алтайского языков-основ. В венгерском языке подобных слов мало, их этимологизация связана с чрезвычайными трудностями и зависит от того, признается ли достоверной гипотеза о былом существовании некоего доуральского языка-основы, некогда объединявшего уральские (финноугорские) языки с языками других (индоевропейской или алтайской) групп. При подходе к таким словам авторские коллективы проявили большую осторожность. Так, в обоих словарях сообщено, что слово *áva* «спрота» финноугорским языком-основой перенято из праиндоуральского. В статьях же, посвященных обшечно-угорским указательным местоимениям *ez* «этот», *az* «тот», только в ФУЭЛ излагаются существующие мнения о возможной генетической общности этих и соответствующих им индоевропейских или алтайских местоимений.

Так называемые «интернациональные слова» типа *gazella* «газель», *genszter* «гангстер» в словарных статьях ИЭС освещены весьма подробно: приведены данные из многих языков, в том числе и из русского, а в конце статьи по звуковому облику (иногда и по семантике) устанавливается наиболее вероятный язык-передатчик (например, слово *gazella* перенято из немецкого, *genszter* из английского языка). Нас, естественно, особенно интересовали новые заимствования из русского языка. Их в первом томе немного, но они очень показательны, так как отражают общественно-политические и культурные связи русского и венгерского народов. Первая фиксация слова *bolshevik* «большевик» относится еще к 1907 г., а ныне употребляются еще слова *bolsvizmus* (первая фиксация 1917 г.) «большевизм», *bolsvista* (1919) «большевик», *bolsvezizál*

(1951) «большевизировать». Слово *aspiráns* «аспирант» в венгерском языке известно с прошлого века, но *aspirantúra* «аспирантура» появилось недавно как русское заимствование. Для *fehétorosz* «белорус» указано, что вместо него теперь употребляется и *belorusz*, перенятое из русского языка, но почему-то последнее слово не включено в словарь. Слово *diverzió* «обход; обходный маневр» как немецкое заимствование в венгерском языке известно с 1854 г., но в значении «диверсия» только в 50-х годах нашего века перенято из русского языка. Непосредственно из русского в латинизированной форме заимствовано слово *diverzáns* «диверсант» (приводятся также нем. *Diversant*, чеш. *diversant*, *diverzant*, польск. *dywersant*, заимствованные также из русского языка).

Кроме слов современного венгерского литературного языка, в ИЭС включены слова, относящиеся к самым различным слоям лексики. Рассмотрено много устарелых слов типа *árium* «опий», *bakaesin* «материал для траурного одеяния»; среди устарелых слов приведены и такие, которые были связаны с определенной политико-общественной обстановкой, например *abcüg* «долой», вошедшее в лексику венгерского языка в связи с буржуазными предвыборными кампаниями, *bélista* «список лиц, подлежащих сокращению на работе», употребившееся только до 40-х годов XX в. Из диалектной лексики в ИЭС вошли прежде всего слова, имеющие самостоятельные этимологии, таковы *baksál* «собирать после основного сбора забытые грозди винограда», *balusztá* «спроставать; глушить» и т. п. Охвачены слова производственной, научной и общественно-политической терминологии, представлены слова «низкого» стиля и просторечные, детские и изобразительные слова.

К рецензируемым томам приложен большой список сокращений использованных научных трудов, а на последней странице ИЭС помещена таблица некоторых цифровых данных, из которой явствует, что в томе имеется 3517 словарных статей, внутри статей приведено добавочно 1173 «черных» слов, 3696 производных слов и т. д.

Мы не знаем, намечаются ли указатели слов в последних томах обоих словарей. Было бы очень полезно распределить слова, охваченные в ФУЭЛ, по их принадлежности к тому или иному уральскому языку. Такие указатели помогли бы специалистам по мордовским, марийским и другим финно-угорским языкам находить этимологии слов, принадлежащих любому из этих языков. Желательно было бы иметь подобные указатели и для ИЭС — здесь было бы полезно группировать слова не-уральского происхождения (по уральским языкам можно было бы сослаться на ФУЭЛ), в результате чего

получились бы отдельные указатели для тюркских, славянских, германских и других языков-передатчиков и языков-источников.

Уже по первым томам рецензируемых словарей можно оценить глубокие знания составителей, тщательную научную и лексикографическую обработку, разнообразие и богатство словарного мате-

риала, сосредоточенного в словарях. С выходом следующих томов, на скорейшее издание которых мы надеемся, рецензируемые исследования займут достойное место не только в венгерской языковедческой науке, но и среди лучших работ этого рода по индоевропейским языкам.

К. Е. Майтинская

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО НАУЧНОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ¹

1. Толковый словарь грузинского языка по своей социальной, научной и практической значимости — наиболее значительный труд, созданный в области картвельской лексикологии и лексикографии до Октябрьской революции и в советскую эпоху и имеющий огромное значение для грузинского народа и развития его культуры. В словаре впервые получили всестороннее отражение выдающиеся достижения материальной и духовной культуры, искусства, литературы, науки и техники советской Грузии. Трудно переоценить общественное значение этого труда, получившего высокую оценку на XXIII съезде КПСС.

Велико практическое значение словаря, прежде всего, в деле подъема речевой культуры грузинского народа. Словарь стал настольной книгой каждого, кто серьезно и глубоко интересуется языком и культурой грузинского народа. Поэтому он уже стал библиографической редкостью.

Говоря о научном значении словаря, следует учитывать, что это первый многотомный словарь одного из литературных языков СССР с письменными традициями, восходящими к V в. н. э., и он вполне отвечает высокому уровню развития лингвистической науки в современную эпоху. Толковый словарь грузинского языка послужит фундаментом для самых различных лексикологических и ряда других исследований. На основании данных словаря важно было бы охарактеризовать:

¹ «Толковый словарь грузинского языка». Главная редакция: Г. Ахвледиани, С. Вачнадзе, В. Купрадзе, Т. Ломоури, В. Топуриа, Г. Церетели. Под общей ред. Ари. Чикобава. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, I — 1950, 095 стр. + 1212 стлб.; II — 1951, 034 стр. + 1534 стлб.; III — 1953, 010 стр. + 1533 стлб.; IV — 1955, 010 стр. + 1602 стлб.; V — 1958, 005 стр. + 1526 стлб.; VI — 1960, 010 стр. + 1756 стлб.; VII — 1962, 04 стр. + 1482 стлб.; VIII — 1964, 08 стр. + 1654 стлб. (на груз. яз.)

1. Основные тенденции развития словарного состава грузинского языка за счет исконного фонда и лексических заимствований из других языков (соотношение исконных и заимствованных, производных и производных слов в разных слоях лексики; основные черты сходства и различия в развитии словарного состава грузинского языка в советскую эпоху в известной части лексики по сравнению с развитием этой части лексики других литературных языков народов СССР).

2. Значение словаря для историко-типологической характеристики лексико-семантической системы грузинского языка [особенности распределения слов с точки зрения их инициалей между буквами, основные типы фонетических и морфологических структур слогов и слов, соотносительная характеристика фонемного состава разных структурных типов корней и основ и т. д.; историко-типологическая характеристика тенденций развития разных структурных типов корней, основ, морфем, фонетических и морфологических особенностей в разных слоях (пластах) лексики].

3. Своеобразие грузинских идиоматических выражений, использованных в словаре, в связи со структурными типами лексических единиц грузинского языка.

4. Соотношение словарного состава грузинского языка и лексики остальных иберийско-кавказских языков в сравнительно-историческом и историко-типологическом аспекте, с учетом того, что грузинский язык является единственным древнейшим языком среди иберийско-кавказских.

5. Значение лексики грузинского языка для изучения влияния грузинского языка и грузинской культуры на языки и культуру остальных иберийско-кавказских народов.

6. Принципы и методические приемы, примененные при составлении словаря. Разумеется, не все поставленные вопросы могут получить обстоятельное

рассмотрение в данной рецензии². Но эти вопросы стоят перед лингвистической наукой, и толковый словарь грузинского языка дает богатейший материал для их научного освещения.

II. Толковый словарь грузинского языка охватывает лексический фонд современного литературного языка, который опирается в основном на творчество классиков новогрузинской литературы³; учтена также лексика лучших образцов советской литературы, прессы.

В словаре новогрузинского литературного языка, естественно, не отображена полностью древнегрузинская лексика, представленная в памятниках V—XI вв. (кроме слов общего фонда), не вошли и слова, встречающиеся лишь в литературных произведениях XII—XVIII вв.⁴; исключение составляют, главным образом, стилистические архаизмы, встречающиеся в произведениях современных авторов.

Регистрируя лексический фонд литературного языка, словарь занимает определенную позицию в отношении областных слов. Как говорится в «Предисловии» главной редакции к I тому словаря, «диалектное» и «литературное» строго разграничены в области морфологии, синтаксиса; «в лексике дело обстоит иначе. Литературный язык не исчерпывает словарного запаса. Существует много таких слов, которые не повзбодились писателю и поэтому не встречаются в книжном языке, в случае необходимости он (т. е. писатель.— Р. Г., Ю. Д.) использует такое слово, и оно становится фактом литературы» (I, стр. 009). Здесь нужно заметить, однако, что не все слова, употребляемые в литературе, тем самым становятся достоянием литературного языка (некоторые из них могут являться индивидуальной особенностью того или иного писателя).

Из такого понимания взаимоотношений литературного языка и диалектной лексики исходила редакция толкового словаря, выбирая из живой речи слова, не имеющие синонимов в литературном языке.

В предисловии к последнему тому главный редактор Арн. С. Чикобава отмечает, что восьмитомный толковый словарь

² Рецензенты приносят благодарность Р. Р. Гагуа, предоставившей в их распоряжение часть фактического материала, включенного в рецензию.

³ Около четверти использованных в словаре документаций приведены из произведений И. Чавчавадзе, А. Церетели и Важа-Пшавела.

⁴ В этой связи следует отметить замечательный лексикографический труд XVIII в.— первый толковый словарь грузинского языка С.-С. Орбелиани 1716 г. (см.: Арн. С. Чикобава, Первый толковый словарь грузинского языка С.-С. Орбелиани, ВЯ, 1960, 4).

«не исчерпывает всего лексического богатства новогрузинского языка: производные основы и отраслевые термины, материал устной, диалектной лексики, выступающий в качестве резервного фонда для литературного языка, вошли бы в полный толковый словарь с меньшими ограничениями» (VIII, стр. 05).

Разработка лексического фонда грузинского языка не ограничивается изданием рецензируемого словаря. На основе картотеки толкового словаря издан инверсионный словарь и составляется однотомный толковый словарь современного грузинского литературного языка. В Институте языкознания АН ГрузССР ведется большая работа (в основном тем же коллективом, который работал над составлением толкового словаря) по составлению историко-этимологического словаря грузинского языка. В словарь будет включена прежде всего вся лексика памятников древнегрузинского языка и литературных произведений XII—XVIII вв.

В Институте языкознания АН Грузии работают и над составлением диалектных словарей; некоторые из них уже изданы, другие печатаются или готовятся к печати. Ведутся исследования и по отраслевой лексике.

Составлены симфонии и словари некоторых важнейших памятников древнегрузинской литературы; начато изучение лексики отдельных писателей, представителей новогрузинской литературы.

Изданы нормативные переводные словари, как общезыковые (например, трехтомный русско-грузинский словарь), так и специальные терминологические, составляется грузинско-русский словарь и продолжается работа над терминологическими словарями.

Этот краткий перечень показывает большое значение толкового словаря для грузинской лексикографии и свидетельствует о богатстве его словника.

Общетеоретический интерес представляют принципы, положенные в основу составления толкового словаря грузинского языка и примененные составителями методы, обстоятельная характеристика которых дана в пространной вводной статье главного редактора Арн. С. Чикобава «Общая характеристика грузинского языка» (I, стр. 018—080)⁵.

Принципы построения словарных статей изложены в одной из вводных статей, опубликованных в I томе словаря (стр. 081—090), — «О построении словарной статьи и пользовании словарем».

Вопрос о выделении словарной единицы применительно к грузинскому языку, где сильно развито как именное, так и

⁵ См. также: А. С. Чикобава, О принципах составления Толкового словаря грузинского языка, «Лексикографический сборник», I, М., 1957.

глагольное словообразование, стоит несколько иначе, чем в словарях русского, французского и других индоевропейских языков.

В отношении именных производных основ рецензируемый словарь не отличается от толковых словарей других языков, например, русского языка: такие, например, слова, образованные от слова *ჭმა* «брат», как *ჭმა* «братство», *ჭმური* «братский», *მოჭმე* «собрат», *ჭმობილი* «побратим», *დაჭმობილება* «братание» внесены в толковый словарь как самостоятельные единицы (см. I, «Предисловие», стр. 85) ⁶.

Вопрос же о глагольных словарных единицах в словаре требует специального рассмотрения. Помимо категории залога в грузинском языке развиты категории каузатива и версии, выражающие отношения принадлежности между объектом и субъектом. Залог, каузатив, версия — деривативные, словообразовательные категории; следовательно, соответственные глагольные основы не могут быть выделены, как это сказано в «Предисловии» к словарю (I, стр. 88), в качестве лексических единиц (подобно производным именным основам).

Однако простое указание на страдательный залог не может исчерпать лексического значения соответствующей основы (например: *იტარგმნება* «1. переводиться; 2. можно перевести»); соответственно в словаре дается толкование значений, стилистическая квалификация и, как правило, документация в виде цитат из художественной литературы (ср. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Ушакова: «Прикрывать» страд. к прикрывать»). Полисемантичность характерна и для таких деривационных глагольных основ, как версия и каузатив. Так, значения основ, образованных при помощи суффиксов каузатива, в сравнении с исходной (некаузативной) основой, имеют целую гамму нюансов («заставлять», «обязывать», «просить», «поощрять», «помогать», «дать возможность» и т. д.). Следовательно, констатирование суффикса каузатива в глагольной основе вовсе не достаточно для установления возможного значения данного глагола.

Не всегда однородно значение даже нейтральной версии, а тем более — субъективной, которая то выражает предназначенное для предмета субъекта действие, то действие, направленное на предмет, принадлежащий субъекту; ср.: *იწენებს (საჯის)* «строить для себя дом», *იპრასავს (ცხვრს)* «бреется» (буквально «бреет себе бороду»). Самое большое смысловое раз-

нообразие наблюдается в объективной версии: *გადაუბუგავს* «сожжет принадлежатель», *გადაურჩება* «спасется от него», *გადაურბენს* «пробежит перед ним», *გადაურთლებს* «переврет у него» и т. д.

В грузинском языке отсутствующий инфинитив в некоторых случаях заменяется отглагольным именем действия, в котором, однако, не различаются действительный и страдательный залогов, нейтральная, субъектная и объектная версии; кроме того, отглагольные имена действия не могут быть образованы от статических глаголов и, стало быть, не могут выступать в качестве заглавных форм этих лексических единиц. Поэтому редакция словаря, следуя греко-латинской и арабской лексикографической традиции, была вынуждена выбрать в качестве заглавного слова личную форму глагола, точнее — основу настоящего времени ⁷. В словарь при этом включаются и имя действия с соответствующей характеристикой («Одложение имя действия, выраженного глаголом одложитель»).

Необходимо отметить также, что Главная редакция с самого начала выбрала алфавитную, а не гнездовую систему расположения слов. Правильность избранного подтверждается и тем обстоятельством, что Редакция 17-томного словаря современного русского литературного языка, начиная с четвертого тома, перешла на алфавитную систему расположения словарных единиц как более целесообразную.

III. Общественно-политическая жизнь древней Грузии, ее многовековое общение с соседними народами нашли отражение в лексике грузинского языка начиная с древнейших времен. Уже в ранний период развития древнегрузинского языка в нем обнаруживаются лексические заимствования из иранских языков, в частности среднеиранских (например, *kerpi* «идол», *razmi* «отряд»), а также из греческого (*eklesia* «церковь», *kanoni* «заков»).

Нашествие арабов оставило свой след в виде арабизмов (*ჭალატი* «палач», *ბასრი* «сталь; острый»). Но и в период господства арабов не прекращалась связь с греческой (византийской) культурой (переводы исторической, философской и теологической литературы), продолжалось обогащение грузинского языка заимствованиями из греческого языка (*ისტორია* «история», *ეპისტოლე* «послание»).

Начиная с XII в. в грузинской сленговой литературе все чаще появлялись

⁶ По техническим причинам в приводимых словах грузинский алфавит заменен транскрипцией на латинской графической основе.

⁷ Еще в начале XVIII в. Саба-Сулхан Орбелиани, автор первого толкового словаря грузинского языка, пытался использовать в качестве заглавного слова глагольной лексической единицы личную форму глагола.

новоперсидские слова, проникшие в грузинский язык как письменным, так и устным путем (*mabzari* «надоедливый», *paemani* «свидание»).

В связи с политической ситуацией, создавшейся в XVI—XVIII вв., в грузинской лексике обнаруживается определенное количество тюркизмов (*gadaça* «запрет», *čibuzi* «курительная трубка»).

Несмотря на многообразные языковые контакты, грузинская лексика не утратила своей монолитности. Заимствованная лексика почти не затронула основного ядра грузинской лексики; незначительна доля заимствований в названиях животных, еще реже встречаются они в названиях растений; совершенно свободны от заимствований названия частей тела, имена числительные, местоимения и многие глаголы. Грузинская терминология господствует в лексике сельского хозяйства (полеводство, виноградарство, садоводство). Удельный вес заимствований значителен лишь в отраслевой лексике (торговля, некоторые ремесла), а также в государственно-правовой и церковной литературе.

Богатство основного лексического фонда, развитая система словообразования издавна давали возможность грузинскому языку пополнять свой словарь собственными ресурсами. Заимствования же всегда приравливались к грузинской фонетической модели, видоизменялись по нормам грузинской морфологической системы (склонение, образование мн. числа и проч.), включались в грузинскую словообразовательную систему (например, заимствованные из персидского языка *vačari* им. падеж ед. числа «купец; торговец» и его дериваты на грузинской почве: *vačr-ob-s* «торгует», *vačr-ob-a* «торговля; купечество», *na-vačr-i* «то, что купил, покупка; то, что выучил, выучка...», *sa-vačr-o* «место торговли; лавка» и т. д.).

Единство грузинского языка, его лексики определялось и тем обстоятельством, что опорным диалектом литературного грузинского языка неизменно оставался картлийский диалект. Общая характеристика грузинского языка дана во вводной статье главного редактора словаря Арн. С. Чикобава (I, стр. 018—080).

Современный грузинский литературный язык от литературного языка предыдущего периода отличается своей грамматикой и орфографией — он освобождается от архаизмов, навязанных так называемой школой католикоса Антония во второй половине XVIII в. Других существенных изменений в лексике не наблюдается, кроме устранения незначительного количества тюркизмов.

Произошло обогащение современного литературного языка, прежде всего, за счет устной грузинской речи; кроме

того, за последнее столетие лексика грузинского языка начинает воспринимать в большом количестве интернациональные слова (*praktika* «практика» *betoni* «бетон», *kombaini* «комбайн»), усваиваются такие русские слова, как *puti* «путь», *versi* «верста», *samovari* «самовар». Значительная часть интернациональных слов вошла в грузинский язык через русский (например, груз. *kreiseri* — русск. *крейсер* — ср. гол. *kruiser*, груз. *karteči* — русск. *картечь* — ср. итал. *cartoccio*). Выявление интернационализмов в словаре поможет изучить принципы их заимствования, пути преобразования их фонологических структур под влиянием интерференции, т. е. под воздействием особенностей грузинского языка. Например, в словах *konsultanti* «консультанты», *konstituciur-demokratiuli partia* «конституционно-демократическая партия», *kinolenti* «кинолента», *kinolaboratoria* «кинолаборатория», *kinopavilioni* «кинонавильон» смычные глухие *k, p, t* преобразовались соответственно в смычно-гортанные *k, p, t*.

В современный общегрузинский язык заимствования внедряются главным образом книжным путем, проникая в устную речь через посредство книг, газет, радио.

IV. В толковом словаре грузинского языка собрано 112 949 словарных единиц. Они распределены в восьми томах следующим образом: в I томе 11 237 слов на буквы *a* и *b*; во II томе 13 636 слов на букву *g*; в III томе 14 396 слов на буквы *d* и *e*; в IV томе 13 488 слов на буквы *v, z, t, i, k, l*; в V томе 14 541 слов на буквы *m* и *n*; в VI томе 15 068 слов на буквы *o, p, ž, r, s, f, u*; в VII томе 13 644 слов на буквы *p, k, γ, q, š*; в VIII томе 16 879 слов на буквы *č, c, ž, c, č, x, š, h*.

Количество слов, начинающихся на разные буквы, неодинаково, например, на *g*- приходится больше 13 600 слов (из них провербы *ga-, gada-* составляют более 12 тыс.), а на *ž*- всего около 200.

Расположив грузинские буквы по нисходящей частоте соответствующих слов, получим ряд *g, m, d, a, s, š, č, e, i, k, u, t, e, n, x, b, p, p, c, l, t, r, k, š, q, γ, z, ž, o, š, v, h, ž*; из них слова, начинающиеся на первые шесть букв — *g, m, d, a, š, s* — занимают больше половины всего словаря; на первые десять — *g, m, d, a, š, s, č, c, i, k* — больше двух третей; всего один процент словаря составляет слова на последние три буквы — *v, h, ž*.

Такое распределение лексических единиц отображает особенности структуры грузинских слов. Эти особенности ощутимо вырисовываются при сравнении вышеуказанного ряда с рядом букв, на которые начинаются простые (непривозводные) основы тех же слов: *k, x, c, b, d, č, s, t, m, p, c, g, č, r, š, f, k, q, l,*

а, р, γ, з, н, џ, в, џ, е, о, і, з, и, һ. Хотя и здесь на первые десять букв — к, х, с, б, д, с, і, т, р — начинаются слова, составляющие больше двух третей всего словника, тем не менее последовательность букв данного ряда совершенно другая; следует также отметить, что последние десять букв второго ряда — н, џ, в, џ, е, о, і, з, и, һ — представляют собой начало для слов, количество которых в два раза превышает число слов, начинающихся десятью последними буквами из первого ряда, т. е. составляет одну седьмую часть всего словаря⁸.

Третий ряд букв, характеризующих исход слова, составлен по инверсионному указателю словаря: б, а, в, л, д, н, е, з, і, о, т, ф, т, м, s. q. r. k. x, g, p. c. џ, з, к, р, џ, џ, с, с, γ, з, и, һ. Около 55 000 словарных единиц (т. е. половина всего словаря) имеют исходной буквой первые три литеры этого ряда — б, а, в; первые десять букв — б, а, в, л, д, н, е, з, і, о — характеризуют исход около 90 000 слов, составляющих более четырех пятых словника, а последние десять — к, р, џ, џ, с, с, γ, з, и, һ — заканчивают собой менее двух тысяч слов (т. е. менее 2%).

Единственная буква, которая одинаково попадает в первый десяток во всех трех рядах, — это д (т. е. д часто встречается как в начале простой и префиксальной производной основы, так и в исходе лексической единицы); точно так же з и һ числятся в последнем десятке (так как для исходной фонетической системы картвельских языков з не является характерным, а слова, начинающиеся на һ, исключая междометия, заимствованы).

Сравнение вышеуказанных трех рядов букв (resp. фонем) дает интересный материал для изучения фонетической и грамматической структуры грузинских слов, позволяет поставить важные вопросы о звуковом составе, словообразовании и этимологии. Остановимся здесь только на характеристике грузинской лексики с точки зрения заимствований и словообразовании.

Под буквой џ (VIII, стлб. 1219—1308) числится приблизительно 1200 слов, 420 (т. е. 1/3) непроизводных собственногрузинских слов, 600 слов производных (и сложных) также собственно грузинских и 140 заимствований (или же тех слов, происхождение которых не установлено); среди этих 140—40 простых основ и 100 производных, образованных посредством грузинских аффиксов.

Среди негрузинских основ встречаются заимствования и из языков Кавказа (например, осет. *ǰirli* «ищей») и иранских, в частности, среднеиранских языков

(например, *ǰarmagi* «представительный пожилой мужчина», *ǰabuǰi* «юнопа; витязь»), где эти слова имеют в аналауте глухую палатальную аффрикату *ǰ* (*ǰarmak*, *ǰabuk*).

Небольшое количество заимствований, имеющих в аналауте эту букву, объясняется тем, что *ǰ* относится к слепцифическим для грузинского языка (и, вообще, для иберийско-кавказских языков) смычно-гортанным звукам.

V. Словам, имеющим в аналауте *ǰ*, присущи характерные фонетические черты грузинских слов. В грузинском слове обычно за согласным следует гласный (*ǰama* «кушать», *ǰadari* «платан», *ǰuǰuli* «утенок; гусенок»), но передки и стечения согласных (*ǰris* «режет», *ǰvrela* «глядеть; созерцать», *ǰvavis* «пшичит», *ǰǰrtali* «блеск»), возникающие в результате выпадения гласной при наращении гласного аффикса (*v-ǰer* «резал», по *v-ǰr-i* «режу»; *vǰam* «ем», по *ǰmev-a* «давать есть») или при образовании гармонического комплекса (*daǰǰita* *tualebi*! «Втираю глаз», ср. *ǰita* — возглас играющих в жмурки; *ǰǰari* «слакоть», *ǰǰlets* «мнет» и др.). Стечение согласных преимущественно наблюдается в начале и в середине слова; в конце слова оно возникает при встрече согласного основы с согласным аффикса (*ǰam-s* «ест», где *-s* — суффикс 3-го лица).

Как видно из подсчета, производных слов на букву *ǰ* сравнительно мало, так как в грузинском языке нет ни префикса, ни преверба *ǰ*, а следовательно, нет слов с префиксальным образованием (с начальным *ǰ*).

На раздел буквы *p* (VI, стлб. 1—236) приходится приблизительно 2300 лексических единиц: 460 грузинских простых основ, 830 — производных, 160 — древних заимствованных непроизводных основ и 170 — производных; 380 — интернационализмов, из них около 200 — производных, образованных с помощью грузинских словообразовательных элементов; около сотни слов неизвестного происхождения.

Таким образом, одну шестую часть всего материала на букву *p* составляют интернационализмы, а если добавить производные от них слова, то получим больше одной четверти. Наличие столь большого количества интернациональных слов в этой части словаря обусловлено тем фактом, что интернациональные слова на *fi* на *p* в грузинском передаются через *p*.

Большая часть интернационализмов относится к новым заимствованиям, которые обычно попадают в грузинский язык через русский; например: *panera* — русск. *панера*, ср. исходное нем. *Furnier*; *paza* — русск. *фаза*, ср. франц. *phase* из греч. *φάσις*; *qazarma* — русск. *казарма*, ср. итал. *caserma*.

⁸ Сведения почерпнуты из картотеки-указателя словарных статей, расположенных по гнездам; картотека хранится в Отделе лексикологии Института языкознания АН ГрузССР.

Но не все интернационализмы заимствованы за последние сто лет. Культурные связи грузин с культурой и языком греков восходят к античной эпохе, и непосредственно к греческому языку восходит значительная часть современных интернациональных слов в грузинском языке, благодаря чему сохранена древнегреческая суффиксация в грузинском: *pilosop-os-i* «философ», *episkop-os-i* «епископ», *matematik-os-i* «математик», *pizik-os-i* «физик», *muzeum-i* «музей».

Строение заимствованных интернациональных слов большей частью прозрачно, так как связь основ и аффиксов в них ничем не затемнена: *pilosopia* — *pilosoposi*, *matematika* — *matematikosi*, *psikologia* — *psikoterapia*, *hidrologia* — *hidroterapi*.

На букву *k* (IV, стлб. 1001—1252) дано 3590 словарных единиц, из них 600 (т. е. 1/6 общего количества) исконно грузинских (вроде *kaci* «человек», представительного закономерными соответствиями во всех картвельских языках), вдвое больше (1234) — производных от них слов. Заимствований и здесь немного — 170 (среди них встречаются и заимствования из других иберийско-кавказских языков, например, *kalci* «сушеный творог» усвоено некоторыми грузинскими диалектами из баббийского языка); еще меньше — производных от них (около 140). Довольно много интернационализмов — 760 единиц и 430 производных от них слов (по нормам грузинского словообразования).

Под буквой *n* (V, стлб. 1267—1624) насчитывается приблизительно 2440 слов; собственных простых основ всего 70, т. е. 3%, а производных основ — более 1460, т. е. 60% всего количества словарных статей на эту букву.

Из слов негрузинского происхождения особо выделяем заимствования, которые большей частью восходят к восточным языкам и бытуют в грузинском языке издавна (сравнительно недавнего происхождения только заимствования из русского: *nadeli* «надел», *narodniki* «народник», *nermani* «нрман»); заимствованных слов с простой основой на букву *n* даже больше, чем собственно грузинских простых слов: их 85 (3,5%); и, наоборот, производных заимствованных слов значительно меньше, чем производных грузинских, — 440 (18%). 170 слов (8%) — неизвестного происхождения. Интернационализмов в данном отрезке словаря около 140 (*nervi* «нерв», *novator* «новатор» и др.), т. е. почти столько же, сколько непроводных собственно грузинских и истари заимствованных слов вместе взятых; зато очень мало слов, образованных от интернационализмов (типа *nervuli* «нервный», *novatoroba* «новаторство»), — их всего 70.

Большое количество производных слов (почти 2000) объясняется наличием весь-

ма распространенного деривативного префикса *na-* (показателя объектного причастия прошедшего времени).

VI. В грузинском языке префиксация широко распространена: 13 фонем используются в роли префиксов (или в афлауте префиксов), результатом чего являются многочисленность слов, начинающихся с этих фонем. Именно поэтому соответствующие буквы занимают первые места в ряде, где буквы-инициалы расположены по нисходящей частоте (только одна буква *k*, не являющаяся префиксом, включена в первый десяток ряда); число деривативных словарных единиц с префиксальным образованием превышает 80 000, т. е. составляет более 2/3 всего словаря.

Грузинский язык имеет развитую систему превербов (глагольных приставок), основная функция которых — локализовать в пространстве действие, выраженное глаголом, и указать его направление. Превербы бывают простые: *a-* выражает направление вверх (*a-vida* «поднялся»), *mo-* — направление к говорящему (*mo-vida* «пришел»), а также составные: *a-mo-* выражает направление снизу и к говорящему (*a-mo-vida* «взошел сюда»), *ca-mo-* — направление сверху и к говорящему (*ca-mo-vida* «сошел»), *ga-d* [a'-mo- — направление к говорящему с преодолением препятствия (*ga-d* [a'-mo-vida «перешел сюда»]).

Превербам обычно образуется и совершенный вид глагола (*dgams* «ставит» — *da-dgams* «поставит») — как и в русском языке.

Префиксами передаются такие основные словообразовательные категории грузинского глагола, как версия (*a-ketebs* «делает» — *i-ketebs* «делает для себя» — *u-ketebs* «делает для кого-нибудь») и залог (страдательный: *i-zsneba* «открывается»; развязывается — *e-zsneba* «открывается для него; развязывается у него»).

Имеются префиксы, образующие — обычно с суффиксами — отглагольные имена прилагательные (*m-kerav-i* «шьющий; портной»; *sa-kerav-i* «то, что должен шить», *na-ker-i* «шов», буквально «шпиль»). Эти же префиксы, а также префиксы *me-*, *mo-* образуют отыменные имена (*me-ezov-e* «дворник», *mo-kalak-e* «гражданин»).

Менее продуктивны еще действующие древние префиксы *s-*, *si-* отглагольных имен (*s-ula* «ход», *si-rbili* «бег»), преверб *aγ-*, *gan-*, *sta-*, *car-* (*aγ-dgoma* «воскресение», *gan-vitareba* «развитие», *stagonoba* «внушение; вдохновение», *cardgena* «представление», *garda-cvaleba* «кончина»), а также *si-*, *ne-* (*si-lamaz-e* «красота», *ne-rg-i* «саженец»).

Не меньшую роль играют суффиксы, с помощью которых образуются многочисленные производные имена (*kal-i* «женщина» — *kal-ur-i* «женский»; женственный, *kal-ur-ob-a* «женственность»), важная глагольная категория — кауза-

тив (*aķeteb-in-eb-s* «заставляет делать» — *aķeteb-s* «делает»), а также один из вариантов страдательного залога (*çitl-d-eb-a* «краснеет»).

Нередко встречается и префиксально-суффиксальное образование слов (*me-or-e* «второй» — *or-i* «два», *me-sam-ed-i* «третье» — *sam-i* «три»).

Из всего сказанного явствует, какое значение имеют материалы толкового словаря для дальнейшего углубленного изучения структуры грузинского слова, а также для характеристики словообразовательных категорий грузинского языка.

Для образования новых слов грузинский язык нередко использует словосложение, приведем несколько примеров грузинских композитов.

Сложных слов с первым компонентом (*çir* «1. трудность, беда, горе; 2. эпидемия» в толковом словаре приведено до двадцати: *çir-borot-i* «нужда», *çir-gadazdil-i* «прошедший через нужду», *çirta-tmena* «терпеть нужду», *çirisupali* «близкий покойника», *çir-naxul-i* «1. видевший много горя; 2. урожай»).

Основа *çkua* «ум» присутствует в пятидесяти сложных словах: *çkua-goneba* «разум», *çkuadaqargul-i* «потерявший рассудок; без памяти», *çkuata-mgo-pel-i* «имеющий разум», *çkuis-glaza* «балда» и др.

Насчитывается почти 500 сложных слов, составленных с участием основы *xel* «рука» и среди них — *xel-pex-i* «конечности» (дословно: «рука и нога»), *xel-maržve* «умелец», *xelis-šemštel-i* «мешающий».

В качестве составной части *per* «цвет» выступает более чем в пятидесяти словах: *per-xore-i* «цветущий вид» (буквально «цвет и телеса»), *per-daqargul-i* «побледневший» (буквально «потерявший цвет»), Эти же основы (*çir*-, *çkua*-, *xel*-, *per*-и др.) могут выступать в качестве второго компонента сложных слов. Многочисленные композиты, имеющие вторым компонентом основу *per* «цвет», например, передают многообразие цветových оттенков путем ссылки на цвет реального предмета: *šindisper-i* «темно-красный» (буквально «цвета кизила»), *gavis-per-i* «коричневый» (буквально «цвета кофе»), *nacrisper-i* «серый» (буквально «цвета золь») и т. д.

Как можно было видеть, сложное слово часто восходит к синтагме, иногда идиоматического характера: *çkuadaqargul-i* «потерявший рассудок, без памяти», ср. *çkuas daqargavs* «потеряет рассудок»; *per-daqargul-i* «побледневший» (буквально «цвет-потерявший»), *per daeķargeba* «побледнеет, потеряет цвет лица».

В толковом словаре собрано около 15 000 идиоматических выражений. Выявление этих фразеологизмов и их лексикографическая обработка являются частью той трудоемкой работы, которая выполнена не только для установления значений (предметной отнесенности)

слов, выяснения их этимологических, словообразовательных и семантических взаимоотношений, но также и для выявления словесного окружения и естественных контекстов для каждой отдельной лексической единицы. Эту работу удалось выполнить благодаря картотеке, созданной Комиссией толкового словаря и содержащей более двух миллионов карточек.

VII. Многотомные толковые словари типа рецензируемого дают широкую картину развития лексики исследуемого языка, отражая его основное словарное богатство, основные тенденции его развития, объективно показывая его связи и взаимоотношения с другими языками (хотя эта задача как таковая перед толковыми словарями не ставится). Именно поэтому рассматриваемый словарь может быть использован как один из возможных источников для изучения отношения словарного состава грузинского языка к лексике других иберийско-кавказских языков, его воздействия на последние в разные исторические эпохи, в известной мере выполняя даже и роль исторического словаря.

Поскольку грузинский язык является единственным древнеписьменным языком среди иберийско-кавказских, анализ наиболее специфических слоев его лексики в сопоставлении с соответствующими разделами словарного состава остальных языков этой семьи может дать значительные результаты для их сравнительно-исторического и историко-типологического исследования. Рассмотрим это на довольно ограниченном, но достаточно показательном материале.

Модели словообразования и словоизменения, по данным словаря, оказываются в ряде случаев однотипными в горских кавказских и картвельских языках.

Богато представленный в словаре материал позволяет выявить в грузинском и в горских кавказских языках слова общего корня среди названий частей тела (груз. *gul-i*, абхаз. *agu*, адыгейск. *gu*, чечен., ингуш. *duog*, авар. *ra-k'w*⁹, хиналугск. *ung*, *û-g* «сердце», груз. *švin-i* «мозг», чечен. *šut* «костный мозг», груз. *bage* «губа», чечен. *baga* «рот», бацб. *bak*; груз. *çatçat-i*, чечен. *çaçqat* «решница» и др.; среди названий плодовых деревьев, плодов, злаков, растений, домашних животных и птиц (груз. *di-ka* «вид шеницы»⁹, бацб., ингуш., чечен. *ka* «шеница», груз. *katam-i*, чечен., ингуш., бацб. *kotam* «курица» и др.).

Словарь вооружает лингвистов обширным материалом для многогранного исследования общих в иберийско-кавказских языках типологических явлений, в том числе структуры корня и основы.

⁹ А. С. Чикобава, Чанско-мерельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938.

Грузинский язык, грузинская многовековая материальная и духовная культура оказывали влияние на языки и культуры горских кавказских народов. Это нашло отражение в заимствованиях из грузинского языка, например: груз. *zax-i* «лук (ботан.)», чечен., ингуш. *zox*, гунз. *zar'yu*; груз. *xerxi* «шила», чечен., ингуш. *xerx*, хварш. *xerex*.

То значительное иноязычное влияние, которое испытал на себе грузинский язык он «передавал» тем или иным горским кавказским языкам. Например, как было установлено в литературе, названия дней в грузинском были вытеснены греческими, церковными: *šabati* «суббота» (< греч. < евр.), *kvira* «воскресенье», *oršabati* «понедельник», *samšabati* «вторник», *otzšabati* «среда», *xuššabati* «четверг», *paraskevi* «пятница». Эта система, проникая из грузинского в нахские языки, также вытеснила там исконно нахскую систему названий дней недели:

Груз.	Чеченск.	
<i>šabati</i>	<i>šnot</i>	«суббота»
<i>kvira</i>	<i>ķira (nde)¹⁰</i>	«воскресенье»
<i>oršabati</i>	<i>oršnot</i>	«понедельник»
<i>paraskevi</i>	<i>perasķa</i>	«пятница»
Инг.	Бадб.	
<i>šnot</i>	<i>šabat</i>	«суббота»
<i>ķirandi</i>	<i>ķirač</i>	«воскресенье»
<i>oršnot</i>	<i>oršabat</i>	«понедельник»
—	<i>parasķ</i>	«пятница»

VIII. В заключение выскажем некоторые предложения и пожелания. Поскольку словарь стал библиографической редкостью, а потребность в нем велика не только среди научных работников, но и широких кругов грузинского населения, правильно поднять вопрос о втором издании словаря. При этом необходимо дополнить его пропущенными словами, снабдить перечнями собственных имен и географических названий, отсутствующих в словаре, устранить мелкие недочеты, вкравшиеся в первое издание.

Исходя из современного состояния и основных тенденций развития лексики грузинского литературного языка, двадцатилетнего опыта работы над словарем и учитывая, что соотношение активного и пассивного запаса слов в каждом языке в наш бурный век общественного развития постоянно изменяется, следовало бы, быть может, еще раз рассмотреть вопрос об объеме иноязычных и диалектных слов в словаре, об особенностях их характеристики в словарных статьях.

Весьма желательно было бы дополнить статью Арн. С. Чикобава «Общая характеристика грузинского языка» (I, стр. 018—080) специальным разделом, посвященным развитию словарного состава грузинского языка в советскую эпоху.

Еще одно пожелание. Возможно, оно будет неприемлемо для Главной редакции, поскольку потребует значительной дополнительной работы. Речь идет о переводе на русский язык заглавных слов таким же образом, как это сделано в толковом словаре адыгейского языка, в разработке проспекта которого принимали участие Г. В. Рогова и Арн. С. Чикобава. В этом случае, вероятно, возникнет необходимость включения в первый том «Предисловия» и статьи «Общая характеристика грузинского языка» на двух языках — грузинском и русском. Несомненно, все это значительно увеличит число читателей толкового словаря и повысило бы его научное и практическое значение — независимо от готовящегося однотомного грузинско-русского словаря.

Словарь уже получил высокую оценку в советской¹¹ и зарубежной печати. Известный французский лингвист профессор Рене Лафон, приводя слова главного редактора словаря А. С. Чикобава (из предисловия к восьмому тому) — «...На составление и издание восьмитомного Толкового словаря грузинского языка понадобились почти 20 лет. Выполнение работы требовало большой поддержки, и эта поддержка имела. Заслуживают благодарности все, кто помогал нам в этом деле», добавляет: «К благодарности, высказанной А. С. Чикобава, присоединяются не только специалисты грузинского и кавказских языков, но и все те, кто читает по-грузински и интересуется грузинским. Они благодарят также АН ГрузССР и большого грузинского лингвиста, который был душой этого научного и национального начинания»¹². Весьма высоко оценил рецензируемый словарь и А. Куперс¹³.

Авторский коллектив и Главная редакция толкового словаря грузинского языка ознаменовали 50-летие Великого Октября выдающимся вкладом в советскую лингвистику вообще, в иберийско-кавказское языкознание в особенности.

Ю. Д. Дешериев, Р. Гамбашидзе

¹¹ См. рецензию Э. Кремер и М. Кумахова в ИАН ОЛЯ, 1967, 2, стр. 174—176.

¹² См.: R. Lafon, [рец. на кн.:] «Kartuli enis ganmart'ebiti leksik'onis», VIII, BSLP, 61, 2, 1966, стр. 156.

¹³ A. H. Kuipers, Caucasica, в кн.: «Current Trends in Linguistics», I.—Soviet and East European linguistics, The Hague, 1963, стр. 329.

¹⁰ *nde*, по-видимому, груз. *d'e* «день»; *ķirande* < груз. *kvira d'e* «воскресный день».

«Фразеологический словарь русского языка», сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. П. Молотков, А. И. Федоров, под ред. А. И. Молоткова. — Москва, изд-во «Советская энциклопедия», 1967. 543 стр.

Фразеологические словари славянских языков — все еще новое и редкое явление. Чаще издаются двуязычные фразеологические словари¹. Не все из них являются подлинно фразеологическими словарями, в некоторых наряду с фразеологическими единицами представлены и свободные сочетания заглавного слова с другими лексическими единицами (например, в словарях «Немско-български фразеологичен речник» и «Słownik frazeologiczny» Г. Галле и А. Красновольского, Warszawa, 1928).

В последние годы немало работают над проблемами фразеологии, особенно в СССР и Польше; однако по ряду коренных вопросов все еще нет единого мнения. Особенно существенные разногласия возникают в связи с определением термина «фразеологизм», «фразеологическая единица». Не перечисляя различные взгляды по этому вопросу, отметим, что некоторые языковеды (А. А. Реформатский, М. И. Михельсон) к числу фразеологизмов относят даже отдельные слова, а другие, например Ст. Скорупка, считают фразеологизмами не только устойчивые, но и свободные словосочетания. Составители фразеологического словаря (далее — ФС) пришлось в первую очередь дать свое понимание характера и природы фразеологической единицы. Предложенная ими концепция значительно ограничивает содержание понятия «фразеологизм»; отметим здесь, что мы считаем ее правильной².

Во вступительной статье к словарю редактор А. И. Молотков выдвигает следующие категориальные признаки, сово-

купность которых определяет, по его мнению, фразеологизм как самостоятельную единицу языка: 1) лексическое значение, 2) компонентный состав и 3) наличие грамматических категорий (стр. 8). Чтобы раскрыть более полно природу фразеологизма, А. И. Молотков сопоставляет его со словом как единицей языка, с которой у фразеологизма имеются некоторые общие признаки, а также со словосочетанием (стр. 8—9). Сопоставляя фразеологизм со словосочетанием, редактор утверждает, что «компоненты фразеологизма утрачивают все признаки слова (кроме его звукового облика): лексическое значение, формы изменения, синтаксическую функцию и т. д.» (стр. 9). С этим утверждением трудно вполне согласиться. Оно подвергается критике и в рецензии Р. Попова и Л. Маловицкого на рассматриваемый нами ФС, где ставится вопрос о лексемном характере компонентов фразеологизмов³. Прежде всего, не является вполне правильным утверждение А. И. Молоткова, что компоненты фразеологизмов утрачивают формы изменения: как известно, глагольным фразеологизмам присущи парадигматические изменения. Кроме того, компоненты фразеологизмов «не выпадают из лексической системы языка, а сохраняются в ней, имея и свои межсловные связи (синонимы, антонимы)»⁴. Интересно и правильно замечание рецензентов о стилистической характеристике в ФС компонентов фразеологизмов *пустая голова* и *пустая башка*, хотя составители отказывают компонентам в «словесных свойствах»⁵.

В отдельной рубрике, озаглавленной «Фразеологизм и нефразеологизмы», автор специально рассматривает вопрос о различиях между фразеологизмами и теми группами словосочетаний и предложений, которые чаще всего отождествляются с фразеологическими единицами (стр. 14—17).

Рассмотрим каждую из групп устойчивых сочетаний, которые А. И. Молотков ставит вне границ фразеологии и поэтому, естественно, исключает их из ФС. С полным основанием определены как нефразеологизмы и, следовательно, исключены из ФС следующие типы словосочетаний и предложений:

1. Словосочетания типа *девичья память*, *волчий аппетит*, *осиная талая*, в ко-

¹ А. В. К у н и н, *Англо-русский фразеологический словарь*, М., 1955; Л. Э. Б и н о в и ч, *Немецко-русский фразеологический словарь*, М., 1956; М. M a r t i n k o v á, *Rusko-český frazeologický slovník*, Praha, 1953; И. В и р г а н, М. П и л и н с к а я, *Русско-украинский фразеологический словарь*, «Знання», Харьков, 1959, 9—12; 1960, 1—12; 1961, 1—12; 1962, 1—8; Я. Н и к о л о в а - Г љ љ б о в а, К. Г љ љ б о в, *Немско-български фразеологичен речник*, София, 1958.

² Близкая по существу концепция лежит в основе работы над фразеологическим словарем болгарского языка, которая в настоящее время ведется в Институте болгарского языка БАН (см. проспект словаря: К. Н и ч е в а, С. С п а с о в а - М и х а й л о в а, Кр. Ч о л а к о в а, Някои въпроси във връзка с изработването на фразеологичен речник на българския език, БЕ, 1963, 4—5, стр. 434—446).

³ См.: Р. П о п о в, Л. М а л о в и ц к и й, рец. на кн.: «Фразеологический словарь русского языка», «РЯ в нац. шк.», 1968, 4.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 87.

торых одно из слов получает значение, обусловленное только данным, конкретным сочетанием слов. Обусловленность этого значения не дает права считать, что это слово теряет свое лексическое значение (стр. 14).

2. Глагольно-именные словосочетания типа *дать согласие — согласиться, принять решение — решить*, представляющие собой описательные обороты, которыми выражается значение соответствующего глагола; каждое из слов-компонентов сохраняет в их составе свое лексическое значение (стр. 14).

3. Глагольно-именные словосочетания типа *доводить до бешенства, вгонять в тоску*, которые, по мнению А. И. Молоткова, близки к фразеологизмам — в них налицо особое, фразеологически связанное и конструктивно обусловленное значение соответствующего глагола (значение, которое реализуется только в сочетании с абстрактными существительными, выражающими чувства, состояния, переживания, настроения и т. п., и только в предложной конструкции) (стр. 15).

4. Именные и глагольные словосочетания, образованные или путем повтора одного и того же слова в разных формах, или путем сочетания двух слов с одной и той же основой типа *дурак дураком, с места на место, пир пировать* и под. (стр. 15). Исключение этих словосочетаний из числа фразеологизмов не мотивировано, но их, бесспорно, следует считать не фразеологизмами, а фразеологизированными конструкциями, построенными по определенной модели, обладающей в большинстве из приведенных примеров постоянной схемой построения. В связи с этим необходимо, между прочим, отметить, что по недомоту в ФС ошибочно включены фразеологизированные конструкции *яснее ясного* и *не до смегу* (фразеологизированная конструкция с постоянными компонентами *не до* и свободным компонентом, выраженным существительным, ср. *не до разговоров, не до стихов*).

5. Сложные союзы, предлоги, частицы и т. п., которые выполняют функцию служебных слов в рамках предложения (стр. 6).

Правильно определяются как фразеологизмы предложно-именные сочетания типа *до зарезу, на глаз, под замком* и под., в которых налицо переосмысление полнозначного слова, и как нефразеологизмы одинаковые с ними по структуре наречные обороты типа *в облачку, во время, без умолку* (во втором случае полнозначное слово не теряет лексического значения; и даже тогда, когда оборот уже функционирует как одно слово, лексическое значение этого нового слова соотносится со значением его составных частей).

Во вступительной статье недостаточно четко изложен вопрос о так называемых «крылатых словах»; это влечет за собой

некоторую непоследовательность при их включении в ФС. В соответствии с принятой в словаре концепцией о природе фразеологизма, каждый фразеологизм обладает лексическим значением. Однако крылатые слова неоднородны с точки зрения их структуры и их значения. Наряду с крылатыми словами типа *буриданов осел, агвевши конюшни, зарывать <талант> в землю*, которые имеют лексическое значение, в ФС включены также выражения *далеко ходить не нужно, игра не стоит свеч (свечей), мир тесен, всякое лыко в струю, пазнет порохом* и др., которые не обладают лексическим значением, потому что в основе их смыслового содержания лежат не понятия, а суждения (это обусловлено их структурными особенностями и видно и по их толкованию). Включение подобных крылатых выражений в ФС не соответствует концепции составителей о характере фразеологизма как единицы языка, тем более что целый ряд подобных по своим структурно-семантическим признакам крылатых выражений не включен в ФС, например, *все дороги ведут в Рим, все гнило в Датском королевстве, Карфаген должен быть разрушен* и др. С другой стороны, пропущены крылатые слова, имеющие лексическое значение, типа *Новое ковчег, живой труп, пятая колонна, летучий голландец* и др. Вообще вопрос о лексическом значении фразеологизмов сложен и недостаточно разработан; важно подчеркнуть, что высказанная во вступительной статье мысль о различной качественной природе лексического значения фразеологизма и слова (стр. 13), бесспорно, является правильной (так, ряд фразеологизмов семантически сложнее лексической единицы).

Сложный вопрос об отнесении пословиц и поговорок к разряду фразеологизмов разрешен на основе специфической трактовки термина «поговорка». Как известно, ни в языкознании, ни в фольклористике не выяснено достаточно содержание этих терминов. Для составителей ФС поговорка структурно организована по типу предложения, по содержанию она всегда однопланова, для нее характерно прямое содержание высказывания (ср. *в тесноте, да не в обиде; уговор дороже денег*). Пословица, по определению составителей, всегда двупланова, выражает одновременно прямой и переносный план содержания высказывания (ср. *цыплят по осени считают*). Мы не можем согласиться с приведенной трактовкой термина «поговорка»; тем не менее важно отметить, что исключение из содержания ФС пословиц и поговорок (в соответствии с приведенным определением поговорки) правильно. Выражения, которые определяются как поговорки, по причине своей одноплановости и по своей структуре не имеют ничего общего с фразеологизмами, а пословицы, образность которых

сближает их с фразеологизмами, не относятся к ним, так как они обладают иной смысловой природой (в основе содержания высказывания, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, а в основе лексического значения фразеологизма — понятие). Что касается поговорок в традиционном понимании этого термина, то в большинстве случаев они совпадают с определенными группами фразеологизмов и включаются таким образом в ФС на общих основаниях.

Трудно согласиться с доводами, которые лежат в основе исключения из ФС тех сложных терминов, в которых значение не является мотивированным, например, *анютины глазки, кукушкины слезки, летучая мышь* (название лампы). Вряд ли верно утверждение, что составные термины — словосочетания, в составе которых слова не теряют признаков слов: это положение справедливо лишь для тех составных терминов, мотивировка значения которых ясна, ср. *атомный вес, северный полюс, рентгеновские лучи* и под. Что касается составных терминов с немотивированным значением типа приведенных выше, то их бесспорно следует отнести к фразеологизмам, так как они отличаются полным пересмыслением, и их лексическое значение не соотносится со значением слов — их компонентов. Другой вопрос, что фразеологизмы этого типа отличаются от основной массы фразеологизмов тем, что они лишены экспрессивности и обладают только чисто номинативной функцией, но не являются выразительным средством языка (как известно, фразеологизмами обычно не только называются предмет, но и выражается отношение к нему). Лишь по этой причине для сохранения монолитного характера фразеологического словаря, отражающего фразеологию как выразительное средство соответствующего языка, эти сложные названия и термины можно было бы не вводить в ФС.

Во вступительной статье необходимо было отграничить фразеологизмы не только от словосочетаний, но и от некоторых слов. Такое отграничение целесообразно провести в двух направлениях: с одной стороны — обособить фразеологизмы от сложных слов, с другой — от случаев, когда имеет место ограниченное употребление данного значения какого-либо слова только в определенной форме (времени, наклонения и др.) и при определенных условиях (например, с отрицанием). Невыясненность этих вопросов во вступительной статье, очевидно, явилась причиной включения в ФС некоторых случаев, которые следует определить как слова.

Не к фразеологизмам, а к сложным словам нужно отнести случаи типа *рубахопарень, молодозелено, хлеб-соль, за чай-сахар, трип-трава* и др. Частным слу-

чаем сочетаний этого типа являются некоторые удвоенные наречия. Почти всегда в них наречие сохраняет свое значение, удвоение же служит лишь для достижения большей выразительности. Поэтому вызывает удивление отнесение к фразеологии после знака \circ таких случаев, как, например, *еле-еле, едва-едва* в четырехтомном «Словаре русского языка» (1). В ФС эти случаи правильно не включены, однако в нем встречаем, например, *вот-вот*, образованное тем же способом, которое в цитированном выше словаре определяется как лексема и представлено заглавным словом. Бесспорно, что в *вот-вот*, в отличие от *еле-еле*, найдено не только новое значение, отличающееся от значения наречия *вот*, но и полное пересмысление. Однако остается открытым вопрос, отнести ли его к сложным словам, к фразеологизмам или считать переходным типом.

Спорным является определение как фразеологизмов случаев типа *не горит у кого, не разогонись, не вышел чем, не пропадет за кем, не устоять против и в кого, чего*, в которых отрицательная частица не полностью сохраняет свое значение и только второй компонент пересмысливается. Эти случаи можно было бы трактовать как значение соответствующего глагола, выступающее при употреблении его с отрицанием не и в ограниченных грамматических условиях (в форме определенного времени, лица и пр.). В случае, если сочетание с подобными компонентами располагает еще одним, даже и факультативным, компонентом, его с полным основанием можно отнести к фразеологизмам, ср. *(и) не ночевал где, (и) не поехал чего, (и) не пахнет чем*, включенные в ФС.

Наряду с разрешением проблемы о языковой природе фразеологизмов перед составителями стояла задача выяснения и некоторых более частных вопросов, а также ряда задач лексикографической разработки фразеологизмов. Прежде всего было необходимо установить границы и формы отдельных фразеологизмов, разграничив случаи употребления фразеологизма в речи и формы фразеологизма как единицы языка. Это один из самых сложных и слабо разработанных вопросов, трудность которого проявляется в следующем: с одной стороны, нужно установить связи данного фразеологизма с остальными словами в речи, т. е. лексическую и грамматическую сочетаемость фразеологизма; с другой стороны — разграничить отдельные фразеологизмы между собой, т. е. установить принадлежность или непринадлежность разных форм употребления к одному и тому же фразеологизму. Как известно, в большинстве случаев фразеологизмы вступают в различные синтаксические связи с остальными словами и в зависимости от их лексико-грамматических особенностей

либо согласуются с другими словами, либо управляют ими или являются управляемыми, либо примакают к ним. Поэтому при употреблении таких фразеологизмов в речи они как бы дополняются синтаксическими единицами, не входящими в их структуру, но обязательными (реже факультативными) для структуры предложения, в котором они функционируют.

Кроме грамматической связанности, имеет место и лексическая сочетаемость. Некоторые фразеологизмы всегда (или почти всегда) употребляются в речи в сочетании с определенным словом (или с определенным семантическим кругом слов). Обязательная лексическая сочетаемость определена А. И. Молотковым как «обязательное словесное окружение фразеологизмов».

Сложность отношений фразеологизмов между собой определяется прежде всего существованием явления вариантности фразеологизмов, которое проявляется в возможности варьирования одного, нескольких или всех компонентов данного фразеологизма по их форме (формальные варианты), ср. дай бог память (памяти), по составу компонентов (лексические варианты) ср. знуть [ломать] спину [горб, хребет], или одновременно по составу и форме компонентов (смешанные варианты), ср. проливать [бросать] свет на что, пролить [бросить] свет на что (стр. 11). Одновременно каждый из фразеологизмов может находиться в синонимичной связи с другими фразеологизмами, ср. егоянить в гроб кого и сводить в могилу кого. Картина усложняется еще более тем, что, как правильно указал А. И. Молотков, нередко встречаются переходные случаи между синонимами и вариантами (стр. 19).

Решение вопроса о границах и форме фразеологизмов в рецензируемом словаре — одно из самых значительных достижений авторов как в теоретическом, так и в практическом отношении, т. е. с точки зрения подачи в ФС отдельных фразеологизмов. Естественно, возможны и другие способы описания фразеологизмов, однако главным остается факт установления точных границ и формы каждого отдельного фразеологизма, обособление его как определенной единицы языка от форм, которые сопутствуют ему при употреблении в речи, и от других фразеологизмов. Точное описание форм и границ фразеологизмов в русском языке вносит ряд поправок в представление конкретных фразеологизмов в некоторых словарях русского языка. В этом и в ряде других отношений ФС может послужить базой при разработке фразеологизмов в будущих словарях русского языка.

Относительно лексикографической разработки фразеологизмов в рецензиру-

емом словаре важно отметить следующее.

Поскольку фразеологические единицы состоят из двух или более компонентов, первый вопрос, возникающий при их включении в словарь, состоит в том, при котором из компонентов и под какой формой дать фразеологизм. Составители приняли за правило принцип помешения в словаре каждого фразеологизма столько раз, сколько компонентов входит в его состав. При этом принимаются во внимание также лексические и видовые варианты. Соответствующий компонент представлен в той форме, в какой он встречается во фразеологизме. Например, фразеологизмы со словом *глаз* в их составе даются при компонентах *глаз* (ср. *глаз на глаз*, *для отвода глаза* — при *отвода*, *бить в глаза*, *бросать в глаза*), *глазам* (*бить по глазам*, *глазами* (*есть глазами*)) и под., а также при других компонентах фразеологизма (*для отвода глаз* — при *отвода*, *бить в глаза* — при *бить* и т. д.), причем толкование дается только при одном из компонентов (выбор этого компонента зависит от структурной организации фразеологизма) — стр. 22), а при других приводится ссылка на соответствующий фразеологизм, например *для отвода глаз* дается толкование при слове *отвода*, а при *глаз* стоит ссылка — «См. *отвода*». Принятый в ФС принцип более оправдан, чем изложенные на стр. 21—22 четыре других возможных способа, в соответствии с которыми или искусственно разделяются семантически основные и грамматически главные компоненты, или фразеологизм помещается по его первому компоненту, или по искусственно созданной вокабуле. С нашей точки зрения, лучше было бы расположить фразеологизмы как заглавные слова в азбучном порядке. В таком случае явилась бы необходимость в конце словаря представить указатель, в котором наряду с прочими были бы раскрыты связи и отношения данного фразеологизма с остальными фразеологизмами языка. Таким образом может быть избегнута отсылка читателя от одного заглавного слова к другому, и, следовательно, облегчилось бы пользование словарем, потому что только в редких случаях, когда читатель сам не может определить форму фразеологизма, потребовалось бы использование указателя. Это замечание не снижает значения того факта, что принятый в ФС способ подачи фразеологизмов научно выдержан.

Относительно разработки фразеологизмов-вариантов представляется, что техника их подачи не является самой удачной. С одной стороны, заглавные фразеологизмы оказываются слишком усложненными, а с другой стороны, в рамках одной статьи находит место лишь часть вариантов, а к остальным даются ссылки.

Форма фразеологизмов определяется в соответствии с учетом тонкостей употребления отдельного фразеологизма. Очевидно стремление авторов избежать включения фразеологизма в искусственной языковой форме. Так, например, глагольные фразеологизмы даются в совершенном и несовершенном виде, но если они употребляются исключительно или преимущественно в одной из видовых форм, в заглавном слове представлен фразеологизм в этой форме, а возможность употребления в другой форме отражена в статье (например, *заморить червячка, приказать долго жить*). Точно так же, если глагольный фразеологизм встречается только в определенной форме (императив, прошедшее время), в заглавном слове он помещен в этой форме, а не в форме инфинитива (например, *заткни фонтан, поминай как звали, и след простыл* к о г о). Приняты во внимание и случаи, когда значение данного фразеологизма реализуется лишь в определенной форме (например, при *битьсь об заклад* второе значение представлено: «Только в форме *бьюсь об заклад* „уверю, готов поклясться, что это так“»). Однако остается невыясненным вопрос о том, как определить порядок следования членов фразеологизма с подвижным порядком слов.

Грамматические пометы в ФС даются обыкновенно тогда, когда отсутствие их могло бы помешать правильному восприятию фразеологизма (стр. 21). Здесь можно указать на некоторые пропуски — например, при *собаку съел* отмечено предложное управление и а чем, в чем, но нет указаний на то, что фразеологизм, как известно, употребляется и с инфинитивом⁶. В некоторых случаях было бы желательно указание на конструктивную обусловленность и синтаксическую ограниченность отдельных фразеологизмов [например, указание на то, что фразеологизмы *отсохни (у меня) язык и провалиться мне на этом месте* употребляются всегда (или преимущественно) в сложноподчиненном (условном) предложении]. Достоинством ФС является также включение синонимов и антонимов фразеологических единиц (ср., например, при *андроны едут* — синоними *бабушка*

«еще» надвое сказала; вилами по воде писано). Синонимы и антонимы даются и к отдельным значениям многозначных фразеологизмов, что позволяет лучше понять отношения между фразеологизмами и свидетельствует об углубленности их анализа [так, например, при *бить баклуши* находим синоними *валять дурака* (в четвертом значении), *лодыря гонять*; при фразеологизме *идти* [катиться] *под гору* [под уклон] дан антоним *идти в гору* (во втором значении)].

В связи с этим заметим следующее. Как антонимы в ФС определяются только те фразеологизмы, которые имеют противоположные значения и тождественный компонентный состав, кроме одного компонента (в каждом из них), обыкновенно генетически восходящего к слову-антониму (полнозначному или служебному), и которые обладают одной и той же лексико-грамматической характеристикой. Ср.: *заваривать кашу и расклеивать кашу; без царя в голове и с царем в голове*. Требование необходимости тождественного компонентного состава не является, с нашей точки зрения, правильным и искусственно ограничивает антонимическую характеристику фразеологизмов: достаточны два других указанных условия. Поэтому к антонимам можно отнести и *не (из) трусливого десятка и заячь душа; черепашьим ходом и живым дуком; на краю света [земли] и не за горами* в первом значении «неподалеку, очень близко» (находиться, быть и пр.). При перечислении синонимов можно назвать некоторые пропуски, например при *много не надыхит* не отмечен синоним *дышать на ладан*.

Ценным в разработке фразеологизмов в ФС является и справочный отдел в конце статей по отдельным фразеологизмам, в котором отмечаются данные об их происхождении, а также даются некоторые библиографические указания. Такие указания находим при *Аннибллова клятва, кануть в Лету, тертый калач, крокодиловы слезы, играть в бирюльки* и др.

Первый фразеологический словарь русского языка является ценным источником для глубокого ознакомления с одним из наиболее самобытных выразительных средств русского языка — его богатой фразеологией.

⁶ Ср.: А. М. Б а б к и н, Лексикографическая разработка русской фразеологии, М.—Л., 1964, стр. 41.

St. Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego. I — Warszawa, Wiedza Powszechna, 1967. 788 стр.

Вышел в свет том I «Фразеологического словаря польского языка» (далее SFJP), составленный видным польским ученым проф. Ст. Скорупкой¹. Появление SFJP — еще одно достижение польской лексикографии, добившейся в послевоенные годы больших успехов.

Интенсивная разработка вопросов, польской фразеологии также приходится на послевоенные годы, поэтому появление SFJP именно сейчас не является случайным².

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению SFJP, необходимо хотя бы

¹ Рецензируемый словарь Ст. Скорупки не является первым фразеологическим словарем польского языка. См.: А. K r a s n o w o l s k i, *Słownik frazeologiczny. Poradnik dla piszących*, Warszawa, 1900 (1899); T. I g l i k o w s k a, H. K u r k o w s k a, *Mały słownik frazeologiczny (Zeszyt próbný)*, Warszawa, 1963; и х же, *Mały słownik frazeologiczny, I*, Warszawa, 1966. Кроме того, многие паремнографические работы, наряду с пословицами и поговорками, включают и некоторые характерные для польского языка сочетания слов. Поэтому мы считаем возможным сопоставлять (там, где это представляется целесообразным) материалы SFJP не только с упомянутыми выше словарями, но также и со следующими сборниками: «Księga przysłów, przypowieści i wyrażań przysłowiczych polskich», зebrał i opracował S. Adalberg, Warszawa, 1889—1894; «Przysłowia Polskie», зebrał F. K. Brzozowski, Kraków, 1896; «Przysłowia i mowy potoczne ludu polskiego w Szląsku», зebrał J. Lompa, W Bochni, 1858; «Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku, w księtwi Cieszyńskim», зebrał Dr. A. Cinciała, Cieszyn, 1885. Следует также упомянуть о книге: «Idiomatym Polonici... per Thesaurum Polono-Latinum R. P. G. Snapii», Kalisz, 1682. Интересный фразеологический материал содержится в работе: H. B r a u n, *Frazeologia niemiecko-polska*, Poznań, 1931.

² Библиографию работ по польской фразеологии см.: St. S k o r u p k a, *Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza*, сб. «Славянская филология», III, М., 1958, стр. 152—153; H. K u r k o w s k a, St. S k o r u p k a, *Stylistyka polska*, Warszawa, 1959, стр. 358—359; Л. И. Р о й з е н з о н, М. А. П е к л е р, *Материалы к общей библиографии по фразеологии*, сб. «Вопросы фразеологии», Ташкент, 1965, стр. 147—244; К. М. Г ю л м я н и ц, *Структура, семантика и употребление устойчивых сравнений польского языка*. Канд. дисерт., Самарканд, 1967, стр. 373—377.

кратко изложить фразеологическую концепцию польских лингвистов, так как она содержит ряд специфических моментов.

Вопросы теории польской фразеологии освещены в работах акад. В. Доршевского и еще более полно — в трудах автора словаря, Ст. Скорупки³. Все типичные (обычные) для языка сочетания слов Ст. Скорупка определяет как фразеологические⁴, выделяя среди них (в зависимости от степени семантической связанности компонентов) три взаимодействующие группы:

1. Прежде всего это *związki stałe* (идиоматические сочетания), выполняющие функцию отдельных слов. Значение таких сочетаний можно передать при помощи эквивалентного слова или другого фразеологического сочетания. Компоненты таких фразеологизмов подверглись в языке полной лексикализации (например: *dwa grzyby w barszcz* в значении «слишком много», *wyłać komu grzbiet* в значении «избить») и т. п.

2. Вторая группа — это *związki łączliwe* (łącżliwe wymiennoczlónowe), т. е. фразеологические единицы, обладающие определенной устойчивой сочетаемостью; компоненты этих сочетаний не лексикализовались и сохраняют свои реальные значения (например: *dobry, różowy, świątyni, zły humor* и т. п.). К данному же типу Ст. Скорупка относит и сочетания с фразеологически связанными компонентами (типа: *gniady koń, rumak, ogier; gniada klacz, kobyła*), а также сочетания перифразического характера (как, например: *wykonać skok — skoczyć, dokonać przekładu — przełożyć*). Промежуточное место между этими двумя типами фразеологизмов занимают в классификации Ст. Скорупки термины (*aparatus telefontyczny, aktor komiczny*) и стереотипные сравнения (*blady jak kreda, spać jak pień*).

3. Третью группу составляют *związki luźne* (свободные сочетания) — единицы,

³ См. например: St. S k o r u p k a, *Typy połączeń frazeologicznych*, «Poradnik językowy», 1952, 5—6; его же, *Frazeologia a semantyka*, там же, 1952, 7—8; его же, *Z zagadnień frazeologii*, там же, 1953, 8—9—10; его же, *Frazeologia a składnia*, BPTJ, XVII, 1958 и др.

⁴ Ср. следующее высказывание В. Доршевского: «Под фразеологическими сочетаниями (фразеологией) мы понимаем сочетания слов, характерные для языка с точки зрения стилистики и синтаксиса и отличающиеся тем, что они являются лексическими единицами особого рода (выступают в качестве знаков отдельных десигнагов)» («Słownik języka polskiego», I, Warszawa, 1958, стр. XXXVI).

которые образуются в процессе речевого обобщения и регулируются нормами языка; они состоят обычно из слов, ограниченных в своей сочетаемости лишь предметно-логически, а не семасиологически (например: *droga przez wieś, przez pola*)⁵.

В предисловии к словарю Ст. Скорупка пишет: «Только тогда можно уяснить себе специфичность употребления слова в какой-либо фразеологической единице, когда известны все его языковые связи...» (стр. 5). В соответствии с этим подходом в SFJP Ст. Скорупка включаются в се характерные для польского языка типы сочетаний слов, что для польской лексикографии является традиционным⁶. Что это действительно так, видно хотя бы из следующей словарной статьи с опорным существительным «котел» (стр. 332). Среди примеров мы здесь находим свободные (с нашей точки зрения) сочетания слов (например, выражения: *żelazny kocioł, kocioł żur, kocioł z żurą*), терминологические — с разной степенью семантической слитности компонентов (как, например: *techn. kocioł parowy; łow. polowanie z kotłem; wojsk. brać nieprzyjaciela w kocioł*), устойчивые обороты (*wpaść do kotła, zatonąć w kocioł*), стереотипные сравнения (*huczy, kipi, wrze itp. jak w kotle*), пословицу и ее вариант [*Przygania kocioł garnkowi, a sam smoli (a obydwu smoli)*]⁷.

Таким образом, SFJP является не только словарем фразеологических единиц, но одновременно и словарем лексической сочетаемости⁸; это синтетический словарь особого филологического типа.

⁵ В. Доросhevский выделяет четыре группы фразеологических сочетаний слов: *związki stałe, wymiennocłonowe, łączliwe luźne* (см.: «Słownik języka polskiego», I, стр. XXXVI—XXVII).

⁶ В советском языкознании такого расширенного толкования фразеологизмов придерживаются, например, М. М. Копыленко, а также В. И. Мова.

⁷ Автор оговаривает в предисловии, что словарь включает, прежде всего, идиоматические сочетания и сочетания с фразеологически связанным значением (см. стр. 5). Произвести точный подсчет того, какой из типов фразеологизмов в словаре преобладает, не представляется возможным по двум причинам: 1) подчас весьма затруднительно провести границу между одним и другим типом сочетаний; 2) различные словарные статьи неоднородны в отношении фактического материала (ср., например, статьи *kolacja, kobyła*, стр. 332—333).

⁸ Материал, характеризующий сочетаемостные особенности польских лексем в SFJP, в значительной части совпадает с материалом словаря: *St. Szober, Słownik porównawczy polszczyzny, 4 wyd., Warszawa, 1963*. В некоторых случаях само понятие лексической сочетаемости интерпретируется Ст. Скорупкой чрез-

В I томе SFJP (охватывающем буквы А — Р)⁹ 7818 словарных статей. Едва ли не самым большим достоинством словаря является его огромный фактический материал¹⁰. Это делает его уникальным собранием фразеологического богатства польского языка. Основу словаря составляет фразеология, извлеченная из лучших произведений польской художественной литературы за последние два столетия — с середины XVIII до середины XX в. Составитель SFJP использовал свыше 1200 литературных источников (проза, поэзия, драма, эпистолярные произведения). Кроме того, широко привлекаются материалы классической и современной польской публицистики, материалы периодической печати (78 наименований). Важно также, что используются произведения научной и учебной литературы (около 600 наименований), которые раньше в практике составления фразеологических словарей, как правило, не учитывались. Наконец, в состав SFJP вошло и большое собрание польских пословиц и поговорок.

Более скромное место занимают в словаре обороты диалектного или фольклорного происхождения (как, например: *u niego nie wszyscy doma, za górami, za lasami*).

Можно с уверенностью сказать, что SFJP полно и объективно отражает состояние польской фразеологии за последние двести лет¹¹. Во всяком случае, в пределах одного фразеологического пла-

вычайно широко. Так, в словаре приведены статьи типа *gorzej, niedużo, kromka, krowi*, опорное слово которых не обнаруживает никакой сочетаемостной специфики. В Советском Союзе ведется подготовительная работа по составлению словаря лексической сочетаемости (ИО Института русского языка АН СССР, руководитель Ю. С. Сорокин).

⁹ Все остальные буквы включены во II том SFJP, который недавно вышел из печати.

¹⁰ Отметим, что недавно выпущенный «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (М., 1967) включает свыше 4000 фразеологических единиц, а в подготавливаемый академический словарь русского языка войдет около 20 000 фразеологических единиц. Самый большой из вышедших до настоящего времени польских сборников (который можно приравнять к фразеологическим словарям) — книга С. Адальберга состоит всего из 5100 словарных статей.

¹¹ Необходимо отметить, что фразеологическое богатство польского языка в той или иной мере отражено также и в толковых, синонимических и двуязычных словарях. Прежде всего заслуживают быть отмеченными следующие толковые словари: *S. B. Linde, Słownik języka polskiego, 1—6, Lwów, 1854—1860; J.*

ста, где мы имели возможность произвести детальную проверку, нами обнаружено очень небольшое число выражений, пропущенных составителями словаря. Такими являются, например, сочетания *dobry jak anioł* (это сравнение мы находим у Словацкого, Качковского, Сенкевича, Пруса, Кожаневского, Гоявичинской и других писателей), *czarne jak aksamit* (есть у Сенкевича, Ожешко, Пруса, Василевской и др.), *[prze-]ciecieć jak błyskawica* (встречается у Сенкевича, Реймонта, Ожешко, Гомулицкого, Василевской и др.), *czarny jak diabeł* (у Сенкевича, Качковского, Паукшты и др.), *głos jak z beczki* (есть у Кручковского, Кунцевичевой, Бартевicia и др.).

Важным условием успешной лексикографической обработки столь обширного фразеологического материала является хорошо продуманная система стилистических помет. Система помет в SFJP представлена различными группами квалификаторов: 1) пометы, указывающие на разновидности разговорной речи, например: просторечное (posp. *trzasnąć kopytami*), арго (karc. *leżeć bez jednej, uszn. wykuć lekcję*), областное, диалектное (reg. *dzielić kogo za kark*) и др.; 2) пометы, указывающие на разновидности письменной речи, например: книжное (książk. *na tonie natury*), научно-техническое (geogr. *linia brzegowa*, polit. *linia demarkacyjna*, mat. *linia eliptyczna*, fiz. *linia magnetyczna*, techn. *linia ogniowa*), официальное (urz. *dokument opieku*) и др.; 3) пометы, устанавливающие историческую перспективу, например: старинное (daw. *odszczękać spod ławy*), устарелое (*przestarz. trzymać kogo na munsztuku*), 4) пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) фразеологизмов, например: ироническое (iron. *przystawać na co łaskawie*), шутовое (żart. *lepszy łobuz*), пренебрежительное (pogard. *liczyć komu łapy*), эвфемистическое (euf. *okrześlić co dosadnie*) и др. Во многих случаях одни и те же фразеологизмы характеризуются несколькими пометами.

В SFJP имеются указания на источник происхождения некоторых фразеологизмов. См., например: *groź wdowi* (Łuk. XXI, 1—4); *połobany grób* (Mat. XXIII, 27); *Nie czas żałować róż, gdy płoną lasy* (Słow.), *hesperyjskie ogrody, jabłko niezgody* (указание на морфологию). Жаль, что при многих фразеологизмах книжного происхождения (из Библии, мифологии, художественных текстов) подобные пометы почему-то отсутствуют. Без ссылки на источник даны, например: *głos wołającego na puszczy, sodoma i gomora*,

Карлович, А. А. Кругицкий, В. Недзвиеcki, *Słownik języka polskiego*, 1—8, Warszawa, 1900—1927. Особенно богато представлена польская фразеология в новом «Словаре польского языка» под ред. В. Дороевского.

beczka Danaid, cierpieć męki Tantala, o czym się filozofom nie śniło и мн. др.

Ссылки на иноязычное происхождение (заимствования или кальки) даются от случая к случаю. См., например: *Mowa — wiatr, a pismo grunt* (przysł. litew), *Lekarzu, uzdrów samego siebie* (лц.), *błyskawiczna wojna* (з. нем. *Blitzkrieg*).

Историко-этимологические справки к фразеологизмам приведены лишь sporadycznie [например: *jakby w czarce bobrowej chodził* — *ma się za mądrego* (od jezuitów, którzy nosili czapki bobrowe), стр. 150], что, впрочем, объясняется недостаточной разработанностью исторической фразеологии польского языка¹².

В качестве заглавного¹³ выступает слово, которое определяет сочетаемость с другими словами или же является опорным с грамматической или семантической точки зрения. Ср.: «*Męstwo*. 1. Nadzwyczajne, nieustraszone, niezachwiane, niezwykłe, rycerskie, szalone *męstwo*. 2. Okazać *męstwo*. 3. Natchnąć *męstwo*. 4. Słynać z *męstwa*, sławić się *męstwem*. 5. Znosić co z *męstwem*. 6. *Męstwo* wstępuje, wstąpiło w serce *czuje*». Опорным словом большей части словарных статей выступает имя существительное (например, в букве *G* из 425 словарных статей — 206 раз, в букве *M* из 586 — 291 раз) и прилагательное (в букве *G* — 131 словарная статья, в букве *M* — 201). Значительно реже в этой функции встречается глагол (в букве *G* 58 раз, в букве *M* — 66) и другие части речи (соответственно 30 и 28 раз).

В одной словарной статье (т. е. только по одному из значащих компонентов) приводится в SFJP большая часть пословиц, глагольно-именные сочетания — перифразы простых глаголов, часть сочетаний с фразеологически связанным значением и некоторые типы устойчивых сравнений. В связи с тем, что «каждый из компонентов фразеологических единиц часто выступает не только в одном сочетании, но обладает и более широкой сочетаемостью с другими словами» (стр. 9), многие фра-

¹² В этой области имеются, однако, некоторые заслуживающие внимания исследования. Вопросу этимологии фразеологических единиц посвящены, например, книги: А. К р а с н о в о л с к и, *Przeźnię mowy potocznej*, I—II, Warszawa, 1905—1906; J. K r z y ż a n o w s k i, *Mądrej głowie dość dwie słowie*, I—II, Warszawa, 1958—1960.

¹³ В польской лексикографической практике можно установить три принципа в расположении фразеологизмов: 1) в алфавитном порядке по первому слову (в словаре Квапиуса и сборниках Лёмпы, Цициалы, Овдруса); 2) в алфавитном порядке — по первой букве компонента, который выделяется как опорный (у Бжозовского, Адальберга); 3) по тематическому принципу (например, у Илликовской и Курковской).

зеологизмы приводятся в двух-трех словарных статьях (в таких случаях иногда даются отсылки).

Подобный принцип расположения материала дает возможность объединить в каждой словарной статье максимальное количество включающих данную лексику сочетаний слов.

По двум (изредка по трем) компонентам даются в словаре идиоматические сочетания, большая часть стереотипных сравнений, глагольно-именные сочетания с фразеологически связанным значением¹⁴ и сочетания-перифразы, а также некоторые пословицы (свыше 150 из общего числа — всего в I т. описано 1100 пословиц).

Принципы толкования фразеологизма (помещенного в 2—3 словарных статьях) покажем на примере идиоматических сочетаний:

1. В одной из словарных статей дается более сжатая, а в другой — более пространная характеристика сочетания. Ср.: *całą gębą* (статья *cały*): а) *co się zowie, narządę, prawdziwie*; б) *szczerze, serdecznie*. То же сочетание в статье *gęba*: а) *gogacz, gospodarz, kupiec, pan, pani, żołnierz itp.* (со *się zowie*, в *całym* tego słowa znaczeniu); б) *śmiać się całą gębą* а. *rzadziej na całą gębę* (*śmiać się bardzo głośno, szczerze*).

2. Значения, которые приводятся в одной из словарных статей, лишь частично покрываются значениями, приведенными в другой: Ср.: статья *ciénko*: *ciénko prząść, grać, śpiewać*: а) *być w biedzie*; б) *być pokornym*. *Ciénko prząść* (в статье *prząść*): а) *żyć w biedzie*; б) *być bardzo słabego zdrowia*; в) *ostatkiem gonić, robić bokami, być w krytycznym położeniu*.

3. Сочетание толкуется только в одной словарной статье (например: *przyciąć komu ogon* — в статье *ogon*). С точки зрения читателя столь неоднородные приемы толкования фразеологизмов представляются не вполне оправданными.

Толкованию подвергается не весь материал словаря, а лишь часть его, а именно: 1) сочетания, в которых значение целого не равно семантике отдельных компонентов (*t. e.* *związki stałe*); 2) сочетания терминологического характера; 3) большая часть сочетаний связанного характера (*związki łączliwe*). При толковании фразеологизмов автор пользуется следующими приемами: а) объясняется реальное значение сочетания (путем под-

становки эквивалентного слова, сочетанием слов или же описательно); б) дается характеристика сферы употребления сочетания; в) к фразеологизму подбираются лексические и фразеологические синонимы. Естественно, что во многих случаях эти приемы перекрещиваются, взаимно дополняя друг друга.

Приемы толкования фразеологизма зависят и от его лексико-семантической структуры. Так, например, идиоматическое сочетание может поясняться а) эквивалентным словом, группой слов и/или свободным словосочетанием, например: *grać na(po)nosie* — *lekseważyć, drażnić, sprzeciwić się; opuścić ręce* — *rezygnować z działania*; б) фразеологизмом-синонимом (например: *przyciąć komu ogon* — *wystrzychnąć na dudka*).

Значение терминового толкуется описательно (*resp.* энциклопедически), например: *bot. bagnozyczajne* (*roślina z rodziny wrzowatych, rosnąca na torfowiskach, używana jako środek przeciw molom*).

В зависимости от характера стереотипного сравнения оно по-разному толкуется в словаре¹⁵: а) значение компаративной единицы поясняется в целом: *wygląda jak księżyc w pełni* (*ma twarz okrągłą*); *goty jak bizun* (*nie mający ani grosza*); б) раскрывается значение не всего фразеологизма, а только его сравнительной части (например: *silny, tęgą, zdrowy jak byk* (*bardzo silny, tęgą, zdrowy*); *rosnąć jak na drożdżach* (*szybko*)¹⁶. В ряде случаев значение оборота поясняется посредством синонимичного сочетания (сочетаний), например: *siedzieć jak na brzytwach*, *por. siedzieć jak na szpilkach; łąć jak z karty* — *jak najęty, jak z nut*. Значение сочетания с компонентом связанного употребления толкуется при помощи эквивалентного слова (например: *broczyć krewią* — *krwawić*), описательно, при помощи приведения синонимов (например: *prawić androny, banialuki, brednie, od rzeczy, trzy po trzy, daw. baję*). В тех случаях, когда значение сочетаний вытекает из семантики его компонентов, оно может приводиться и без всяких пояснений (см. пример *gniady koń*). Семантика глагольно-именных сочетаний перифрастического характера раскрывается в большинстве случаев при помощи эквивалентного глагола — однокоренного с существительным оборота

¹⁵ Отметим, что примерно в половине случаев (в 93 из 200 произвольно взятых нами сравнений) пояснения отсутствуют. Без пояснений даны, например, сочетания: *ciénki jak nitka, pełzać jak gąsienica, droga jak po stole*.

¹⁶ В целом ряде устойчивых сравнений польского языка сравнительная часть представляет собой все сочетание. Например: *jak z bata strzelił* (*prędko, ani się obejrzał*), *jak w dym* (*bez wahania, śmiało, na pewno*).

¹⁴ Глагольно-именные сочетания с фразеологически связанным значением приводятся, как правило, по каждому значимому компоненту в отдельности. При этом при глагольном компоненте дается ряд наиболее употребительных с ним существительных, а при существительных — ряд глаголов. К сожалению, этот принцип подачи фразеологизмов соблюдается не всегда последовательно.

(например: *prowadzić polemikę — polemizować*), реже — при помощи другого эквивалентного слова (например: *brać na indagację — wypytywać*) или же сочетания слов (ср.: *dać odpowiedź — udzielić odpowiedzi, odpowiedzieć*)¹⁷.

Неоднородный характер материала SFJP предопределил и архитектонику словарных статей, которая находится в зависимости от объема материала, количества прямых и переносных значений фразеологических единиц, грамматической категории опорного слова. Автор последовательно придерживается таких принципов: материал располагается в соответствии с грамматической структурой сочетания¹⁸ — на первом месте — в р а ж е н и я, за ними — фразеологические обороты, в конце словарной статьи помещены ф р а з ы; прямые значения оборотов приводятся перед переносными; каждое сочетание или каждое новое значение и употребление фразеологизма отделено от предыдущего порядковым номером, выделенным жирным шрифтом. В случаях, когда автор считает необходимым особо акцентировать различные значения многозначных слов, сочетания отделены друг от друга не только порядковым номером, но и большой точкой (см. статьи: *grzbiet, klucz, pensja* и др.).

Следует отметить, что в отдельных случаях (правда, довольно редких) наблюдаются и некоторые несоответствия в подаче материала. Вот несколько примеров. На стр. 83 под № 1 даны выражения: *akcent dynamiczny, gramatyczny, toniczny*, а под № 2: *akcent główny, poboczny, swobodny, ruchomy* и т. д., тогда как в других словарных статьях подобные сочетания даются обычно под одним номером (см. следующие за этим примером статьи: *akcja, akrobacja, aktor* и др.). На стр. 349 (статья *kosz 1*) под № 15 даны обороты: *być, zoszać, osiąść, sięść na koszu*, а оборот *zozwać kogo na koszu*, который следовало, по нашему мнению, поместить рядом, находится почему-то под № 20. Вызывает сомнение порядок размещения материала в статье *dusza* (стр. 194, № 27 и 50), в статье *akt* (стр. 83, сочетания под № 4 и 8, 9 и 11) и некот. др.

¹⁷ Следует отметить, что в тех случаях, когда опорное слово словарной статьи является устаревшим, целесообразно было бы, на наш взгляд, привести соответствующий лексический эквивалент или дать его толкование (имеются в виду статьи типа: *basatyki, basarunek, blansz*).

¹⁸ Выражения — это сочетания, компоненты которых имеют именной характер; обороты — сочетания, в составе которых имеется глагольный компонент; фразы — сочетания с вербальным компонентом, соответствующие простому предложению.

В ряде случаев нет необходимого единообразия в подаче послышного¹⁹ материала: а) однотипные обороты классифицируются иногда совершенно по-разному. Например, сочетание *dba o to jak o jutro w lecie* Ст. Скорупка помещает после пометы «*przysł.*» (пословица, послышный оборот), а однотипная компаративная единица *dba o co jak pies o piątą nogę* расположена среди фразеологизмов других структур (стр. 166, 674); вместе с тем наблюдаются случаи, когда одни и те же фразеологизмы в одной из словарных статей приводятся после пометы «*przysł.*» (т. е. в конце словарной статьи), а в другой — в середине статьи и без соответствующей пометы. См., например, сочетания: *każdy ma swego mola, co go gryzie* (стр. 268, 322), *na dwoje babka wróży* (стр. 92, 196).

Материал словаря дает полное представление о богатстве польской фразеологической синонимии. Синонимичные фразеологизмы (в количестве нескольких примеров) приводятся во многих²⁰ словарных статьях (часто с пометой «*фр.*» = «ср.»)²¹. Например: *frant kuty na cztery nogi, szpakami karmiony; gadać ni w pięć ni w dziewięć, ni to ni owo, trzy po trzy; szyc komu buty. por. dotki pod kim kopać, stołka komu przystawić*. Ст. Скорупка не приводит в одной словарной статье весь синонимический ряд, по-видимому, в связи с тем, что это задача специального словаря синонимов²². В то же время материал SFJP дает возможность выделить очень богатые синонимические ряды²³ (см., например, фразеологизмы с общим значением «умереть», быть в нетрезвом состоянии», «сойти с ума» и мн. др.). Для примера приведем ряд фразеологизмов с общим значением «обмануть». Ср.: *robić z*

¹⁹ Термин «*przysłowie*» в исследованиях многих польских ученых включает как понятие «пословица», так и понятие «поговорка». В одной из работ Ст. Скорупки («*Z zagadnień frazeologii*», в кн. «*Sprawozdania z Posiedzeń Komisji językowej Warsz. t-wa naukowego*», I, 4, 1952, стр. 160) эти понятия разграничиваются.

²⁰ Антонимичные сочетания приводятся в одной статье редко. Например: *ukochać się jak para gołabków, kochać się jak pies z kotem* (стр. 332).

²¹ Синонимичные пословицы в одной словарной статье приводятся значительно реже (например: *Na bezrybiu i rak ryba. Lepszy rydz, niż nic*).

²² Ст. Скорупка является автором известного словаря лексических синонимов («*Słownik wyrazów bliskoznacznych*», Warszawa, 1957).

²³ Фразеологическая синонимия чрезвычайно богато представлена уже и в сборнике С. Адальберга, который уступает, однако, SFJP по степени охвата материала. Во всех остальных сборниках богатые синонимичные ряды единичны.

kogo balona, wystrychnąć kogo na błazna, na dudka; brać na kawał, na fis, na fundusz, na tapę, na lep, na plewy; golić bez brzytwy, nabić kogo w butelkę, posłać kogo na derkacz, pokazać dudka na kościele, zażyć z małki, zająć, podejść z małki.

Автор SFJP уделяет много внимания вопросу вариативности фразеологизмов. Вариативные формы (закрепленные узусом и литературной нормой, а не окказиональные образования) приводятся, как правило, в пределах одной словарной статьи. Одним из частных случаев проявления вариативности является наличие в составе фразеологизма факультативных членов, которые приводятся в скобках. Различия между вариантами фразеологизма и его факультативными компонентами следовало как-то отразить в самой структуре словарной статьи.

В SFJP есть указания на некоторые грамматические формы фразеологизма: так, отмечаются особенности синтаксической сочетаемости глагольных компонентов, управление и форма имен прилагательных, управление и число существительных. Словарь отражает особенности сочетаемости фразеологизма с другими членами предложения, точнее говоря, с ближайшим контекстом, например: *przerobić kogo na własne kopyto, dać sobie a. czemuś folgę.*

Нормативный характер SFJP сказывается и в том, что автор в целом ряде случаев предостерегает от неправильного употребления того или иного сочетания.

Неясно только, почему в одних случаях неправильные формы приводятся на первом месте (это представляется нам ошибочным), в других на втором.

Употребление фразеологизмов в речи иллюстрируется цитатами, однако перегруженности цитатами не наблюдается: фразеологизм (или отдельные его значения) иллюстрируется, как правило, одним примером.

Словарь отличается хорошим внешним оформлением. Несмотря на мелкий шрифт (что является, по нашему мнению, известным типографским недостатком книги), материал обзревается довольно легко. Этому способствует умелый подбор шрифтов, разнообразная система типографских знаков, небольшие, но достаточно заметные интервалы между отдельными словарными статьями. Необходимо отметить безукоризненную издательскую работу — опечатки носят чрезвычайно редкий характер. Укажем на некоторые из них. См.: *bielizna jegerowska* вместо *bielizna jeđerowska* (стр. 102), *narciarstwo* вместо *w narciarstwie* (стр. 115), *partii komunistycznych* вместо *partii lub partyj komunistycznych* (стр. 168), *grać nie może* вместо *grać może* (стр. 192), *o obraz* вместо *a obraz* (стр. 202), *mieć inklinację* вместо *mieć inklinację* (стр. 289), *na ślubnym kobiercu* вместо *na ślubnym kobiercu* (стр. 331).

Л. И. Ройзензон, К. М. Гюлумянц

«Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони Тартибидҳанда М. Фозилов, ҷ. I — 1963, Нашрияти «Ирфон», Душанбе.

Специальный фразеологический словарь (в современном понимании этого термина) в Таджикистане создан впервые за всю историю развития таджикского языка. Ко времени его издания — к 1963—1964 гг. — не существовало ни одного словаря подобного типа ни в одной из наших национальных республик¹. Рецензируемый словарь является также первым опытом создания фразеологического словаря в семье иранских языков — персидские словари² разговорного язы-

¹ Словарь русских фразеологизмов опубликован несколько лет спустя: «Фразеологический словарь русского языка», сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров, под ред. А. И. Молоткова, М., 1967.

² Ам и ни Ам и р Го л ли, Фәрһанг-е ăвам, Тегеран, 1960; Дж а м а л-З а д-е М у х а м е д А л и, Фәрһанг-е лоғат-е ăмийан, Тегеран, 1963. Вышедший

хозиран тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)», V — XVI + 952 стр., ҷ. II — 1964, 804 стр.

ка, включающие также и фразеологизмы, пословицы и поговорки, в точном смысле слова все же не являются фразеологическими словарями. Поэтому «Словарь» М. Ф. Фазылова как с точки зрения лексикографической практики, так и с точки зрения теоретических проблем фразеологии представляет интерес не только для таджиковедов.

Материалом для рецензируемого «Словаря» послужила художественная литература, фольклорные образцы и пресса советского периода (см. приложение ко II тому, стр. 680—683).

Предисловие к словарю «Предисловие» (стр. V—XVI) является как бы его теоретической основой. Следует отметить,

в 1963 г. в Праге Словарь персидских выражений М. Шаки («Эстелат-е фарси») точнее было бы считать одним из видов разговорников, содержащих и некоторые устойчивые формулы.

что автор-составитель при работе над словарем опирался на исследования советских ученых по теории фразеологии (В. В. Виноградова, С. И. Ожегова и др.) и на опыт прежних персидско-таджикских и современных таджикских словарей, а также двуязычных фразеологических словарей западноевропейских языков, которые имелись к тому времени³ (см. т. II, стр. 679). В словаре делается первая попытка сгруппировать структурные разновидности таджикских фразеологических единиц. Можно соглашаться или спорить с некоторыми положениями составителя, но нельзя не отдать должное первой в таджикской лингвистической литературе попытке взглянуть сквозь призму материалов таджикского языка на спорные вопросы фразеологии (например, ее объем и границы), отметить особенности таджикских фразеологических единиц, связывая все это с потребностями лексикографической практики.

Главной целью словаря является толкование значений устойчивых выражений (стр. VIII). Наряду с разного рода фразеологическими единицами (*хун хурдан* «страдать; мучиться»; *хаёли хом* «пллюзия»; *аз сад гулаш як гулаш нашукӯфтааст* «у него все впереди») составитель включил в «Словарь» также пословицы и поговорки.

Такое понимание объема фразеологии позволило ему при определении разновидностей фразеологических единиц выделить в качестве самостоятельных (стр. XIII) не только пословицы и поговорки (*девор муш дорад, муш гӯш дорад* «в стене — мыши, у мышей — уши»), но и мудрые изречения и нравоучения (*тири аз камон часта боз гашта намеояд* «вылетевшая из лука стрела не возвращается»), формулы пожеланий, клятв, брани (*афташ хушк шавад* «чтоб он пропал»).

Однако вряд ли есть основания для такого решительного выделения этих трех групп в качестве самостоятельных среди предлагаемых составителем разновидностей фразеологических единиц. По крайней мере, их можно было бы свести к одной группе, так как пословицы и поговорки, мудрые изречения и некоторые формулы пожеланий по сути дела существенно друг от друга не отличаются, если не считать некоторых функциональных отличий и семантико-стилистических оттенков этих жанровых разновидностей выразительных средств таджикского языка. К тому же материал этих групп в таджикском языке должен быть подвергнут предварительному специальному лингвистическому анализу для установления единиц фразеологического характера. Ведь только устойчивости и метафоричности, разумеется, еще не достаточ-

но, чтобы пословица считалась фразеологизмом. Нельзя не учитывать внутренних структурных особенностей выражения в целом и отдельных его компонентов. Так, таджикская поговорка *обу ободой* (I, 749, № 38) «где вода, там жизнь» чрезвычайно близка фразеологическим единицам, чего нельзя сказать о многих других изречениях пословичного типа, которые представлены в словаре и которые целесообразнее включать в специальные сборники.

Составление таджикского словаря подобного типа в начале 60-х годов в значительной мере осложнялось тем, что многие общетеоретические проблемы фразеологии и подачи ее в специальных словарях не были решены в достаточной степени, тем более для фразеологии таджикского языка. Поэтому в процессе работы составителю пришлось преодолевать трудности не только практического, но и теоретического порядка.

Нельзя не согласиться с мнением М. Ф. Фазылова, что в таджикской фразеологии отразилась объективная реальность жизни таджикского народа (его история, культура и быт, язык и мышление) (стр. VII), хотя в то же время фразеология таджикского языка, обладая своей спецификой, имеет много общего с фразеологией других иранских языков, особенно персидского (стр. VII—VIII). К сожалению, последнее положение осталось не раскрытым в «Предисловии».

Читатель, однако, не получает ответа на вопрос, что именно характеризует устойчивые выражения таджикского языка как фразеологизмы. Нет объяснения, например, чем отличается фразеологическое связанное словосочетание *чашми танг* «скудность» от свободных *чашми сибх* «черный(ые) глаз(а)», *чашми танг* «узкий(ие) глаз(а)». Устойчивость и метафоричность, как известно, считаются признаками фразеологизмов. Названное же фразеологическое словосочетание отличается еще своей идиоматичностью и способностью воспроизводиться как готовая единица языка. Кроме того, оно уже не обладает в полной мере теми внутренними лексико-синтаксическими связями, в частности — связями определения и определяемого, которые свойственны свободным словосочетаниям. Утрата в разной степени прежних семантико-синтаксических отношений между компонентами словосочетания, лексическая значимость которых в составе оборота ослаблена или сведена на нет, — это один из таких факторов, которые способны «отодвинуть» словосочетание в разряд идиом.

Что касается классификации, предложенной М. Ф. Фазыловым в качестве «первой попытки сгруппировать» фразеологические обороты (т. I, стр. XIV), то она не получила желаемой стройности и определенности ввиду того, что в основе

³ «Англо-русский фразеологический словарь», М., 1955; «Немецко-русский фразеологический словарь», М., 1956.

ее наблюдается смещение различных структурных признаков; и тип синтаксической связи (нафетные, предложные и т. п. обороты), и принадлежность стержневого слова к той или иной части речи (именные, глагольные, причастно-депричастные и т. п. обороты), и даже литературоведческий подход к пословицам и другим изречениям. В результате в ряде случаев структурно однородные фразеологические единицы попадают в разные группы (например, *рози сафед* — в восьмую, а *чаши танг* — в четвертую). В одной группе с повторами (пятая) оказались и наречное сочетание копулятивного типа *каму беш* «более или менее»; немного, и глагольный оборот *овоэю дарвоза кардан* «распространять известия, слухи», которые вряд ли являются повторами. Все это объясняется тем, что структурные особенности повторов в таджикском языке еще недостаточно изучены. Поэтому не учтен и тот факт, что многие повторы представляют собой сложные слова, а не фразеологизмы; например, *натти-сатти* «всякая мелочь», включенное составителем в группу фразеологических повторов, и повтор *рафта-рафта* «спешенно», отнесенный в группу причастно-депричастных фразеологических оборотов.

Естественно, что первый специальный словарь не мог охватить всю фразеологию. М. Ф. Фазылов стремился отобразить в основном ту часть фразеологического фонда таджикского языка, которая, обладая образностью, входит в арсенал его выразительных средств. Это, например, такие яркие и меткие, веками шлифованные выражения, многие из которых до этого не фиксировались в словарях: *нони касе ба раван гутид* (I, 717) «как сыр в масле катается», буквально «чей-л. хлеб утонул в масле»; *аз лой ҳалво соғтан* (I, 600) «мошеничать», буквально «делать халву из грязи»; *лабҳо наси ғӯш* (I, 590) «рот до ушей» — о радостной улыбке, буквально «губы за ушами»; *ду даст дар биш* (I, 420) «ни с чем; с носом», буквально «обе руки на носу»; *пушти ману табари қасоб* (I, 867) «равнодушно, не обращая внимания», буквально «спина моя, да топор мясника»; *ту дидӣ, маҷ надидам* (II, 204) «как рукой снимет», буквально «ты выдал — я не выдал»; *чони ширии* (II, 669) «любимый; дорогой», буквально «сладкая душа».

В словарь попали и некоторые единицы языка, на наш взгляд, не являющиеся фразеологизмами. Например, свободные словосочетания, в которых одно из слов реализует свое переносное значение (*сузани бе парда* «откровенное слово» — II, 120; *қилиқи хуниук* «дурная манера» — II, 550), или сложные слова (*ҷиркидандонхӯр* «скупец» — II, 405; *хунишавушӯр* «жадого» — II, 343; в Словаре дано раздельное написание); см. также выше слова-повторы. Внесены в словарь и некоторые двучленные неидiomатичные

глаголы: *адо кардан* (I, 8) «исполнять»; *дилтанг шудан* (I, 408) «печалиться»; *сағти кардан* (II, 94) «скушиться». Дело в том, что в таджикском языке сравнительно легко определить отношение к фразеологии многочисленных устойчивых двучленных оборотов (*аз лой ҳалво соғтан*). Не так просто обстоит дело с двучленными фразеологическими глагольными оборотами: здесь требуются определенные критерии для отграничения их от специфической для таджикского и других иранских языков категории сложно-именных глаголов типа *адо кардан*. В частности, не следует относить к разряду глагольных фразеологизмов такие двучленные образования, в которых именная часть, выраженная полнозначным словом (адо «исполнение», *дилтанг* «печальный, грустный»), является носителем смыслового содержания сложного глагола, а глагольная часть, утратив свое лексическое (вещественное) значение, выполняет лишь функцию вспомогательного глагола-модификатора (особенно *кардан* «делать» и *шудан* «становиться»).

Все эти неточности, допущенные в словаре, отразили нерешенность таких важных для таджикского языкознания проблем, как соотношение глагольных фразеологизмов и сложных глаголов, фразеологизма и словосочетания, сложного слова, структура повторов и др. Ценность рецензируемого словаря в том и состоит, что его материал способствует решению этих проблем, а также глубокому осмыслению структурно-семантических особенностей таджикских фразеологических единиц, что должно стать основой их типологического изучения.

Касаясь структуры словаря, можно отметить удачные моменты: выделение «буквенных разделов» (совокупность словарных статей, начинающихся на одну и ту же букву) со сквозной нумерацией единиц в пределах каждого раздела, распределение материала по гнездам, стремление представить систему значений оборотов, применение перекрестных ссылок при синонимичных оборотах, фиксирование вариантовных компонентов фразеологизма, иллюстрирование документированными примерами. Удобен и приложенный к II тому индекс с указанием буквенного раздела и номера, под которым фразеологизм значится в словаре (стр. 684—802). Нелишним был бы при индексе арабский ключ.

М. Ф. Фазылов не акцентирует внимания на вопросе об опорном слове оборота. Первое знаменательное слово считается заглавным словом гнезда. Но это не всегда так: например, вряд ли можно считать опорным то слово-компонент, которое легко заменяется вариантом, см. в гнезде *ғўшт* «мясо» оборот *аз ғўшт (пӯст) ғуromaдан* «худеть» (I, стр. 286 № 464). Если же, следуя принципу словаря, обратимся к разделу «II», то в гнез-

де *пӯст* не обнаружим этого оборота, ибо составитель, как правило, не дает вариант фразеологизма самостоятельной статьей (подобные случаи см. еще: т. I — стр. 124 № 296, 479 № 149, 481 № 158, 483 № 167, 574 № 275, 582 № 304, 796 № 1; т. II — стр. 142 № 31, 144 № 43, 145 № 44, 151 № 68, 348 № 403, 353 № 423, 457 № 140 и др.). Приняв принцип подачи по первому знаменательному слову, следовало бы варианты оборотов помещать в соответствующих гнездах со ссылкой на первый вариант.

Вызывает возражение подача оборотов по отыменному предлогу хотя бы уже потому, что он может замещаться вариантами, например, *зори (таги) по кардан* «отпять; поипарать» (I, 479). Не может быть признана правильной также подача фразеологизмов по служебному слову — см. обороты с разделительным союзом *ё...ё* «или ... или» (I, 436—438).

Структура словарной статьи предельно проста: заголовком статьи служит сам фразеологический оборот под порядковым номером буквенного раздела, с вариантными компонентами в круглых скобках, если таковые имеются. Далее следует толкование значений оборота (в том числе и при помощи отсылок), а затем — иллюстративный материал.

Нужно признать, что принятый в словаре принцип иллюстрирования после всех значений (а не вслед за каждым) вызван, несомненно, трудностями первого опыта и создает для читателя известное неудобство. Оно усугубляется и тем, что

перед примерами помещены перечисляющие их арабские цифры с точкой, вовсе не соответствующие значениям оборота, также обозначенным арабскими цифрами с точкой. Лексикографическая техника не допускает, чтобы в словарной статье один и тот же лексикографический знак выполнял две различные функции.

Известно, что фразеологизмы структурно соотносятся со словосочетанием и с предложением. В рецензируемом словаре это нашло свое отражение. Однако многие обороты с глагольным компонентом, структурно соотносящиеся с предложением, представлены в форме инфинитива. Внесение в словарь таких искусственных инфинитивов дает неверное представление о структурном типе оборота. Например, фразеологизмы *ба пӯстии (муртаи) касе кайк даромадан* «места себе не находит» (I, 575) и *номи худро дигар мондан (гардондан)* «не я буду» (I, 715) лучше было бы отразить в словаре так, как они закрепились в языке: в форме предложений с глаголом-сказуемым в 3-м л. ед. числа для первого оборота и в I лице ед. числа — для второго. См. также т. I — стр. 176 № 81, 177 № 82, № 84, 478 № 89, 258 № 419, 383 № 399; т. II — стр. 7 № 8, 274 № 118 и др.

Фразеологический словарь М. Ф. Фазылова — это первый серьезный шаг в новом для таджикской лексикографии направлении и, несомненно, представляет ценность как фундаментальный труд по таджикской фразеологии.

С. В. Хушенова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В КАЛМЫКИИ

Калмыцкий язык относится к числу тех национальных языков СССР, которые еще до Октябрьской революции имели письменную традицию. Благодаря сохранившимся письменным памятникам духовной культуры калмыцкого народа язык калмыков уже к середине XIX века сделался предметом филологических штудий. Наиболее ранний этап в изучении калмыцкого языка связан с именами монголистов А. В. Попова и А. А. Бобровникова¹. В последующий период калмыковедческой деятельностью прославились А. М. Позднеев, В. Котвич, Г. Рамstedт² и др.

После Октябрьской революции в ходе языкового строительства (20—30-е годы) были решены вопросы замены старокалмыцкой письменности, созданной Зая-Пандитой³, новым алфавитом (сначала латинизированным⁴, а затем — алфавитом на русской основе), проводились меры по усовершенствованию графики и орфографии родного языка, создавались учебники и программно-методические пособия для калмыцкой школы. В осуществлении этих важных мероприятий принимали деятельное участие Б. Я. Владимирцов и Б. К. Пашков.

В первые два десятилетия после Октябрьской революции работы в области изучения калмыцкого языка носили в основном прикладной характер; к началу

40-х годов появляются серьезные лингвистические обобщения⁵ и весьма ценные лексикографические труды⁶.

С созданием в 1957 г. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории объем работ по изучению родного языка резко увеличился. В настоящее время лингвистические исследования ведутся не только в секторе языка и диалектологии Калмыцкого НИИЯЛИ при Совете Министров Калмыцкого АССР, но и на кафедре калмыцкого языка Калмыцкого гос. пед. ин-та в г. Элисте. За период с 1957 по 1968 г. в калмыцком языкознании произошел количественный и качественный сдвиг в тематике научных исследований. Разработка актуальных проблем калмыковедения осуществляется в рамках основных разделов науки о языке.

Изучением и описанием звукового строя современного калмыцкого языка занимались Д. А. Павлов и П. Ц. Биткеев⁷. Применение экспериментальных методов звукового анализа позволило авторам получить довольно полное описание фонематической системы калмыцкого языка. Здесь поставлен и разрешен ряд сложных и спорных проблем калмыцкой фонетики (вопрос о фонологической принадлежности исторически долгих гласных, фонематическая интерпретация калмыцких согласных и др.). Работы Д. А. Павлова и П. Ц. Биткеева сыграли важную роль в усовершенствовании и стабилизации орфографии и орфографии калмыцкого языка. П. Ц. Биткеев исходя из закономерностей сочетаемости гласных и согласных фонем сформулировал применительно к

¹ См.: А. Попов, Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847; А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849.

² А. Позднеев, Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах, СПб., 1911; В. Котвич, Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, СПб., 1915; G. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki, 1935.

³ См.: А. Бадмаев, Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа, Элиста, 1968.

⁴ Б. К. Пашков, Новый латинизированный алфавит в Калмыцкой автономной области, сб. «Алфавит Октября», М. — Л., 1934; е го же, Языковое строительство в Калмыкии, «Революция и письменность», сб. № 2, М., 1936.

⁵ Г. Д. Санжеев, Грамматика калмыцкого языка, М. — Л., 1940.

⁶ Б. Б. Басагтов, Русско-калмыцкий словарь, М., 1940; У. К. Илшикин, Терминологический словарь калмыцкого языка, Элиста, 1943 (на калмыц. яз.).

⁷ См.: Д. А. Павлов, Состав и классификация фонем калмыцкого языка, Элиста, 1963; П. Ц. Биткеев, Экспериментальное исследование звукового строя калмыцкого языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1965; е го же, Согласные фонемы калмыцкого языка (на материале экспериментального исследования), Улан-Удэ, 1965.

практике орфографии основные положения о слогах и слогоделении в калмыцком языке. Выяснение природы неясных гласных и установление их фонематической сущности позволило автору разработать проект новой орфографии калмыцкого языка. В работе Д. А. Павлова, представляющей ценность и для сравнительно-исторической монголистики, выявлены, например, специфические особенности исторического развития фонетики калмыцких и вообще ойратских диалектов в отличие от других диалектов монгольских языков. Учебное пособие для вузов «Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика» (Элиста, 1968) Д. А. Павлова построено в описательном плане.

Сектор языка и диалектологии НИИЯЛИ ведет интенсивную работу по обследованию говоров калмыцкого языка. Начиная с 1960 г., почти ежегодно организуются диалектологические экспедиции в различные районы республики. Основываясь на собранном материале, калмыцкие диалектологи сумели выдвинуть научно-обоснованные принципы классификации говоров и подговоров и определить с большой долей вероятности границы этих языковых подразделений⁸. Изучены фонетические и морфологические особенности дербетского и торгутского говоров, легших в основу литературного калмыцкого языка⁹, а также описан говор каракольских (киргизских) калмыков¹⁰. Привлекая к сравнению другие говоры и подговory калмыцкого языка, исследователь пришел к выводу, что говор каракольских калмыков может быть сближен с говором донских калмыков. Дальнейшее изучение этого говора будет иметь важное значение для раскрытия генезиса калмыцкого языка. Описаны также говоры донских (бузава) и оренбургских калмыков¹¹. Сделана попытка осмыслить характерные черты говора уральских калмыков, главным образом, в плане развития фонетической системы калмыцкого языка¹²: в этом говоре сохраняются яв-

ления, присущие калмыцкому языку до создания «тодо бичиг» (ясное письмо) — XVII в., — это сохранение дифтонгов, наличие *ө* в первых слогах. В говоре уральских калмыков отсутствуют фонемы *э*, *һ*, столь характерные для остальных говоров. Ст. науч. согр. Н. Н. Убушаев изучает торгутский говор в историческом освещении. Исследование перечисленных говоров способствует изучению развития фонетической системы современного калмыцкого языка. Сбор и обработка диалектного материала продолжается.

В НИИЯЛИ и на кафедре калмыцкого языка пед. ин-та усиленно разрабатываются различные вопросы грамматики. Доц. У. У. Очиоров написана монография по синтаксису калмыцкого языка, где, в частности, впервые устанавливаются принципы определения придаточных предложений в калмыцком языке и дается их классификация¹³. Д. А. Сусеева обстоятельно проанализировала особенности глагольных словосочетаний калмыцкого языка и наметила несколько структурных типов таких словосочетаний¹⁴. Аналитическим конструкциям и аналитическим формам вида калмыцкого глагола посвящена кандидатская диссертация М. Д. Онджановой. По ее мнению, аналитическое выражение видов глагола в калмыцком языке представляет собой сложную систему, в которой участвуют и лексические и грамматические значения основного и служебного глаголов¹⁵.

В калмыковедческих статьях Б. Х. Тодаевой научному анализу подвергнуты структура калмыцких падежей, а также послелоги калмыцкого языка¹⁶. Обращая внимание на обилие падежных форм в калмыцком языке, исследователь вскрывает их семантику и синтаксические функции в словосочетании и в предложении. Классифицируя калмыцкие послелоги по

[Калмыцк. НИИЯЛИ при Сов. Мин. Калмыцк. АССР], 3, Серия филологич., Элиста, 1964.

¹³ У. У. Очиоров, Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис, Элиста, 1964.

¹⁴ Д. А. Сусеева, Глагольные словосочетания в калмыцком языке. Автореф. канд. диссерт., Элиста, 1964.

¹⁵ М. Д. Онджанова, Об аналитических конструкциях в калмыцком языке, «Вестник Калмыцк. НИИЯЛИ», 2, ч. II, Серия филологии, философии, экономики и культуры, Элиста, 1967; ее же. Аналитические формы вида в калмыцком языке, сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ч. II, Серия филологии, Элиста, 1968.

¹⁶ Б. Х. Тодаева, Значения и функции падежей в калмыцком языке, «Зап. Калмыцк. НИИЯЛИ», 1, Элиста, 1960; ее же. Послелоги в калмыцком языке, «Зап. Калмыцк. НИИЯЛИ», 2, Элиста, 1962.

⁸ А. Ш. Кичиков, Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка, «Уч. зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ, при Сов. Мин. Калмыцк. АССР], 5, Серия филологии, Элиста, 1967.

⁹ Ег о ж е, Дербетский говор, Элиста, 1963.

¹⁰ Ег о ж е, Каракольские калмыки, Элиста, 1968.

¹¹ Ег о ж е, О говоре донских (бузава) калмыков, «Уч. зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ при Сов. Мин. Калмыцк. АССР], 5, Серия филологии, Элиста, 1967; ег о ж е, Об оренбургском говоре калмыцкого языка, «Зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ при Сов. Мин. Калмыцк. АССР], 2, Элиста, 1962.

¹² Д. А. Павлов, Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка, «Зап.

семантическому признаку, Б. Х. Тодаева подчеркнула, что некоторые послелогии выступают не только как средство выражения и уточнения тех или иных грамматических отношений, но и продолжают функционировать как слова с самостоятельными лексическими значениями.

Основные вопросы морфологии кратко освещаются в учебном пособии для вузов — в написанной доц. пн-та Б. Б. Бадмаевым «Грамматике калмыцкого языка» (Элиста, 1966).

Изучением морфологии именных частей речи калмыцкого языка занимается сотрудник НИИЯЛИ А. Л. Каляев¹⁷; он сдал в печать статью «О морфологической структуре качественных прилагательных калмыцкого языка».

В Калмыцком НИИЯЛИ велась работа по проблемам алтаистики, в частности по проблеме взаимоотношений тюркских и монгольских языков. Ц. Д. Номинханов изучил общий для обеих групп языков лексический пласт в 1500 корневых слов¹⁸. Исследования представляют интерес для выяснения истории развития тюркских и монгольских языков и этнолингвистических процессов, происходивших при взаимодействии этих групп языков, и могут быть использованы при составлении этимологических словарей тюркских и монгольских языков. Ц. Д. Номинханов в течение многих лет занимался выяснением общих фонетических закономерностей в тюркских и монгольских языках; им был высказан ряд соображений о развитии долгих гласных и чередованиях согласных в тюркских и монгольских языках¹⁹. В 1966 г. Ц. Д. Номинханов суммировал результаты своих многолетних наблюдений в области этих языков²⁰.

¹⁷ См.: А. Л. Каляев, Об адъективации имен существительных в калмыцком языке, «Вестник института [Калмыцк. НИИЯЛИ]», № 2, ч. II, Серия филологии, философии, экономики и культуры, Элиста, 1967.

¹⁸ Ц. Д. Номинханов, Названия частей тела человека в тюрко-монгольских языках, «Зап. Калмыцк. НИИЯЛИ», 2, Элиста, 1962; е го же, Термины родства в тюрко-монгольских языках, сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», 1, Алма-Ата, 1958.

¹⁹ Ц. Д. Номинханов, К вопросу об общих развитиях долгих гласных в тюркских и монгольских языках, «Зап. Калмыцк. НИИЯЛИ», 3, Серия филологич., Элиста, 1964; е го же, О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках, «Уч. зап. Казахск. ГУ», XIX — Языки литература, Алма-Ата, 1955.

²⁰ Ц. Д. Номинханов, Исследования по тюркским и монгольским языкам, Алма-Ата, 1966.

Начато сравнительное изучение фразеологии монгольских языков. В статьях Г. Ц. Пюрбеева раскрываются особенности фразеологических единиц монгольского языка (бурятского, калмыцкого и собственно монгольского), определяются границы и состав фразеологии данной группы языков, а также рассматриваются вопросы лексикографирования фразеологизмов в национально-русских словарях²¹.

Сотрудники сектора языка ведут исследование по проблеме «Закономерности развития литературного калмыцкого языка», в частности, скоро выйдет в свет монография И. К. Илишкина «Закономерности развития калмыцкого литературного языка в советский период» (10 печ. л.). Значительное расширение общественных функций калмыцкого языка в послеоктябрьский период позволило исследователю сделать вывод о том, что процесс развития калмыцкого языка в советскую эпоху был по существу процессом формирования его в литературный язык калмыцкой социалистической нации.

Изучением закономерностей развития калмыцкого языка занимался Ц. Д. Номинханов²². Им завершена первая часть «Истории калмыцкого языка», в задачу которой входило исследование словарного состава изучаемого языка. В монографии проанализированы многочисленные примеры заимствований из тюркских, арабских, а также из китайского, персидского, тибетского, санскритского и русского языков; большее внимание уделено тюркским элементам как наиболее древним и количественно преобладающим.

В последнее время Калмыцкий НИИЯЛИ широко развернул работу по составлению специальных и общих словарей²³. Д. А. Павловым выпущен первый орфографический словарь калмыцкого языка, включающий не только слова, но и личные имена; в качестве приложения дан свод правил действующей орфографии²⁴. Вышел «Русско-калмыцкий словарь» под ред. И. К. Илишкина (М., 1964); по объ-

²¹ Г. Ц. Пюрбеев, Об особенностях фразеологических единиц монгольских языков, сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ч. II — Серия филологии; е го же, Лексикография монгольских языков и опыт отражения фразеологических единиц в национально-русских словарях, «Вестник института [Калмыцк. НИИЯЛИ]», № 3, Элиста, 1968.

²² Ц. Д. Номинханов, К вопросу развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху, «Зап. Калмыцк. НИИЯЛИ», 3, Серия филологич.

²³ См.: Б. Д. Муниев, К вопросу о калмыцкой лексикографии, сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ч. II, Серия филологич.

²⁴ Д. А. Павлов, Орфографический словарь калмыцкого языка, Элиста, 1960.

ему (75 печ. л.) и уровню лексикографической обработки он намного превосходит предшествующие русско-калмыцкие словари. Осуществлено издание «Краткого словаря общественно-политических терминов калмыцкого языка»²⁵; в нем отражены как термины, которые уже закрепились в литературном языке, так и определенное число еще неустоявшихся терминов. Научная разработка калмыцкой терминологии представлена в статьях И. К. Илшикина и Д. А. Сусеевой²⁶. Подготовлен и сдан в издательство «СЭ» «Школьный русско-калмыцкий словарь» (35 печ. л.), в котором грамматическая характеристика заглавного русского слова дается предельно широко.

Под руководством зав. сектором языка и диалектологии Б. Д. Муниева составляется полный калмыцко-русский словарь — первый, который будет издан в советское время. Работа над словарем закончится в 1969 г. Г. Ц. Пюрбеев заканчивает составление «Краткого калмыцко-русского словаря глагольных фразеологизмов» (5 печ. л.).

За минувшее десятилетие в «Записках» и «Вестнике» НИИЯЛИ опубликовано немало статей по различным вопросам калмыцкого языкознания²⁷.

²⁵ «Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка», составители: Б. Д. Муниев, Д. А. Павлов, Д. П. Педеров, Н. Н. Убушаев, Элиста, 1968.

²⁶ И. К. И л и ш к и н, О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке, «Зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ]», I, Элиста, 1960; Д. А. Сусеева, К вопросу о типах именных словосочетаний в современной калмыцкой терминологии, «Зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ]», 2.

²⁷ См., например: Б. Б. Бадмаев, Категория принадлежности в калмыцком языке, «Зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ]», 2; А. Ш. Кичиков, К вопросу о происхождении имени «Джангар», там же; его же, К вопросу о происхождении слова *калмык*, «Уч. зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ]», 5, Серия филологии, 1967; его же, О происхождении имени *монгол*, там же; Т. А. Бертагаев, Суффикс *-тан*

При Калмыцком НИИЯЛИ в период с 1957 по 1968 г. созывалось несколько языковедческих совещаний и конференций. На них обсуждались дискуссионные вопросы орфографии (такие, как обозначение неясных гласных, правописание заимствованных слов), проблемы истории калмыцкого языка и его дальнейшего развития. Специальная научная конференция (5—7 сентября 1968 г.) была посвящена 320-летию старокалмыцкой письменности («тодо бичиг» (ясное письмо); в ее работе приняли участие известные советские ученые (Г. Д. Санжеев, Б. К. Пашков, И. Я. Златкин, Г. И. Михайлов), а также монгольские специалисты (Х. Лувсанбалдан и С. Лувсанвандан)²⁸.

В настоящее время, сектор языка и диалектологии Калмыцк. НИИЯЛИ совместно с Институтом языкознания АН СССР и Институтом истории, филологии, и философии СО АН приступил к созданию двухтомной нормативной Грамматики современного литературного калмыцкого языка (руководитель — Т. А. Бертагаев).

Усилия калмыцких ученых направлены на решение актуальных и практически важных вопросов калмыковедения. Предстоит углубленная работа по исследованию грамматической и лексической системы калмыцкого языка²⁹.

Г. Ц. Пюрбеев

и его производные в монгольских языках, «Зап. [Калмыцк. НИИЯЛИ]», 3, Серия филологич., 1964; Д. А. Сусеева, Об эпистолярном стиле старокалмыцкого письменного языка, «Филологические вести», I, Элиста, 1968; ее же, О взаимодействии русского и калмыцкого языков (К вопросу о заимствованиях), сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ч. II, Серия филологии.

²⁸ Доклады и сообщения, сделанные участниками конференции, будут опубликованы в специальном сборнике.

²⁹ См.: Т. А. Бертагаев, Калмыцкий язык, сб. «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959, стр. 501.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 18 по 21 сентября 1968 г. в Горьковском гос. пед. институте иностранных языков им. Н. А. Добролюбова проходила II (III) республиканская научная конференция, посвященная теории и практике лингвистического описания разговорной речи. Докладчики из 30 городов прочитали 72 доклада.

Одним из основных теоретических вопросов конференции был вопрос об определении понятия «разговорная речь» (далее — р.р.). В этой связи дискутировались проблемы: 1) место р.р. в дихотомии язык — речь; 2) о системности р.р.; 3) об отношении р.р. к норме, стилю, типу речи и форме языкового общения.

Большинство выступавших квалифицировали р.р. как особую систему (или подсистему) литературного языка [Ю. М. Скребнев (Горький), О. Б. Сиротинина (Саратов), Р. Р. Каспранский (Горький), Б. Н. Головин (Горький) и др.]; в связи с этим предлагалось заменить термин «разговорная речь» термином «разговорный язык». Специально акцентировалась мысль о р.р. как самостоятельной языковой системе с особым набором единиц, со своей парадигматикой и синтагматикой в докладе Е. А. Земской (Москва). В конкретной части доклада эта гипотеза иллюстрировалась на примере специфических номинаций в русской р.р. На факт принципиального различия между кодифицированной и разговорной речью в некоторых языках (чешский, арабский и др.) указал М. Д. Фридман (Житомир). Но высказывалось и сомнение в системности р.р. [в частности, в докладе С. Ф. Занько (Казань)].

Понимание р.р. как периферии в системе литературного языка сформулировал В. Ф. Егоров (Калуга). В секционном докладе Ю. М. Скребнева подчеркивалась необходимость изучения разговорной специфики в чисто языковом плане, так как реализация ее в разговорных текстах не императивна, а лишь потенциальна. О. А. Лаптева (Москва) предложила изучать особенности литературной р.р. методом сравнения с диалектной речью. В центре маркированных для р.р. особенностей находится остаток, получающийся после выделения общих для р.р. и диалектной речи черт, обусловленных их устной формой. Требуется различать анализ р.р. на уровне наблюдения и на уровне конструктов

выдвинул А. Н. Мороховский (Киев).

Об отношении р.р. к норме высказывались следующие взгляды. Норма определяет реализацию системы в разных сферах функционирования языка; литературная норма — это максимально эксплицитная реализация системы, норма же р.р. эллиптическая (Р. Р. Каспранский). С. С. Линский (Кировград) говорил о маркированности лексической нормы письменного типа речи и немаркированности нормы разговорной.

Существенное место на конференции заняла проблема типологии. В исследовании Ю. М. Скребнева «Типологические аналогии в синтаксисе разговорной речи неблизкородственных языков» было установлено три типа межязыковых отношений: специфически разговорные черты одного языка — а) не имеют аналогов или имеют их лишь в некоторых языках, б) являются нейтрально-литературными в другом языке, в) являются разговорными для всех сопоставляемых языков. Автор перечислил ряд синтаксических явлений универсального характера, классифицируя их с точки зрения экспликации и имплицации.

О. Б. Сиротинина высказала взгляд на некоторые разговорные универсалии как на нейтрализацию в р.р. определенных структурных противопоставлений, присущих языкам в письменной форме. Так, интонационные возможности устной речи нейтрализуют структурные различия; безглагольные неполные предложения отмечены в р.р. языков, как допускающих, так и не допускающих безглагольность в письменной форме. В сопоставительном плане были построены доклады Ю. М. Малиновича (Иркутск) о порождающей функции первичных реплик диалога и С. Н. Сираевой (Уфа) о «парных сочетаниях».

Неоднократно поднимался вопрос о месте и характере диалога в р.р. Смысловому и структурному анализу диалога были посвящены доклады Е. М. Розенбаума (Запорожье), Л. М. Михайлова (Абакан), В. А. Ежова (Нижний Тагил), Н. В. Мхиной и И. А. Тихомировой (Горький).

Многообразной была тематика докладов по синтаксису. Г. Г. Ифантова (Таганрог) сделала попытку наметить некоторые общие принципы классификации синтаксических явлений р.р.

К. В. Сизов (Горький) коснулся ряда вопросов построения модели сложноподчиненного предложения р.р.

Другие доклады были посвящены более частным вопросам.

1. Анализ конструкций с незамещенными синтаксическими позициями (неполносоставных, эллиптических) был дан в докладах В. Л. Юхта (Харьков), Л. Траецкой и Л. Н. Александровской (Красноярск), Г. П. Троицкой (Нижний Тагил), Е. Н. Ширяев (Москва) анализировал парадигматические и синтагматические отношения конструкций с нулевыми глаголами-предикатами в русском языке. Проблема нулевого анафорического замещения в английском языке был посвящен доклад Ю. М. Эдельштейна (Рязань).

2. Вопросам синтаксической сочетаемости в р.р. был посвящен доклад В. А. Лебедева (Москва) об обязательной и факультативной сочетаемости в р.р. и доклады о сочетаемости глаголов В. Б. Лебедева (Горький) и Л. А. Львова (Горький).

3. Широко были представлены доклады по статистической обработке материалов р.р. Приводились данные о частотности различных типов предложений английской р.р. (Н. М. Курманбаев, Алма-Ата), вводных элементов в русском и английском языках (Х. Х. Фридман и Е. И. Сингер, Горький), моделей сложноподчиненных предложений в р.р. (Т. Н. Лазарис, Горький), служебных слов в немецкой р.р. в сравнении с научной прозой (Л. Г. Маргинала, Киров), различных элементов газетного текста (О. С. Голомасова, Горький). Статистико-комбинаторный анализ содержался в докладах В. И. Южаковой (Горький) и В. С. Жуковой (Горький).

4. Вопросам коммуникативного (актуального) членения высказывания р.р. были посвящены доклады В. Д. Ившина (Колосна) и И. И. Туранского (Горький).

5. Описание отдельных синтаксических явлений английского языка было сделано в докладах Э. Н. Плеухиной (Горький), И. Г. Сапрыкиной (Горький) (о двучленных субстантивных моделях), Л. М. Щетиной (Ростов-на-Дону) (о выражении определенности/неопределенности) и Е. Н. Шерстовой (Орел) (о соотношении именных и глагольных конструкций в диалоге). О присоединительных конструкциях в немецком языке говорила В. В. Гаврилова (Калининград).

6. Описание устойчивых синтаксических конструкций р.р. содержалось в докладах А. А. Кернер (Кировоград) и Т. А. Снегиревой (Горький). Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) и А. Т. Кукушкина (Горький) анализировали устойчивые формулы вежливости, обращений, приветствий и т. п.

Ряд докладов касался функционирования фразеологизмов в разговорной речи: Л. М. Болдыревой (Москва), А. И. Бурлак (Одесса), Л. О. Коль (Горький), А. М. Эмировой (Самарканд). Стилистической квалификации фразеологизмов был посвящен доклад Т. Ю. Сербул (Сумы).

По лексике были прослушаны доклады С. Б. Берлизон (Рязань) («Экспрессивная лексика в современной английской разговорной речи»), И. М. Деевой (Горький) («К вопросу о некоторых особенностях английского цветообозначения»), Л. С. Абезгауза (Уфа) («Гермины, профессионализм, сленгизмы»). Доклад С. С. Хидекель (Москва) «Структурно-семантические словообразовательные модели в разговорной речи» был посвящен словообразованию.

Различных вопросов лексики и морфологии касались доклады С. Д. Беренева (Свердловск) «Статистика классов слов в речи обиходного и научного стилей в немецком языке», Д. В. Малявина (Запорожье) «Лексический способ выражения модальности р.р.», Я. Г. Биренбаума и И. А. Кузнецовой (Магнитогорск) «О несобственных числительных в английском языке».

В докладе В. Е. Ярнатовской (Горький) о морфологических особенностях р.р. основное место было уделено качественным и статистическим характеристикам употребления трех родов существительных в немецком языке.

На морфологической секции были прочитаны также доклады Г. П. Богуславской (Псков) о грамматических экспрессивных средствах в р.р.; А. П. Воронова (Горький) об обиходной и литературной реализации морфологических вариантов в немецком языке; Ю. П. Зотова (Саранск) о раздельном функционировании аналитических глагольных форм в английской р.р.; В. А. Овсянниковой (Орехово-Зуево) о корреляциях глагольных временных форм в английском сложноподчиненном предложении; Е. С. Пособольской (Орехово-Зуево) о реализации компонентов значения глаголов *can* и *may* в вопросительных предложениях; Г. Л. Морозовой (Горький) о предложных эквивалентах в английской р.р.

Проблема усеченных форм неполнозначных глаголов в английской р.р. объединяет доклады Л. А. Гоксадзе (Тбилиси) и Э. А. Трофимовой (Ростов-на-Дону).

Дискуссию вызвало различие результатов при тождестве объекта исследования в докладах Е. С. Смущкевича (Магнитогорск) и А. И. Литвиненко и А. К. Дельтува (Горький), посвященных функционированию местоимений в английской р.р.

По фонетике были прослушаны лишь два доклада: об изменении в произноше-

нии конечных согласных во французской р.р. (А. С. Дубова я, Горький) и об интонации восходящего завершения в английском языке (Э. А. Нушикийн, Одесса).

Ряд докладов представлял частные исследования стили на материале разговорной речи в произведениях английской, немецкой и французской литературы (А. Б. Кошляк, Уфа; Е. М. Мельниченко, Одесса; О. С. Сапожников, Горький; И. Л. Финкельштейн, Горький).

Оживленное обсуждение вызвали вопросы выбора языкового материала (доклад Р. Р. Каспранского) и техники сбора материала для исследования разговорной речи (доклад О. А. Лантевой). Споры велись о том, в какой мере художественный текст может быть использован в качестве исходного материала при изучении разговорной речи.

Доклад О. А. Лантевой поставил вопрос о положительных и отрицательных моментах ручной и магнитофонной записи и о соотношении этих методов при сборе материалов р.р. В прениях М. А. Балабан (Орехово-Зуево) обратил внимание на то, что по степени объективности эти методы не равноценны, так как ручные записи представляют собой не просто фиксацию, но и первичную обработку материала.

Работа конференции отражена в сборнике тезисов «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (Горький, 1968). Там же содержатся материалы не названных здесь докладов по методике преподавания иностранных языков.

Г. А. Баранова, Е. В. Красильникова,
Е. Н. Ширяев (Москва)

*

С 23 по 25 сентября 1968 г. в г. Тарту состоялась очередная Третья диалектологическая конференция по изучению русских старожильческих говоров Прибалтики. В конференции приняли участие представители Прибалтики, а также Института русского языка АН СССР, АН БССР, УССР и ряда университетов и пед. институтов.

Было прослушано 34 доклада, касающихся вопросов изучения русских говоров Прибалтики, составления общеславянского лингвистического атласа, явлений полилингвизма, языковых контактов и др.; большинство докладов вызвало живой обмен мнениями.

Теории вопросов полилингвизма и межязыковых контактов были посвящены доклады П. А. Аристе (Тарту) «Проблемы трилингвизма» и Ю. А. Парбуса (Тарту) «О специфике взаимодейст-

вия литературного языка и народных говоров». В ряде других докладов эти проблемы затрагивались попутно.

Вопросы Общеславянского лингвистического атласа рассматривались в докладах Р. И. Аванесова (Москва) «Проблематика и состояние работы над ОЛА», Г. П. Бондарук (Москва) «К изучению лексико-семантической группы названий рельефа» и М. Ф. Семеновой (Рига) «Термины родства в русском говоре Вышки». Кроме того, во время конференции было проведено рабочее совещание по текущей работе над ОЛА под руководством В. Ф. Кошовой. После окончания работы конференции проходил семинар под руководством Р. И. Аванесова и В. Ф. Кошовой по фонологическому комментарию к пункту обследования для ОЛА на территории Латвии (Л. И. Немцева и И. Я. Элсберг), Литвы (М. К. Сивицкене) и Эстонии (Т. Ф. Мурникова) и по оформлению картотеки (на материале А. И. Синицы).

Различным вопросам изучения отдельных русских говоров Прибалтики были посвящены следующие доклады: Х. А. Хейтер (Тарту) «Особенности в развитии одного русского говора в иноязычном (эстонском) окружении», где отмечался один из моментов перехода от русского языка к эстонскому, Е. З. Марченко (Вильнюс) «О лексических заимствованиях в русских говорах Литвы», в котором автор привлекал не только современные, но и исторические языковые данные, устанавливая заимствования из белорусского, польского и литовского языков, А. И. Синицы (Даугавпилс) «Лексика, обозначающая состояние человека, в говоре Вышки», В. Эрициса (Тарту) «Из истории изучения русских говоров Эстонии». Все эти доклады были построены на лексическом материале. К ним примыкал интересный для диалектологов доклад этнографа Е. В. Рихтер (Таллин) «О терминах сельскохозяйственных орудий русских западного Причудья».

Вопросам морфологии и синтаксиса русских говоров Прибалтики были посвящены доклады М. К. Сивицкене (Вильнюс) «О родовой характеристике имени существительного», В. В. Мюркхейн (Таллин) «Система склонения в русском говоре Мехокоорма», А. П. Непокупного (Киев) «Экспрессивные деантропонимические прилагательные типа *тимковатый* в русских говорах Литвы», В. Н. Немченко (Горький) «О нулевой суффиксации в системе образования имен прилагательных в русских говорах Прибалтики», О. Н. Шулене (Вильнюс) «О конструкции с союзными словами *который, что, где* в русских говорах Литвы». В основу докладов был положен фактический материал, собранный авторами; привлекались и данные соседних языков.

На конференции были прослушаны доклады специалистов по латышской диалектологии: А. С. Р е к е н я (Лиепая) «Славянские элементы в латышском говоре Калупе» и Б. А. Л а у м а н е (Рига) «Профессиональная лексика рыбаков на территории от Чудского озера до Литовской Игналин». В первом из них освещался вопрос о языке-посреднике при заимствованиях, во втором был охарактеризован широкий разноязычный ареал данной терминологической группы лексики и пути заимствования и миграции терминов.

Значительный интерес представляли доклады, связанные с диалектными особенностями территорий, непосредственно примыкающих к Прибалтике, Белоруссии (Н. Т. В о й т о в и ч (Минск) «Ударный вокализм русских говоров на Гомельщине»; А. Ф. М а н а е н к о в а (Минск) «О русско-белорусской лексической общности») и Псковской области (С. М. Г л у с к и н а (Псков) «О различных типах чередований в русском языке», Н. Д. С и д о р е н с к а я (Великие Луки) «Некоторые особенности в структуре и семантике неличных местоимений в псковских говорах»).

С большим интересом были прослушаны обобщающие доклады, характеризующие явления, широко распространенные в русских говорах и бытующие также в Прибалтике (И. Б. К у з ь м и н а (Москва) «Предикативное употребление отрицательных форм в русских говорах», Е. В. Н е м ч е н к о (Москва) «Непредикативное употребление отрицательных форм в русских говорах»). Рассматриваемые в докладах явления тесно примыкают к аналогичным употреблениям в балтийских и финских языках, образуя один сплошной ареал.

Вопрос изучения русских переселенческих говоров на нерусской территории был рассмотрен в докладе В. И. С т о л б у н о в о й (Черновцы) «Общее и частное в развитии "островных" близкородственных говоров».

В ряде докладов были представлены наблюдения над отдельными явлениями говоров других русских территорий. Сюда относится доклад Г. Я. С и м и н о й (Ленинград) «Указательные частицы в словообразовательной системе диалекта», а также целый комплекс докладов диалектологов из Воронежского университета (исторически тесно связанного с Таргумским университетом) — В. И. С о б и н и н к о в о й (Воронеж) «Некоторые архаические конструкции в современных говорах», К. И. П о п о в о й (Воронеж) «Словообразовательные элементы говора», В. И. Х и т р о в о й (Воронеж) «Диалектная лексика современных воронежских говоров и ее отношение к лексике воронежских документов XVII в.», К. М. Ф е т с о в о й (Воронеж) «Некоторые наблюдения над иноязычной лек-

сикой» и И. К. З а й ц е в о й (Воронеж) «Некоторые наблюдения над диалектной лексикой одного из воронежских говоров». За пределы тематики конференции вышло сообщение В. А. С е н к е в и ч - Г у д к о в о й (Петрозаводск) «О структуре саамского языка».

На конференции была принята резолюция, намечающая план дальнейшей работы по изучению русских старожильческих говоров Прибалтики — проведению комплексных исследований и изучению ряда актуальных для данной территории проблем. Отмечалась необходимость усиления контактов с представителями смежных наук — историками, археологами, этнографами, фольклористами.

М. Ф. Семенова (Рига)

*

В Днепропетровском университете с 24 по 26 сентября 1968 г. проходила конференция по семантике, посвященная пятидесятилетию Днепропетровского университета. На заседании секций «Общие вопросы семантики», «Лексикология», «Фразеология», «Морфология» и «Синтаксис» доклады и сообщения представили ученые 27 вузов из 21 города. Здесь были лингвисты, литературоведы, философы, логики, физики, математики. Всего было прослушано и обсуждено 63 темы из 105 опубликованных в тезисах. Такого представительного форума семантиков, по-видимому, еще не было в нашей стране.

Конференцию открыл декан историко-филологического факультета проф. Ф. С. П а в л о в, который в своем выступлении подчеркнул исключительную плодотворность организованного обсуждения проблем семантики. Университет в связи с его пятидесятилетием приветствовали известные ученые.

Пленарное заседание началось с доклада Т. П. Л о м т е в а (Москва) «Проблема знака и значения в применении к предложению», в котором он критически охарактеризовал традиционную, субъективно-предикативную систему представления структуры содержания предложения и привлек внимание к новой системе, которую он называет системой с отношениями. В последней различаются структуры с прямым отношением предметов и обратным, симметричным и несимметричным, несомещенным и совмещенным.

Н. Д. А н д р е е в (Ленинград) в докладе «Структурно-статистический анализ соотношений между планом выражения и планом содержания на различных уровнях языка», исходя из признания системы речи, отметил, что в отличие от системы языка систему речи характеризуют, в частности, дифференциальные ВД-признаки, которые определяют группу

элементов на парадигматической оси и реализуются с устойчивой вероятностью на синтагматической оси.

Доц. А. Г. Волков (Москва) не согласился с положением о том, что семантика — наука со своим объектом, методами и задачами. Содержа весь общественно-значимый опыт, она не может быть лингвистически интерпретирована, так как целиком подлежит компетенции иных наук.

Доклады на секциях ставили и в какой-то мере решали многие важные проблемы семантики. Вопросы порождающего моделирования семантики рассматривались в интересном докладе Л. Н. Засориной (Ленинград), которая предложила построить порождающую модель локативных предложений, синтезирующую высказывание по четырехъярусной системе; в докладе А. А. Хадовой-Быковой и М. А. Черкасского (Москва) «Трехступенчатая модель порождения функционом» речь шла о новой стратиграфии уровней предчечового и речевого мышления. Сложные теоретические вопросы изучения семантического поля, лексического значения слов и терминов (в их функционировании) ставились в докладах Г. П. Дишканта (Днепропетровск) «Семантические поля в языке физики», С. И. Кордона (Днепропетровск) «К проблеме определения значения нормативных операторов», Н. Г. Рядченко (Одесса) «Внутренняя форма слова и семантика», В. М. Овчаренко (Харьков) «Значение и семантическая целостность языковых единиц», М. П. Алексеева (Ленинград) «К вопросу о вероятностно-семантическом характере полисемии».

Интересные наблюдения над историей и функционированием отдельных слов в разных этно-глоттогонических условиях были представлены в докладах М. Ю. Тихоновой (Самарканд) «Лексико-семантическая группа слов, выражающих понятие „много“ в русском языке», Н. И. Бездорядко (Днепропетровск) «Неологизмы в латинских трактатах XVII в. и их семантика». Выступили также с докладами Ф. М. Белецкий (Днепропетровск) «О термине юмор» и В. А. Шадура (Днепропетровск) «Семантические процессы в словах и морфемах пригородного говора».

Современные сложные процессы взаимодействия лексико-семантических систем восточнославянских языков (на материале групп слов или терминов) раскрывали в докладах В. В. Ильенко (Днепропетровск) «Семантические оформление собственных имен во множественном числе в русском и украинском языках», И. А. Журба (Николаев) «К вопросу о лексико-семантических изменениях в восточнославянских языках в советскую эпоху» (на материале общественно-политической лексики), И. К. Мар-

ковский (Николаев) «Лексико-семантические изменения в русском, украинском и белорусском языках в советскую эпоху» (на материале спортивной терминологии).

Проблемам ограничения семантики как науки от смежных наук, а также истории ее как науки посвятили содержательные доклады Д. Х. Баранник (Днепропетровск) «О предмете семасиологии», в котором предлагается расширить семасиологию за счет новых материалов лексики, морфологии и синтаксиса, А. В. Майборода (Нежин) «Наблюдения над семантикой слов».

Ряд докладов явился иллюстрацией того положения, что лингвистические исследования становятся сейчас ареной приложения средств математики и логики, в которых все шире и шире применяются экспериментальные методы и которые вступают во все более непосредственную связь с социологией, психологическими исследованиями, с кибернетическими разработками. Это относится к докладам В. Л. Силина (Днепропетровск) «Метод оппозиции и типологии семасиологических профессов», Н. П. Романовой (Новосибирск) «Исследование синонимических пулков методом компонентного анализа», Н. В. Феоктистовой (Ленинград) «Компонентный анализ английских глаголов положения», А. Н. Шиловского (Днепропетровск) «Комбинаторно-конструктивное исследование семантики землевладельческой терминологии в письменности Московской Руси», Е. И. Чупилиной (Ленинград) «Применение контекстологического и дистрибутивного анализа в исследовании многозначности и синонимии», И. И. Меньшикова (Днепропетровск) «Определение семантических связей между компонентами сложного слова при автоматическом анализе немецких текстов», М. И. Акодеса (Николаев) «К вопросу об определении различных (дифференциальных) значений составительной конструкции типа $V^2_{ing} + N^1$ », В. Н. Туркина (Запорожье) «Из истории семантики общественно-политической лексики старорусского языка». Данные доклады вызвали особый интерес у слушателей, так как содержали результаты исследований, полученные с помощью новых, более точных методов и приемов изучения семантики.

Внимание ученых-фразеологов, выступивших на конференции, привлекли в основном три аспекта: 1) классификация фразеологизмов; 2) соотношение семантики фразеологических единиц с другими единицами, 3) семантика компонентов фразеологических единиц.

В докладе «Фразеологические совмещения как специфический тип устойчивых словесных комплексов» Л. И. Ройзензон и И. В. Абрамец (Самарканд), в целом принимая классификацию

фразеологических единиц Виноградова — Шанского, дополняют ее типом так называемых фразеологических совмещений. Н. А. Москаленко (Одесса) в докладе «О семантической классификации фразеологизмов в украинском языкознании» представила сжатый очерк становления фразеологии на Украине как науки. Зависимость структурных признаков фразеологических единиц от семантики отметил М. Т. Демский (Дрогобыч) в докладе «Соотношение семантических и формальных признаков фразеологизмов». Свежие наблюдения представлены в докладах Л. И. Коломоец (Нежин) «Семантика слов и судьба фразем», О. В. Огодевец (Полтава) «О семантических различиях между внешне совпадающими фразеологическими и свободными сочетаниями слов», Л. Ф. Коваленко (Днепропетровск) «Семантическая характеристика прилагательных в фразеологических единицах».

Проблемы семантики структурных частей слова и частей речи рассматривали в докладах: А. Н. Тихонов (Самарканд) «Семантика морфем», углубивший наши представления о том, что не все структурные части слова имеют значение, поэтому не все из них являются аффиксами; Ю. К. Стехи (Днепропетровск) «Нейтрализация семантических различий однокоренных слов в языке русской советской поэзии»; Г. Я. Томилина (Нежин) «Некоторые вопросы изучения семантики собирательных существительных в русском языке»; Л. А. Никольская (Ленинград) «Сопоставительный анализ семантики качественных прилагательных-антонимов»; А. Артемов (Самарканд) «Семантическая соотносительность производных имен прилагательных и производных от них глаголов в современном русском языке»; Б. Н. Шешенин (Днепропетровск) «К вопросу о зависимости полноты словообразовательного ряда прилагательных от их семантики»; Д. Д. Андриева (Ленинград) «Конструктивная иерархия русских частей речи в плане выражения и в плане содержания», установившая новые факты семантической и словообразовательной стратиграфии; Н. А. Коваль (Днепропетровск) «К вопросу о семантике глаголов превращения лица»; В. И. Артюхова (Днепропетровск) «Роль глагола, предлога и существительного в оформлении семантики и синтаксической функции прилагательных предложений»; М. П. Пузакова (Днепропетровск) «К вопросу об автоматическом анализе слов, утративших свое лексическое значение»; В. А. Морскова (Днепропетровск) «Аналитические глагольные конструкции как продуктивный способ выражения модальных отношений, их синонимические связи и различия в современном французском языке»; Ю. Г. Скiba (Черновцы) «Из наблюдений над семантико-грамматиче-

скими функциями производных частей в современном русском языке»; П. А. Шевелева (Одесса) «Автономия морфемного членения в плане выражения», которой удалось построить модель склонения прилагательных немецкого языка, оставаясь в рамках плана выражения.

На секции синтаксиса были рассмотрены и обсуждены проблемы по уровням: семантика предложения, семантика словосочетания, семантика членов предложения. Содержательными были доклады П. В. Чеснокова (Таганрог) «Семантические особенности сложных предложений», А. Т. Сизько (Днепропетровск) «Структурно-семантические, эстетические особенности эллиптических предложений и их типы». Новые методы внедряли в своих докладах Т. А. Грязикина (Киев) «Исследование семантических отношений между компонентами словосочетаний с помощью трансформационного анализа», Э. В. Воробьева (Ленинград) «Компонентно-комбинаторный подход к локативным конструкциям с синонимическими предложениями «между — среди»», Э. А. Гуляева (Днепропетровск) «Коммуникативно-функциональная обусловленность семантики предложения в современном французском языке».

С докладами, построенными в традиционном плане, выступили И. К. Чапля (Нежин) «Семантические функции и нормативность словосочетаний украинского языка», который очень интересно интерпретировал многие факты, А. С. Бровка (Запорожье) «Контекстуально-смысловые предпосылки разграничения приложения и определяемого слова», Л. Б. Юшина (Днепропетровск) «О семантике некоторых английских беспредложных словосочетаний».

Доклады Г. П. Дешканта, Л. Н. Засориной, Д. Х. Баранника, С. И. Кордона, В. М. Овчаренко, А. А. Хадеевой-Быковой, Н. П. Романовой, А. Н. Тихоновой, Р. Н. Артемова (Минск), И. А. Журбы, И. К. Марковского, Л. И. Ройзензона, И. В. Абрамца, Н. А. Москаленко, А. Артемова (Самарканд), М. П. Алексеева, М. Ю. Тихоновой и др. активно обсуждались на конференции.

На итоговом пленарном заседании отмечалось, что в большинстве докладов освещались вопросы методологии науки, что доложенные исследования выполнены на уровне современной науки и имеют большое теоретическое значение и практическую ценность.

Конференция приняла развернутое решение, в котором одобрила полезную инициативу кафедры русского языка и лаборатории прикладной лингвистики Днепропетровского ун-та. На случай издания «Материалов конференции» избрана редколлегия. Тезисы конференции решено разослать специалистам по семантике,

не присутствовавшим на конференции, а также зарубежным ученым, интересующимся проблемами семантики, отдельным учреждениям и научным организациям.

*Е. А. Озомуш, В. Н. Туркин,
А. Н. Шиловский (Днепропетровск)*

*

8 декабря 1968 г. состоялось заседание Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, посвященное памяти основателя этого сектора чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева и 70-летию со дня его рождения.

Во вступительном слове Н. А. Баскаков подчеркнул общепризнанные заслуги Н. К. Дмитриева во всех отраслях теоретической тюркологии. Своими грамматическими работами, которые, помимо глубокого проникновения в языковую материю, замечательны структурным подходом к грамматическому строю языка, Н. К. Дмитриев оказал сильнейшее влияние на составление описательных грамматик тюркских языков, а также учебников для национальных школ. Стремясь во всех исследуемых им языковых явлениях наметить перспективу их исторического развития, ученый стал инициатором и активным участником создания первой сравнительной грамматики тюркских языков. Крупнейший специалист в области тюркской лексикологии

и лексикографии, Н. К. Дмитриев был редактором целого ряда двуязычных тюркских словарей. Незаурядный педагог, вырастивший многочисленные кадры тюркологов для национальных республик, ученый сделал немалый вклад в разработку методики преподавания тюркских языков и русского языка в национальной школе.

Н. А. Баскаков рассказал об участии Н. К. Дмитриева в языковом строительстве национальных республик и в частности — о деятельности в ЦК НТА.

Своими воспоминаниями о Н. К. Дмитриеве — человеке, ученом и педагоге — поделились А. А. Коклянова, Н. З. Гаджиева, Г. Ф. Благова, Т. Е. Рыбальченко, С. А. Соколов, Л. С. Левитская, Э. Р. Тенишев. Ученики и слушатели Н. К. Дмитриева рассказали о тех курсах, которые ученый читал в МГУ и ЛГУ («Введение в тюркологию», «Турецкая диалектология», «История турецкого языка», «Сравнительная грамматика тюркских языков», спецкурс «Грамматическое развитие слова», «Туркменский язык», «Фольклор тюрков», «Песенное творчество тюрков» и др.), о той щедрости, с которой их неизменно доброжелательный учитель делился своими знаниями и идеями.

Собравшиеся признали необходимым создание творческой биографии Н. К. Дмитриева.

Г. Ф. Благова

CONTENTS

Articles: V. V. Vinogradov (Moscow). On new investigations on the history of the Russian literary language; St. Stoikov (Sofia). The present state and future tasks of Bulgarian dialectology; **Discussions:** V. N. Čekman (Minsk). On some peculiarities in the development of Byelorussian consonantism; A. I. Domašnev (Leningrad). On features of the national variant of the literary language; M. M. Kopylenko (Alma-Ata). An experiment in the comparative study of phraseological units of the type *consilium dare* in the Slavonic languages; L. I. Roizenson, I. V. Abramec (Samarkand). Combined homonymy in the sphere of phraseology; A. L. Zovtis (Alma-Ata). On ways of rhyming in Russian poetry; **Materials and notes:** V. A. Vinogradov, A. S. Černičenko (Moscow). Phonomorphology of nominal classes in ganda (Iuganda); E. A. Kreinovič (Leningrad). On the study of the Ket language in the Sym region; **From foreign periodicals:** A. Martinet (Paris). Neutralisation and syncretism; **Applied and mathematical linguistics:** A. V. Gladkij (Novosibirsk). On the definition of the notions «case» and «gender» of the noun; **Critics and bibliography;** **Scientific life:** G. C. Purbejev (Moscow). Development of linguistic in Kalmykia.

SOMMAIRE

Articles: V. V. Vinogradov (Moscou). Investigations nouvelles sur l'histoire de la langue russe littéraire; St. Stoikov (Sofia). L'état actuel et tâches ultérieures de dialectologie bulgare; **Discussions:** V. N. Čekman (Minsk). Quelques particularités évolutives du consonantisme byélorusse; A. I. Domašnev (Léningrad). Caractéristique d'une variante nationale de la langue littéraire; M. M. Kopylenko (Alma-Ata). Essai d'une étude comparée des unités phraseologiques du type *consilium dare* dans les langues slaves; L. I. Roizenson, I. V. Abramec (Samarkand). Homonymie combinée dans la sphère phraséologique; A. L. Zovtis (Alma-Ata). Modes de rime dans la poésie russe; **Matériaux et notices:** V. A. Vinogradov, A. S. Černičenko (Moscou). Phonomorphologie des classes nominales en ganda (Iuganda); E. A. Kreinovič (Léningrad). Sur l'étude de la langue ket dans la région de Sym; **Extraits des périodiques étrangères:** A. Martinet (Paris). Neutralisation et syncrétisme; **Linguistique appliquée et mathématique:** A. V. Gladkij (Novosibirsk). Sur la définition des notions «cas» et «genre» du nom; **Critique et bibliographie;** **Vie scientifique:** G. C. Purbejev (Moscou). Développement de linguistique en Kalmoukie.

Технический редактор Васильева Н. И.

Сдано в набор 30 XII—1968 г. Т-03870 Подписано к печати 12/III—1969 г. Тираж 6750 экз.
Зак. 1555 Формат бумаги 70×103^{1/16} Усл. печ. л. 14,7 Бум. л. 5^{1/4} Уч.-изд. л. 17,0

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10